

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Российская ИСТОРИЯ

В номере:

Переяславское княжество в X–XIII вв.

Экономическое положение России после Смутного времени

Торговые дела в купеческой переписке XVIII–XIX вв.

Реформы и продовольственное дело в начале XX в.

*Историки «старой школы» и «красная профессура»
в 1920–1930-е гг.*

Новые документы об Алихане Букейханове

*Международные отношения XX в. в современных
интерпретациях зарубежных исследователей*

*США и советско-чехословацкие отношения
в годы Великой Отечественной войны*

Внешняя политика России в 1990-е гг.

Основан
в марте
1957 года

Выходит
6 раз
в год

МОСКВА
НАУКА

4

июль
август
2017

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

И.А. Христофоров

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

**В.В. Алексеев, В.Ю. Афиани, Б.В. Базаров, Т.М. Горяева,
Д. Дальманн, М. Дэвид-Фокс, А.Е. Иванов, С.П. Карпов, С.М. Каштанов,
А.П. Корелин, Г.А. Куманев, Д. Ливен, А.К. Левыкин, С.В. Мироненко,
Ю.С. Пивоваров, Р.Г. Пихоя, В.Н. Плешков, Г.А. Санин,
Д. Свак, А.К. Сорокин, В.А. Тишков, С.В. Тютюкин**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

**О.Г. Агеева, О.В. Будницкий, В.П. Булдаков, М.Г. Вандалковская, П.Г. Гайдуков,
А.В. Голубев, В. Дённингхаус, Е.В. Добычина, С.В. Журавлев, В.Н. Захаров,
В.В. Зверев, Е.Ю. Зубкова, В.А. Кучкин, Д.В. Лисейцев, Е.А. Мельникова,
Л.В. Мельникова, А.В. Мамонов (*зам. главного редактора*), Ю.А. Петров,
Е.И. Пивовар, Н.М. Рогожин, В.В. Трепавлов, В.В. Шелохаев, П.Ю. Уваров,
О.В. Хлевнюк, А.В. Юрасов**

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

М.А. Новикова

Адрес редакции:

117036 Москва В-36, ул. Дм. Ульянова, 19. Тел. 8-499 723-69-10; 8-499 723-69-41
Электронная почта: otech_ist@mail.ru; otech_ist1@mail.ru

Переяславль и Переяславское княжество в X — первой трети XIII в.

Владимир Кучкин

Pereiaslavl' and the Principality of Pereiaslavl' in the 10th — early 13th centuries

*Vladimir Kuchkin (Institute of Russian History, Russian Academy
of Sciences, Moscow)*

Об основании на р. Трубеже, левом притоке Днепра, города Переяславля древнерусские летописи сохранили подробный рассказ. Этот рассказ впервые появился в составленной в начале XII в. Повести Временных лет. Согласно летописному повествованию, в 993 г. княживший в Киеве Владимир Святославич узнал, что на него от р. Сулы по левому берегу Днепра движется печенежская рать. Владимир собрал дружину, переправился через Днепр и на берегах Трубежа встретил кочевников. Ни печенеги, ни русские не решились переходить реку. Тогда к берегу подъехал печенежский князь, вызвал Владимира и предложил провести поединок между печенежским и русским богатырями. «Аще твой муж оударить моимъ, да не воюемъ за три лѣта, аще ли нашъ мужъ оударить, да воюемъ за три лѣта», — предупредил он¹. Владимир согласился. Печенеги почти сразу же нашли громадного и свирепого воина. У русских же поиски не ладилась. И тогда ко князю Владимиру обратился старый воин, который с четырьмя сыновьями оказался в полку Владимира. Он сказал, что оставил дома младшего сына, которого с детства никто не мог одолеть. Сына привели к Владимиру и устроили испытание. Отыскали крупного и сильного быка, прижгли его раскалённым железом и пустили на юношу. Бык яростно помчался вперёд, но юноша схватил его за бок и даже вырвал кусок кожи с мясом. Князю стало ясно, что для печенег найден достойный соперник. На утро следующего дня произошёл поединок. Печенег был побеждён. Печенежское войско бросилось бежать, а русское — сечь бежавших. В честь одержанной победы Владимир основал на месте единоробства город Переяславль.

Хотя в рассказе есть вроде бы реальные подробности, например, движение печенегов от р. Сулы, которая в годы создания Повести Временных лет была пограничной рекой Переяславского княжества, испытание мужской силы разъярённым быком, но незнание летописцем имени печенежского князя, имён противоборствовавших соперников, а русского победителя князь Владимир «великим мужем сътвори», как и его отца, указывают на то, что рассказ об основании Переяславля в конце X в. — это народное предание, по-своему объяснявшее происхождение названия города.

На самом деле Переяславль был построен на несколько десятилетий раньше описанных в летописи якобы реальных событий. Он существовал ещё при деде

© 2017 г. В.А. Кучкин

¹Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). Т. I. Л., 1926—1928. Стб. 122.

Владимира Святославича князе Игоре. В ту же Повесть Временных лет наряду с народными преданиями были включены и вполне достоверные документальные материалы. Так, в статью 6453 г. был вставлен текст русско-византийского договора 944 г., один из разделов которого предусматривал выплату византийским правительством «мѣсячного» содержания торговавшим в Константинополе гостям «[ис] Переяславля»². Это означает, что Переяславль существовал уже в первой половине X в.³

Смысл строительства города на Трубеже – защита Киева с востока и юго-востока от нападений кочевников. Сначала это были хазары, затем печенеги, с XI в. – торки и половцы. Переяславль был построен близ Зарубского брода через Днепр и охранял этот брод. Рядом на Днепре лежал остров, который в XIII в. назывался Варяжским⁴. Видимо, и этот остров служил оборонительным заслоном при переходе кочевников с левого берега Днепра на правый. В административном подчинении Переяславля находился город Воишь, судя по названию – крепость с военным гарнизоном. Воишь располагался недалеко от впадения Сулы в Днепр и был самым южным древнерусским городом в этом регионе. Первоначальной его функцией была оборона не Посулья, как считают некоторые современные исследователи, а днепровского левобережья, поднимаясь по которому против течения Днепра, можно было достичь Киева⁵.

Переяславль в этой обороне Киева на днепровском левобережье играл ключевую роль. Сам город был построен в крутой излучине Трубежа, течение которого защищало Переяславль с северо-восточной и юго-восточной сторон. С юго-запада защитой служило течение р. Альты, правого притока Трубежа. Северо-западная сторона была напольной, и для успешной обороны переяславцев там был вырыт широкий ров и насыпан вал. От древнего Переяславля в настоящее время сохранилось городище, включающее древнюю крепость-детинец размером 10 га и примыкающий к ней с севера окольный город размером в 80 га⁶. Переяславль был одним из самых крупных городов Древней Руси и одним из самых укрепленных. До монгольского нашествия город ни разу не был взят осаждавшими его врагами.

²Там же. Стб. 49 и примеч. а. Упоминание в летописи Переяславля в 907 г. является вставкой XII в. См.: Повесть временных лет. Ч. II. М.; Л., 1950. С. 266–268.

³Косвенное указание на существование Переяславля содержится в летописном рассказе о первом нападении печенегов на Русь и осаде ими Киева в 968 г. Киевляне сумели через многочисленные ряды осаждавших Киев печенегов послать вестника на «ону» (левую, переяславскую) сторону Днепра с требованием, чтобы воевода Претич не позднее утра следующего дня переправился на правый берег реки и бился с печенегами, поскольку положение Киева безнадежно. Очевидно, что левый берег Днепра в то время был укреплен, и там стояли войска. См.: ПСРЛ. Т. I. Стб. 65–67.

⁴ПСРЛ. Т. II. СПб. 1908. Стб. 741. Контекст даёт основание считать, что Варяжский остров лежал выше днепровских порогов. Более точное географическое определение этого острова содержится в Московско-Академической летописи – летописном своде второго десятилетия XV в. в списке 1480-х гг., где поясняется, что русские и половцы, выступившие в 1223 г. против монголов, пришли «на Зарубь к острову Варяжьскому». См.: ПСРЛ. Т. I. Стб. 505. Заруб – это место Зарубского брода. См. также: ПСРЛ. Т. XXV. М.; Л., 1949. С. 119; Т. XXIII. СПб., 1910. С. 69.

⁵Характерна заметка о строительстве укреплений около Киева, помещённая в летописи в статью 988 года. Князь Владимир Святославич заметил, что «се не добро, еже малъ городъ около Киева, и нача ставити городы по Деснѣ и по Востри, и по Трубешеви, и по Сульѣ, и по Стугнѣ». См.: ПСРЛ. Т. I. Стб. 121. Перечислены реки главным образом днепровского левобережья (Десна, Остер, Трубеж, Сула) и единственная река правобережья – Стугна. Но все крепости на этих реках обороняли один город – Киев.

⁶Куза А. В. Важнейшие города Руси // Древняя Русь. Город, замок, село. М., 1985. С. 69.

Когда после смерти Ярослава Мудрого в 1054 г. Древнерусское государство разделилось, то Переяславль получил третий (из живших) сын Ярослава Всеволод. Переяславль оказался центром значительных владений. К нему были приданы лежавшие в Волго-Окском междуречье Ростов и Суздаль, а также Курск, который в 1020–1030 гг. был черниговским.

В первые годы самостоятельного правления в Переяславском княжестве Всеволоду пришлось столкнуться с кочевниками. Появившиеся во второй четверти XI в. в причерноморских степях половцы со второй половины 1050-х гг. усилили свой натиск на запад и начали изгонять из степей другие кочевые народы, вынужденные уходить дальше в европейские пределы и занимать земли восточных славян. Последним приходилось отстаивать заселённые ими территории. Уже в начале 1055 г. Всеволоду Ярославичу пришлось останавливать у Воиня бежавших от половцев торков (гузов). Произошло сражение, в котором торки потерпели поражение. Но с половцами, видимо, преследовавшими торков, Всеволод заключил мир. С течением времени борьба между степными кочевниками принимала всё больший размах. В 1060 г. Всеволод вместе со старшими братьями Изяславом и Святославом, а также с полоцким князем Всеславом предпринял большой упреждающий поход на торков в низовья Днепра. Русская рать была настолько многочисленна и грозна, что торки не приняли сражения и бежали. Летописец написал, что после этого бегства торки стали умирать от разных причин и «тако богъ избави хрестьяны от поганыхъ»⁷. Последнее, однако, было публицистической гиперболой. Вплоть до нашествия монголов в южных русских княжествах продолжала проживать часть торков, служивших Рюриковичам.

Вслед за убежавшими на запад торками в русских пределах появились их гонители половцы. Объектом их первого нападения стало Переяславское княжество, наиболее близкое к половецким кочевьям. Если в наступательных походах Всеволод мог действовать вместе со своими братьями и другими союзниками, то оборонять свое княжество ему приходилось одному, помощь, особенно с днепровского правобережья, просто не успевала прийти вовремя. Нападения хана Искала зимой 1062 г. Всеволод отразить не сумел. Половцы одержали над ним победу и ограбили княжество.

Особенно большой урон владениям Всеволода половцы нанесли в 1068 г. В сентябре того года близ стен Переяславля на р. Альте многочисленная половецкая конница разгромила объединенное войско Изяслава, Святослава и Всеволода Ярославичей. Братья спаслись бегством. Изяслав и Всеволод укрылись в Киеве, Святослав – в Чернигове. Киевляне потребовали от Изяслава коней и оружия из его арсеналов для продолжения борьбы со степными врагами. Князь отказал. Тогда киевляне освободили содержавшегося в заточении в порубе полоцкого князя Всеслава Брючиславича и провозгласили его киевским князем. Изяслав и Всеволод бежали из города. Позднее Изяслав ушел в Польшу, а Всеволод укрылся в собственном Курске.

Появление на киевском столе полоцкого князя было беспрецедентным, оно нарушало все традиции и нормы княжеского властвования на Руси. В своих владениях оставались два младших брата Изяслава, которые имели больше прав на Киев, чем Всеслав. Но последний оказался правителем находчивым и расчётливым. Он уступил братьям Изяслава княжества, которыми владел их

⁷ПСРЛ. Т. I. Стб. 163.

старший брат помимо Киева. Святослав получил Новгород, а Всеволод – Владимир Волынский. Главное же владение Изяслава – Киев – Всеслав сохранил за собой. Такая комбинация позволила ему избежать войны с младшими Ярославичами и вбить клин в их отношения со старшим братом⁸.

Весной 1069 г. на западной границе русских земель появился Изяслав с многочисленной армией поляков во главе с Болеславом Смелым. Всеслав выступил против них, но в одну из ночей тайно бежал из-под киевского Белгорода в Полоцк. Изяслав без сопротивления занял Киев и восстановил status quo, который существовал до 1068 г. Владимир Волынский у Всеволода был отобран. Потеря Святославом Новгорода сблизила младших Ярославичей. Боясь расправы со стороны старшего брата, они составили заговор против него и весной 1073 г. изгнали из Киева. Изяслав вновь ушёл в Польшу. Киевским князем стал Святослав. Со времен С.М. Соловьёва считалось, что более молодой Всеволод получил второй по своему значению город древней Руси – Чернигов, владение Святослава⁹, а Переяславское княжество на какое-то время прекратило своё существование. Однако ранее Соловьёва Н.М. Карамзин привёл свидетельство древнего Жития Феодосия Печерского, включённого в Киево-Печерский патерик, согласно которому Чернигов остался за Святославом, а Переяславль – за Всеволодом¹⁰. М.С. Грушевский ещё в 1891 г. указывал на то, что наградой Всеволоду за участие в заговоре против Изяслава стало не Черниговское княжество, а Туровское (из состава Киевского)¹¹.

Власть над Переяславским княжеством Всеволод сохранял всю жизнь. Даже когда в 1078 г. он стал киевским князем, то продолжал править и в Переяславле. Примерно в 1080-х гг. он посадил на переяславский стол своего сына от второго брака Ростислава¹². При Ростиславе и переяславском митрополите Ефреме в Переяславле развернулось широкое каменное строительство. Летопись упоминает несколько церквей, построенных в то время, в частности, городской собор св. Михаила, освящённый в 1090 г., а также «строенье банное [камено], сего же не бысть преже в Руси», но главное – каменную стену от крепостных ворот с башенной церковью св. Феодора¹³.

В Переяславском княжестве, насчитывавшем при своём образовании всего два города, во второй половине XI в. строились и новые города: Горошин (первое упоминание 1084 г.), Переволока (1092), Песочен (1092), Прилук (1092), Саков (1095), Римов (1096), Устье (1096), Городец Остёрский (1098). Из перечисленных городов только относительно последнего из них достоверно известно, что он был основан Владимиром Мономахом, к тому времени переяславским

---

⁸Подробнее см.: *Кучкин В.А.* «Слово о полку Игореве» и междукняжеские отношения 60-х гг. XI в. // *Вопросы истории.* 1985. № 11. С. 19–35.

⁹*Соловьёв С.М.* История России с древнейших времён. Кн. I. Т. II. СПб., 1896. Стб. 297: в Киеве «сел Святослав, отдавши Всеволоду Черниговскую волость». То же утверждение повторено и в одном из обобщающих исторических трудов советского времени (*Очерки по истории СССР. IX–XIII вв.* М., 1953. С. 396).

¹⁰*Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. II–III. М., 1991. С. 239 (примеч. 128 к тому II).

¹¹*Грушевский М.С.* Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV столетия. Киев, 1891. С. 80 и примеч. 3.

¹²На это намекает участие Ростислава в совместном походе с Владимиром Мономахом на половцев в 1085 г. См.: ПСРЛ. Т. I. Стб. 249.

¹³ПСРЛ. Т. I. Стб. 209. Остатки этих построек обнаружены археологами в XX в. См.: *Куза А.В.* Указ. соч. С. 70.

князем, как военная крепость при впадении р. Остёр в Десну, в напряжённой обстановке ожидания масштабной войны русских князей между собой, причиной которой было ослепление теребовльского князя Василька. Большинство других городов были построены, скорее всего, во времена Всеволода Ярославича, когда он одновременно был князем киевским и переяславским и имел значительные средства и возможности для строительства городов в своем наследственном княжестве. Из этих городов многие имели военное значение, например, Горошин и Римов, расположенные по Суле выше Воиня; Прилук в верхнем течении р. Удая; Песочен и Саков близ Днепра. Переволока и Устье, помимо защитных функций, имели, вероятно, и торгово-экономическое значение. Больше в те времена строили только в Киевском (14 городов) и Владимир-Волынском (11 городов) княжествах, причём Владимир Волынский находился тогда в руках киевских князей или контролировался ими. Если к этому добавить верховенство Киева, где с 1078 г. в течение 15 лет правил Всеволод Ярославич, над Черниговским и Переяславским княжествами, где сидели его сыновья, мы поймём, что Всеволод имел больше земель, чем имели в своё время его старшие братья Изяслав и Святослав. Это позволяло переяславцам развиваться, не только используя собственные ресурсы, но и экономический потенциал соседних княжеств.

В 1093 г. умер, будучи уже в преклонных годах, Всеволод Ярославич, а примерно полтора месяца спустя трагически погиб его младший сын, переяславский князь Ростислав. Спасаясь от половцев, он утонул в р. Стугне. Переяславское княжество перешло к Владимиру Мономаху. Когда летом 1094 г. внук Ярослава Мудрого Олег Святославич забрал у Мономаха своё Черниговское княжество, главным владением последнего стал Переяславль. Помимо того, Владимиру Мономаху принадлежали Новгород, Смоленск, Суздаль, где княжили его сыновья, а также Курск, считавшийся частью собственно Переяславского княжества. Впрочем, Курск пробыл под властью Мономаха недолго. В 1097 г. князь вынужден был уступить его черниговским князьям за союз с ними против Святополка Киевского.

Независимое княжение в Переяславле не избавило Владимира Мономаха от половецкого давления, и князь попытался освободиться от него. В феврале 1096 г. к Владимиру на мирные переговоры в Переяславль приехали два половецких хана – Итларь и Китан. Мономаху и его окружению они были хорошо известны, поскольку русские неоднократно воевали с ними и заключали мирные соглашения. Предстояло прийти к очередной договоренности. Но дружина Мономаха стала уговаривать князя воспользоваться случаем и расправиться с ханами, не раз проявлявшими вероломство по отношению к русским. Итларь и Китан были заманены в ловушки и убиты. Их непостоянство было наказано, но наказано самым вероломным образом.

После гибели двух ханов усилились нападения половцев на Переяславль. Уже весной 1096 г. хан Куря пожёг город Устье. Через несколько дней в переяславских пределах появился другой половецкий хан – Тугоркан. Он осадил Переяславль, но с днепровского правобережья подоспела помощь, произошло сражение, в котором Тугоркан был убит. Это поражение заставило половцев на время приостановить нападения на Переяславль, а Владимира Мономаха – начать наступление на кочевников. В 1103 г. он сумел организовать поход русских князей в Половецкую степь, который закончился большим успехом. Тем не менее половцы не прекратили вторжений

в Переяславское княжество. В 1107 г. хан Боняк захватил конские стада переяславцев, а в 1110 г. половцы ограбили переяславские села. Эти нападения прервались, когда в 1113 г. Владимир Мономах стал киевским князем и его военные возможности резко возросли.

Заняв киевский стол, Мономах сохранил княжескую резиденцию и в Переяславле. Туда он посылал княжить своих сыновей. В 1113 г. он передал переяславский стол третьему сыну Святославу. Тот вскоре скончался, и уже через несколько месяцев Владимиру Мономаху пришлось заменить его на четвёртого сына – Ярополка. Тот оставался переяславским князем вплоть до смерти отца в 1125 г.

За первую четверть XII в., когда в Переяславле правили Владимир Мономах, а с 1113 г. под его присмотром его сыновья Святослав и Ярополк, в княжестве были построены ещё 7 городов: Кснятин (первое упоминание в 1107 г.), Лубно (1107), Ромен (1110), Желни (1116), Баруч (1125), Бронь (1125), Полкстенъ (1125). Лубно, Ромен и Желни были построены на правом берегу Сулы, продолжая её укрепление с низовьев до верхнего течения. Ко второй четверти XII в. окончательно выяснилось, что именно Сула стала восточной границей Переяславского княжества. Два города, Баруч и Бронь, были основаны на правом берегу р. Трубежа в его среднем течении – они обороняли столицу княжества. Полкстенъ защитил низовья р. Удай, самого крупного притока Сулы. В целом Переяславское княжество без приписанных к нему земель занимало ко времени смерти Владимира Мономаха достаточно скромную территорию, напоминавшую по очертаниям разносторонний треугольник, одна из вершин которого упиралась в устье впадавшей в Днепр Сулы, а стороны ограничивались течениями Днепра и его притоков Остёра и той же Сулы. Общая площадь княжества составляла в то время примерно 27 тыс. кв. км.

Кончина Владимира Мономаха не повлекла за собой борьбы его сыновей-наследников за передел отчего достояния. Мономах старался всё предусмотреть и распределить задолго до своей смерти. Киевским князем стал старший сын Мстислав, его братья остались в тех городах, в которых их посадил отец. Переяславль сохранился за Ярополком. Только теперь такие города превратились в центры независимых княжеств. Тем не менее правившие в них братья-Мономашичи в первые годы после смерти отца действовали достаточно дружно, признавая своим главой старшего брата Мстислава. Уже в 1127 г. Ярополку пришлось помогать Мстиславу. Черниговский князь Всеволод Ольгович изгнал из Чернигова своего дядю Ярослава Святославича и занял его место. У Ярослава была договоренность с Мстиславом о том, что киевский князь поможет ему в случае какой-либо опасности. Опасность пришла, и Мстислав начал собирать полки. Первым его помощником стал брат Ярополк. Переяславский князь быстро захватил черниговские города по р. Сейму и более отдалённый Курск. Новый черниговский князь призвал к себе на помощь половцев. Предстояло большое столкновение, но тут в события вмешалась церковь. Духовенство начало уговаривать князей не начинать войны, которая неминуемо привела бы к массовому кровопролитию и опустошению русских земель. Мстислав долго колебался, но в конце концов отказался помочь изгнанному князю Ярославу. На его решение повлияли не только доводы духовенства, но и уступка ему Всеволодом Ольговичем Курска, некогда части Переяславского княжества.

Мстислав Владимирович скончался 15 апреля 1132 г., и его брат Ярополк, оставив Переяславль, перешёл княжить в Киев. Первой политической акцией нового киевского правителя был перевод старшего племянника Всеволода, сына скончавшегося Мстислава, из далёкого Новгорода в Переяславль. Совершенно неожиданно такая акция Ярополка встретила сильное противодействие. Летопись так описывает случившееся: «Томъ же лѣтъ Ярополкъ приведе Всеволода Мъстислалича из Новагорода и да ему Переяславль. Съ завтрия же сѣде в немъ, а д[о] обѣда выгна Юрьи стрьи его и сѣде в немъ 8 днии. И выведе брать его Ярополкъ ис Переяславля за хрестыное челование»¹⁴. Речь в приведённом тексте идёт о противодействии суздальского князя Юрия Долгорукого, дяди Всеволода. Другая летопись добавляет, что заодно с Юрием был князь Андрей Владимирович, владевший Владимиро-Волынским княжеством. Юрий и Андрей были родными братьями, сыновьями Владимира Мономаха от второго брака. Их оценки случившегося и обоснования собственных претензий раскрывает Новгородская I летопись: «И рече Гюрги и Андрѣи: “Се Яропѣлькъ, брат наш, по смерти своеи хоцеть дати Кыевъ Всеволоду, братану своему”; и выгониста и ис Переяславля. И приде опять Новугороду»¹⁵. Благодаря приведённым летописным свидетельствам выясняется, что ещё Владимиром Мономахом был выработан план, направленный на удержание Киева только его потомками от первого брака. От обладания Киевом решительно отсекались другие Рюриковичи, а также дети Мономаха от второго брака Юрий и Андрей. Такой порядок преемства во владении Киевом явно не устраивал последних. Этим и объясняется неожиданное появление на Юге Юрия и захват им Переяславля в 1132 г., чтобы в дальнейшем использовать этот город в борьбе за киевский стол.

Выведа из Переяславля по договорённости Юрия Долгорукого, Ярополк во исполнение своего прежнего крестоцелования с Мстиславом послал в Полоцк к правившему там другому сыну Мстислава Изяславу предложение занять стол в Переяславле вместо старшего брата. Такое предложение Изяслав принял. 15 августа 1132 г. он был уже в Переяславле. Но Полоцк для него оказался потерянным. Полочане пригласили к себе на княжение Василька, внука Всеслава Брячиславича.

Потеря Полоцка заставляла Изяслава больше думать о его возвращении, чем заниматься переяславскими делами. Видя это, Ярополк решил сместить Изяслава и посадить в Переяславле своего родного брата Вячеслава, княжившего в киевском Турове. Тот без возражений перешёл в более богатый и престижный Переяславль. Освободившийся Туров с относившимся к нему Пинском Ярополк передал Изяславу Мстиславичу в придачу к сохранившемуся в его руках полоцкому Минску. Это произошло зимой 1132/33 г.¹⁶ А всего несколько месяцев спустя «Ярополкъ посла Мстиславича Изяслава къ братьи Новугороду и даша дани печерьскы, и от Смолиньска дар, и тако хрестъ цѣловаша»¹⁷. В итоге всех перемещений старшие сыновья Мстислава Владимировича остались без территориальных владений, которые им предназначались по соглашению Мстислава с Ярополком.

¹⁴ПСРЛ. Т. II. Стб. 294–295.

¹⁵Новгородская летопись старшего и младшего извода / Под ред. А.Н. Насонова (далее – НПЛ). М.; Л., 1950. С. 22.

¹⁶ПСРЛ. Т. I. Стб. 302.

¹⁷Там же.

Получивший Переяславль туровский князь Вячеслав Владимирович уже через несколько месяцев понял, что попал совсем не туда, куда хотел. Переяславцы постоянно должны были ожидать нападений или своих черниговских соседей, или союзных Чернигову половцев. Жизнь в военном лагере оказалась не по душе Вячеславу, и зимой в начале 1134 г. «выиде Вячеславъ ис Переяславля и иде опять Турову, не послушавъ брата своего Ярополка»¹⁸. Переяславль оказался свободным. И тогда в конце зимы – начале весны 1134 г. «Георгии князь Володимеричъ (Долгорукий. – В.К.) испроси у брата своего Ярополка Переяславль, а Ярополку вда Суждаль и Ростовъ и прочюю волость свою, но не всю»¹⁹.

Появление на Юге новой силы – суздальского князя – представляло явную опасность для Чернигова, а владение Северо-Востоком киевским князем – угрозу черниговским городам по Оке. Черниговский князь Всеволод Ольгович начал войну с Киевом. Война сразу приняла упорный и ожесточённый характер. Всеволоду помогали половцы и племянники Ярополка, Ярополку – его братья, в том числе Юрий Долгорукий с переяславцами. Чтобы ослабить противника, Ярополк вынужден был удовлетворить требования своих племянников. Киевский князь по согласованию с братьями произвёл очередное перераспределение земель. Владимиро-волынский князь Андрей Владимирович весной 1135 г. был переведён в Переяславль, Суздаль и Ростов были возвращены Юрию Долгорукому, Владимиру Волынский – отдан Изяславу Мстиславичу с братьями. Хотя Переяславское княжество формально осталось за Мономахичами, там утвердились дети Мономаха от второго брака. Уступив Переяславль младшему брату, Юрий Долгорукий сохранил за собой стратегически важную переяславскую крепость – Городец Остёрский²⁰. А Курск за Переяславлем удержать не удалось. В 1136 г. Ярополк вынужден был уступить Курск черниговским князьям. Потеряв Переяславль, Юрий Долгорукий летом 1136 г. возвратился в Суздаль.

История Переяславля и Переяславского княжества во второй половине 1110-х – первой половине 1130-х гг. показывает, что княжившие там Владимир Мономах и его сыновья стремились использовать достояние их отца и деда Всеволода Ярославича как необходимую ступень для восхождения на киевский стол. Единение Переяславского княжества с Киевским давало большие экономические, военные и политические преимущества потомкам Всеволода Ярославича перед Рюриковичами других ветвей в борьбе за обладание «матерью городов русских» – Киевом. Но недалёковидная политика Мстислава Великого в отношении Чернигова, негибкие, а точнее сказать, неуклюжие попытки сменившего его на киевском столе Ярополка распределить владения между братьями и племянниками привели к тому, что Переяславль перешёл в руки младших Мономахичей. Киев же остался в руках сыновей Мономаха от первого брака. Историческая судьба Переяславского княжества стала зависеть от того, кто будет княжить в Переяславле и как будут переяславские князья взаимодействовать с киевскими.

¹⁸Там же. Запись об этом помещена в Лаврентьевской летописи после известия о смерти 6 января переяславского епископа Маркела. Для 6642 ультрамартовского года это 6 января 1134 г. Вячеслав оставил Туров после этой даты.

¹⁹Там же.

²⁰*Богусевич В.А.* Остёрский городок // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 12. Киев, 1962. С. 37–39; ПСРЛ. Т. II. Стб. 308, под 6649 г.

Киевский князь Ярополк Владимирович умер 18 февраля 1139 г. После вооружённой борьбы его преемником стал черниговский князь Всеволод Ольгович. Княжение в Киеве позволило ему распоряжаться военными силами и материальными средствами Киевского княжества. Пользуясь тем и другим, Всеволод немедленно приступил к реализации своих политических планов. Они заключались в том, чтобы освободить южные и прилегавшие к ним княжества от власти Мономашичей. Первый удар Всеволод решил нанести по Переяславскому княжеству. Правившему там Андрею Владимировичу было предложено: «Коурьскоу изволи ити». Но Андрей проявил твёрдость. Посоветовавшись с дружиной, он заявил: «Лѣпши ми того смерть и съ дружиною на свои отци и на дѣдинѣ взяти, нежели Коурьскои княжени. Отець мои Коурьскѣ не сѣдѣлѣ, но въ Переяславли»²¹. Категорический отказ переяславского князя повлёк за собой столь же категорический приказ киевского князя своему брату Святославу расправиться с упрямым. Святослав с войском двинулся на Переяславль, но дружина Андрея разбила его полк. Киевскому князю стало понятно, что силой победить Мономашичей будет трудно, нужны иные, более гибкие и тонкие, подходы, и он заключил с Андреем мирное соглашение. Уже в 1140 г. оба князя у переяславского Малотина, на левом берегу Днепра, несколько выше Воиня встречали ханов Половецкой земли, с которыми договорились о мире.

22 января 1142 г. Андрей Владимирович скончался в Переяславле и был похоронен в главной церкви св. Михаила. У него оставались два наследника: брат Юрий Долгорукий и сын Владимир. Однако ни тот, ни другой переяславского стола не получили. Киевский князь Всеволод решил воспользоваться тем, что переяславский стол стал свободным, и сделал перестановки в Киевском княжестве. Князь Вячеслав Владимирович был отправлен из Турова в Переяславль, Туров же был отдан сыну Всеволода Святославу. Князь Изяслав Мстиславич был посажен во Владимире Волынском. Наделение городами Мономашичей вызвало недовольство родных братьев киевского князя. Дело дошло до того, что они стали воевать Переяславское княжество Вячеслава Владимировича. На помощь ему пришли племянники владимири-волынский и смоленский князья, которые начали опустошать черниговские земли. Киевский князь прекратил междоусобицу, обещав братьям дать города из своего княжества и вняв совету Вячеслава Владимировича: перевести в Переяславль Изяслава Мстиславича, своего сына Святослава посадить во Владимире Волынском, а самого Вячеслава вернуть в Туров. Так Всеволод и поступил.

1 января 1143 г. в Переяславль вошёл Изяслав Мстиславич. В конце того же года новый переяславский князь предпринял необычное путешествие. Он в Суздале посетил Юрия Долгорукого, потом в Смоленске своего брата Ростислава, затем в Новгороде другого брата – Святополка, у которого даже зазимовал. Вряд ли приходится сомневаться в том, что такая поездка преследовала определённые политические цели, тем более, что встреча с Юрием Долгоруким закончилась у Изяслава прямым разногласием. Неясность заключается в том, кому нужна была такая поездка. Если Изяславу, который через три года начал борьбу за обладание Киевом, то почему он искал поддержки самых близких родственников, умудрившись при этом поссориться с Юрием Долгоруким? Думается, что своё путешествие по дальним от Киева городам Изяслав совершил

---

²¹ПСРЛ. Т. II. Стб. 305.

по поручению киевского князя. Напряжённые отношения Всеволода с родными братьями заставляли его искать поддержки тех Мономашичей, которые не принимали активного участия в южных событиях. Если так, то переяславский князь выступал доверенным лицом киевского, проводя его политику в отношении «верхних» древнерусских княжеств. Эта позиция переяславского князя ценилась и поощрялась в Киеве. Когда в 1144 г. Изяслав по призыву Всеволода Ольговича пошёл с ним в поход на галичского князя и последний вынужден был уплатить своим противникам 1 400 гривен серебра, часть суммы досталась Изяславу. Переяславский князь поддержал также план Всеволода Ольговича по политическому устройству Киевского княжества после его смерти и целовал крест в верности брату Всеволоду Игорю, которого объявили преемником Всеволода на киевском столе.

Все княжеские планы и расчёты решительно переменялись, когда 1 августа 1146 г. в Вышгороде скончался киевский князь Всеволод Ольгович. Киевским князем стал его брат Игорь. Киевляне поддержали Игоря, но потребовали от него отставки киевского тиуна Ратши и вышгородского тиуна Тудора. Те при Всеволоде творили неправые суды и облагали попавших под суд людей непомерными штрафами. Игорь обещал сменить тиунов, но своего обещания не выполнил. Тогда киевляне обратились за поддержкой в Переяславль к Изяславу Мстиславичу. Войско у Изяслава было собрано заранее, и он очень быстро оказался под стенами Киева. Здесь произошло большое сражение, в котором Изяслав одержал победу. 13 августа 1146 г. он въехал в Киев.

Переяславское княжество оставалось под его властью. Туда в заточение был послан попавший в плен к Изяславу брат Всеволода Игорь Ольгович. Через год он был перевезён в Киев, и там киевляне расправились с ним, забив до смерти. Такие действия сплотили врагов Изяслава Мстиславича. Поддержка княжившим в Суздале Юрием Долгоруком новгород-северского князя Святослава Ольговича, пытавшегося вызволить из рук Изяслава Мстиславича родного брата Игоря, вскоре переросла в масштабную войну за киевский стол между суздальским и киевским князьями. Переяславское княжество, примыкавшее с юго-востока к Киевскому, не могло не быть затронуто этой войной, приведшей в итоге к смене правителей в Переяславле и утверждению там иной ветви потомков Владимира Мономаха, а также к изменениям территориального и экономического характера.

Первый поход на Киев, который организовал Юрий Долгорукий в июле–августе 1149 г., оказался успешным. Суздальский князь сумел достичь своей цели – занять киевский стол. Но успех потребовал напряжения сил Юрия и его союзников – новгород-северского князя Святослава Ольговича, котельничского князя Святослава Всеволодовича, а также половецких ханов, одержавших под Переяславлем победу над киевским князем Изяславом Мстиславичем, его братом и сыновьями. Утвердившись в Киеве, Юрий захватил и Переяславль, посадив княжить там своего старшего сына Ростислава. Но последний правил в Переяславле недолго. Он скоропостижно скончался в начале апреля 1150 г. Вскоре Изяслав Мстиславич отвоевал Киев у Юрия Долгорукого, а заодно восстановил свою власть и над Переяславлем, где стал княжить его сын Мстислав.

Последний правил в Переяславском княжестве до смерти своего отца, последовавшей в ноябре 1154 г., и даже короткое время после, когда неожиданно

узнал, что его дядя, смоленский князь Ростислав Мстиславич, договаривается за его спиной о передаче Переяславля черниговскому князю Изяславу Давыдовичу. Возмущённый предательским поведением близкого родственника и опасаясь за свою жизнь, Мстислав Изяславич вынужден был оставить Переяславль и перейти княжить в Луцк.

За время правления в Переяславле Андрея Владимировича, Изяслава Мстиславича и его сына Мстислава в княжестве упоминается четыре новых города: Малотин (первое упоминание в 1140 г.), Носов (1147), Русотина (1147), Пириятин (1154). Малотин был построен на левом берегу Днепра недалеко от Воиня. Новая крепость затрудняла движение половецкой конницы на север к Переяславлю. Носов и Русотина были поставлены в верхнем течении Трубежа, они препятствовали нападениям на Переяславль с севера. Внутри княжества был построен только один город – Пириятин, стоявший в среднем течении Удая, на правой стороне реки.

Появление в марте 1155 г. в Киеве Юрия Долгорукого привело к тому, что власть в Переяславле укрепилась за его сыном Глебом. Его правление там оказалось достаточно долгим. Продолжительное княжение в Переяславле стоило Глебу немалых усилий и потребовало от него большой политической и дипломатической гибкости. Он старался опереться то на поддержку своего тестя Изяслава Черниговского, то на поддержку его соперников в борьбе за киевский стол. После гибели Изяслава в 1161 г. Глеб стал ориентироваться на киевских князей Ростислава Мстиславича и Мстислава Изяславича, участвуя в их походах на половцев. Особенно крупным и успешным был поход на половцев во главе с Мстиславом Изяславичем в 1168 г., который отодвинул их кочевья от южных и восточных границ Переяславского княжества. Но вскоре после него Глеб выступил против своего союзника. Переяславский князь принял участие в походе русских князей, организованном его братом Андреем Боголюбским, на Киев. Киев был взят, а его князь бежал. Возглавлявший поход сын Боголюбского Мстислав 12 марта 1169 г. посадил Глеба на киевский стол. Правление в Переяславле Глеб передал своему сыну Владимиру. Княжение Глеба в Киеве оказалось недолгим. 20 января 1171 г. он неожиданно скончался, что вызвало толки о его отравлении.

Переяславский князь Владимир, которому было всего 13 лет, остался без поддержки. Этим воспользовался его старший родственник. Летопись сообщает, что в 1172 г. Переяславль «вохвоти къ Торчъкому» княживший в Торческе дядя Владимира Михалка Юрьевич²². Видимо, в результате последующей борьбы за Киев и за наследие убитого в 1174 г. Андрея Боголюбского Переяславль вернулся к повзрослевшему Владимиру Глебовичу. Во всяком случае в 1177 г. мы видим князя Владимира во главе переяславцев, помогавших Всеволоду Большое Гнездо утвердиться в Суздальской земле²³. Дальнейшие сообщения о Владимире рисуют его уже определенно переяславским князем. Этот князь отличался большой смелостью, был стоек в сражениях, старался быть справедливым, не алчен, заботился о своей дружине и о своих переяславцах, обогащаться стремился за счет неприятелей. В этом отношении показателен следующий эпизод. В 1183 г. княживший в Киеве Святослав Всеволодович и его соправитель Рюрик Ростиславич собрали полки, чтобы идти на половцев. От похода их отговорил черниговский князь. Но поскольку войска

²²Там же. Стб. 571.

²³Там же. Т. I. Стб. 384.

были уже мобилизованы, князь Святослав послал свои полки в распоряжение новгород-северского князя Игоря Святославича, а князь Рюрик во главе своих полков поставил переяславского князя Владимира Глебовича. Последний попросил князя Игоря дать ему командование авангардом соединенного войска. Расчёт заключался в том, что если авангард выиграет первое столкновение с противником и половцы бросятся бежать, то они побросают коней, волов, овец, другое имущество и даже людей, и все это достанется преследователям, переяславскому князю и его дружине. Игорь Святославич ответил решительным отказом и сам возглавил авангард. Все трофеи достались ему. «Володимерь же разгнѣвався, — пишет летопись, — и възвратися, и оттолѣ идя, иде на Севѣрскыѣ городы, и взя в нихъ много добытокъ». Наличие у переяславского князя полков Рюрика Ростиславича оказалось весьма кстати. Логика действий князя Владимира в отношении союзника Игоря Святославича была предельно простой: не дал возможности обогатиться за счёт кочевников, расплачивайся собственным достоянием.

И всё-таки известность Владимир Глебович снискал, борясь с половцами. В начале и летом 1184 г. он дважды успешно воевал с половецкими ханами, победным было и столкновение с ними в начале 1185 г. Правда, воевал с половцами Владимир Глебович не в одиночку, а в союзе с другими русскими князьями, во главе которых стояли киевские князья Святослав Всеволодович и Рюрик Ростиславич. В таком союзе Владимир занимал место «младшего» князя. Но обороняться от половецких вторжений в Переяславское княжество Владимиру приходилось одному. Так было летом 1185 г., когда хан Кончак после громкой победы над новгород-северским князем Игорем осадил Переяславль. Владимир сумел отбиться, хотя и был тяжело ранен. В своём последнем походе 1187 г. на половцев Владимир заболел и, принесённый на носилках в Переяславль, 18 апреля 1187 г. скончался. Ему было 29 лет. Летописец написал, что «о нем же оукраина много постана», разумея под украиной юго-восточную окраину всех древнерусских земель — Переяславское княжество на левом берегу Днепра²⁴. Население днепровского правобережья этого «украинского» князя знало плохо и о нём не вспоминало. Но в своём княжестве Владимир Глебович оставил заметный след. Именно при нём в Переяславском княжестве впервые упоминаются такие города, как Лтава (1171), Серебряный (1174), Лукомль (1179), Дмитров (1184), Донец (1185). Если основание первых двух городов следует связывать с именем отца Владимира князя Глеба Юрьевича, то основание трёх других нужно относить ко времени правления в Переяславле Владимира. Картографирование этих городов показывает, что во второй половине XII в. переяславские князья стремились укрепить свои границы по Суле и создать форпосты далеко на восток от Сулы (Лтава, будущая Полтава, и Донец), усиливая оборону от половцев на дальних подступах к Переяславлю и, возможно, рассчитывая в будущем освоить территорию в бассейне верхнего Дона.

С 1187 г. сведения о переяславских князьях или князе надолго исчезают со страниц летописей. И только под 1198 г. сообщается, что в Переяславле умер князь Ярослав Мстиславич²⁵. Деяния этого князя почти неизвестны, но фигурой он был любопытной. Его отцом был один из младших сыновей Юрия Долгорукого Мстислав. В конце 1155 г. Юрий женил Мстислава на

²⁴ Там же. Т. II. Стб. 653.

²⁵ Там же. Т. I. Стб. 415.

дочери новгородского боярина Петра Михалковича. В 1161 г. мать Мстислава, вдова Юрия Долгорукого, вместе с сыновьями была выслана из Владимира на Клязьме своим пасынком Андреем Боголюбским. Приют изгнанники нашли в Византии. Мстислав от императора Мануила I Комнина получил в управление на восточном берегу Средиземного моря город Аскелон (соврем. Ашкелон) в Палестине²⁶. На Русь Мстислав уже не вернулся. А его сын Ярослав примеру отца не последовал. Он возвратился на родину, и родственники его приняли. Первоначально Ярослав подвизался на землях, совместно принадлежавших Новгороду и Владимирскому княжеству. Некоторое время он правил в Торжке, а затем в Волоке Ламском²⁷. Видимо, после смерти переяславского князя Владимира Глебовича, не оставившего наследников, Всеволод Большое Гнездо, старший из потомков Юрия Долгорукого, решил, что переяславским князем должен стать его племянник Ярослав Мстиславич. Летописная запись о кончине Ярослава, скорее всего, подводила черту под его княжением в Переяславле в течение ряда лет. Но подлинным правителем Переяславля являлся Всеволод Большое Гнездо. В этом отношении показательны два факта, зафиксированные Лаврентьевской летописью. Она сообщает, что в первой половине 1194 г. Всеволод Большое Гнездо послал «тивуна своего Гюрю с людьми в Русь и созда град на Городци на Вьстри, обновил свою отчину»²⁸. Речь идёт о восстановлении Городца Остёрского, который назван отчиной владимирского князя. Другое сообщение Лаврентьевской летописи датировано 1197 г.: «Того же лѣта посла благовѣрныи и христоролюбивы князь Всеволодь Гюргевич Павла на епископство в Русьскыи Переяславль»²⁹. Выясняется, что не только вопросы военного строительства в южном Переяславле, но даже проблемы церковной жизни этого княжества решались на берегах далёкой от этой земли р. Клязьмы Всеволодом Большим Гнездом.

Именно Всеволод обеспокоился и о преемнике Ярослава Мстиславича на переяславском столе. Летом 1200 г. он посадил на княжение в Переяславле своего сына Ярослава. Тому было всего 10 лет. Он попал в южнорусское княжество в то время, когда владими́ро-во́лынскі́й князь Роман захватил Галич, а киевский князь вместе с черниговскими князьями намеревался этот Галич у него отнять. Ярослав постарался быть в стороне от крупной распри южнорусских князей, но, когда владими́ро-во́лынскі́й и киевскі́й князья примирились и предприняли в 1204 г. общий поход на половцев, повзрослевший Ярослав принял участие в походе. Однако в 1206 г. черниговский князь Всеволод Чермный, став киевским князем, выдворил из Переяславля Ярослава за то, что тот в том же году мешал черниговскому князю Владимиру Игоревичу захватить Галич. В Переяславле стал княжить сын Всеволода Черного Михаил³⁰. Через несколько месяцев Рюрик Ростиславич, союзник Всеволода Большое Гнездо, сумел изгнать из Киева Всеволода Черниговского, а из Переяславля — его сына³¹. Переяславль оказался под властью сына

---

²⁶Там же. Т. II. Стб. 482, 520, 521.

²⁷НПЛ. С. 35.

²⁸ПСРЛ. Т.I. Стб. 412. О дате см.: *Бережков Н.Г.* Хронология русского летописания. М., 1963. С. 85.

²⁹ПСРЛ. Т.I. Стб. 414.

³⁰Там же. Стб. 428.

³¹Там же.

Рюрика Владимира, родного брата Ростислава, зятя Всеволода Большое Гнездо. Эти союзно-родственные отношения объясняют, почему Владимир Рюрикович удержался на переяславском столе по меньшей мере до 1213 г., когда в Переяславле появился другой Владимир, сын законного переяславского отчича Всеволода Большое Гнездо³². Впрочем, Владимир Рюрикович пребывал в Переяславле и в 1215 г.³³, но неизвестно, в каком качестве. После него Переяславлем уже безраздельно владели потомки Всеволода Большое Гнездо. Так, летом 1227 г. владимирский князь Юрий Всеволодович отправил на переяславский стол своего племянника ярославского князя Всеволода Константиновича. Пребывание Всеволода в Переяславле способствовало его браку в 1228 г. с Марией, дочерью другого южнорусского князя Олега Святославича Курского³⁴. В том же году Всеволода на переяславском столе сменил его дядя Святослав, посланный княжить в Переяславль своим старшим братом Юрием Владимирским³⁵. Но в 1230 г. мы видим Святослава уже юрьевским князем на Северо-Востоке³⁶. При описании взятия Батыем Переяславля летопись не отмечает наличия в городе князя³⁷. Возможно, в 1230-е гг. Переяславль находился под непосредственным управлением владимирского князя Юрия Всеволодовича, державшего там своих посадников.

К борьбе в первой трети XIII в. различных русских князей за Переяславль добавлялись нападения на Переяславское княжество половцев. В 1210 г. половцы повоевали многие переяславские сёла и увели большое количество пленных³⁸. Другое вторжение половцев в 1215 г. попытался отразить правивший тогда в Переяславле князь Владимир Всеволодович. Узнав о движении кочевников на Переяславль, он собрал войско, вышел им навстречу, но был разбит и попал в плен³⁹. Из плена он вернулся только в 1218 г., но не в Переяславль Русский, а во Владимир на Клязме. Старшие братья дали ему Стародубское княжество⁴⁰.

В целом образовавшееся в XI в. Переяславское княжество вплоть до 1239 г. сохраняло значение важного форпоста Руси против кочевнической степи. Переяславские князья к концу указанного периода несколько расширили свои владения к югу и востоку, перепланировали и перестроили города, усилив их обороноспособность, укрепили границы, но сами представляли силу только в союзе с другими княжествами. За период 1187–1239 гг. в Переяславском княжестве не было построено ни одного нового города. Когда в 1206 г. Всеволод Чермный изгонял 16-летнего Ярослава Всеволодовича из Переяславля, тому «не бысть помочи ни от кого же», и по требованию киевского князя он без всякого противодействия покорно должен был покинуть свое южное княжество и уйти на север к отцу Всеволоду Большое Гнездо. Оставшись после 1135 г. без тесной связи с Киевом, Переяславское княжество медленно, но верно слабело и через столетие с небольшим стало лёгкой добычей монгольских завоевателей.

³²Там же. Т. XXV. С. 110.

³³Там же. С. 110–111.

³⁴Там же. С. 122.

³⁵Там же. Т. I. Стб. 451.

³⁶Там же. Стб. 455.

³⁷Там же. Стб. 469; Т. II. Стб. 781–782.

³⁸Там же. Т. I. Стб. 435.

³⁹Там же. Стб. 438.

⁴⁰Там же. Стб. 442.

Экономическое состояние Московского государства в первые годы царствования Михаила Фёдоровича (по материалам приказа Владимирской четверти)

Дмитрий Лисейцев

Economic situation of the Muscovite State in the early years of the reign of Mikhail Fedorovich (based on materials of *Vladimirskaya Chet' Prikaz*)

*Dmitry Liseitsev (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences,
and National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia)*

Одним из дискутируемых в российской исторической науке остаётся вопрос о времени завершения тяжёлого политического и социально-экономического кризиса начала XVII в. — Смуты. Официальная пропаганда правительства Михаила Фёдоровича Романова приложила немало усилий, чтобы утвердить точку зрения о прекращении внутренних раздоров с воцарением нового государя: «А которая была в Росийском государстве до него, государя, смута, и рознь, и в людех скорбь, того в радости забыл, кабы ничего не бывало»¹. Старания публицистов романовского круга дали плоды: в трудах российских учёных надолго утвердилось правило «ставить точку в Смуте» в момент избрания на престол Михаила Фёдоровича. События первых лет его царствования в лучшем случае рассматривались как своего рода «эпилог Смутного времени», а повествование о них, как правило, велось «в режиме скороговорки».

Тот же упрощённый взгляд с выраженным оттенком «наивного монархизма», а порой и откровенного мифотворчества бытует и в трудах ряда современных авторов. Мне приходилось уже озвучивать своё мнение относительно хронологических границ Смутного времени и, в частности, обосновывать тезис о том, что оно длилось до 1618–1619 гг.² Свою точку зрения я обосновывал преимущественно указанием на факты продолжавшегося социального противостояния и острой политической борьбы в России первых лет царствования Михаила Фёдоровича. Смута, однако, не может быть сведена к одному лишь социально-политическому конфликту: это было также и время глубочайшего экономического кризиса. Поэтому для решения вопроса о том, ушла ли Смута в прошлое с воцарением Михаила Романова, необходимо проанализировать не только политическую, но и экономическую ситуацию в стране.

К сожалению, экономическая история Смутного времени к настоящему времени не написана, главным образом по причине низкой сохранности документов.

© 2017 г. Д.В. Лисейцев

Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2017 г.

¹ РГАДА, ф. 32, оп. 1, д. 1 (1613 г.), л. 52.

² *Лисейцев Д.В.* Смутное время: происхождение, содержание и хронологические рамки понятия // Сборник Русского исторического общества. Т. 8(156). М., 2003. С. 318–328; *Лисейцев Д.В.* О времени завершения Смуты в Московском государстве // Вестник Тверского государственного университета. 2011. Сер. История. № 11. С. 35–44; *Лисейцев Д.В.* Временные границы Смуты // Российская история. 2012. № 5. С. 43–54.

В исследованиях, как правило, воспроизводится в разных вариациях тезис о том, что Смута сопровождалась разорением страны, сожжением городов, разграблением деревень, запустением пашен, и её экономические последствия ещё долго напоминали о себе. Это утверждение логично, интуитивно понятно и потому, на первый взгляд, не нуждается в научном обосновании. Лишь в ряде трудов предпринята попытка оценить масштабы экономического кризиса, вызванного гражданской войной начала XVII в., но в них основное место отведено рассмотрению вопроса о сборе экстраординарных налогов (пятинных и запросных денег) в начале царствования Михаила Фёдоровича³. При всей важности этого сюжета его раскрытие не позволяет составить детального представления об экономике страны в Смутное время. Большое значение для её изучения имеют подготовленные к публикации С.Б. Веселовским приходо-расходные книги московских приказов⁴. Однако они дают сведения о состоянии различных территорий в разные годы и не позволяют проследить динамику протекавших в экономической жизни Московского государства процессов. Данные о денежных сборах с того или иного города чаще всего сами по себе не позволяют понять масштабов разорения (или, напротив, экономического возрождения) региона. К некоторым выводам приводит лишь сопоставление сведений приходо-расходных книг Новгородской четверти за 1614/15 и 1619/20 гг.⁵ Найденные в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) документы, до сей поры не введённые в научный оборот, дают возможность оценить, как изменялась экономика городов и уездов, подведомственных одному из приказов Московского государства – Владимирской четверти, за промежуток времени с 1613 по 1617 г.

Четвертные приказы прошли во второй половине XVI в. сложную административную и территориальную эволюцию. Как система самостоятельных государственных органов для взимания податей с населения определённых территорий они окончательно оформились только в первые годы XVII в., накануне Смуты. Возникновение Владимирской четверти (сначала называвшейся по имени своего первого руководителя четью дьяка Богдана Власьева) датируется 1599–1600 гг.⁶ К началу царствования Михаила Фёдоровича она в финансовом отношении ведала 28 городами Московского царства. В Восточном Замосковье она контролировала денежные поступления из городов Владимира, Луха. Основной массив территорий, подведомственных приказу, лежал по берегу р. Оки и к югу от неё. Владимирская четь контролировала финансы практически всей Рязанщины: Переславля-Рязанского, Зарайска, Михайлова, Пронска, Рязска, Сапожка, Донкова, Печерников. В неё шли доходы и из крупных сёл на Оке – Старой Рязани, Перевицка, Ростиславля. В ведении четверти, кроме того, находились Таруса, Боровск, Калуга, Тула и расположенные к югу от них

³Веселовский С.Б. Семь сборов запросных и пятинных денег в первые годы царствования Михаила Фёдоровича. М., 1908; Лихачёв Н.П. Новые данные о Земском собрании 1616 г. // Русский исторический журнал. Кн. 8. Пг., 1922. С. 60–85; Воскобойникова Н.П. К истории финансовой политики Русского государства в начале XVII века // История СССР. 1986. № 3. С. 156–161.

⁴Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией (далее – РИБ). Т. XXVIII. Приходо-расходные книги московских приказов. Кн. 1. М., 1912; Приходо-расходные книги московских приказов 1619–1621 гг. (далее – ПРК). М., 1983.

⁵РИБ. Т. XXVIII. Стб. 117–274; ПРК. С. 7–141.

⁶Павлов А.П. Приказы и приказная бюрократия (1584–1605 гг.) // Исторические записки. Т. 116. М., 1988. С. 187–227; Павлов А.П. Эволюция четвертных приказов в конце XVI – начале XVII века // Архив русской истории. 1993. № 3. С. 217–227; Лисейцев Д.В. Приказная система Московского государства в эпоху Смуты. М.; Тула, 2009. С. 220–221.

Воротынский, Крапивна, Болхов и Орёл. Ещё дальше, у юго-западного рубежа, Владимирская четь ведала города Путивль, Чернигов и Рыльск. В 100 верстах к западу от Москвы Владимирской четверти были подведомственны Волок Ламский и Верея. Приказ получал деньги и с городов, лежащих много западнее: Твери, Торжка, Дорогобужа, и приграничных Невеля и Ржевы Пустой.

При реконструкции экономической ситуации в подчинённых Владимирской четверти городах мы можем использовать данные опубликованной в 1912 г. её приходо-расходной книги за 1613/14 г.⁷ В фонде 396 («Архив Оружейной палаты») РГАДА хранится ценный документ, составленный в начале 1614 г. и содержащий информацию о состоянии 14 подведомственных Владимирской четверти уездов (Болховского, Воротынского, Донковского, Зарайского, Калужского, Михайловского, Невельского, Орловского, Переславль-Рязанского, Пронского, Пусторжевского, Путивльского, Рязского и Черниговского). Дополнительную ценность источнику придают включённые в него сведения о размерах денежных поступлений с перечисленных уездов «до литовского разорения»⁸.

Другой важный документ, подводящий для Владимирской чети финансовый итог первому полному году царствования Михаила Фёдоровича, — смета 1613/14 г. (в описи фонда 396 РГАДА дело озаглавлено «О сборе в разных городах таможенных и кабацких, и оброчных четвертных денег»)⁹. В смете утрачена начальная часть, во многом дублируются уже известные по опубликованной приходо-расходной книге 1613/14 г. данные, но обнаруживаются новые сведения, в том числе итоговая калькуляция прихода и расхода денежных средств в приказе. Аналогичная смета Владимирской четверти за 1616/17 г. обнаруживается в деле «О собираемых в казну разных таможенных, кабацких и об отдаче на откуп бань, мельниц и проч. денег». Сохранность этого документа тоже не полная: утрачена начальная часть со сведениями о сборах с Владимира, Калуги, Луха и Тарусы, но информация по остальным городам и уездам и итоговая калькуляция доходов и расходов за год сохранились в полном объёме¹⁰. В сочетании с другими материалами перечисленные источники предоставляют достаточный объём информации для анализа экономического состояния значительной части Московского государства.

Во Владимире, как и в подавляющем большинстве городов Московского государства того времени, основным источником казённой прибыли был кабак¹¹. Прибыльность его для казны в первые годы царствования Михаи-

⁷РИБ. Т. XXVIII. Стб. 1–116.

⁸РГАДА, ф. 396, оп. 1, д. 37921, л. 1–19. В архивной описи дело озаглавлено: «Выписка, сколько собиралось до литовского разорения в государеву казну разных откупных кабацких и др. сборов». Датировать время составления документа помогают два обстоятельства. В нём упоминается о кабацких деньгах из Воротынска за 1612/13 г. (л. 1), доставленных в Москву 30 января 1614 г. (РИБ. Т. XXVIII. Стб. 79). В то же время в документе не упоминается о сожжении «литовскими людьми» Орла в Великий пост 1614 г., т. е. 14 марта – 23 апреля (РИБ. Т. XXVIII. Стб. 25). Таким образом, появление «Выписки» можно условно датировать промежутком времени между началом февраля и концом апреля 1614 г.

⁹РГАДА, ф. 396, оп. 1, д. 37890, л. 1–70.

¹⁰Там же, д. 38948, л. 1–119.

¹¹Кабацкие сборы приносили казне Московского государства наибольшую прибыль и в мирные годы. В начале XVII в., когда торгово-экономические связи были нарушены гражданской войной, питейные сборы стали безусловно доминирующим, а местами и единственным источником казённых доходов. Учитывая стремление правительства получать от кабаков максимальную прибыль (путём передачи их «на откуп» или «на веру»), можно утверждать, что размеры таких сборов отображали экономическое состояние региона и платёжеспособность местного населения.

ла Фёдоровича росла: в 1613/14 г. посадские люди откупили кабака за 500 руб., в 1614/15 и 1615/16 гг. он обходился посадку в 720 руб. 50 коп. в год, а в 1616/17 г. за него пришлось заплатить в казну 731 руб.¹² Помимо питейных пошлин из Владимира приходили так называемые четвертные доходы. Их «старый оклад» (ранее 1606/07 г.) составлял 69 руб. 68 коп. 0.5 деньга. К 1613/14 г. эта часть прихода сократилась до 21 руб. 30 коп. Вместе с кабацкими общий сбор денег во Владимире достиг 569 руб. 40 коп.¹³ В дальнейшем во Владимирском уезде наблюдался некоторый экономический подъём — четвертные доходы к 1616/17 г. поднялись до 43 руб. 35 коп.¹⁴ С доходами от кабака город передал в 1616/17 г. в распоряжение Владимирской четверти 763 руб. 85 коп., что на четверть превышало поступления 1613/14 г. Вскоре по завершении Смуты, в 1620/21 г., кабака откупили за 1 345 руб. 50 коп., в 1621/22 г. — за 1 571 руб. 75 коп. (вдвое дороже, чем в 1616/17 г.)¹⁵. Владимир, таким образом, уже в последние годы Смуты демонстрировал тенденцию к экономическому возрождению, чему в немалой степени способствовала его удалённость от основных мест военных действий.

Та же картина, хоть и более слабо выраженная, просматривается в Лухе: в 1613/14 г. откуп кабака и мельницы стоил 202 руб. 58 коп. 1 деньга, в 1614/15 г. — 210 руб., в 1615/16 г. — 218 руб. 33 коп. 1 деньга, в 1616/17 г. — 230 руб.¹⁶ Надо полагать, в Лухе была достигнута «верхняя планка» финансовых возможностей: по завершении Смуты, в 1619/20 г., целовальники собрали за год только 188 р. 93 коп., а на следующий год кабака отдали в эксплуатацию за 200 руб. 54 коп., т. е. примерно за ту же сумму, что и в 1613/14 г. Мельницу в те годы отдавали в откуп за 18 руб. 73 коп. и 23 руб. 75 коп.¹⁷ Кроме питейных пошлин из Луха во Владимирскую четверть доставляли относительно небольшие четвертные и оброчные доходы, в отличие от кабацких сборов снижавшиеся. В 1612/13 г. их оклад составлял 63 руб. 72 коп., а в 1613/14 г. по результатам нового дозора их причиталось взять втрое меньше — 20 руб. 80 коп. (на том же уровне они оставались и в 1616/17 г.)¹⁸. Таким образом, поступавшие из города Луха во Владимирскую четверть деньги в начале царствования Михаила Фёдоровича выросли с 220 до 250 руб.¹⁹, причём исключительно за счёт повышения цены кабацкого откупа. В далёком от театра боевых действий Лухе на исходе Смуты достигли своеобразного «экономического дна», на уровне которого и обозначилась длившаяся не менее десятилетия стагнация.

Иная ситуация наблюдалась в Твери и Тверском уезде, продолжавших испытывать на себе тяжесть продолжающейся войны. К сожалению, у нас нет

¹²РИБ. Т. XXVIII. Стб. 3; Документы Печатного приказа (1613–1615 гг.) (далее — ДПП). М., 1994. С. 156; РГАДА, ф. 396, оп. 1, д. 38940, л. 200, 204.

¹³РИБ. Т. XXVIII. Стб. 1–4.

¹⁴РГАДА, ф. 396, оп. 1, д. 38940, л. 195.

¹⁵Там же, ф. 233, оп. 1, кн. 4, л. 570 об.

¹⁶РИБ. Т. XXVIII. Стб. 6–7; ДПП. С. 139; РГАДА, ф. 396, оп. 1, д. 38939, л. 57; д. 38940, л. 252. Нельзя, впрочем, сказать, что ситуация в уезде была спокойной и благополучной. В 1614/15 г., например, казна недосчиталась половины откупных денег с луховского кабака: собранные деньги были отобраны у откупщика разбойничавшим в тех краях отрядом атамана З. Заруцкого, а самого откупщика убили (РГАДА, ф. 396, оп. 1, д. 38011, л. 99–101).

¹⁷РГАДА, ф. 233, оп. 1, кн. 4, л. 508 об.

¹⁸РИБ. Т. XXVIII. Стб. 4–5; РГАДА, ф. 396, оп. 1, д. 38939, л. 59–60.

¹⁹Таможенные пошлыны, собиравшиеся в Лухе, в приходе-расходных документах Владимирской четверти не упоминаются; надо полагать, они попадали не во Владимирскую четвь, а в приказ Большого прихода. По завершении Смуты, в 1619/20 г., таможня Луха принесла казне 79 руб. 80 коп., а в 1620/21 г. отдана в откуп за 100 руб. (РГАДА, ф. 233, оп. 1, кн. 4, л. 501–501 об.).

данных о том, какие суммы шли в казну с Твери до начала Смуты. Наиболее ранние сведения, на которые можно опереться, относятся к 1611/12 г. и имеют неполный характер. В тот год прибыль тверского кабака составила 1 052 руб. 84 коп. В следующем 1612/13 г. все поступления с Твери и Тверского уезда достигли суммы 1 936 р. 24 коп. 1.5 деньга. В 1613/14 г. доходы сократились, но, на первый взгляд, не катастрофически — до 1 850 руб. 48 коп. 0.5 деньга²⁰. Согласно прихода-расходной книге 1613/14 г., денежные сборы в Твери примерно соответствовали окладу предыдущего года. При этом во Владимирской четверти констатировали, что Тверской уезд пребывает в тяжёлом состоянии (главным образом, из-за мародёрских действий русских казаков)²¹. Плачевное состояние уезда, если оперировать только итоговыми цифрами, не так заметно. Стоит, однако, обратить внимание на структуру взимаемых в Твери сумм: в 1612/13 г. в городе собрали 945 руб. 89 коп. 0.5 деньга таможенных пошлин и 741 руб. 75 коп. кабацких денег. В 1613/14 г. картина оказалась принципиально иной: таможенные сборы сократились на треть и составили только 616 руб. 14 коп. 0.5 деньга. Зато прибыль от торговли алкоголем выросла более чем в полтора раза, достигнув 1 148 руб. 79 коп. 1.5 деньга²². Такой скачок последней объясняется присутствием в Твери крупного войска, следовавшего под командой боярина кн. Д.Т. Трубецкого на Новгород Великий. В последующие годы, когда в отсутствие большого количества «питухов» кабак уже не мог приносить прежней прибыли, ситуация стала намного тяжелее: в 1615/16 г. тверская таможня пополнила государеву казну лишь на 285 руб. 92 коп. 1.5 деньга. Кабак в тот год также не мог похвастаться высокой доходностью: средств от реализации алкоголя собрали почти вдвое меньше, чем в 1613/14 г. — 632 руб. 95 коп. 1 деньга. Всего же за 1615/16 г. поступления с Твери и уезда достигли 995 руб. 4 коп. 0.5 деньга. Картина стала ещё более плачевной в 1616/17 г., когда таможенных денег удалось собрать только 172 руб. 42 коп. 1.5 деньга, а кабак дал казне вдвое меньше, чем в 1615/16 г., — 314 руб. 53 коп. 1 деньгу. Суммарный сбор в Твери достиг лишь 538 руб. 45 коп. 1 деньга²³.

Ситуация в Торжке выглядела не менее плачевно. До начала Смуты в городе и уезде, согласно присланной из Торжка воеводской отписке, кабак приносил в казну по 1 200 руб. в год, а таможня — 700 руб.²⁴ В 1611/12–1612/13 гг. там собирали лишь по 463 руб. 30 коп., из них 450 руб. приходилось на долю питейных и таможенных денег. 1613/14 г., кажется, принёс с собой заметный экономический подъём: только за первые полгода кабак дал казне почти 630 руб. дохода, а таможенные пошлины достигли 88 руб. С марта 1614 г. кабацкий и таможенный дворы отдали за 450 руб. в откуп жителям Торжка «для их разоренья», т. е. до конца года в казну прислали половину оговорённой суммы — 225 руб. Всего в Торжке за год собрали 955 руб. 89 коп. 1.5 деньга. Однако природа этого

²⁰РГАДА, ф. 396, оп. 1, д. 37574, л. 5 об.; д. 37890, л. 17.

²¹«На перевозки торговые люди ни с какими товарами за воинскими людьми и за казаки ни откуды не ездят, а Тверской уезд весь пуст»; «уездные люди во всем Тверском уезде ходили войною и дворян, и детей боярских, и их людей и крестьян до смерти побивали, жгли и мучили»; «те откупные деньги на нынешней на 122-й год не взяты, потому что в селе в Кушалине стоят без выезда казаки»; «те деньги не взяты, потому что в селе Сухарине все лето стояли казаки» (РИБ. Т. XXVIII. Стб. 38–40, 42).

²²РИБ. Т. XXVIII. Стб. 42, 44.

²³РГАДА, ф. 396, оп. 1, д. 38498, л. 36–39.

²⁴Там же, д. 37574, л. 28.

«экономического чуда» та же, что и в Твери: Торжок на протяжении некоторого времени был базой войска кн. Д.Т. Трубецкого во время новгородского похода. В отсутствие ратных людей экономическая ситуация в Торжке ухудшилась: в 1616/17 г. там собрали только 401 руб. 9 коп. 1 деньгу²⁵.

В Калуге, одном из наиболее крупных и богатых городов, подведомственных Владимирской четверти, в 1601/02 г. годовой оклад составлял 1 788 руб. 12 коп., из которых 873 руб. 23 коп. давал кабак²⁶. В 1612/13 г. поступления из Калуги оказались меньше — 1 353 руб. 4 коп. 0.5 деньга (почти 2/3 из них — питейные пошлины). В 1613/14 г. в Калуге собрали заметно больше, даже несколько превзойдя уровень 1601/02 г. и достигнув суммы 1 826 руб. 87 коп. 1 деньга²⁷. К 1616/17 г. только калужский кабак приносил казне 1 087 руб. 67 коп. 0.5 деньга откупных денег²⁸. На первый взгляд, Калуга в начале царствования Михаила Фёдоровича являла собой пример экономического подъёма. Однако по сравнению с 1601/02 г. сошный оклад в 1612/13—1613/14 г. был в 11 раз меньше (52 коп. 1 деньга)²⁹, что свидетельствует о серьёзном разорении уезда.

Заметно хуже обстояли дела в Туле. Согласно приходо-расходной книге Владимирской четверти, в 1613/14 г. поступления в казну из этого города составили 496 руб. 47 коп. 1 деньгу. 2/3 всех доходов принёс кабак, отданный в откуп за 320 руб. 66 коп.³⁰ В последующие годы его прибыльность оставалась примерно той же: в 1616/17 г. — 299 руб. 54 коп., в 1617/18 г. — 331 руб. 5 коп. Общая сумма сборов с Тулы при этом снизилась примерно на 1/6, упав в 1616/17 г. до 414 руб. 52 коп.³¹

Расположенный в 80 км к северу от Калуги Боровск принёс казне в 1612/13 г. 108 руб. 82 коп. 1 деньгу (100 руб. дал кабак). В 1613/14 г. в Боровске собрали 114 руб. 97 коп. 1 деньгу — небольшой прирост объясняется увеличением стоимости кабацкого откупа, тогда как остальные, и без того невеликие, доходы сократились на 1 руб. 45 коп.³² Ситуация оставалась той же и позднее: в 1616/17 г. поступления в казну от Боровска достигли 137 руб. 25 коп., но почти все эти деньги давала реализация вина. Помимо питейных сборов в городе взяли в том году всего 1 руб. 75 коп. — в пять раз меньше, чем в 1612/13 г.³³ Расположенная недалеко от Калуги Таруса по окладу 1609/10 г. собирала 34 руб. 92 коп. четвертных доходов³⁴. За несколько лет ситуация стала намного хуже: согласно проведённому в городе в 1613/14 г. сыску, «торуской посад от крымских, и от ногайских и от литовских людей войны и от русских людей разорен и вызжен,

²⁵Там же, д. 38948, л. 42—44.

²⁶РИБ. Т. XXVIII. Стб. 7—8; РГАДА, ф. 396, оп. 1, д. 37921, л. 4.

²⁷РИБ. Т. XXVIII. Стб. 8—13.

²⁸РГАДА, ф. 396, оп. 1, д. 38940, л. 253 об.

²⁹РИБ. Т. XXVIII. Стб. 8, 11.

³⁰Там же. Стб. 28—34; РГАДА, ф. 396, оп. 1, д. 37890, л. 5.

³¹РГАДА, ф. 396, оп. 1, д. 38948, л. 24—26.

³²РИБ. Т. XXVIII. Стб. 16—17.

³³РГАДА, ф. 396, оп. 1, д. 38948, л. 1—2.

³⁴К сожалению, мы не знаем, какую сумму вносил тогда в казну тарусский кабак. По-видимому, много выручить с него было нельзя: в 1611/12 г. его отдали в откуп за 10 руб. 50 коп., в 1613/14 г. — за 8 руб. 40 коп. (причём во Владимирской чети указали, что эту новую цену установили уже с «наддачей», т. е. в 1612/13 г. она была ещё меньше). В том же году кабак перекупили тарусские посадские люди, дав за него 9 руб. 18 коп. 1.5 деньга, а в 1615/16 г. ещё меньше — 8 руб. 35 коп. 1.5 деньга (Новые акты Смутного времени. Акты подмосковных ополчений и Земского собора 1611—1613 гг. // ЧОИДР. 1911. Кн. 4 (далее — Акты подмосковных ополчений). № 10. С. 14—15; РИБ. Т. XXVIII. Стб. 15; РГАДА, ф. 396, оп. 1, д. 38940, л. 1—2, 107; д. 38948, л. 93).

и посацкие люди поиманы в полон, а иные посечены, а иные розбрелись в разные города, и государевых четвертных доходов платить им не мочно»³⁵.

Более сильным по экономическому потенциалу по сравнению с Калугой был Переславль-Рязанский: «до тотарского и до литовского разоренья», согласно сметному списку 1604/05 г., с него собрали 2 053 руб. 7 коп. (во Владимирской четверти располагали сведениями и о более высоких прибылях с города: на 1613/14 г. с него назначили собрать «по старому окладу» 2 174 руб. 90 коп.). Однако события Смутного времени оставили след и здесь: в 1611/12 г. рязанские воеводы информировали руководство I Ополчения о невозможности выплатить служилым людям жалованье из местных средств: «перед прежними годы таможенных денег збираетца мало, что из городов с торгом приезду нет, и на кабаках питухов нет же, потому что ратных людей в Переславле нет, пити некому, а в уезде иными кабаками завладели казаки».

Впрочем, на фоне разорения других городов Московского государства ситуацию в Переславле-Рязанском можно признать относительно благополучной: за 1612/13 г. с города и уезда собрали 1 900 руб. 51 коп. 1.5 деньги³⁶, т. е. на 13% меньше «старого оклада». В следующем году положение заметно ухудшилось: по отзыву рязанских властей, «в Переславль деи торговые люди с товаром приезжают мало, и таможенные пошлины взяти не с ково, а на кабаках пьют мало ж, ратных людей в Переславле нет». В 1613/14 г. сборы с Переславля-Рязанского составили 1085 руб. 33 коп. 1.5 деньги³⁷. К 1616/17 г. поступления с города и уезда увеличились — по окладу предыдущего года их предстояло собрать на сумму 1 464 руб. 18 коп. Однако за вычетом недоимки и того, что «убыло для пустоты», реально собрали лишь 1267 руб. 5 коп.

Если крупные и хорошо укрепленные города окского рубежа (Калуга, Тула, Переславль-Рязанский) оставались в последние годы Смуты островками относительной безопасности и экономической стабилизации, то уезды к югу от Оки переживали в начале царствования Михаила Фёдоровича тяжёлые времена, регулярно подвергаясь нападениям татарских, польско-литовских и бунтующих русских отрядов. Подчинённую Владимирской четверти крепость Крапивну в апреле 1613 г. захватили, разграбили и сожгли казаки атамана И.М. Заруцкого, после чего весь доход с крепости составлял лишь 8 руб. 40 коп. Летом 1617 г. на Крапивенский уезд совершил набег татарский отряд, в мае 1618 г. к Крапивне подступали войска Речи Посполитой, а в сентябре того же года крепости пришлось выдержать осаду дезертировавших из русских войск «воров-казачков»³⁸. Политическая нестабильность и опасность вражеского нападения сказывались на экономическом состоянии региона, и в 1616/17 г. взять в откуп крапивенский кабак и таможду соглашались всего за 4 руб. Даже по завершении Смуты, в 1620/21 г. их прибыльность в Крапивне оставалась ниже, чем после разорения города Заруцким, и едва превысила 7 руб.³⁹

³⁵РИБ. Т. XXVIII. Стб. 13–14.

³⁶Там же. Стб. 84–88; РГАДА, ф. 396, оп. 1, д. 37921, л. 7–8, 10.

³⁷РГАДА, ф. 396, оп. 1, д. 37921, л. 7–8, 10; РИБ. Т. XXVIII. Стб. 50, 55.

³⁸Станиславский А.Л. Гражданская война в России XVII в.: Казачество на переломе истории. М., 1990. С. 69, 180; Книга сеунчей 1613–1619 гг. // Памятники истории Восточной Европы. Источники XV–XVII вв. Т. 1. М.; Варшава, 1995. С. 78; РГАДА, ф. 210, оп. 11, д. 3, л. 145.

³⁹РИБ. Т. XXVIII. Стб. 49, 50; РГАДА, ф. 396, оп. 1, д. 38940, л. 43, 48; д. 49949, л. 19, 20; ф. 233, оп. 1, кн. 4, л. 20, 542 об., 582.

Город Болхов, согласно приходо-расходной книге 1613/14 г., платил в казну различных четвертных доходов на 119 руб. 19 коп. 1 деньгу⁴⁰. Кроме того, кабак и таможня, взятые в откуп посадскими людьми, дополнительно давали 136 руб. 60 коп. в год. Всего сборы с города и уезда должны были составлять около 255 руб. До лета 1613 г. экономическое состояние Болхова оставалось, судя по всему, стабильным. Во всяком случае откупные деньги с посадских людей взяли в полном объёме (83 руб. 30 коп. в Москве, остальное израсходовано на месте)⁴¹. 10 июля 1613 г. на город напали «литовские люди»; 12 июля, по описанию воеводы, «Болхов... взяли, и острог, и слободы и кабак выжгли, и дворян и детей боярских, и посадских многих людей побили, а иные посадские люди розбежались розно по иным городом безвесно»⁴². Речь идёт о действиях отряда запорожского атамана Наливайко⁴³. В результате разорения брать дворовой оброк, ранее приносивший в казну 94 руб. 66 коп. 1 деньгу, оказалось не с кого, а цена откупа кабака и таможни сократилась до 120 руб., причём кабацкие деньги указали платить во Владимирскую четь, а таможенные — в Большой приход⁴⁴. Окрестности Болхова неоднократно подвергались опустошению и после набега Наливайко. 30 августа 1615 г. к городу безуспешно приступал полковник А.-Ю. Лисовский, после чего Болхов на некоторое время стал базой действовавшей против лисовчиков русской рати под командованием боярина кн. Д.М. Пожарского. В мае 1616 г. через уезд прошли отряды «воровских казаков», разбежавшихся из-под Смоленска и Брянска. В августе 1616 г. на Болхов дважды нападали татары, причём бои с ними шли на посаде и в слободах; в сентябре они снова опустошали Болховский уезд. В ноябре 1617 г. там были зафиксированы действия литовских отрядов, один из них в декабре напал на город, и сражение с ним происходило на городском посаде. В феврале 1618 г. к Болхову подступал полк Чаплинского; ещё один отряд подданных Речи Посполитой атаковал город в марте 1618 г. В июне у стен крепости его защитники бились с полком Казановского, а в июле — с людьми Юстина Лисовского⁴⁵. Всё это время в Болхове функционировал кабак, причём стоимость его откупа вскоре после взятия города казаками Наливайко увеличилась: в 1615/16 и 1616/17 гг. приходилось платить уже не 60 руб., а 73 руб. 12 коп. 1 деньгу⁴⁶, что, однако, не являлось следствием экономического подъёма региона. Откупщик Павел Епифанов в 1616 г. подал челобитную, утверждая, что «от литовского разорения» собрать положенных денег невозможно, в связи с чем просил либо снять с себя откуп, либо уменьшить его стоимость на 10 руб.; но его просьбу не удовлетворили⁴⁷. По данным сметы за 1616/17 г., Болхов и уезд внесли в казну 93 руб. 7 коп. 1 деньгу (большую часть составляли

⁴⁰РИБ. Т. XXVIII. Стб. 22–23; РГАДА, ф. 396, оп. 1, д. 37921, л. 1.

⁴¹РГАДА, ф. 396, оп. 1, д. 37921, л. 1.

⁴²Там же, л. 2; д. 37622, л. 1; РИБ. Т. XXVIII. Стб. 23.

⁴³В 1617 г. вернувшийся из польского плена болховитин сын боярский Иван Петров сын Лукин писал в челобитной: «Как... с литовскими людьми Наливайко город Болхов взяли, а мы... в те поры в Болхове сидели в осаде. И отца... моего... иссекли, а меня... литовские люди взяли в полон..., и я... живот свой мучил в полону в Литве пять лет» (РГАДА, ф. 141, д. 2 (1619 г.), л. 48).

⁴⁴РИБ. Т. XXVIII. Стб. 22–23.

⁴⁵РГАДА, ф. 210, оп. 13, д. 2, л. 4, 6, 420; оп. 9, д. 7, л. 250; Книга сеунчей... С. 45, 48, 68, 69, 73, 75, 80, 81, 83.

⁴⁶РГАДА, ф. 396, оп. 1, д. 38940, л. 117; д. 38948, л. 11.

⁴⁷Там же, д. 38940, л. 117.

доходы от кабака)⁴⁸. Даже если предположить, что таможенные пошлины, шедшие в приказ Большого прихода, собирались в объёме, равном кабацким деньгам (что маловероятно), то общий размер поступлений в бюджет Московского государства за 1616/17 г. мог быть около 166 руб., что на треть меньше суммы, взятой в 1612/13 г.

Оклад четвертных сборов с города Воротынска не менялся с конца XVI в.: по сотной грамоте 1590/91 г. с его 50 дворов причиталось 20 руб. оброка. 3 руб. 25 коп. взимали за перевоз и рыбную ловлю, 5 руб. 54 коп. 1 деньгу – за наместничий корм. Тот же оклад сохранялся в 1613/14 г. Это, разумеется, не означает, что события Смутного времени не повлияли на экономическое состояние города. На уровень его разорения указывают заметно сократившиеся поступления питейных пошлин: в 1605/06 г. они составляли (вероятно, вместе с тамгой) 61 руб. 90 коп., в 1612/13 г. – всего 11 руб. В 1613/14 г. в Воротынске собрали 23 руб. четвертных доходов, кабацкие и таможенные деньги выросли по сравнению с предыдущим годом почти вдвое: продажа алкоголя принесла 16 руб. 56 коп., с таможни получили 3 руб. 90 коп. 1 деньгу⁴⁹. Тем не менее сборы с города были в два раза ниже, чем в начале Смутного времени. Картина не изменилась и в течение 1614/15 г. Во всяком случае дворовый оброк с Воротынска оставался прежним – 20 руб. Но его в Москве так и не получили. С весны 1615 г. на город обрушилась череда вражеских набегов. В мае 1615 г. на него напал отряд в четыре сотни «воровских казаков», бежавших из полков под Брянском: «и в Воротынску... на посаде и в Воротынском уезде крестьян переграбили, а воротынцев посадцких людей лутчих побили насмерть, а иных многих ломали и розными пытками пытали, и огнем жгли, и Божия милосердья образы окладныя одирают, и дворянских и детей боярских людей и крестьян в Воротынском уезде в вотчинах и помесьях по тому ж многих насмерть побивают и пытками пытаются, и огнем жгут»⁵⁰. В 1615/16 г. «литовские люди» выжгли воротынский посад и «побили» его жителей, в результате дворовый оброк за 1614/15 г. не попал в Москву, а в 1615/16 и 1616/17 г. брать его было не с кого⁵¹. Последствия разорения «литовскими людьми» Воротынска оказались тяжёлыми: собирать доходы вновь смогли лишь через полгода. С 1 марта по 1 сентября 1616 г. верные целовальники смогли собрать в Воротынске 3 руб. 24 коп. 0,5 деньга кабацких и таможенных денег. Слабое оживление экономической жизни в разорённом уезде не осталось незамеченным в Москве: в январе 1617 г. осадному голове М.Т. Дурному направили грамоту, где констатировалось начало возвращения в Воротынск разбежавшихся посадских людей; по распоряжению из Владимирской четверти их предстояло переписать. Оптимизм столичных властей оказался преждевременным. За следующие полгода, с 1 сентября 1616 г. по 1 марта 1617 г., целовальникам удалось собрать только

⁴⁸ Там же, д. 38948, л. 11–13.

⁴⁹ РИБ. Т. XXVIII. Стб. 20–22, 78–79.

⁵⁰ РГАДА, ф. 396, оп. 1, д. 38011, л. 20.

⁵¹ Там же, д. 38940, л. 116. Послужные списки начала XVII в. позволяют связать разорение Воротынска с действиями отрядов полковника А.-Ю. Лисовского в сентябре 1615 г. В одном из списков упоминается о сражении рати боярина кн. Д.М. Пожарского с лисовичиками в Воротынском уезде 11 сентября 1615 г.; в послужном списке жильца П.Г. Квашнина есть указание на бой с «литовскими людьми», развернувшийся 27 сентября 1615 г. на посаде Воротынска (РГАДА, ф. 210, оп. 13, д. 2, л. 50; д. 4, л. 470; оп. 9, д. 892, л. 598). Это ещё одна малоизвестная страница в истории Смуты, не нашедшая отражения в трудах, посвящённых «войне Лисовского».

1 руб. 70 коп. 1 деньгу. С наступлением весны ситуация и вовсе стала отчаянной из-за действий «воровских казаков»: «марта с 1-го числа нынешняго 125-го году сентября по 1-е число 126-го году в Воротынске кабацких и таможенных денег верные целовальники не збирали, бегали от казаков и сидели в осаде в Колуге»⁵².

Ещё более болезненным оказался удар, нанесённый в Смуту Орлу. Выписка о состоянии подведомственных Владимирской четверти городов исчисляет годовой оклад для города в 50 руб. 18 коп. 1 деньгу (из них 28 руб. получали с продажи вина)⁵³. Позднее орловский кабак дали в откуп за 34 руб. 77 коп., после чего по уточнённым во Владимирской четверти данным общий оклад для Орла составил в 1613/14 г. 56 руб. 95 коп. 1.5 деньгу. Однако получить в Москве успели только 6 руб. 50 коп., взятых загодя, ещё 30 августа 1613 г. Прочих денег собрать не удалось: в начале 1614 г. город сожгли «литовские люди»: «посацких и всяких жилецких людей посекали, а острог и дворы пожгли без остатку». До конца Смутного времени город так и не восстановили; в финансовых документах Владимирской чети из года в год повторялась запись: «И в прошлом во 122-м году литовские люди Орел, посад и уезд розорили и людей побили, и тех денег взяти не на ком»⁵⁴.

Непростая экономическая ситуация сложилась в Зарайске. По приходо-расходной книге 1613/14 г. годовой оклад там составлял 588 руб. 15 коп. 1.5 деньги. В предыдущем 1612/13 г. сборы в Зарайске были приблизительно такими же: из оклада «убыло» 110 руб. 66 коп. 1.5 деньги (главным образом из-за передачи части податей в пользу Никольского собора), но за счёт увеличения нагрузки на отданный в откуп зарайский кабак (115 руб. 85 коп. 1 деньга) «убыль» компенсировали и даже добились небольшого прироста⁵⁵. Впрочем, пятирублёвая прибыль была слабым утешением, если учитывать, что «до литовского и до тотарсково разоренья» в Зарайске собирали 1 266 руб. 57 коп. Столь тяжёлое положение стало основанием для подачи зарайским посадом руководству I Ополчения челобитной с просьбой освободить горожан от ряда податей: «у Николы де у Заразского город разорен трюжды, и людей посадцких многих побили, и посады выжгли»⁵⁶. Несмотря на то, что Зарайск после воцарения Михаила Фёдоровича вплоть до лета 1618 г., когда к его стенам подошли запорожцы гетмана Петра Сагайдачного, находился в удалении от зоны наиболее активных боевых действий, разорение города продолжалось. В 1616/17 г. с Зарайска и Зарайского уезда удалось собрать всего 416 руб. 73 коп. 1 деньгу. Большая часть денег приходилась на кабацкие сборы, отданные в откуп за 376 руб. 86 коп. 1 деньгу⁵⁷.

Ощутимым оказалось и разорение города Михайлова. До наступления Смутного времени с него собирали по окладу 248 руб. 40 коп. Однако

⁵²РГАДА, ф. 396, оп. 1, д. 38940, л. 116; ф. 396, оп. 1, д. 38948, л. 9–10.

⁵³Там же, д. 37921, л. 3.

⁵⁴Там же, д. 38948, л. 27.

⁵⁵РИБ. Т. XXVIII. Стб. 58–62.

⁵⁶РГАДА, ф. 396, оп. 1, д. 37921, л. 11–12. Любопытно указание на трехкратное разорение Зарайска в Смутное время. Известны два разорения города – весной 1608 г. отрядами А.-Ю. Лисовского и в декабре 1610 г. И. Сунбуловым, действовавшим от имени правительства «семибоярщины». По всей видимости, третье разорение нужно связывать с нападением татарских отрядов (в приказной выписке упоминается, помимо «литовского», также и «тотарское» разорение города).

⁵⁷РГАДА, ф. 396, оп. 1, д. 38948, л. 60–61.

в 1612/13 г. верные целовальники собрали кабацких, таможенных и банных денег всего 136 руб. Несмотря на очевидное падение доходов, этот год в Михайлове рассматривался как относительно благополучный: отдавая в 1613/14 г. кабак и таможду в откуп за 80 руб. 50 коп., михайловский воевода объяснял этот явно невыгодный для казны шаг тем, что «во 121-м году ратных людей было много, а ныне де служивых людей мало». В итоге с Михайлова в 1613/14 г. удалось собрать лишь 87 руб. Общее состояние города и уезда ярко охарактеризовано в отписке воеводы: «на Михайлове никаких сошных тяглых людей нет, все служивые люди; а которые были черные люди до розоренья 200 человек, и те в межусобье разошлись по слободам в стрельцы и в казаки, а иные побиты. А чернослободцов на Михайлове нет ни одново человека; а Михайловской уезд в межусобье от крымских и от нагайских людей разорен, села и деревни выжжены»⁵⁸. К 1616/17 г. ситуация в Михайлове улучшилась лишь немного: подняв стоимость откупа кабака, тамги и бани на 10 руб., с города собрали 101 руб. 25 коп.⁵⁹

Похожая ситуация наблюдалась и в других «рязанских» городах. Подати с Пронска «до литовского разорения» составляли 180 руб. 21 коп. 0.5 деньги, а в 1612/13 г. — лишь 104 руб. 45 коп. 1 деньгу. Как и в Михайлове, в Пронске, по словам воеводы, «посадцких тяглых людей нет, все стрельцы и казаки, и пушкари, и затинщики, взяти денежных доходов не на ком»⁶⁰. Результатом стало существенное падение доходов: за 1613/14 г. целовальники собрали в городе только 58 руб. 37 коп. 1 деньгу⁶¹. В последующие годы ситуация выправилась незначительно: в 1615/16 г. кабацких и таможенных денег верные целовальники получили 71 руб. 93 коп., в 1616/17 г. — 75 руб. 65 коп.⁶²

Прибыли от города Донкова и в лучшие времена были меньше, чем в разорённом Пронске, — наместничий доход и кабацкие деньги приносили в казну 65 руб. 45 коп. В 1612/13 г. в городе собрали лишь 33 руб. 47 коп. Однако и это был ещё не предел экономического падения уезда, где «тяглых людей, опричь стрельцов и казаков, и в уезде сел и деревень нет, выжжены и вываины». За 1613/14 г. сборы упали до 22 руб. 31 коп.⁶³, а к 1616/17 г. не успели вернуться даже к уровню 1612/13 г. и составили лишь 30 руб. 49 коп. 1 деньгу⁶⁴.

Сведениями о податях, взимаемых с города Рязска до «литовского и татарского разоренья», во Владимирской четверти не располагали. В 1612/13 г. с него удалось собрать 46 руб. 25 коп.; такими же оставались доходы в 1613/14 г. и ближайшие годы. К концу Смуты положение Рязска стало даже более бедственным, чем в соседних уездах, — согласно отписке рязского воеводы от 1613/14 г., «в Рязском города и острогу, и посаду, и посадцких черных людей нет, опричь казаков»⁶⁵. Острог, правда, вскоре поставили, однако простоял он недолго — в июле 1618 г., после получения вестей о вторжении в южные уезды войска запорожского гетмана Сагайдачного, в Рязск пришло распоряжение — «по черкасским вестям велено... рязской горадецкой

⁵⁸ Там же, д. 37921, л. 14–15; РИБ. Т. XXVIII. Стб. 25–26.

⁵⁹ РГАДА, ф. 396, оп. 1, д. 38948, л. 15.

⁶⁰ Там же, д. 37921, л. 16.

⁶¹ РИБ. Т. XXVIII. Стб. 26–27.

⁶² РГАДА, ф. 396, оп. 1, д. 38948, л. 16.

⁶³ Там же, д. 37921, л. 17–18; РИБ. Т. XXVIII. Стб. 27–28.

⁶⁴ РГАДА, ф. 396, оп. 1, д. 38948, л. 18–19.

⁶⁵ Там же, д. 37921, л. 19; д. 38948, л. 58–59.

острожок розламать», что и выполнил воевода, ушедший с ряжским гарнизоном оборонять Пронск⁶⁶.

К числу совсем молодых городов в Рязанской земле принадлежал Сапожок, названный в приходе-расходной книге Владимирской чети 1613/14 г. «Сапошковским новым острошком». Неизвестно, когда здесь возвели крепость; наиболее раннее упоминание о ней относится к 1612/13 г.⁶⁷ Начиная с этого года единственным источником дохода в городе выступал кабак: на протяжении следующих четырёх лет его отдавали в откуп за одну и ту же сумму — 35 руб. 20 коп.⁶⁸ Короткому периоду стагнации положило конец нападение запорожцев Сагайдачного, разоривших Сапожок летом 1618 г. Часть населения города погибла, некоторые бежали в соседний Шацкий уезд. Прибывший в марте 1619 г. в Сапожок воевода застал на месте лишь 133 казаков, 12 пушкарей, затинщиков и воротников; кроме них в двух слободах обнаружилось 50 «жилецких и всяких людей»⁶⁹.

Уже после оформления приходе-расходной книги 1613/14 г. в ведение Владимирской четверти передали крепость Печерники. Доходность её была невысокой: в 1615/16 г. прибыльность кабака и таможи оценили лишь в 10 руб. 50 коп., в 1616/17 г. — в 12 руб. 7 коп. 1 деньгу. Приблизительно столько же откуп этих объектов стоил в первые годы по завершении Смуты: в 1620/21 г. — 11 руб. 15 коп., 1621/22 г. — 13 руб. 51 коп. 0.5 деньги⁷⁰.

Во Владимирской четверти числились также несколько крупных сёл на Оке. Прибыль от них стоила иных городов, подчинённых тому же приказу. Одно из них — село Старая Рязань, расположенное ниже Переславля-Рязанского по течению Оки на месте древней столицы Рязанского княжества. В 1612/13 г. откуп кабака и таможи в Старой Рязани обогатил казну на 90 руб., 1613/14 г. — на 99 руб., а в 1614/15 г. — на 109 руб. 95 коп.⁷¹ В смете Владимирской четверти 1616/17 г. это село уже не фигурирует. Вероятно, причиной тому является его сожжение в декабре 1615 г. отрядом А.-Ю. Лисовского, двигавшимся из-под Мурома к Переславлю-Рязанскому (в числе сожжённых, по собственному свидетельству полковника, «городов» легко угадывается название Старой Рязани — *Stara Brzezaw*)⁷². Во Владимирской чети ведалось также село Перевицк (ранее, как и Старая Рязань, бывшее городом), расположенное между Коломной и Переславлем-Рязанским. В марте 1613 г. кабак и таможня здесь дали в откуп за 70 руб. 50 коп., на 1613/14 г. их перекупили за 75 руб. 75 коп., в 1614/15 г. — за 81 руб. В 1615/16 г. цена достигла 144 руб. и осталась той же в 1616/17 г. По завершении Смуты прибыльность Перевицка поднялась ещё на 80% — таможенная пошлина давала

⁶⁶Там же, ф. 210, оп. 10, д. 7, л. 133.

⁶⁷РИБ. Т. XXVIII. Стб. 65; РГАДА, ф. 210, оп. 9, д. 892, л. 540–541.

⁶⁸РГАДА, ф. 396, оп. 1, д. 38940, л. 189 об., 191–193; д. 38948, л. 63, 77; РИБ. Т. XXVIII. Стб. 65.

⁶⁹РГАДА, ф. 210, оп. 10, д. 7, л. 152, 153, 165.

⁷⁰Там же, ф. 396, оп. 1, д. 38948, л. 57; ф. 233, оп. 1, кн. 4, л. 52, 522.

⁷¹РИБ. Т. XXVIII. Стб. 56; РГАДА, ф. 396, оп. 1, д. 37574, л. 1–3; д. 38940, л. 187 об.

⁷²*Зорин А.В.* Александр Юзеф Лисовский: герой Смутного времени // История военного дела: исследования и источники. 2012. Т. III. С. 145. URL: <http://www.milhist.info/2012/10/26/zorin>. После 1613/14 г. мы не обнаруживаем в документах как отдельный объект налогообложения рязанское село Стружан, где кабак и тамгу в 1613/14 г. взяли в откуп за 27 руб. 30 коп. (РИБ. Т. XXVIII. Стб. 64–65).

в казну более 149 руб., а кабацкий откуп стоил свыше 90 руб.⁷³ Меньше богатым было село Ростиславль (также бывший древнерусский город), лежавшее между Коломной и Каширой, подчинённое воеводам города Зарайска. Там собирали кабацкие и мытные деньги: в мае—августе 1611 г. — 35 руб. 36 коп.; 1612/13 г. — 41 руб., 1613/14 г. — 34 руб. 70 коп. 1 деньгу (по другим данным — 36 руб. 72 коп.), 1614/15 г. — 31 руб. 47 коп. В 1616/17 г. кабак и таможенную в Ростиславле отдали в откуп за 44 руб. 7 коп.⁷⁴

Некоторые города, ведомые во Владимирской чети, возвратились под власть Московского государства лишь после воцарения Михаила Фёдоровича. К их числу относится Путивль, захваченный польскими войсками в 1611/12 г.⁷⁵ Ранее он приносил немалую прибыль — «с посаду и с уезду всяких денежных доходов до литовского разоренья было 1 210 рублей». В июле 1613 г. город заняли русские войска, но вследствие разорения в 1613/14 г. податей с него брать не стали⁷⁶. В течение того года путивльский кабак принёс казне 491 руб., и на следующий 1614/15 г. постановили собрать ту же сумму⁷⁷. К 1616/17 г. Путивль вышел из льготного периода, но до прежнего уровня не поднялся — за период с 1 сентября 1615 г. по 1 мая 1616 г. верные целовальники собрали 321 руб. 78 коп. 1 деньгу питейных прибылей (следовательно, за полный год путивльский кабак мог принести примерно столько же, что и в предыдущие два года). Эти деньги по царскому указу не присылали в Москву — на них следовало покупать хлебные запасы для ратных людей⁷⁸. На протяжении нескольких лет Путивльский уезд оставался в состоянии экономической стагнации, из которой стал выходить лишь в 1620-е гг.: в 1620/21 г. кабак взяли в откуп за 440 руб. 41 коп., 1621/22 г. — за 579 руб. 93 коп. 1.5 деньга, 1622/23 г. — за 614 руб. 94 коп. 0.5 деньга⁷⁹.

В похожей экономической ситуации находился расположенный в 60 верстах от Путивля Рыльск. В приходо-расходной книге Владимирской четверти 1613/14 г. этот город не фигурирует, надо полагать, его передали под её юрисдикцию позже. В последние годы Смуты Владимирская четверть получала с Рыльска только кабацкие деньги (таможенные пошлины, вероятно, шли в приказ Большого прихода). Наиболее ранние известные нам сведения о сумме, поступавшей в казну от рыльского кабака, относятся к 1614/15 г. — 110 руб. 50 коп. Она осталась прежней и на следующий год, а в 1616/17 г. сбор питейных податей в Рыльске отдали на веру (собранная целовальниками сумма, к сожалению, нам неизвестна, её, как и в Путивле, велели тратить на месте на закупку хлеба ратным людям)⁸⁰. По завершении Смуты доходность торговли вином в Рыльске быстро выросла: в 1620/21 г. верные

⁷³РИБ. Т. XXVIII. Стб. 57; РГАДА, ф. 396, оп. 1, д. 50003, л. 1–2; д. 38940, л. 177, 187 об.; д. 38948, л. 55; ф. 233, оп. 1, кн. 4, л. 3–3 об., 84 об.

⁷⁴РИБ. Т. XXVIII. Стб. 58; РГАДА, ф. 396, оп. 1, д. 37746, л. 1, 13; д. 38940, л. 34 об., 37 об., 188 об., 245; д. 38948, л. 56, 57.

⁷⁵РГАДА, ф. 210, оп. 9, д. 101, л. 435.

⁷⁶Там же, ф. 396, оп. 1, д. 37921, л. 6; РИБ. Т. XXVIII. Стб. 34–35; Книга сеунчей... С. 19.

⁷⁷РГАДА, ф. 396, оп. 1, д. 38940, л. 141.

⁷⁸Там же, д. 38948, л. 28. Отмечу, что денег, собираемых в Путивле, не могло хватить на жалование местным служилым людям и переведённым туда из их запустевшего города черниговцам. Согласно составленной в Разрядном приказе смете, в 1617–1618 гг. на уплату годового жалованья 269 деграм боярским, 324 казакам, 300 стрельцам, служившим в Путивле, требовалось 4 275 руб. (Там же, ф. 210, оп. 14, д. 2, л. 257–258).

⁷⁹Там же, ф. 233, оп. 1, кн. 4, л. 244, л. 210, 244.

⁸⁰Там же, ф. 396, оп. 1, д. 38940, л. 132–134; д. 38948, л. 65.

целовальники собрали 399 руб. 46 коп., а на следующий год кабак передали в откуп за 420 руб. 46 коп.⁸¹

Если Путивль после возвращения под власть Московского государства, хоть и медленно, восстанавливал экономический потенциал, то некоторые из подведомственных Владимирской четверти городов пришли в полное запустение. К числу таковых принадлежал Чернигов, который не был богат и до начала Смутного времени – в 1601/02 г. все денежные сборы с него в казну составляли всего 39 руб. 93 коп. 1.5 деньги⁸². В 1609/10 г. город разорили польско-литовские войска, после чего служилые люди Черниговского уезда несли службу главным образом в Путивле, Новгороде-Северском и Рыльске⁸³. Отмеченный в приходе-расходной книге Владимирской четверти в 1613/14 г. как запустевший, Чернигов уже не фигурирует в смете этого приказа за 1616/17 г., как и Ржева Пустая (Заволочье), приносившая казне в 1605/06 г. 66 руб. 39 коп. 0.5 деньги. В июле 1613 г. русские отряды отбили её у неприятеля, но позитивных перемен не последовало: «город и посад сожгли, и ныне пуст»⁸⁴.

Иная судьба у отнятого у польско-литовской стороны в 1613 г. Невеля: до конца Смуты он оставался на передовой линии противостояния между Московским государством и Речью Посполитой, вернувшись под власть последней лишь по условиям Деулинского перемирия 1618 г.⁸⁵ И если в 1601/02 г. доходы с Невеля достигали лишь 85 руб. 53 коп. 1 деньгу (на долю питейных пошлин приходилось 52 руб. 67 коп. 1 деньга), то уже в 1613/14 г. невельский кабак отдали в откуп за 200 руб., 1614/15 г. – за 225 руб., 1615/16 г. – за 265 руб. В 1616/17 г. кабацкую и таможенную прибыль оценили в 306 руб.⁸⁶ Невельские деньги оставались на месте и расходовались на уплату жалованья служилым людям⁸⁷. В последние годы Смуты продажи алкоголя в Невеле увеличились по сравнению с 1601/02 г. пятикратно, что не следует связывать с экономическим подъёмом, невозможным в зоне постоянных боевых действий. Вероятнее всего, доходы выросли из-за присутствия в городе крупного воинского контингента.

Разорение западных уездов Московского государства можно проиллюстрировать примером Дорогобужа. До начала Смуты, в 1601/02 г., общий доход с города и уезда составлял 335 руб. 21 коп. 0.5 деньги, из них 132 руб. давал кабак. В 1610 г. Дорогобуж был захвачен польско-литовскими войсками и возвратился под власть Московского государства только в 1613 г., во время похода русской рати кн. Д.М. Черкасского на Смоленск. К тому времени, по свидетельству приходе-расходной книги, «дорогобужен посацких людей после литовского розоренья осталось только 10 человек, а уездом владеют козаки, а даны им в приставства»⁸⁸. Основным источником дохода для казны в разорённом

⁸¹Там же, ф. 233, оп. 1. кн. 4, л. 445–445 об.

⁸²РИБ. Т. XXVIII. Стб. 64.

⁸³РГАДА, ф. 210, оп. 9, л. 109, л. 211.

⁸⁴РИБ. Т. XXVIII. Стб. 64, 65; РГАДА, ф. 396, оп. 1, д. 37921, л. 6; Сборник Русского исторического общества. Т. 142. М., 1913. С. 421.

⁸⁵О военном противостоянии в окрестностях Невеля см.: Малов А.В. Борьба за Невель в конце Смуты // *Ukraina Lithuanica: студії з історії Великого князівства Литовського*. Т.І. Київ, 2009. С. 67–88.

⁸⁶РИБ. Т. XXVIII. Стб. 35; РГАДА, ф. 396, оп. 1, д. 37921, л. 6; д. 38940, л. 119–120; д. 38948, л. 29.

⁸⁷РГАДА, ф. 396, оп. 1, д. 38940, л. 49 об.

⁸⁸РИБ. Т. XXVIII. Стб. 63.

уезде был кабацкий двор. Его отдавали в откуп в 5–6 раз дешевле, чем в начале Смуты: за 21 руб. в 1613/14–1614/15 гг. и за 26 руб. в 1615/16–1616/17 гг. Вместе с деньгами за баню и сусло Дорогобуж к 1617 г. приносил казне 28 руб. 35 коп.⁸⁹ В 1617 г. его заняли войска королевича Владислава, а затем, по Деулинскому перемирию 1618 г., город отошёл к Речи Посполитой.

Волок-Ламский в 1599/1600 г. пополнил государственную казну на 134 руб. 84 коп. 0.5 деньги. В 1613/14 г. с него собрали приблизительно столько же – 135 руб. 65 коп. 1.5 деньги⁹⁰. Расположенный всего в 100 верстах от столицы, город с конца 1612 г., когда под его стенами остановили шедшее на Москву войско короля Сигизмунда III, на протяжении нескольких лет находился в зоне относительной безопасности. Поэтому сборы с Волока постепенно росли, и в 1616/17 г. с него планировалось взять уже 163 руб. 23 коп. 1.5 деньги. Разумеется, город не был застрахован от отдельных неприятностей: в конце 1615 г., например, через него прошёл отряд воеводы кн. М.П. Барятинского, преследовавший действовавших в центральных уездах «лисовчиков». Воевода взял в местном кабаке себе и ратным людям вина на 46 руб., не удосужившись за него заплатить. В 1616/17 г. здесь случился большой пожар, вследствие чего откупщикам простили 31 руб. недобранных кабацких денег⁹¹. Существенно повлиять на ситуацию в Волоке должен был 1618 г., когда в его окрестностях развернулись военные действия с войсками королевича Владислава, но, к сожалению, соответствующими данными мы не располагаем.

Более тяжёлая участь постигла на исходе Смуты Верею, расположенную на таком же расстоянии от Москвы, что и Волок-Ламский. По окладу 1609/10 г. с верейского кабака Владимирская четь получала 55 руб. 60 коп., а вместе с прочими сборами – 66 руб. 31 коп. 1 деньгу. В 1610/11 г. город захватили польско-литовские отряды, разорившие его и даже вырубившие фруктовые сады. Проведённый в 1613 г. дозор показал неутешительную картину запустения: «посад и уезд от войны литовских людей вызжен и высечен, и кабак пуст, и тех четвертных доходов и кабацких денег взять не на ком». По оценке, проведённой в 1613/14 г., с Вереи взяли, с учётом разорения города и уезда, всего 3 руб. 81 коп. 0.5 деньги⁹². Удар, нанесённый «литовскими людьми», оказался не последним: в 1615 г. её захватили и разграбили «воровские казаки» атамана Афанасия Кумы⁹³. Неудивительно поэтому, что и прежней суммы собрать не могли: в 1616/17 г. оклад для города оставался прежним, но в Москве получили только 20 коп.⁹⁴ В октябре 1617 г. вновь «государевы изменники русские воры козоки, села и деревни жгли и хрестьян из животов мучили». Ходили они и на приступ к самому городу, но на этот раз захватить его не сумели⁹⁵. И, наконец, в конце августа 1618 г. Верея опять оказалась в руках польско-литовского войска, двигавшегося в направлении Москвы⁹⁶.

Сметы Владимирской четверти за 1613/14 и 1616/17 гг., помимо сведений о деньгах, присланных в казну из разных городов и уездов, содержат также

⁸⁹РГАДА, ф. 396, оп. 1, д. 49949, л. 27; д. 38940, л. 36, 37; д. 38948, л. 62–63.

⁹⁰РИБ. Т. XXVIII. Стб. 17–20.

⁹¹РГАДА, ф. 396, оп. 1, д. 38948, л. 6–8, 95–96.

⁹²РИБ. Т. XXVIII. Стб. 65–68.

⁹³РГАДА, ф. 210, оп. 13, д. 2, л. 400.

⁹⁴Там же, ф. 396, оп. 1, д. 38948, л. 64–65.

⁹⁵Там же, ф. 210, оп. 9, д. 7, л. 246, 248.

⁹⁶Там же, д. 9, л. 122.

подведение общего финансового итога деятельности приказа. Сопоставление этих данных за два года позволяет сделать ряд наблюдений. В 1613/14 г., примеряясь к финансовым итогам предыдущего года, рассчитывали собрать 12 136 руб. 56 коп. 1 деньгу. В 1616/17 г. прогнозы по сбору «окладных доходов» выглядят скромнее — лишь 8 109 руб. 60 коп. 1 деньга⁹⁷. Это указывает на то, что реальные поступления 1615/16 г. (исходя из них рассчитывался «оклад» на 1616/17 г.) оказались на треть ниже аналогичного показателя 1612/13 г. В обоих случаях сборы оказались заметно ниже прогнозируемых. За 1613/14 г. собрали 8 701 руб. 82 коп. 1 деньгу (около 72% запланированной суммы); в 1616/17 г. в распоряжение Владимирской четверти с подведомственных городов было прислано 7 213 руб. 77 коп. 0.5 деньга (89%). По сравнению с 1613/14 г. окладные доходы Владимирской четверти упали на 17%.

Помимо окладных денег приказ взыскивал недоимки за предыдущие годы и получал также иные, незапланированные доходы, именовавшиеся «неокладными». Без учёта сумм, заимствуемых в других приказах, в 1613/14 г. Владимирская четверть получила в распоряжение 12 460 руб. 22 коп. 0.5 деньга, а в 1616/17 г. — 72% от собранного в 1613/14 г. — 9 026 руб. 75 коп. 1.5 деньга. Для пополнения дефицита наличных средств Владимирской четверти приходилось прибегать к займам в других приказных учреждениях. В 1613/14 г. таких денег взяли 1 110 руб., в 1616/17 г. — 2 396 руб. Отметим также, что непосредственно в Москву, в распоряжение руководства Владимирской чети поступало менее половины собираемых в городах средств (большая часть расходовалась непосредственно на местах). В 1613/14 г. до столицы дошло лишь около 3 350 руб., т. е. 27% общего количества сборов за год. В 1616/17 г. этот показатель вырос до 36%, но в денежном выражении оказался ниже прежнего — около 3 280 руб.⁹⁸

Какие предварительные выводы мы вправе сделать, опираясь на финансовую документацию Владимирской четверти 1613–1617 гг.? Источники свидетельствуют: первые годы царствования Михаила Фёдоровича — время продолжения экономического кризиса, который не только не демонстрировал тенденции к затуханию, но, напротив, становился более глубоким. К 1613 г. страна была уже основательно разорена. Полной статистикой для городов Владимирской четверти мы не располагаем, но и имеющиеся сведения позволяют оценить ситуацию. В крайне тяжёлом положении оставались уезды, отбитые у Речи Посполитой: Чернигов и Ржева Пустая пришли в полный упадок, Дорогобуж давал в казну в 14 раз меньше, чем до Смуты, поступления с Путивля сократились в 2.5 раза. С Торжка к 1613 г. собирали денег в четыре раза меньше, чем прежде, с Пронска — в три раза, с Зарайска, Михайлова, Донкова и Воротынска — в два раза. В меньшей степени пострадали крупные города, за стенами которых могли рассчитывать на относительную безопасность жители окрестных земель. Уменьшение податей с Калуги составило примерно 25%, с Переславля-Рязанского — 13%. Суммарный же доход с перечисленных городов, шедший в казну Владимирской четверти в 1613 г., был в два с лишним раза ниже, чем до начала Смуты.

⁹⁷Согласно составленной для участников Земского собора 1616 г. справке, в 1615/16 г. Владимирская четь рассчитывала собрать вместе с доимками прошлых лет 7 875 руб. 56 коп. 0.5 деньга (Лихачёв И.П. Указ. соч. С. 75–76), что должно примерно соответствовать сборам 1614/15 г.

⁹⁸РГАДА, ф. 396, оп. 1, д. 37890, л. 44–48, 65–67; д. 38948, л. 66–69, 108.

С.Б. Веселовский опубликовал отрывок сметы Владимирской четверти за 1601/02 г. На первый взгляд этот фрагмент свидетельствует о том, что до начала Смуты доходы приказа не слишком отличались от уровня 1613–1617 гг.: «всего в чети у дьяка Богдана Власьева четвертных окладных, и неокладных и доимочных денег прошлых годов, и что у 109-го году за расходом осталось во 110-й год, в зборе 8 983 рубли 6 алтын 1 деньга». Вместе с занятыми в приказе Казанского дворца 3 тыс. руб. получилась сумма около 12 тыс. руб.⁹⁹ Однако анализ опубликованного Веселовским фрагмента и сопоставление со структурой других смет Владимирской четверти начала XVII в. показывает: приведённая сумма включает не все доходы приказа, а только средства, поступившие в Москву в распоряжение дьяка Б. Власьева. Ей предшествует перечисление «доимок» прошлых лет, а непосредственно за калькуляцией предварительного итога («и обоего с заемными деньгами в зборе») следует подсчёт сумм на уплату жалованья четвертчикам из средств приказа в Москве. В годовых сметах Владимирской четверти между «доимками» и расходами помещали сумму, пришедшую непосредственно в приказ (средства, потраченные на местах, здесь не учитывались). Отмечу также, что на жалованье четвертчикам (их в 1601/02 г. числилось около 500 человек) Владимирская четверть должна была иметь (непосредственно в Москве) 10 455–12 323 руб., что примерно соответствует сумме, собранной в приказе, вместе с занятыми в Казанском дворце деньгами. Следовательно, приведённая в опубликованном С.Б. Веселовским фрагменте сметы 1601/02 г. сумма – 8 983 руб. 18 коп. 1 деньга – это не весь годовой приход Владимирской четверти, а только деньги, взятые в Москве. По данному показателю видно, что в 1601/02 г. (который из-за свирепствовавшего в стране голода нельзя назвать благополучным) руководство приказа получило в своё распоряжение в 2,7 раза больше средств, чем в 1613/14 г. Это, повторимся, не весь доход Владимирской чети: в 1613/14 и 1616/17 гг. на местах тратилось в 3–4 раза больше, чем доходило до столицы. Мы не знаем, к сожалению, каково соответствующее соотношение на начало XVII в., а потому не можем подсчитать приблизительную общую сумму сборов во Владимирской четверти. Думается, в идеале она должна была как минимум покрывать расходы приказа, а общая потребность Владимирской четверти в деньгах в 1615/16 г. составляла около 20 тыс. руб.¹⁰⁰

По приблизительным подсчётам, платёжеспособность населения Московского государства к началу царствования Михаила Фёдоровича (за первые восемь лет Смуты) сократилась в 2–2,5 раза, однако, как показывают материалы Владимирской четверти, к 1613 г. «экономического дна» ещё не достигла, и в хозяйственной жизни страны продолжалось падение. Разумеется, ситуация не выглядела одинаково в разных регионах Московского государства. В более выгодных условиях оказались территории, лежавшие в стороне от театра военных действий, в частности – Восточное Замосковье – Владимирский и Луховский уезды. Сбор податей с них за первые четыре года царствования Михаила Фёдоровича вырос на 25 и 12%, соответственно; на 20% – оклад Волока Ламского. Увеличились доходы, получаемые с больших торговых сёл на Оке: от Старой Рязани – на 22%, от Ростиславля – на 7,5%. Самый большой прирост наблюдался в селе Перевицк, поступления

⁹⁹Акты подмосковных ополчений. № 118. С. 159.

¹⁰⁰Лихачёв Н.П. Указ. соч. С. 76.

с которого поднялись более чем в два раза. Однако и этот регион мог оказаться под ударом (что, судя по всему, произошло со Старой Рязанью, разорённой отрядами полковника Лисовского). В ряде городов (Твери, Торжке, Невеле) в начале царствования Михаила Фёдоровича можно зафиксировать короткие всплески экономической доходности, связанные, впрочем, не с оживлением хозяйственной жизни в целом, а преимущественно с присутствием крупных воинских контингентов, сильно увеличивавших прибыльность местных кабаков. Продажа алкогольных напитков вообще в те годы давала казне львиную долю доходов, с чем и связано последовавшее в 1616 г. решение о создании особого учреждения для их сбора — Кабацкого приказа¹⁰¹.

Общую тенденцию, господствовавшую в экономической жизни подведомственных Владимирской четверти территорий, можно признать негативной — разорение городов и уездов продолжалось. Подати с Донкова к 1617 г. в сравнении с 1613 г. сократились на 9%, с Торжка — на 13, Тулы — на 17, Михайлова — на 26, Пронска — на 28, Зарайска — на 29, Переславля-Рязанского — на 33, Болхова — на 35, Крапивны — на 52, Твери — на 72, Вереи — на 95, Воротынска — на 96%. Некоторые города так и не оправались от ударов, полученных в первые годы царствования Михаила Фёдоровича: полностью запустели Орёл, Чернигов и Ржева Пустая. Можно лишь удивляться оптимизму, с которым московское правительство и участники Земского собора 1616 г. рассчитывали собрать с городов Владимирской четверти 7,5 тыс. руб. «пятинных денег»: 2 тыс. руб. с Калуги, по 1 500 руб. с Владимира и Тулы, по 1 тыс. руб. с Переславля-Рязанского и Твери, 500 руб. с Зарайска¹⁰². В целом за 1613—1617 гг. денежные доходы Владимирской четверти сократились на 28%, что тоже не стало пределом: следует помнить, что 1618 г., по которому мы не располагаем всей полнотой данных, принёс с собой новую волну разорения вследствие действий войск Речи Посполитой, запорожских черкас и «воровских казаков».

Разумеется, распространять выводы, сделанные на базе документов одной Владимирской четверти, на всё Московское государство рискованно. Однако в целом становится очевидным, что о хозяйственном возрождении страны в первые годы царствования Михаила Фёдоровича речи быть не может. Хозяйственный упадок страны нельзя объяснить одними лишь обстоятельствами военного времени: источники свидетельствуют, что зачастую виновниками разорения городов и уездов оказывались не только иноземные войска, но и взбунтовавшиеся подданные Московского государства — «воровские казаки». Ещё одной причиной экономического кризиса стала финансовая политика московского правительства, стремившегося компенсировать финансовые потери от убыли податного населения и нарушения торговых контактов между регионами за счёт увеличения фискальной нагрузки на подданных, остававшихся в тягле. Это, в свою очередь, вело к дальнейшему разорению и бегству налогоплательщиков, переходу их в разряд казаков и гулящих людей. До 1618—1619 гг. Смута продолжала разворачиваться, в числе прочего, и в экономическом плане.

¹⁰¹ Лисейцев Д.В. О времени учреждения Кабацкого приказа // Историческая наука и российское образование (актуальные проблемы): Сборник статей: Ч. 1. М., 2008. С. 305—313.

¹⁰² Воскобойникова Н.П. Указ. соч. С. 159—161.

**Оклады и сборы денежных доходов
с городов и уездов Владимирской четверти в начале XVII в.**

	До разорения	1613/14 г.	1616/17 г.
Болхов		255 руб. 79 коп. 1 деньга	93 руб. 7 коп. 1 деньга
Боровск		114 руб. 97 коп. 1 деньга	137 руб. 25 коп.
Владимир		569 руб. 40 коп.	763 руб. 85 коп.
Волок Ламский	134 руб. 84 коп. 0.5 деньги	135 руб. 65 коп. 1.5 деньги	163 руб. 23 коп. 1.5 деньги
Воротынский	90 руб. 69 коп. 1 деньга	43 руб. 46 коп. 1 деньга	1 руб. 70 коп. 1 деньга
Донков	65 руб. 45 коп.	22 руб. 31 коп.	30 руб. 49 коп. 1 деньга
Дорогобуж	335 руб. 21 коп. 0.5 деньги	21 руб.	28 руб. 35 коп.
Зарайск	1266 руб. 57 коп.	588 руб. 15 коп. 1.5 деньги	416 руб. 73 коп. 1 деньга
Калуга	1788 руб. 12 коп.	1826 руб. 87 коп. 1 деньга	
Крапивна		8 руб. 40 коп.	4 руб.
Лух		202 руб. 58 коп. 1 деньга	230 руб.
Михайлов	248 руб. 40 коп.	87 руб.	101 руб. 25 коп.
Невель	85 руб. 53 коп. 1 деньга	200 руб.	306 руб.
Орёл	50 руб. 18 коп. 1 деньга	56 руб. 95 коп. 1.5 деньги	—
Перевицк		75 руб. 75 коп.	144 руб.
Переславль-Рязанский	2174 руб. 90 коп.	1085 руб. 33 коп. 1.5 деньги	1267 руб. 5 коп.
Печерники		—	12 руб. 7 коп. 1 деньга
Пронск	180 руб. 21 коп. 0.5 деньги	58 руб. 37 коп. 1 деньга	75 руб. 65 коп.
Путивль	1210 руб.	491 руб.	
Ростиславль		34 руб. 70 коп. 1 деньга	44 руб. 7 коп.
Рыльск		—	
Ряжск		46 руб. 25 коп.	46 руб. 25 коп.
Сапожок		35 руб. 20 коп.	35 руб. 20 коп.
Таруса		9 руб. 18 коп. 1.5 деньги	
Тверь		1850 руб. 48 коп. 0.5 деньги	538 руб. 45 коп. 1 деньга
Торжок	1900 руб.	955 руб. 89 коп. 1.5 деньги	401 руб. 9 коп. 1 деньга
Тула		496 руб. 47 коп. 1 деньга	414 руб. 52 коп.
Взято со всех городов за год*		8701 руб. 82 коп. 1 деньга	7213 руб. 77 коп. 0.5 деньги

Составлено по: РИБ. Т. XXVIII. Стб. 1–116; РГАДА, ф. 396, оп. 1, д. 37921, л. 1–19; д. 37890, л. 1–70; д. 38948, л. 1–119.

* Приведённые в строке итоговые цифры взяты из смет Владимирской четверти 1613/14 и 1616/17 гг.; сложение данных в столбцах ввиду их неполноты дают иные суммы.

«Торговые обстоятельства» в переписке купцов Булдаковых

Мария Гузакова

«Trading circumstances» in the correspondence of merchants from the Buldakovs family

Maria Guzakova (Vologda State University, Russia)

История российского купечества и его торговой деятельности, её масштаб, формы и направления, развитие всероссийского и региональных рынков, ассортимент товаров и источники накопления капиталов, а также многие другие аспекты давно и успешно изучаются в отечественной историографии. Но при этом обычно основное внимание уделяется анализу социально-экономических процессов, а собственно деятельность человека, её мотивы и связанные с ней представления остаются за рамками исследования. Между тем для успешной торговли купец должен был хорошо ориентироваться в текущей конъюнктуре, знать, какие товары и где выгоднее всего купить, а где продать. Современному историку нужно вникать во все детали организации торгов, чтобы понять, в какой степени купец владел ситуацией на рынке, какого рода сведениями обладал, откуда их получал и насколько умело пользовался ими, а следовательно, какую роль в успехе его предпринимательской деятельности играло владение коммерческим искусством. Для этого следует привлекать не только традиционно используемые таможенные, кабацкие, межевые книги, отчёты о торговле и статистические данные, но и документы самих купцов, и прежде всего – их деловую и частную переписку, которая представляет наибольшую ценность для выявления приёмов, использовавшихся при ведении дел. Купцам, постоянно находившимся в разных городах, приходилось много и часто писать, но их бумаги плохо сохранились до наших дней. Лишь небольшая их часть попала в рукописные собрания архивов и музеев, но и эти коллекции далеко не всегда известны широкому кругу исследователей, особенно когда они оказываются раздроблены.

Так, материалы знаменитых семей Шелиховых и Булдаковых, часто привлекаемые для освещения истории Русской Америки и Российско-американской компании (РАК), разбросаны по нескольким хранилищам России и США. В начале XX в. основная их масса принадлежала красноярскому купцу, промышленнику и библиофилу Г.В. Юдину (1842–1912), в 1907 г. продавшему часть своей коллекции Библиотеке Конгресса США, где она находится и поныне. Оставшиеся же рукописи после революции

были национализированы и теперь собраны в РГАДА (ф. 1605)¹. Между тем в 1923 г. краевед Л.И. Андреевский случайно обнаружил в сарае одного из огородников Вологды более 5 тыс. документов, принадлежавших Шелиховым и Булдаковым. Среди них – фрагменты делопроизводства РАК, а также деловая переписка Г.И. Шелихова и М.М. Булдакова². В настоящее время они размещены в фондах РГАДА, РГИА, АВПРИ, Вологодского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника (ВГИАХМЗ), а также Государственного архива Вологодской области³.

Кто такие Булдаковы и чем интересны их письма? В материалах переписей Великого Устюга начала XVII – середины XVIII в. они известны как мастера кузнечных дел и только в последней четверти XVIII в. вышли в купеческое сословие. Первым это сделал Иван Осипович Булдаков (ок. 1752–1818), объявивший капитал по 2-й гильдии, а в 1788 г. началось восхождение другой ветви рода, основателем которой был Матвей Андреевич Булдаков (1728–1798). Он имел трёх сыновей – Петра, Андрея и Михаила, значительно увеличивших капиталы семьи. Самым известным из них стал Михаил Матвеевич (1768–1830), служивший приказчиком у Г.И. Шелихова и в 1798 г. женившийся на его дочери Авдотье⁴. После смерти Григория Ивановича М.М. Булдаков и его свояк Н.П. Резанов продолжили дело своего тестя, завершив создание Российско-американской компании. В 1799 г. Михаила Булдакова избрали первенствующим директором Главного правления РАК⁵. В этой должности он оставался 28 лет, получив в 1802 г. чин коллежского асессора⁶. Как правило, именно эта сторона жизни купца освещается в литературе, тогда как об его частной торговле, которую он вёл совместно с братьями, говорится вскользь либо не упоминается вовсе. Между тем она достаточно ярко отразилась в семейной переписке.

Письма 1782–1795 гг. сохранились плохо (31 за 13 лет: одно, редко три письма, за год). Тем не менее они дают общее представление о начале торговой деятельности братьев. 18 писем адресованы братьями Петру Матвеевичу, остальные отправлены разными лицами Михаилу Матвеевичу. Более всего (108) уцелело писем, полученных М.М. Булдаковым с конца 1798 до конца 1799 г. Не столь полно дошедшая до нас переписка за 1800, 1802, 1806 и 1812 гг. дополняет картину важными деталями.

К тому времени уже произошло законодательное оформление прав и привилегий гильдейского купечества, завершился процесс его консолидации в отдельную сословную группу, окрепло её положение в обществе. Одновременно с этим к концу XVIII в. в коммерческой литературе сложился образ «совершенного купца»: он «очерчивался не только профессиональными знаниями

---

¹Подробнее см.: *Преображенский А.А.* Документы об Аляске и Российско-американской компании в коллекции Г.В. Юдина // *История СССР*. 1981. № 1. С. 100–111.

²*Брюханов А.Ф.* К судьбе архива Российско-американской компании // *Вестник Академии наук СССР*. 1934. № 9. С. 38.

³*Петров А.Ю.* Образование Российско-американской компании. М., 2000. С. 19.

⁴Именно по причине родства Г.И. Шелихова и М.М. Булдакова фонд, находящийся в Отделе письменных источников (далее – ОПИ ВГИАХМЗ), имеет в названии фамилии этих купцов.

⁵Подробнее см.: *Петров А.Ю.* Указ. соч.; *Ермолаев А.Н.* Роль М.М. Булдакова в образовании и развитии Российско-американской компании // *Русский Север в истории российско-американских отношений: сборник материалов международной научной конференции, посвящённой 200-летию установления дипломатических отношений между Россией и США*. Вологда, 2011. С. 42–50; и др.

⁶*Кудрин Н.М.* Устюгской земли Михайло Булдаков и другие. Великий Устюг, 1993. С. 16.

и навыками, но и свойствами характера и личности», а основные принципы корпоративной этики «во многом базировались на практической целесообразности, учёте непростых условий предпринимательской деятельности, в которой в это время главную роль играл торговый капитал»⁷.

Братья Булдаковы занимались традиционным для великоустюгского купечества отъезжим торгом. Пётр начал самостоятельно торговать не позднее 16, а Андрей и Михаил — 15 лет. По-видимому, никто из них не получил специального коммерческого образования, учиться приходилось на практике. Первое время они «обращались в услугах» у старшего двоюродного брата Ивана Осиповича, выезжая в разные города для совершения торговых операций от его имени. Так, в январе 1784 г. Иван, находясь по делам в Тобольске, поручил Петру закупить одни и продать другие товары в Ирбите: «Послано ассигнациями 150 руб., которые извол получить и покупку исправлят, а особливо ушканину (шкура сибирского зайца. — *М.Г.*), да между делами шет выпиши порядошно и подробно прошлогодний, и городской муки исправь. И товары придут — продавай»⁸. В июле того же года Иван, вернувшись в Великий Устюг, писал Петру в Архангельск: «Посланной товар от вас получил. Также старайся о распродаже товаров и зборе денег»⁹. Стиль писем Ивана Осиповича в 1780-е гг. отличался приказным тоном, использованием глаголов в повелительном наклонении, отсутствием в некоторых случаях привычных обращений «милостивый государь мой», а в конце письма — почти-тельных выражений. В то же время, пользуясь своим авторитетом и опытом, он давал братьям необходимые советы. «Смотри, — наставлял он Петра Матвеевича 2 июля 1784 г., — ежели тебе позволяют родители в покупку входить немецких для себя товаров, то высматривай лутчее время и не пропускай»¹⁰. «Ежели у вас в подборе долги, то как можно справляйся домой, — рекомендовал 20 октября 1784 г. из Тобольска Иван Осипович находившемуся в Архангельске Петру Матвеевичу, — с оставших векселя побери, а не живи за малым делом»¹¹.

Всё это соответствовало традиции, по которой более опытные купцы учили начинающих торговцев выяснять конъюнктуру рынка, выбирать товар и определять его цену, рассчитывать издержки и прибыль, а также раскрывали механизм кредитных сделок¹². Возможно также, служа у Ивана Осиповича, братья Булдаковы налаживали взаимодействие друг с другом, что позволило им впоследствии участвовать в большом количестве ярмарок, проходивших в разных уголках Российской империи.

Сначала братья жили в доме отца в Великом Устюге, производя отъезжий торг в разных городах Европейской России и Сибири и ежегодно преодолевая огромные расстояния. В конце 1780-х гг. Андрей и Михаил обосновались в Иркутске, хотя и продолжали объявлять капитал в Великом Устюге (совместно с отцом и старшим братом). В то время Михаил Матвеевич устроился в контору Шелихова—Голикова, занимавшуюся пушным промыслом, после чего в ассортимент

---

⁷ *Козлова Н.В.* Российское предпринимательство в эпоху абсолютной монархии (XVIII в.) // История предпринимательства в России. М., 2000. С. 286; *Козлова Н.В.* Некоторые черты личностного образца конца XVIII века. (К вопросу о менталитете российского купечества) // Менталитет и культура предпринимателей России XVII—XIX вв. М., 1996. С. 43—57.

⁸ ОПИ ВГИАХМЗ, ф. 10, оп. 1, д. 9, л. 1.

⁹ Там же, л. 4 об.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же, л. 5.

¹² *Козлова Н.В.* Организация коммерческого образования в России в XVIII в. // Исторические записки. Т. 117. М., 1989. С. 289.

товаров Булдаковых прочно вошли меха. Став первенствующим директором Главного правления РАК, Михаил не оставил частной торговли. Его старший брат Пётр Матвеевич на рубеже XVIII–XIX вв. большую часть года находился в Великом Устюге, иногда выезжая для торговли в Москву, Макарьев и Архангельск.

Юридически деловые отношения между братьями Булдаковыми, скорее всего, не оформлялись (во всяком случае, об этом нет никаких данных). Вероятно, свои дела они вели на доверии. Об этом свидетельствует и письмо, отправленное Петром к Михаилу 27 сентября 1806 г.: «Прошу покорно обо мне написать рекомендацию Анне Васильевне г[оспоже] Курочкиной на случай иногда надобности денег, хоша на время, ибо она сумнительна... она сомневается, что мы вместе дела имеем»¹³. Отсутствие каких-либо внутренних письменных регламентов и соглашений было характерно для большинства купеческих объединений и в XVIII в., и даже позднее. Во многом это было связано именно с тем, что их создание и функционирование происходили в рамках семьи и регулировались личными отношениями¹⁴.

Булдаковы совместно объявляли капитал: сначала это делал отец семейства, после его смерти – старший сын Пётр, а затем – Михаил Матвеевич с сыном и племянниками. Однако складывается впечатление, что между ними существовало нигде не зафиксированное разделение капитала (как наличности, так и товаров), которое строго соблюдалось. Так, 12 июня 1789 г. Андрей писал Петру: «щет к вам послал за проданный мной здесь ваш товар и следующих с нас денег – всего 988 руб. 61 коп., как вы и сами увидите в щете, то при сем писме и посылаю к вам денег государственными ассигнациями тысячу девятьсот семьдесят пять рублей, из коих вам 985 руб., да 1000 руб. братцу Ивану Осиповичу Булдакову, которые покорно прошу ему отдать. А ваши достальные по щету 3 руб. 61 коп. ушли на страховы[е] выплаты со следующих к вам за проданной ваш товар с 424 руб. 11 коп., то мы теперь с вами будем просты до претков»¹⁵. Таким образом, Булдаковы регулярно отчитывались друг перед другом.

Переписка 1798–1799 гг. раскрывает механизм торговых отношений, осуществлявшихся Булдаковыми на обширной территории. Андрей Матвеевич лично и с помощью приказчиков приобретал большие партии пушнины на Якутской ярмарке, в силу близости к местам добычи являвшейся главным центром меховой торговли. Естественно, цены там были ниже, чем в других городах. Затем купцы снаряжали корабли для переправки пушнины на Кяхтинский торг и в Европейскую Россию. В Кяхте мех являлся основным предметом выгодного промена на чай, а также хлопчатобумажные и шёлковые ткани, направлявшиеся в Россию. В итоге на Макарьевскую ярмарку, в Москву, Петербург, Архангельск и Великий Устюг прибывали как сибирские, так и китайские товары. Прибыль от их сбыта из-за большой разницы в ценах¹⁶ была значительной даже с учётом транспортных и других издержек. Большая часть полученных средств (десятки тысяч рублей) направлялась обратно в Сибирь для закупки пушнины.

---

¹³РГАДА, ф. 1605, оп. 1, д. 191, л. 3 об. Анна Васильевна Курочкина, вероятнее всего, к 1806 г. являлась вдовой купца первой гильдии Ивана Яковлевича Курочкина (по спискам купцов с объявленным капиталом за 1798 и 1799 гг.).

¹⁴Османов А.И. Петербургское купечество в последней четверти XVIII – начале XX века. СПб., 2005. С. 49; Барышников М.Н. Семейная фирма в дореволюционной России // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2007. Т. 5. № 4. С. 51.

¹⁵ОПИ ВГИАХМЗ, ф. 10, оп. 1, д. 8, л. 9.

¹⁶Например, в Якутске в июне белку продавали за 25 коп., а на Макарьевской ярмарке в августе – за 55 коп.

Одновременно в Европейской России Пётр Матвеевич и торговые агенты Булдаковых приобретали российские хлеб, сало, водку и «немецкие» (европейские) товары, особенно — сахар и сандал. Они в основном пересылались в Сибирь, где на них был высокий спрос и держались выгодные цены (летом 1799 г. пуд сахара в Петербурге и Москве стоил около 35 руб., а в Якутске — 50–60 руб.). Что-то продавалось и в городах центральной России¹⁷.

Помимо Якутска, Иркутска, Кяхты, Макарьева, Москвы, Архангельска, Великого Устюга Булдаковы участвовали в торгах и в тех центрах, которые лежали у них на пути. 16 июня 1799 г. Андрей Матвеевич, прибыв из Иркутска в Якутск, сообщал брату Михаилу: «Русскими товарами дорогой торговали хорошо, а здесь еще пусто»¹⁸. Характерно, что у Булдаковых, как и у подавляющего большинства купцов того времени, отсутствовала специализация на торговле тем или иным товаром.

Как правило, торговлю в таких масштабах могли вести только купцы, имевшие средства для оплаты услуг приказчиков, подрядчиков и других агентов¹⁹. Булдаковы же включились в неё, будучи ещё купцами средней руки и нередко испытывая критическую нехватку средств для закупок. Их успеху способствовало то, что братья были примерно одного возраста, ладили между собой и в равной мере проявляли интерес к семейному делу. В результате в 1798 г. Булдаковы во главе с Матвеем Андреевичем перешли в первогильдейское купечество, объявив капитал в 16 010 руб.²⁰

В торговой деятельности на обширной территории постоянно присутствовал риск превышения затрат на приобретение и доставку товара над полученной выручкой. Поэтому купцам необходимо было уметь ориентироваться на местных рынках, просчитывать любые колебания цен, которые зависели от множества факторов, обладать опытом в организации торговли и немалой долей изворотливости и предприимчивости. Особую роль при этом играло своевременное получение актуальной информации о текущей конъюнктуре и умение её анализировать. Неудивительно, что в письмах, регулярно отправляемых из разных городов, сведения нередко намеренно дублировались. Так, Пётр писал Михаилу из Великого Устюга об операциях, совершённых Андреем в Иркутске, хотя не мог не знать, что Андрей сам сообщит эти сведения Михаилу²¹. Тем самым они перестраховывались, учитывая, что письмо может пропасть или задержаться.

В переписке чётко прослеживается «региональная специализация» братьев. Пётр Матвеевич писал о торговой ситуации в Великом Устюге, где постоянно проживал, в Архангельске, а также в Москве и Макарьеве, куда ездил на ярмарки. Андрей Матвеевич, находясь в Иркутске, делился с братьями сведениями о происходящем не только в этом городе, но и в Якутске и Кяхте. Сложнее понять, какую роль в совместных действиях братьев играл Михаил Матвеевич, поскольку ни одного его письма к ним после начала самостоятельной торговой деятельности не сохранилось. Однако известно, что Андрей и Пётр держали его в курсе всех своих дел, на его имя присылали товары для последующей реализации, от него

¹⁷ Такое сочетание регионов и товаров были традиционны для купцов: *Кафенгауз Б.Б.* Очерки внутреннего рынка России первой половины XVIII века (по материалам внутренних таможен). М., 1958. С. 321.

¹⁸ ОПИ ВГИАХМЗ, ф. 10, оп. 1, д. 21, л. 4 об.

¹⁹ *Яковцевский В.Н.* Купеческий капитал в феодально-крепостнической России. М., 1953. С. 108.

²⁰ Великоустюгский центральный архив, ф. 361, оп. 3, д. 6294, л. 6.

²¹ ОПИ ВГИАХМЗ, ф. 10, оп. 1, д. 23, л. 5–6; д. 22, л. 1–2.

ждали указаний по закупке и распродаже²². Хотя, будучи активным деятелем РАК, он, вероятно, гораздо меньше участвовал собственно в торгах, предоставляя это братьям и доверенным лицам.

В деловой переписке конъюнктура местных рынков называлась «торговыми обстоятельствами», её анализ включал прежде всего сведения о ценах на интересовавшие адресата товары, о спросе и предложении на них в различных городах. Часто дополнительно сообщалось о количестве продаваемого и условиях продажи в том или ином месте. 28 мая 1789 г. Андрей извещал находившегося в Архангельске Петра о ценах в Иркутске: «сахар рафинад на денги — 16 руб. 50 коп. в розницу по пудам и 17 руб. ... леденец желтой был 12 [руб.] 50 [коп.], а ныне покупают — 13 руб. 50 коп., только не по многу, кому ящик для лавки; фрукты чернослив французской — 9 руб. ... изюму довольно, отдают [по] 8 руб.; коринка тож подобралась, а винных не было, ежели будет у Макарья то навезут... да довольно; кофе весьма много, отдают [по] 21 руб. пуд.»²³. Это позволяло точнее определять объём закупаемых товаров, которые затем отправлялись на другую ярмарку, и избегать убытка. К примеру, великоустюгский купец 1-й гильдии (по списку за 1796 г.) Лев Захаров 11 марта 1794 г. предостерегал Михаила Матвеевича: «Господин Василей Иванович Диаков товары свои якуцкие продал в Москве в годовой строк... а соболей продать не может, даже никто не спрашивал те... вследствие чего надлежит вам от покупки соболей удержатся, или разве весьма низкими ценами купить надлежит»²⁴.

Сравнение полученных данных облегчало и выбор предпочтительного места торговли. Так, Михаил Матвеевич 24 января 1786 г. размышлял в письме к брату Петру о ценах в Великом Устюге: «Городовые товары очинь дороги, не знаю я, купить или нет, не ехать ли в Ростов»²⁵. А 29 июля 1795 г. Пётр Матвеевич писал о решении перевезти товар в Москву из-за слишком низких цен на соболей на Макарьевской ярмарке: «Послали в Москву, и прошу о продаже... а здесь болше не давали по 18 коп. денег в 12 месяцев... Может требование будет, то купят и в Москве»²⁶.

Внимательно отслеживая колебания цен, Андрей Матвеевич 13 октября 1798 г. сообщал в Петербург брату Михаилу о торговле сахаром в Иркутске: «Я весной, кажется, в первых письмах писал, что до приезде моего был здесь 32 руб. пуд, а как я приехал из Ирбита, то сделался 38 руб., и все лето по той цене стоял. Ныне в августе начали продавать 45 руб., а по получении макарьевских писем цена состоит 50 руб. По весне мало купят по дороговизне его, а более леденец употребляют, которой 80 руб. место»²⁷. Это лишний раз указывает на значение Макарьевской ярмарки, влиявшей на цены во всех регионах

---

²²Так, 16 июня 1799 г. Андрей писал Михаилу из Якутска в Иркутск: «От 5-го июня послано отсюда от Горловского на имя ваше 45 соболей, кои я надеюсь, что вы отправите ежели застанет[е] попутчиков к Макарью, а ежели не застанет[е], то, миновав макарьевску, — в Москву» (ОПИ ВГИАХМЗ, ф. 10, оп. 1, д. 21, л. 5 об.). «Брат любезной, — 15 октября 1799 г. напоминал Михаилу Пётр из Великого Устюга, — сахар Макарьевской продавать постарайтесь» (Там же, д. 23, л. 38). Со своей стороны 11 июня того же года Пётр заверял Михаила: «И там, что будет предписано от вас ис Сибири, исправлять буду» (Там же, л. 32).

²³Там же, д. 8, л. 7 об.

²⁴РГАДА, ф. 1605, оп. 1, д. 200, л. 8.

²⁵ОПИ ВГИАХМЗ, ф. 10, оп. 1, д. 14, л. 2.

²⁶Там же, д. 17, л. 1.

²⁷Там же, д. 21, л. 1.

страны и выступавшей «регулятором спроса и предложения, производства и потребления всех производимых и потребляемых в России товаров»²⁸.

Опытные и искусные коммерсанты старались использовать конъюнктурные изменения стоимости товаров для заключения более выгодных сделок. Собираясь купить пушнину в Якутске, Андрей Матвеевич 5 июля 1799 г. ждал увеличения предложения и снижения цен: «Товары все морем (из Русской Америки. — *М.Г.*) приходят понемногу и всякому на перерыв купить охота, то и взвели цены такие высокие... И так ныне начали под[ъ]еждать решные и товаров немало, то не будет ли под послед полутче, когда все денги поиздержат»²⁹. Приказчик Булдаковых в Москве Фёдор Шергин строил 6 сентября 1799 г. схожие расчёты: «Нашатырь посредственной доброты 48 и до 50 руб., но может быть его подвезут, и будет подешвле»³⁰. Однако нередко использовать подходящий момент не удавалось. Сегуя в Москве на задержку при доставке товаров, Пётр Матвеевич отмечал 16 марта 1799 г.: «Лисицу красну, что [с] Грязнухиным пришли, продал на сих днях по 9 руб. 10 коп. в год. Вот что время делает, ежели бы ранше неделей, то бы великая разница была, и дали бы денги личные, а теперь денгами весьма нуждаюсь»³¹.

При определении цен купцы, как правило, ориентировались на данные, полученные от тех, кто уже заключил первые сделки. «На сей неделе были продажи с российской стороны — одно вятское сало по 100 руб. бер[ковец], деньги — до октября месяца, а с неметской — брю[с]товского сахару по 65 руб. пуд за наличные деньги, — 12 июля 1812 г. писал Михаилу Матвеевичу в Петербург из Архангельска Яким Мургин. — А более никаких продаш не слышно, и нечего не покупают»³². Иногда даже указывались имена торговцев. «Цен товарам не положено, — писал Андрей Матвеевич 20 июня 1799 г., — а начинают покупать недешево. Петчиков купил у Рожина: песцы — 1 руб. 80 коп., норники (вид песка. — *М.Г.*) — 70 коп., белку — 25 коп., лисицу — 6 руб., горностаи — 18 коп., кость дрянную — 15 руб., то на евти цены и ссылаютца»³³. Если же сделки на тот или иной товар не заключались, купцы оказывались в затруднительном положении. «Продчия товары, как то рогожу, железо, смолу и манифактурныя товары совсем не покупают, да и цен некаких нет, — констатировал Мургин в Архангельске 19 июля 1812 г. — Неметскими товарами торгуют также очунь худо, или можно сказать, что совсем их здесь некто не купит, то и о ценах на оныя донести не могу»³⁴. Для выяснения «положенных» цен требовалось значительное время. Так, 10 августа 1799 г., через неделю после Макарьевской ярмарки, Шергин сообщал из Москвы в Иркутск: «О торговле я теперь не пишу, после ярмонки в обстоятельства еще не всмотрелись»³⁵.

Купцы изучали не только сложившиеся цены на тот или иной товар, но и всевозможные обстоятельства, которые могли оказать влияние на их изменение, чтобы успеть скорректировать свои действия. Они обращали внимание на события внешней, внутренней политики и неурожаи, малочисленность пушного

²⁸ *Богородицкая Н.А.* Нижегородская ярмарка в системе международных торговых связей России в XIX–XX вв. // Вопросы истории. 2012. № 4. С. 146. См. также: *Рожкова М.К.* К вопросу о значении ярмарок во внутренней торговле дореформенной России (первая половина XIX в.) // Исторические записки. Т. 54. М., 1955. С. 309.

²⁹ ОПИ ВГИАХМЗ, ф. 10, оп. 1, д. 21, л. 8–8 об.

³⁰ Там же, д. 24, л. 29–29 об.

³¹ Там же, д. 23, л. 16. Василий Грязнухин отвечал у Булдаковых за доставку товаров.

³² РГАДА, ф. 1605, оп. 1, д. 233, л. 7–7 об. Берковец — мера веса, равная 163,8 кг.

³³ ОПИ ВГИАХМЗ, ф. 10, оп. 1, д. 8, л. 6

³⁴ РГАДА, ф. 1605, оп. 1, д. 233, л. 8 об.

³⁵ ОПИ ВГИАХМЗ, ф. 10, оп. 1, д. 24, л. 27 об.

зверя и т.п. Например, весной 1799 г. Андрей Булдаков уведомлял братьев, что «горностаю сей год весьма мало и почти нет, ушканину покупают 11¹/₂ и 12 коп., ее толко сей год родилось около Аддану, а с Вилую совсем нет, у всех разве до 10 тысяч; соболей также мало, зимой все выкупили и дорого, на Учуре и Витиме слышно весьма мало»³⁶. После издания 22 марта 1799 г. указа об аресте в российских портах гамбургских кораблей («ибо усмотрено, что они приверженность имеют к французской революции»³⁷) купцы пристально следили за ценами на немецкие товары. Интересуясь обстановкой в стране и за рубежом, Булдаковы выписывали через Шергина специальный «политической журнал 798 года»³⁸. В сохранившейся до наших дней библиотеке М.М. Булдакова имеется большой отдел периодики, включающий почти полные комплекты таких популярных изданий, как «Вестник Европы», «Русский вестник», «Сын Отечества»³⁹. Купцы также черпали информацию из частных писем, приходивших в провинцию из Москвы или Санкт-Петербурга, но в этом случае порой возникали перебои. «Я с прошедшей почтой из Москвы писем не имел, — предупреждал Пётр Михаила 30 апреля 1799 г., — а сегодняшняя еще не была[ла]. О политических обстоятельствах я уповаю, что вы сведения всегда имеете»⁴⁰.

Иногда Булдаковым удавалось узнавать новости ещё до их официального обнародования. Так, в 1812 г. Пётр Саватеев передал Михаилу Матвеевичу, что «5-го числа сего месяца (июня. — *М.Г.*) ея величество вдовствующая императрица изволила известить писмом господина Вязмитинова о заключенном с Отоманскою Портою мире, с котораго писма список при сем вашей милости сообщаю»⁴¹. «Ныне же, — уведомлял он через несколько дней, — имею вашей милости сообщить список рескрипта его величества объявленной войны императору Наполеону. А печатные чрез два часа еще не выйдут из печати, а я вчера списал с подлинного в сенате»⁴².

При необходимости М.М. Булдаков консультировался с компетентными лицами. Сохранились, в частности, письма к нему его близкого друга известного архангелогородского купца и автора трудов о коммерции Александра Ивановича Фомина (соавтора В.В. Крестинина при написании доношения о нуждах местных купцов в Комиссию о коммерции 1764 г. и наказа в Уложенную комиссию 1767 г.). Михаил Матвеевич, видимо, просил его изложить свой взгляд на современную экономическую ситуацию⁴³. «Страшныя потрясения открывшагося недавно в торговых европейских городах банкротства, приводят в трепет и коренныя дома,

³⁶Там же, д. 21, л. 6.

³⁷Там же, д. 23, л. 20.

³⁸Там же, д. 24, л. 32 об.

³⁹*Чебыкина Г.Н.* Библиотека М.М. Булдакова // Великий Устюг и наш край. 1990. № 128. С. 3. В книжной коллекции Булдакова, насчитывавшей 1568 наименований, находилось множество сочинений по истории и медицине, жизнеописаний известных людей, различных справочных изданий и энциклопедий. Особое место в этом собрании занимали труды по географии, среди которых преобладали сочинения о Сибири, Тихом океане, Северной Америке — районах активной торговой и служебной деятельности Михаила Матвеевича (*Чебыкина Г.Н.* Библиотека купца М. Булдакова // Советская мысль. 1999. № 105(17338). С. 3).

⁴⁰ОПИ ВГИАХМЗ, ф. 10, оп. 1, д. 23, л. 24.

⁴¹РГАДА, ф. 1605, оп. 1, д. 260, л. 3.

⁴²Там же, л. 6.

⁴³В своём сочинении «Письмо к приятелю с приложением описания о купеческом звании вообще и о принадлежащих купцам навыках» Фомин утверждал: «Прямой и порядочный купец... должен быть в своем промысле совершенно обучен, сведущ и искусен... Богатства, приобретаемы торговом, не одним слепым счастьем получаются, но извлечены бывають большею частию из

а ожидаемая в торговли перемена привлекает наше внимание на обстоятельства недоразумительныя, — отвечал 19 октября 1799 г. из Архангельска Фомин. — Извините меня, что не могу в краткости изяснить отличия нашей торговли с заморьем связанной»⁴⁴. Вместе с тем он подробно излагал свои соображения об интересовавшей Булдаковых торговле в Кяхте: «Из Устюга ко мне дошли чайтельно ваши же известия, уведомляющия, что китайской государь запретил торг своим с европейцами на реке Болкатигрис. И так есть ли ето правда, одна их торговля остаетца в границах или государства с нашею Кяхтой и еще мореходная, внешняя, в Бенгалы, Мадрас, Сиам, на острова Формозу, Филиппинския, Японию и проч. ... Между тем ваши торги на Кяхте обещают, может быть ненадолго, добрый успех и громады ваших промыслов, свобода магазины вашей компании, попавшей на струю, озолотить ее хотящую»⁴⁵.

Образованность Михаила Матвеевича придавала его мнениям особый вес, и другие купцы обращались к нему за разъяснениями. «Здесь весть разнеслась будто б хлеба за море отпуск запрещен. Как у вас? — интересовался 13 января 1806 г. Иван Осипович Булдаков. — Нечего от вас не слышали, верно ли сие есть или вранье? Не знаем, чему верить»⁴⁶. 31 марта 1806 г. он расспрашивал уже о последствиях миссии гр. Ю.А. Головкина в Китае: «Выезд графа навел сумнение об китайской торговле, чтоб китайцы не заперлись, как о сем у вас будут мыслить, а наперво тревожили что-то. Посолство ето неудачно отправляемо было. Просим покорно нас известить об сем, как думать об них будут, не будет ли остановки в торговле»⁴⁷.

Чтобы адекватно оценить «торговые обстоятельства» и спрос на товары, купцы рассматривали влияние сразу нескольких факторов. Так, являвшийся доверенным лицом Булдаковых Фёдор Мургин при анализе выгодности продажи зерновых учитывал политические обстоятельства, ценовые колебания и объём товара, оставшегося с прошедших торгов: «На пшеницу недавно позволения вышло [нрзб] рекою отпуске, то начали ее покупать по 8 руб. и 8¹/₂ руб., а прежде сего не хотели за неё дать и 7 руб. Но ее в Архангельске прошлогодней лежит до 13 000 чет[вертей]». «Медведны покупали весьма хорошо, — писал Пётр Матвеевич брату Михаилу в Иркутск с Макарьевской ярмарки 29 июля 1795 г., — тоже и впереди есть надежда. Постарайтесь собрать на осень побольше. Тоже и якутская товары — лисицу красну огневку, белку — послать в Москву можно, хоша за черну толка обещают заплатить 300 руб., не дадут и боле тож, а всех родов купят»⁴⁸. Тщательное изучение спроса позволяло рассчитывать объём закупок, сохранить значительные денежные суммы, в случае же ошибки в расчётах купец не только не мог вернуть затраченные им деньги, но и рисковал потерять купленный товар из-за порчи от времени, неправильных условий хранения и т.п.

Сообщая о реализации товаров, купцы подробно указывали, кто и что у них приобретал. «Портищо вишнево... продал ярославскому Киселеву... — писал Пётр Матвеевич брату Михаилу из Макарьевска в Иркутск 29 июля 1795 г. — Соболи продал Данилу Семеновичу Липанскому... горносталю ему ж...

источников разума, осмотрительностию и навыком... Разум управляет светом, а не фортуна» (Цит. по: *Козлова Н.В.* Некоторые черты личностного образа... С. 47).

⁴⁴ОПИ ВГИАХМЗ, ф. 10, оп. 1, д. 29, л. 8.

⁴⁵Там же.

⁴⁶Там же, д. 44, л. 1 об.

⁴⁷Там же, л. 7.

⁴⁸Там же, д. 17, л. 1.

А оставшее некому не мог продать»⁴⁹. Вероятнее всего, эти сведения были нужны для последующих закупок с расчётом на тех же самых покупателей. Так, в мае 1784 г. Иван Осипович из Тобольска просил находившегося в Архангельске Петра Матвеевича: «Катерине Федоровне Онежихе... скажи, что для их руки товару у меня довольно. Да Анисье Гавриловне Ершихе... Чтoб меня дождали[сь], я скоро буду. У других б не купили соболей»⁵⁰. По-видимости, у купцов имелась обратная связь с покупателями⁵¹. Булдаковы и их приказчики внимательно следили за потенциальными клиентами и до начала торгов, дабы правильно определить ассортимент и количество товаров. Так, 24 августа 1799 г. Шергин отмечал: «Греки спрашивают ныне по большей чести камчатской лисицы, также приметно купили б и соболи, но только подешевле прошлогоднего. Медведны хотя и покупают, но впредь на то надеятся не можно. Потребен зуб моржевой хорошей, лисицы чернoбурые и песцов белых»⁵².

Большое значение для купцов имели также условия оплаты товара — наличные деньги или в кредит. Вследствие того, что банковская система в России была развита крайне слабо, в купеческой среде получила широкое распространение практика взаимного кредитования, способствовавшая ускорению оборота капиталов⁵³. Наиболее распространённой её формой являлась отдача товаров в рассрочку (в письмах Булдаковых срок варьировался от 1 до 15 месяцев). О процентах, которые купцы могли получать за товар, отданный в кредит, в переписке косвенно упоминается лишь один раз. «В Архангельске сахар покупали в год — 36 руб., на денег — 33 руб.», — 15 октября 1799 г. сообщал Пётр из Великого Устюга Михаилу в Иркутск⁵⁴. Таким образом, речь шла о 9% годовых, что составляло не очень большую переплату.

При этом купцы стремились по возможности избегать кредитных сделок, которые, с точки зрения продавца, вели к выводу денежных средств из оборота. В частности, Шергин 30 марта 1799 г. сетовал на то, что в Москве «китайские товары хотя и продают, но в 10-ть да 12-ть месяцев и то с уступкою против зимняго»⁵⁵. Кроме того, отсрочка платежа всегда была связана с риском потерять вложенные деньги. Иногда приходилось прощать долги тем, кто оказался несостоятельным из-за чрезвычайных обстоятельств. «Весь город Тоболск выгорел, — писал Андрей Петру из Иркутска 28 марта 1788 г., — и осталось 300 домов, и оба гостины двора выгорели. И так почитают, что вовсе розорились. То я уповаю, что у наших устюжан тобольским много роздавано в Ърбите товаров на кредит, то достанетца и нашим»⁵⁶.

Удивляет, насколько хорошо купцы знали о коммерческих делах своих конкурентов. 29 июля 1795 г. Пётр Матвеевич подробно писал брату Михаилу о том, кто, чем, по какой цене и насколько успешно торгует: «У Смирнова, у Шелехова и Невожина 30 пуд пришло ровно, которой продан по 170 руб. питербургским

⁴⁹Там же.

⁵⁰Там же, д. 9, л. 2.

⁵¹К примеру, принимая решение об отправке товаров из Макарьевска в Москву, Пётр Матвеевич 29 июля 1795 г. ориентировался на наличие спроса: «Обнадеживали многие, что ежели будет надобность, то наш купят охотнее» (Там же, д. 17, л. 1).

⁵²Там же, д. 24, л. 25 об.

⁵³Голикова Н.Б. Кредит и его роль в деятельности русского купечества в начале XVIII в. // Русский город (исследования и материалы). Вып. 2. М., 1979. С. 192.

⁵⁴ОПИ ВГИАХМЗ, ф. 10, оп. 1, д. 23, л. 37.

⁵⁵Там же, д. 24, л. 11.

⁵⁶Там же, д. 8, л. 6.

купцам, да и всю партию купят»⁵⁷. После Макарьевской ярмарки Петру было точно известно, сколько не распродано меха горносталя. «А осталось ево, — констатировал купец 29 июля 1795 г., — здесь не в продаже: у Сорокина и Невожина [на] 12 000 руб., у Холодилова [на] 12 500 руб., у Захарова да и в Москве не мало осталось»⁵⁸. «Здесь еще довольное число есть третьегодней и прошлогодней рогожи, — 26 июля 1812 г. описывал ситуацию в Архангельске приказчик Булдаковых Яким Мургин, — которую бы чрезвычайно отдадут дешево, есть ли только будут покупать»⁵⁹.

Вероятно, подобная информация не считалась коммерческой тайной, и торговцы сами делились ею друг с другом. Заинтересованность каждого купца в получении достоверных сведений от других обеспечивала взаимное предоставление точных данных. Разумеется, подобные доверительные отношения не исключали возникновения между купцами конфликтов. К примеру, Андрей Матвеевич 5 июля 1799 г. жаловался из Якутска брату Михаилу на недобросовестность Семёна Горохова, с которым он договаривался о сделке: «А кость ево купили Тропин и Холодилов по 17 руб. Я было ее исторговал прежде их по 16 руб., но он, ушедши от меня, тотчас продал им, кою и успели принять»⁶⁰.

В тех случаях, когда купец поручал закупку другим лицам, он, изучив «торговые обстоятельства», отправлял им реестр, в котором указывался ассортимент и необходимое количество приобретаемых товаров. Среди документов Булдаковых не сохранилось ни одного такого реестра, однако о них часто упоминается в письмах. «По реэстру Петра Матфеевича товары покупаю», — сообщал 6 сентября 1799 г. из Москвы Шергин⁶¹. Приобретённое отправлялось к месту назначения вместе с росписями, в которых указывалось его количество и фиксировались расходы, связанные с покупкой и доставкой. «На якутские товары росписи я еще не послал к братцу Петру Матфеевичу, — 13 октября 1798 г. писал Андрей Михаилу из Иркутска в Петербург, — потому что задние товары за Григорьем Поповым еще не бывали, то и расходов не знаю»⁶². Данный документ был необходим для определения цен на предстоящих торгах, поскольку при благоприятных обстоятельствах купцы ориентировались прежде всего на затраченную сумму. Он составлялся не только в ответ на реестр, но также мог сопровождать грузы, посланные купцом от себя для торгов в другом месте. «Товары я свои как китайские и якутские, тоже и кость, отправил 25 ч[исла] ноября к [Ивану] Грязнухину ч[е]рез Устюг, на что и роспись к братцу Петру Матфеевичу от меня послана, — сообщал 8 декабря 1798 г. Андрей Михаилу из Иркутска в Петербург, — а на сколько по сумме и какие товары — то вам от меня было писано»⁶³.

Изучение писем Булдаковых наводит на мысль, что у купцов существовал определённый план, согласно которому они выделяли наиболее важные сведения о ходе торговли, включая цены, количество привезённых и не раскупленных товаров, условия их оплаты. Анализируя эту информацию, они определяли место ведения торгова, предлагаемый покупателям ассортимент, уровень первоначально устанавливаемых цен. Столь глубокое изучение рынка свидетельствовало о наличии у купцов высокого уровня коммерческой культуры, которая помогала им правильно организовать свою деятельность и максимально сократить издержки.

⁵⁷ Там же, д. 17, л. 1 об.

⁵⁸ Там же, л. 1.

⁵⁹ РГАДА, ф. 1605, оп. 1, д. 233, л. 9–9 об.

⁶⁰ ОПИ ВГИАХМЗ, ф. 10, оп. 1, д. 21, л. 8 об.

⁶¹ Там же, д. 24, л. 29.

⁶² Там же, д. 21, л. 1 об.

⁶³ Там же, л. 3.

К истории столыпинской модернизации: реформа продовольственного дела (1909–1917 гг.)

Евгений Белокуров

From the history of Stolypin's modernization: reform of the famine relief system (1909–1917)

Evgeniy Belokurov (Institute of History, Saint Petersburg State University, Russia)

На рубеже XIX–XX вв. продовольственный вопрос, тесно связанный с аграрным, приобрёл особую актуальность. Основные принципы организации продовольственного дела – помощи сельскому и (в меньшей степени) городскому населению в годы неурожая – были установлены ещё в эпоху крепостного права, носили жёсткий сословный и отчётливо патерналистский характер¹. Реформы П.А. Столыпина не могли не коснуться этой сферы: её преобразование преследовало цель не только более рациональной организации помощи голодающим, но и «воспитания» крестьянства, «развращённого» опекой, в духе новых ценностей – предприимчивости, самостоятельности и ответственности за принятые экономические решения.

Как и многие другие начинания премьер-министра, продовольственная реформа не была доведена до конца, поэтому остаётся слабо изученной в современной историографии. Её основные принципы лишь бегло упоминаются в статье К. Мацузато². К.И. Могилевский подробно изложил обсуждение реформы в Совете по делам местного хозяйства в 1910 г.³, а Н.Г. Королёва исследовала реакцию земств на министерский законопроект о продовольственном деле⁴. В данной статье внимание будет сосредоточено на причинах реформы, эволюции её основных принципов и взглядов реформаторов.

Существовавшая к началу XX в. система мер по борьбе с голодом зародилась ещё в XVIII в. Указ Павла I, изданный в 1799 г., обязывал создать в каждом

© 2017 г. Е.В. Белокуров

¹ Об истории продовольственного дела см.: Исторический обзор правительственных мероприятий по народному продовольствию в России. Т. 1–2. СПб., 1892–1893; *Ермолов А.С.* Наши неурожай и продовольственный вопрос. Т. 1–2. СПб., 1909. В последние годы отечественная историография обогатилась рядом исследований, освещающих эту проблематику: *Давыдов М.А.* Всероссийский рынок в конце XIX – начале XX вв. и железнодорожная статистика. СПб., 2010. С. 254–309; *Давыдов М.А.* Двадцать лет до Великой войны: российская модернизация Витте–Столыпина. СПб., 2016. С. 118–150; *Корнилов Г.Е.* Формирование системы продовольственной безопасности населения России в первой половине XX века // *Российская история*. 2011. № 3. С. 91–101; *Круглов В.Н.* Царь-голод. Факты против мифов // *Сборник Русского исторического общества*. Т. 11(159): Правда истории. М., 2011. С. 87–106; и др.

² *Мацузато К.* Хлебозапасная система в России. 1864–1917 годы // *Отечественная история*. 1995. № 3. С. 187, 188, 194.

³ *Могилевский К.И.* Столыпинские реформы и местная элита. Совет по делам местного хозяйства (1908–1910). М., 2008. С. 270–276.

⁴ *Королёва Н.Г.* Хозяйственно-экономическая деятельность земств в период модернизации российской деревни (1907–1914 гг.). М., 2011. С. 114–117.

селении, насчитывающем не менее 50 дворов, запасный хлебный магазин, т.е. склад зерна на случай голода⁵. В 1822 и 1834 гг. правительство выпустило особые правила о продовольственном деле. В соответствии с ними в каждой губернии создавались комиссии, призванные следить за тем, чтобы «ежегодное продовольствие губернии хлебом было обеспечено». Кроме того, появились и специальные денежные фонды — губернские продовольственные капиталы, средства которых должны были использоваться в случае истощения ресурсов запасных магазинов⁶. Наконец, в 1866 г. был создан общий по империи продовольственный капитал на случай наиболее серьёзных неурожаев⁷. Таким образом, продовольственная система приобрела законченную трёхуровневую структуру, сохранявшуюся вплоть до 1917 г.

Содержание магазинов и всех видов продовольственных капиталов по закону было одной из повинностей. В случае неурожая нуждающиеся плательщики имели право на ссуду зерном для продовольствия и для посева. Безвозмездная помощь самостоятельным домохозяевам считалась нежелательной, поскольку в этом случае население «становится нерадивее к труду, энергия его к собственной деятельности и к усилению оной... не поддерживаемая уже суровой необходимостью, начинает ослабевать»⁸. Однако в ссудной организации продовольственного дела таился изъян: в годы голода в помощи в первую очередь нуждались самые бедные хозяйства, которые и в урожайные годы редко имели излишки для возвращения долга. При повторении неурожая они попадали в заколдованный круг, и их долги по продовольственным ссудам постоянно возрастали⁹.

Разумеется, на помощь властям приходил институт круговой поруки, однако с 1901 г. для продовольственных долгов он был отменён¹⁰. Кроме того, «благотворительная помощь» более зажиточных членов общины бедным, по сути навязываемая законом, вызвала закономерное недовольство первых. Земледелец Курской губ. А.А. Трель вспоминал: «Мужик... никак не может примириться с тем, что если одному дают помощь в виде ссуды, то чтобы не дали её и другим; не нуждающийся в помощи и даже могущий помочь другим говорит, что ему придётся отвечать за голодающего соседа, так как порука круговая, и требует во что бы то ни стало свою часть. В 1891 году мне приходилось наблюдать общества, где была половина голодных и половина имущих, что было хорошо известно и ближайшему начальству — земскому начальнику, но ссуду брали все, иначе общество не соглашалось на составление приговора о помощи и было беспощадно к своим односельчанам»¹¹.

До голода 1891—1892 гг. этот дефект законодательства не слишком беспокоил правительство, поскольку объём помощи населению из всех видов продовольственных капиталов и из казны был весьма небольшим¹², следовательно, недоимки также не могли стать значительными. Однако тяжелейший неурожаем

⁵ ПСЗ-I. Т. 25. № 19203. С. 895—899.

⁶ Там же. Т. 38. № 29000. С. 146—153; ПСЗ-II. Т. 9. Отд.1. СПб., 1835. № 7253. С. 691—705.

⁷ ПСЗ-II. Т. 41. Отд.1. СПб., 1868. № 43240. С. 474—483.

⁸ Ермолов А.С. Указ. соч. Т. 1. С. 82.

⁹ Ермолов А.С. Указ. соч. Т. 2. С. 44; Маузова К. Указ. соч. С. 187; Сухоплюев И.К. Основной принцип действующей продовольственной системы. Одесса, 1906.

¹⁰ ПСЗ-III. Т. 20. Отд.1. СПб., 1902. № 18855. С. 777.

¹¹ РГИА, ф. 91, оп. 2, д. 963, л. 203 об.—204.

¹² Сборник правил по обеспечению народного продовольствия / Сост. Г.Г. Савич. Вып. 1. СПб., 1900. С. 7.

1891 г. быстро исчерпал средства общеимперского капитала (на начало 1891 г. – 11.6 млн руб.¹³), из-за чего казна была вынуждена дополнительно ассигновать на его «подкрепление» 146.5 млн руб. На пике продовольственной кампании – март–июнь 1892 г. – продовольственные ссуды в 23 пострадавших губерниях ежемесячно получали свыше 11 млн человек¹⁴.

После голода 1891–1892 гг. во многом под давлением общественности, обвинявшей бюрократию в бездействии и равнодушии к бедам народа, центральная власть стала активно вмешиваться в продовольственное дело, которое до того находилось в ведении земств и местной администрации. Закономерным результатом стал рост затрат государственного бюджета на помощь пострадавшим от неурожая. К концу 1912 г. общий объём ассигнований превысил 600 млн руб. (табл. 1). Для сравнения укажем, что в 1907–1913 гг. все расходы государства на переселение крестьян за Урал составляли 162 млн, а на землеустроительные работы – 134.4 млн руб.¹⁵

Таблица 1

**Средства, израсходованные Государственным казначейством
на усиление общеимперского продовольственного капитала
в 1891–1912 гг., тыс. руб.**

Годы	Сумма	Годы	Сумма
1891–1892	146500	1904	1500
1897–1898	35000	1905–1906	71153
1900	700	1906–1907	169657
1901	20000	1907–1908	23954
1902	18620	1911–1912	126556
1903	5000		

Составлено по: Отчёт по продовольственной кампании 1908–1909 гг. СПб., 1910. С. 151; Отчёт по продовольственной кампании 1911–1912 гг. Т. 1. СПб., 1913. С. 47.

Голод 1891–1892 гг. привёл к лавинообразному росту продовольственной задолженности. Уже на 15 марта 1892 г. по 18 неурожайным губерниям она составляла 128.7 млн руб., вдвое превысив недоимки по государственному поземельному налогу и выкупным платежам¹⁶. Правительство предоставило должникам ряд льгот, в результате задолженность уменьшилась на 52 млн. В 1894 г. по случаю бракосочетания императора Николая II было сложено ещё 50 млн. Прощались недоимки также манифестом 11 августа 1904 г. по случаю крещения наследника престола и указом от 5 апреля 1905 г.¹⁷

Должники отреагировали на эти меры вполне ожидаемым образом: они решили, что продовольственные ссуды являются безвозвратными

¹³Там же. С. 406.

¹⁴Временник Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел. 1894. № 28. С. 42–43. О продовольственной кампании 1891–1892 гг. см.: *Robbins R.G. Famine in Russia, 1891–1892: the Imperial Government Responds to a Crisis.* N.Y.; L., 1975.

¹⁵Дякин В.С. Деньги для сельского хозяйства (Выбор пути экономического развития России. 1892–1914 гг.) // История СССР. 1991. № 3. С. 71.

¹⁶Анфимов А.М. Экономическое положение и классовая борьба крестьян Европейской России. 1881–1904. М., 1984. С. 119.

¹⁷Ермолов А.С. Указ. соч. Т. 1. С. 134–136, 142–143, 267–271.

пособиями — «царским пайком»¹⁸ — и выплата долгов по ним к 1901 г. практически прекратилась (табл. 2). В 1907 г. крестьяне Вятской губ. говорили приехавшему с ревизией чиновнику МВД В.В. Ковалевскому, что они «все одного царя», «царь всех прокормит», «царь всем хлеба прислал»¹⁹. Разумеется, «царский паёк» мог быть только даровым. Из-за новых неурожаев, несмотря на регулярные списания, задолженность постоянно росла, достигнув к началу 1911 г. 216.3 млн руб., не считая долгов натурой²⁰.

Таблица 2

Возврат долгов общеимперскому продовольственному капиталу
в 1891–1912 гг., тыс. руб.

Годы	Сумма	Годы	Сумма
1891–1895*	840.5	1908	3206.4
1896–1900*	518.4	1909	26864.4
1901–1905*	2174.3	1910	24264.4
1906	968	1911	14740.7
1907	1800	1912	10437.4

Составлено по: РГИА, ф. 1291, оп. 132, 1914 г., д. 203, л. 160 об.–161.

* В среднем в год.

Власть оценивала сложившуюся ситуацию так: «Неисчислимыми бедствиями угрожает государству тот моральный вред, который оказывает на население существующий порядок... Нынешняя продовольственная система действует губительно на нравственность и материальное благосостояние сельского населения и убивает всякие зачатки стремления к культуре хозяйства... Действующая продовольственная система в конечном итоге порождает упадок самостоятельности среди населения и ведёт к развитию тунеядства. Подобным явлениям необходимо положить предел»²¹. В 1910 г. П.А. Столыпин назвал сложившуюся практику выдачи безвозмездных *de facto* продовольственных ссуд «казённым социализмом»²².

Чиновников беспокоило то, что действующая практика поощряла иждивенческие настроения. В 1891 г., вспоминал министр земледелия и государственных имуществ А.С. Ермолов, «весть о “способии”, о “царском пайке” широкой волной разлилась по всему пространству пострадавших губерний и внушила населению глубоко в него внедрившуюся мысль о том, что оно имеет право (курсив автора. — Е.Б.) на пособие, что правительство обязано его кормить, и притом кормить всех крестьян без разбора. На каждое исключение кого бы то ни было из списков нуждающихся крестьяне стали смотреть уже как на притеснение, на злоупотребление»²³. По словам управляющего Земским отделом МВД Я.Я. Литвинова, «нередко в сёлах происходит настоящая погоня

¹⁸ Там же. С. 111.

¹⁹ РГИА, ф. 1291, оп. 131, д. 101, л. 96 об.

²⁰ Отчёт по продовольственной кампании 1909–1910 гг. СПб., 1911. С. 195.

²¹ Краткая объяснительная записка к проекту // Журналы Совета по делам местного хозяйства. 1910 г. Осенняя сессия. СПб., 1911. С. 26.

²² Журнал Общего присутствия Совета по делам местного хозяйства № 1 от 9 ноября 1910 г. // Там же. С. 2.

²³ Ермолов А.С. Указ. соч. Т. 1. С. 111.

за ссудами, крестьяне доходят до того, что прячут своё имущество в колодцах, лишь бы быть внесёнными в списки нуждающихся»²⁴.

Из опасения роста податей, желания получить государственную помощь и других соображений крестьяне занижали уровень собственного благосостояния, стремясь выглядеть беднее, чем на самом деле²⁵. Будущий член ЦК партии кадетов В.А. Оболенский летом 1896 г. вместе с партией земских статистиков занимался обследованием Опочецкого уезда Псковской губ.: «Кочевал из деревни в деревню, от помещика к помещику, познакомился с приёмами исследования и как выжимать правдивые цифры из лживых показаний. А лгали все — крестьяне и большая часть помещиков. Крестьяне старались прибедниться, предполагая, что от их показаний зависит размер тщетно ожидавшейся ими земельной прирезки, а помещики, знавшие, что работа производится в оценочных целях, но не представляя себе, что оценка предстоит нормальная, а не индивидуальная, старались приуменьшить доходность своих имений»²⁶. Председатель Темниковского (Тамбовской губ.) комитета Красного Креста Н.Н. Енгальчев писал в 1906 г.: «Население приучено последними годами широкой раздачи пособий к мысли, что стоит только заявить о нужде, как помощь посыплется как из рога изобилия. Большинство крестьян-хозяев, по этим соображениям, уменьшают размеры собранного урожая в сообщаемых ими сведениях и сгущают краски, указывая на недород»²⁷. Один из податных инспекторов Пермской губ. в неурожайном 1897 г. прямо утверждал: «Можно принять почти за правило, что прибавивши к общему итогу собранных хлебов, получившемуся по сводке данных волостных правлений, если не 50, то 25%, мы не впадём в заблуждение, а положительно приблизимся к истине, так трудно достижимой в деле статистики вообще»²⁸.

По закону действительную степень нужды просителей ссуд, внесённых волостными правлениями в списки нуждающихся, должны были проверять земские начальники. Однако из-за их немногочисленности сколько-нибудь тщательная проверка оказывалась невозможна. К примеру, в Самарской губ., накопившей больше всего недоимок общеимперскому капиталу, в 1906 г. было всего 79 земских начальников, в следующей за ней по задолженности Саратовской — 76, Казанской — 65, Симбирской — 47²⁹. В марте 1907 г. число получателей продовольственных ссуд в Самарской губ. составило 1 939 тыс. человек (62% населения), Казанской — 1 523 тыс. (67%), Саратовской — 1 309 тыс. (52%), Симбирской — 1 032 тыс. (64%), а общее их количество по 29 неурожайным губерниям и областям равнялось 14.7 млн³⁰. Следовательно, в среднем каждому земскому начальнику Самарской губ. за несколько месяцев пришлось

²⁴ РГИА, ф. 1291, оп. 132, д. 203, л. 153 об.

²⁵ См., например, свидетельства современников: *Давыдов М.А.* Двадцать лет до Великой войны... С. 63–67, 69–73 и др. Проблема занижения урожайной статистики активно обсуждается в научной литературе: *Давыдов М.А.* Всероссийский рынок... С. 67–74; *Давыдов М.А.* Двадцать лет до Великой войны... С. 49–97; *Миронов Б.Н.* Благосостояние населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX века. Изд.2. М., 2012. С. 220–232; и др.

²⁶ *Оболенский В.А.* Моя жизнь. Мои современники. Париж, 1988. С. 160.

²⁷ Цит. по: *Ермолов А.С.* Указ. соч. Т. 1. С. 378–379.

²⁸ РГИА, ф. 573, оп. 25, д. 811, л. 126.

²⁹ Ежегодник России. 1906 г. СПб., 1907. С. 5, 12–13.

³⁰ *Ермолов А.С.* Указ. соч. Т. 1. С. 396.

«проверить» нужду 24,5 тыс. человек (3–4 тыс. семейств), Казанской – 23,4 тыс., Саратовской – 17,2 тыс., Симбирской – 22 тыс.

Разумеется, даже с учётом привлечения добровольцев, деятельность земских начальников свелась по большей части к утверждению составленных волостными правлениями списков. В большинстве своём земские начальники старались не идти на конфликт с населением, особенно в годы аграрных волнений 1905–1907 гг. Саратовский губернатор сообщал: «Хотя во время моего объезда пострадавших от неурожая местностей среди уполномоченных по проверке списков встречалось много людей добросовестных, на обращенный к ним укор по поводу внесения в списки зажиточных крестьян я всегда слышал один ответ – попробуйте не внести, так к утру живым не будешь!»³¹. Похожее отношение земских начальников к делу характерно и в последующие годы. Например, объехавший в 1912 г. многие нуждающиеся селения Уральской обл. и всё той же Саратовской губ. чиновник МВД И.П. Моллериус в докладе министру отмечал: «Лица, призванные эти (подворные. – *Е.Б.*) обследования производить, – сельские и волостные должностные лица – слишком зависимы о местных влияний; земские и крестьянские начальники склонны с излишком оказывать помощь ради избежания упреков в недосмотре и столкновений с населением»³².

С точки зрения власти, было очевидно, что продовольственное дело нуждалось в реформировании, призванном оказать на крестьян дисциплинирующее, «моральное» влияние: «Продовольственное законодательство при надлежащей его постановке помимо ближайшей своей цели оказания помощи населению во время неурожая, должно преследовать также задачу воспитания народных масс»³³. Один из участников совещания по пересмотру продовольственного законодательства в 1910 г. кратко и ёмко выразил позицию власти: «Продовольственный вопрос есть вопрос нравов»³⁴.

Разработка нового продовольственного устава началась сразу после голода 1891–1892 гг. Проект, разработанный межведомственной комиссией под руководством В.К. Плеве и утверждённый Николаем II 12 июня 1900 г., получил силу закона для 46 губерний Европейской России (кроме трёх прибалтийских и Архангельской) с 1 января 1901 г. Однако кардинально он ничего не изменил. Продовольственное дело передавалось администрации – МВД и губернаторам (надо отметить, что этому новшеству в эпоху острого противостояния «общества» и бюрократии придавалось слишком серьёзное значение). Кроме того, создавались особые продовольственные участки во главе с попечителями из местного населения для более удобного ведения продовольственных кампаний, увеличивались ежемесячные размеры продовольственной ссуды (до 1 пуда зерна на взрослого и 0,5 пуда на ребёнка до 5 лет), разрешались безвозмездные пособия некоторым группам населения и т. д.³⁵

³¹ Цит. по: Там же. С. 384.

³² РГИА, ф. 1291, оп. 132, д. 371, л. 17.

³³ Краткая объяснительная записка к проекту // Журналы... С. 26–27.

³⁴ Журнал Совещания, образованного при Министерстве внутренних дел для рассмотрения основных начал проекта Положения о мерах помощи населению в случае неурожая (заседание 11 июня 1910 г.) // Там же. С. 6.

³⁵ ПСЗ-III. Т. 20. Отд. I. № 18855. С. 764–778. Историю разработки закона см.: *Рогожина А.С.* С.Ю. Витте и продовольственный вопрос в России // Вопросы истории. 2016. № 7. С. 75–88; *Robbins R.* Russia's Famine Relief Law of June 12, 1900. A Reform Aborted // *Canadian-American Slavic Studies*. Vol. 10. 1976. № 1. P. 25–37.

Проблема заключалась в том, что закон не излечивал врождённый порок системы — кредитование заведомо некредитоспособных, за что сразу же подвергся критике. Необходима была существенная реформа, и после неурожаев 1905–1906 гг. МВД возобновило пересмотр законодательства. Правительство тем временем начало некоторые практические приготовления, в частности, организовало работу по точному подсчёту задолженности каждого отдельного домохозяина различным продовольственным капиталам. «Борьба с продовольственной задолженностью необходима не только ради фискальных интересов, но и во имя других высших соображений», — с присущим эпохе реформ пафосом заявил глава Совета по делам местного хозяйства С.Н. Гербель³⁶. Не составляло секрета, что счетоводство не только в сельских и волостных управлениях, но даже на уездных съездах и в губернских присутствиях было поставлено неудовлетворительно³⁷. В 1909 г. ввели новые правила взимания долгов, которые давали губернским присутствиям право, сообразуясь с положением домохозяев, назначать размер ежегодного взыскания в размере от 25 до 300% от величины оклада казённых и земских сборов (до того стандартный размер ежегодного взыскания составлял 25% и лишь в редких случаях свыше 50%)³⁸. Усилия властей вскоре стали приносить плоды: в 1909 г. поступление продовольственных долгов увеличилось в 8 раз по сравнению с предыдущим годом (см. табл. 2).

Списания недоимок уже не допускались. Когда в преддверии 300-летия правления Романовых в качестве обычной милости прозвучало предложение простить часть долгов, этому решительно воспротивился заведующий продовольственным делом империи В.Э. Фриш. Министр внутренних дел А.А. Макаров встал на сторону своего подчинённого, и указанная мера не была осуществлена³⁹.

Новый продовольственный устав, разработанный МВД, был представлен летом 1909 г. и разослан для обсуждения губернским земским управам 34 земских губерний и губернским управам по делам земского хозяйства 6 так называемых полужемских губерний (Витебской, Волынской, Киевской, Минской, Могилёвской, Подольской)⁴⁰. Затем проект рассматривался совещанием из представителей Государственного совета, МВД, земств, Государственной думы и Попечительства о трудовой помощи под председательством С.Н. Гербея (лето 1910 г.). В итоге доработанная версия проекта была внесена в Совет по делам местного хозяйства⁴¹.

Основное зло, которое предполагалось излечить с помощью нового устава, — иждивенческие настроения населения. Если комиссия Плеве стремилась устранить в первую очередь организационные недостатки продовольственной системы, обвиняя земства в неэффективном распоряжении отпущенными им государством средствами и отсутствии должного надзора

³⁶ Журнал Совещания, образованного при Министерстве внутренних дел для рассмотрения основных начал проекта Положения о мерах помощи населению в случае неурожая // Журналы... С. 13.

³⁷ Отчёт по продовольственной кампании 1909–1910 гг. С. 196.

³⁸ Там же. С. 175–176.

³⁹ РГИА, ф. 1291, оп. 132, д. 435, л. 3–4 об, 13–13 об.

⁴⁰ Толстой П. Земская Россия о реформе продовольственного законодательства в 1909–1910 гг. СПб., 1914. С. 4–5.

⁴¹ Первая редакция (июнь 1909 г.): Проект положения о мерах помощи населению в случае неурожая (Первоначальные предположения) // Журналы... С. 1–19; Вторая редакция (октябрь 1910 г.): Положение о мерах помощи населению в случае неурожая. Проект // Там же. С. 1–20.

за сельскими запасными магазинами, то в 1910 г., в полном соответствии с духом столыпинских реформ, продовольственное дело критиковали в первую очередь за «деморализацию», «развращение» населения и «растление нравов»⁴².

Столыпин описал суть внесённых в закон изменений так: помощь «будет заключаться... во-первых, в предоставлении оборотных средств тем, для кого кредит посилен, в трудовой помощи тем, кто может отплатить за эту помощь только своим мускульным трудом, и, наконец, в благотворительной помощи для лиц совершенно беспомощных»⁴³. Проект разделял все виды помощи на меры самопомощи и общественной помощи. Уже в первой статье провозглашалось: «Обеспечение продовольственных и семенных потребностей сельского населения при неурожаях и других подобных бедствиях составляет первое всего обязанность самого населения и исполняется последним путём накопления натуральных запасов или капиталов» (это и называлось «самопомощью»). Продовольственная повинность, таким образом, не отменялась. Более того, душевая норма засыпаемого в магазины хлеба даже увеличилась с 4 до 6 пудов.

Именно в разделе, посвящённом мерам самопомощи, наиболее ярко проявилась воспитательная функция нового устава. По Временным правилам 1900 г. распоряжение средствами самопомощи, многократно превышающими общеимперский продовольственный капитал⁴⁴, для сельских обществ было ограничено рядом условий. Сельские общества не могли отказаться от выполнения продовольственной повинности и использовать накопленные запасы и капиталы для каких-либо целей, кроме продовольствия и обсеменения полей. Для этого они были обязаны испрашивать разрешение у земского начальника (оно, в свою очередь, утверждалось уездным съездом). Сельские общества имели право лишь изменять способ отбывания продовольственной повинности (натуральный, денежный или смешанный), но приговор должно было утвердить губернское присутствие, которое могло счесть, что изменение «невыгодно» для крестьян.

Продовольственная повинность не относилась к числу самых обременительных для крестьянства. По 50 губерниям Европейской России расходы на содержание запасных магазинов (ремонт, плата смотрителям и караульщикам) составляли 1663.3 тыс. руб. в 1894 г. и 749.1 тыс. в 1905 г., или соответственно 2.7 и 1% всех мирских расходов⁴⁵. Кроме того, на пополнение магазинов и капиталов, если они не были доведены до нормы (4 пуда на душу или их денежный эквивалент), взималось ежегодно по полпуда зерна или соответствующая сумма денег с каждой наличной души. Магазины были убыточными, а продовольственные капиталы, по закону обращаемые в государственные процентные бумаги или вкладываемые в государственные кредитные установления, наоборот, приносили доход.

И всё же эта система не пользовалась у крестьян популярностью. Дело в том, что пополнять запасы и капиталы должны были все члены общества,

---

⁴² Журнал Совещания, образованного при Министерстве внутренних дел для рассмотрения основных начал проекта Положения о мерах помощи населению в случае неурожая // Там же. С. 5, 7, 13.

⁴³ Журнал Общего присутствия Совета по делам местного хозяйства № 1 от 9 ноября 1910 г. // Там же. С. 3–4.

⁴⁴ На начало 1910 г. в запасных магазинах по всей стране хранилось 83 млн пудов зерна, продовольственные капиталы составляли почти 53.9 млн руб. Подсчитано по: Отчёт по продовольственной кампании 1909–1910 гг. Приложения. С. 66, 69, 72, 74.

⁴⁵ Подсчитано по: *Анфимов А.М.* Указ. соч. С. 78.

а пользоваться ссудами — лишь наиболее нуждающиеся, те, кто обычно не мог отбывать продовольственную повинность. В таком обобществлении ресурсов (а точнее, в перераспределении их от более зажиточных к менее зажиточным членам общины) и заключался практический смысл существования продовольственных запасов и капиталов. Принцип, как видим, получился «социалистическим» (почти без кавычек), однако он, по-видимому, не находил понимания в среде «общинников». «Крестьяне в общественной жизни далеко не филантропы. Они всюду преследуют выгоду и едва ли как допустят кого пользоваться общественным добром безвозмездно», — писал С.Т. Семёнов⁴⁶. Ход мыслей крестьянина хорошо показал А.И. Новиков, служивший земским начальником в Тамбовской губ.: «Очевидно, что засыпать хлеб может тот, у кого он есть. А так как значительная часть крестьян в каждом обществе его или вовсе не имеет, или имеет настолько мало, что кормится своим хлебом каких-нибудь два—три месяца, то и засыпать его могут не все: засыпают состоятельные и средние крестьяне; бедные не засыпают. Когда наступает голод, хлеб могут получать только бедные и иногда средние — богатые его не получают. Оказывается, что засыпает Иван, а ест Пётр. Неужели такой закон удовлетворит мужика?»⁴⁷. О схожих трудностях писали и рязанские чиновники: «Продовольственные средства собираются обыкновенно крестьянами сравнительно более состоятельными, а помогать ими, согласно закону, можно только совершенно неимущим. Невозможно убедить крестьянина, что средства, собранные им для обеспечения своей семьи при неурожае, когда в них встречается действительная надобность, должны идти на помощь только бедняку, не сделавшему собственных сбережений, тогда как ему самому следует в этом случае продавать для удовлетворения своих нужд домашний скот как имущество, которое считается не особенно необходимым для хозяйств, хотя его никто не покупает... Может ли народ считать такой закон справедливым? Очевидно, нет, и вот мы видим, что закон этот повсеместно обходится, и продовольственными средствами пользуются лишь те, кто их собирал и кому они в действительности принадлежат. Были попытки исполнить это непонятное народу требование закона, но они всегда кончались неудачей и вызывали такой взрыв неудовольствия, что приходилось поневоле идти на компромисс; и вот при составлении списков ссуда назначается одним лицам, а в действительности её получают другие»⁴⁸.

Вполне логично, что крестьяне относились к продовольственной повинности как к раздражающему вмешательству в их жизнь. Поэтому поддерживать такой порядок можно было только при помощи постоянного надзора со стороны властей. Однако контролировать на деле десятки тысяч магазинов, разбросанных на пространстве в миллионы квадратных вёрст, ни земства, ни администрация, разумеется, не могли. Поэтому законы постоянно нарушались. К примеру, в 1902 г. под влиянием крестьянских волнений в Полтавской и Харьковской губерниях сельские общества Рязанской губ. принялись самовольно разбирать запасные магазины. По сообщению губернатора Н.С. Брянчанинова, «одной из причин такого крайне нежелательного явления является взгляд крестьян, что хлеб, находящийся в магазине, собственность не общества как юридической единицы, а отдельных лиц, засыпавших

⁴⁶ Семёнов С.Т. Двадцать пять лет в деревне. Пг., 1915. С. 74.

⁴⁷ Новиков А.И. Записки земского начальника. СПб., 1899. С. 171–172.

⁴⁸ РГИА, ф. 1291, оп. 130, д. 17, л. 141.

его. Поэтому и самовольная разборка ими хлеба из магазинов не носит на себе отпечаток хищения, а есть только своевольное осуществление мнимых прав собственности на этот хлеб, причем никаких насилий и беспорядков при разборе магазинов не было, и каждый брал только то, что было им засыпано, а хлеб тех лиц, которые отсутствовали, оставался в магазине»⁴⁹. Аналогичное сообщение пришло из Тульской губ.: «Главную причину имевших... место случаев самовольных разборов хлебных магазинов является укоренившийся в крестьянах за время заведования продовольственным делом земскими учреждениями взгляд на натуральные хлебные запасы как на личную собственность засыпавших хлеб крестьян, которые в большинстве случаев, засыпав хлеб осенью в урожайный год, разбирали его весной как с легко дававшегося разрешения, так и без разрешения... в том же размере, в каком каждым крестьянином сделана была осенью засыпка»⁵⁰. С таким объяснением был согласен и Земский отдел МВД, который предлагал принять меры для «для искоренения понятия о принадлежности запасов отдельным ссыпщикам» (курсив мой. — *Е.Б.*)⁵¹.

В 1890-х гг. московское земство попыталось выяснить, по какому принципу распределялся хлеб при самовольном разборе магазинов. Оказалось, что при разборе озимого хлеба в 455 случаях за каждым участником разбора признавалось право на получение зерна пропорционально его взносу, и лишь в 17 случаях — иные основания; при разборе яровых тот же принцип торжествовал в 796 случаях против 19. Как заключил заведующий статистическим отделением Московской губернской управы Вихляев, принцип «личной собственности при образовании запасов... не является новым для жизни»⁵².

Разборы продовольственных капиталов были более редким явлением и случались только в годы аграрных волнений. Так, в декабре 1905 г. Козельский уездный съезд, опасаясь «чрезвычайно повышенного настроения» крестьян, распорядился выдать продовольственные капиталы сельских обществ полностью в ссуду на три года⁵³. Очевидно, что это ничем не отличалось от самовольного разбора магазина, хотя ситуации и постарались придать форму законности. В ноябре 1905 г. Переяславский (Владимирской губ.) уездный съезд «в виду насильственных действий в Уездном съезде и Казначействе некоторых сельских обществ и в целях сохранения пояснённых учреждений от разгрома толпы, разрешил выдать крестьянам на руки не только состоящие на счетах этих обществ общественные продовольственные капиталы (31000 р.), но и из наличного фонда государственных доходов 17140 р. 75 коп.»⁵⁴.

Впрочем, более частым явлением был своеобразный саботаж со стороны крестьян. К примеру, они старались сдать в магазины негодное зерно⁵⁵ или формально выполняли повинность, засыпая хлеб осенью, но в преддверии нового урожая самовольно забирая из опасения, что его в ссуду получают неимущие соседи⁵⁶.

⁴⁹ Там же, д. 69, л. 22.

⁵⁰ Там же, л. 29–29 об.

⁵¹ Там же, л. 46 об.—47.

⁵² Толстой П. Указ. соч. С. 156.

⁵³ РГИА, ф. 1291, оп. 131, д. 70, л. 1–14.

⁵⁴ Там же, д. 507в, л. 44.

⁵⁵ См., например: РГИА, ф. 1291, оп. 130, д. 55, л. 194 об. (Уфимская губ.), л. 203 (Самарская губ.), л. 225 (Казанская губ.).

⁵⁶ Толстой П. Указ. соч. С. 157.

Чиновники предпочитали объяснять халатное отношение к отбыванию продовольственной повинности несознательностью селян. Оренбургское губернское присутствие полагало, что «благая цель скопления запасов на случай могущего быть бедствия ещё недостаточно проникла в сознание крестьян»⁵⁷. «Малокультурность их и беспечность мешают выработке ясного сознания необходимости иметь запас на чёрный день», — замечал инспектор сельского хозяйства Казанской губ. В.В. Марковников⁵⁸. Киевское губернское присутствие считало, что «среди большинства сельского населения мало развито сознание необходимости обеспечить себя на случай неурожая средствами для продовольствия и потому не все обыватели охотно подчиняются требованиям закона о продовольственной повинности, изыскивая разные предлоги к уклонению от добровольной и своевременной уплаты сбора или возврата ссуд»⁵⁹.

В новом продовольственном уставе МВД вместо попыток «искоренить» существующий порядок вещей решило просто его узаконить. Запасные магазины и продовольственные капиталы переименовывались в «средства самопомощи» и становились личной собственностью участвующих в их накоплении лиц в размере сделанных каждым участником взносов. Впрочем, как и ранее, право собственности было ограничено: разрешать «позаимствования» могли уездные земские собрания и управы, отказаться от участия в «средствах самопомощи» было по-прежнему нельзя. Если Временные правила 1900 г. распространяли продовольственную повинность на крестьян, причисленных к сельским обществам, а также на проживающих в сельской местности и занимающихся хлебопашеством мещан, посадских, ремесленников и цеховых, то новый проект отвергал столь строгую сословную привязку, распространив продовольственную повинность на всех обывателей, «занимающихся хлебопашеством на собственных или состоящих в их пользовании землях, не исключая и арендованных, в таком количестве, которое может быть обработано силами каждого домохозяина и его семьи». Однако члены сельских обществ, как и ранее, были обязаны отбывать повинность поголовно.

Приходится констатировать, что с точки зрения практической целесообразности проект МВД был бесполезен. Приватизация запасов означала обесмысливание продовольственной повинности: те, кто не пополнял местные продовольственные средства по бедности, не смог бы это делать и впредь, но оставался без помощи из обобществлённых фондов. Тех же, кто мог накапливать запасы для собственного потребления, законодательно обязывать делать их было нелепо. Чиновники сознательно не пошли на логический шаг — полную добровольность в накоплении запасов. В объяснительной записке к законопроекту даже специально оговаривалось, что вновь вводится «элемент принуждения» для того, чтобы «насаждать в населении» идеи «самопомощи»⁶⁰ (т.е. отучать надеяться на правительство). Надежда чиновников на то, что «начало личной собственности на запасы несомненно пробудит в современной деревне совершенно иное отношение к средствам самопомощи, чем то замечалось в отношении общественных запасов»⁶¹, едва ли была состоятельна. Скорее,

⁵⁷ РГИА, ф. 1291, оп. 130, д. 55, л. 27 об.

⁵⁸ Там же, л. 224.

⁵⁹ Там же, оп. 130, д. 29, л. 41.

⁶⁰ Краткая объяснительная записка к проекту // Журналы... С. 29.

⁶¹ Главное управление по делам местного хозяйства — в Совет по делам местного хозяйства. Об изменении продовольственного закона. 7 октября 1910 г. // Там же. С. 7–8.

крестьяне продолжали бы воспринимать «самопомощь» как мелкое и досадное вмешательство в их хозяйственную жизнь.

Показательна реакция земств на такое новшество. Большая часть губернских отзывов (26 из 40) одобряла министерский законопроект. «Хотя можно и много возразить против того, чтобы законом заставляя взрослое население в массе делать себе сбережения, но принимая во внимание наше прошлое, когда это население приучили к опеке, принимая во внимание степень его культуры, необходимо с этим вторжением закона в личную экономическую жизнь примириться», — утверждалось в отзыве Рязанской губ.⁶² В отзыве Саратовской губ. сообщалось, что «большинство членов комиссии, соглашаясь с тем, что опека вообще нежелательна, пришло, однако, к заключению, что в настоящее время при низком уровне развития сельского населения нельзя совершенно и вдруг снять с него известную опеку»⁶³. В наиболее прямом виде ту же идею озвучил один из саратовских земцев: «Наш крестьянин избалован, сам не в состоянии позаботиться о себе и нужно деликатное насилие над ним»⁶⁴. Таким образом если раньше опека была необходима для защиты крестьян от последствий их «беспечности», то теперь — для борьбы с последствиями опеки.

В случае недостатка средств «самопомощи» в дело вступали земства и общеимперский продовольственный капитал, который требовалось довести до 60 млн руб. Меры «общественной помощи» были следующими: общественные работы; денежные ссуды; продажа хлеба и кормов на льготных условиях; безвозвратная помощь для дряхлых, увечных, а также для кормящих женщин, малолетних и больных, «если семьи таковых лиц принадлежат к неимущей части сельского населения и не воспользовались иными мерами общественной помощи». Безвозвратная помощь включала устройство столовых и питательных пунктов, предоставление врачебной помощи, скидку с заготовительной цены хлеба, продаваемого земством населению, и в крайнем случае — выдачу припасов на руки (выдача денежных пособий запрещалась).

Ссуды зерном заменялись полноценным денежным кредитом под годовой процент «не свыше уплачиваемого учреждениями мелкого кредита Государственному Банку по полученным от него ссудам» плюс 3% на покрытие расходов по операции. Максимальный размер ссуды на продовольственные потребности не мог превышать 50 руб. на хозяйство, причем ссуды должны были выдаваться под поручительство не менее двух «благонадёжных лиц», проживающих в пределах области, или же под залог движимого имущества. На долги по этим ссудам не распространялся закон, запрещающий отчуждать движимое имущество, признанное необходимым в сельском хозяйстве. Более того, в ходе обсуждения проекта в Совете по делам местного хозяйства было предложено покуситься на «священную корову» прежней патерналистской политики — разрешить, хотя и с рядом оговорок, кредит, обеспеченный недвижимостью⁶⁵. И хотя одним из членов комиссии была озвучена сакраментальная угроза, что

⁶² Цит. по: *Толстой П.* Указ. соч. С. 161.

⁶³ Там же. С. 162.

⁶⁴ Там же (отзыв исправляющего должность председателя Саратовской губернской земской управы Галберга).

⁶⁵ См.: *Коцюнис Я.* Как крестьян делали отстающими: Сельскохозяйственные кооперативы и аграрный вопрос в России, 1861–1914. М., 2006. С. 39–41.

залог недвижимости приведёт к её массовым продажам и «увеличению безземельного пролетариата», поправка была одобрена большинством голосов⁶⁶.

Одним из наиболее значимых изменений были общественные работы, которые применялись и ранее, однако как дополнительная, не закреплённая в продовольственных уставах мера⁶⁷. Теперь же, по мысли составителей нового проекта, именно они должны были стать основным видом помощи нуждающемуся населению. В глазах МВД общественные работы имели массу плюсов. Прежде всего не «развращали» население, поскольку оно деньги зарабатывало, а не получало безвозмездно; государство же приобретало взамен дороги, каналы, мосты и т.д. Некоторые виды работ, например, лесопосадки, могли смягчить последствия засух в будущем и предотвратить продовольственные кризисы.

В начале XX в. именно так вели борьбу с голодом в европейских колониях – французском Индокитае и Британской Индии⁶⁸. Опыт последней особенно интересовал чиновников МВД. Один из знаменитых британских продовольственных уставов («famine codes») был переведён на русский язык и включён в подборку подготовительных материалов для нового проекта⁶⁹.

В продовольственную кампанию 1908–1909 гг. МВД с подачи губернатора г. С.С. Татищева решило в виде опыта заменить в Саратовской губ. выдачу продовольственных ссуд общественными работами. Результат был сочтён весьма обнадеживающим: «Трудовая помощь, несомненно, имела сдерживающее влияние на население в смысле сокращения требований его о помощи, вызвала со стороны Правительства значительно менее затрат по сравнению со ссудной помощью и, главное, оказывалась действительно нуждавшимся, достигая, таким образом, намеченной цели. В результате население шести уездов Саратовской губернии пережило неурожайный 1908 год без задолженности и получило ещё крупные экономические ценности в виде законченных сооружений»⁷⁰. В работах приняли участие более 112 тыс. человек, каждый из которых заработал в среднем по 10 руб. 65 коп.⁷¹ В меньшем масштабе работы проводились в Воронежской, Пензенской и Уфимской губерниях.

Саратовский опыт был взят за основу в последующих продовольственных кампаниях. Случай проверить эффективность общественных работ во всероссийском масштабе представился в 1911 г., когда неурожай охватил Поволжье, Приуралье, Западную Сибирь и северный Казахстан. Правительственная помощь потребовалась в 25 губерниях и областях⁷². Уже 14 июля Совет министров определил перечень основных мер помощи пострадавшим от неурожая в грядущую продовольственную кампанию. Главной из них стали общественные работы, организуемые земствами, второй – продажа населению хлеба по заготовительной цене. Наконец, предполагалось разработать систему льготных тарифов по провозу кормовых и хлебных грузов в Тобольскую, Оренбургскую, Уфимскую, Пермскую губернии, Акмолинскую и Уральскую области. С целью обеспечения населения кормами вводились льготные железнодорожные тарифы для косарей,

⁶⁶ Журнал Продовольственной комиссии № 8 от 16 ноября 1910 г. // Журналы... С. 2–3.

⁶⁷ См., например: *Robbins R.G. Famine in Russia...* Ch. 8.

⁶⁸ *Drèze J. Famine Prevention in India // The Political Economy of Hunger. Vol. 2: Famine Prevention. Oxford, 1990. P. 25–32; Nguyen-Marshall V. The Moral Economy of Colonialism: Subsistence and Famine Relief in French Indo-China, 1906–1917 // The International History Review. 2005. Vol. 27. P. 237–258.*

⁶⁹ Материалы к пересмотру продовольственного устава. СПб., 1913. С. 133–167.

⁷⁰ Отчёт по продовольственной кампании 1908–1909 гг. С. 97.

⁷¹ Там же. С. 93, 94.

⁷² Отчёт по продовольственной кампании 1911–1912 гг. Т. 1. С. 71–72.

выезжающих из этих губерний, а также для перевозки из них скота в урожайные местности. Выдача же продовольственных ссуд полагалась в самых исключительных случаях. Неимущим должна была оказываться благотворительная помощь⁷³.

Однако сведения о размерах урожая, которыми обладало правительство на 14 июля, были очень неточными. Достаточно сказать, что первоначальная (от 12 августа) оценка урожая озимой ржи по 50 губерниям Европейской России давала «вилку» 913–1 262 млн пудов (на самом деле собрали 990 млн, яровой пшеницы – от 429 до 715 млн (на деле – 386), ячменя – от 404 до 564 млн (426) и т.д.⁷⁴ Не только масштабы неурожая, но и его точная география, от которой зависело планирование кампании, всё ещё оставались невыясненными.

Осенью земства, местная администрация и Попечительство о трудовой помощи с энтузиазмом приступили к организации общественных работ. Указания центра носили самый общий характер. Во-первых, работы должны быть достаточно простыми и не требовать специальных навыков, чтобы в них могло принять участие как можно большее количество людей. Во-вторых, организационные траты и расходы на материал совокупно не должны превышать 20% общей стоимости работ. Наконец, их следовало проводить поближе к месту жительства рабочих, в число которых нельзя было включать заведомо зажиточных селян⁷⁵.

Таким образом, чиновники и земцы на местах пользовались значительной свободой при выборе формы организации работ. Однако заранее подготовленные планы на этот счёт имелись только в Казанской, Саратовской, части Уфимской губернии и в переселенческом районе Тургайской обл.⁷⁶ Остальным регионам пришлось в той или иной степени импровизировать. Организовывались, как правило, следующие работы: дорожные (устройство и исправление дорог, мостов, дамб, съездов и спусков, подъездов и переездов, срезка гор, рытье канав, засыпка оврагов, топких мест и т.п.); гидротехнические (орошение, устройство озёр, прудов, водоёмов, плотин, дамб, колодцев, запруд и т.п.); хозяйственные (заготовка и подвоз камня, дров, строительного материала и т.п.); «защитного типа» (укрепление и облесение песков, оврагов)⁷⁷.

Настоящим бичом общественных работ стал недостаток должным образом подготовленного технического персонала, общее количество которого составляло 5135 человек: 95 инженеров, 130 гидротехников, 766 техников, 154 лесовода, 27 сапёрных офицеров и 50 унтер-офицеров, 3 807 десятников и старших рабочих, 106 заведующих работами⁷⁸. Малочисленность инженеров и техников привела к тому, что им приходилось заведовать сразу несколькими работами, иногда удалёнными друг от друга на десятки верст⁷⁹.

В общественных работах, охвативших 14 губерний и 4 области, приняли участие 3.2 млн человек. Было выполнено 21 325 проектов, из них 8 940 – дорожные работы (построено 5.2 тыс. вёрст дорог и десятки мостов, в том числе каменных и железобетонных), 8 823 – гидротехнические, 2 619 – хозяйственные,

⁷³ Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. 1911 год. М., 2002. С. 288–291.

⁷⁴ Вероятный сбор хлебов в 1911 г. 12 августа 1911 г. Б.м. и г. С. 12–31; Статистический ежегодник России. 1911 г. СПб., 1912. Отд. VII. С. 15, 23.

⁷⁵ Отчёт по продовольственной кампании 1911–1912 гг. Т. 2. С. 53–54.

⁷⁶ Там же. С. 81.

⁷⁷ Там же. С. 82–85.

⁷⁸ Там же. С. 72–73.

⁷⁹ РГИА, ф. 1291, оп. 131, д. 276, л. 160–160 об.

933 — «защитного типа»⁸⁰. Некоторые виды гидротехнических работ и лесопосадки представляют собой, по-видимому, первый серьёзный опыт борьбы государства с засухами в Европейской России (пусть масштабы этой борьбы и были очень скромными). Укрепление и облесение песков проводились в девяти губерниях, но общее число таких работ составляло всего 366. Главное управление землеустройства и земледелия (ГУЗиЗ) уделило им значительное внимание, предполагая в целях борьбы с неурожаем осуществить в ближайшем будущем ряд изыскательных работ и составить проекты сооружений, которые могли быть построены местным населением⁸¹.

Масштаб общественных работ выглядит весьма внушительным. По количеству рабочих и выполненных проектов эта продовольственная кампания многократно превзошла все предыдущие⁸², наглядно показав возможность государства в годы кризиса обеспечить заработком миллионы людей. Однако с точки зрения проверки практикой положений нового продовольственного устава дела обстояли сложнее.

Осенью 1911 г. выяснилось, что истинные масштабы неурожая оказались более значительными, чем представлялось ранее. Кроме того, многие виды общественных работ невозможно было выполнять в зимних условиях. Мнения о том, как следует помогать населению до наступления весны, разделились. Представители МВД (оказавшиеся в меньшинстве) настаивали на продолжении текущего курса, предлагая взамен расширить благотворительную помощь. Они упирали на то, что «изменение руководящих принципов продовольственной кампании во время её хода неминуемо повлечёт за собою расстройство налаживающихся общественных работ, которые с государственной точки зрения являются... наиболее желательным видом воспособления пострадавшему от недорода населению». Представители Министерства финансов, Государственного контроля, ГУЗиЗ и Красного Креста предлагали следовать обычным порядком и начать выдачу продовольственных и семенных ссуд. Они полагали, что расширение благотворительной помощи «развратит» население в ещё большей степени, чем ссуды, «вредное значение» которых может быть ослаблено своевременным их взысканием. Именно их мнение и утвердил Совет министров, к тому времени, после гибели Столыпина, возглавлявшийся министром финансов гр. В.Н. Коковцовым⁸³.

Итог продовольственной кампании был следующим. Общий заработок на общественных работах составил 35.1 млн руб. (в среднем 11 руб. на рабочего). Однако в пересчёте на одного нуждающегося общественные работы дали всего по 4 руб. Тем не менее, по официальным оценкам, этот заработок покрыл 59% общей потребности в хлебе нуждающегося населения (всего, по расчётам МВД, государственная помощь требовалась 8.6 млн человек, общая потребность в продовольственном хлебе для них была исчислена в 49.5 млн пудов)⁸⁴. В трёх губерниях — Саратовской, Казанской и Вятской — нужда была полностью покрыта за счёт общественных работ и ссуд из запасных магазинов и общественных продовольственных капиталов. В других оставшаяся потребность

⁸⁰ Отчёт по продовольственной кампании 1911–1912 гг. Т. 2. С. 82–85, 126–129.

⁸¹ РГИА, ф. 1291, оп. 132, д. 168, л. 279.

⁸² В 1905–1906 гг. в общественных работах участвовали 269 тыс. человек, в 1906–1907 гг. — 191 тыс. человек (РГИА, ф. 1291, оп. 131, 1910 г., д. 504, л. 148 об.—150).

⁸³ Особые журналы Совета министров Российской империи... С. 388–391.

⁸⁴ Отчёт по продовольственной кампании 1911–1912 гг. Т. 1. С. 71–72; Т. 2. С. 109.

покрылась за счёт средств общеимперского капитала. По 22 губерниям и областям из него в ссуду было выдано 20,7 млн пудов. Почти столько же – 20,5 млн пудов – поступило из местных источников⁸⁵.

Опыт кампании 1911–1912 гг. был учтён в третьей редакции продовольственного устава, вчерне готовой к декабрю 1914 г.⁸⁶ Основная проблема заключалась на сей раз в том, как оказывать помощь зимой, когда общественные работы невозможны. Этот вопрос разрешился просто: в качестве меры помощи в устав вернулись зерновые ссуды из общеимперского продовольственного капитала фактически на тех же условиях, что и во Временных правилах 1900 г. Остальные виды помощи – общественные работы, денежный кредит, продажа хлеба и кормов по заготовительным ценам и безвозвратные пособия – дополнили врачебной помощью, тарифными и податными льготами, а также устройством в школах питательных пунктов. Обязательность средств накопления «самопомощи» не отменили. Для части губерний и областей размер душевой нормы хлебных запасов понизили до 2 или 4 пудов, для остальных оставили прежним – 6 пудов.

Оставался неразработанным последний раздел устава, касающийся особенностей организации продовольственного дела вне 46 губерний Европейской России – на Кавказе, в Сибири, Польше, Прибалтике, Туркестане и т.д. В 1916 г. в Омске и Иркутске состоялись особые совещания для обсуждения нового проекта применительно к условиям Сибири⁸⁷. Однако с началом Первой мировой войны реформа продовольственного дела приняла характер теоретических обсуждений, поскольку проектируемые изменения оказались непригодными для военных условий. Мобилизация мужчин рабочего возраста заставила отказаться от проведения общественных работ и ограничиться планами их разработки для будущего⁸⁸. Формирование военной экономики с её упором на централизованное распределение, приостановление взимания продовольственных долгов и выдача значительных пособий семьям мобилизованных сделали неактуальной основную идею проекта – о том, что в случае неурожая нужно изыскивать средства самостоятельно и не надеяться на власть.

Достижения продовольственной реформы, таким образом, оказались довольно скромными. Окончательная версия продовольственного устава легализовала использующиеся *de facto*, но отсутствовавшие в правилах 1900 г. виды помощи, в частности общественные работы. Выдача продовольственных ссуд незначительно ограничивалась. В активе остался уникальный опыт работ 1911–1912 гг., который мог быть использован после войны.

Пример реформы также показывает, как непоследовательно происходил разрыв с патерналистской традицией. Обсуждая меры «самопомощи», государство и общество в лице земств сошлись во мнении, что опека крестьянства, хотя и в менее значительном объёме, чем ранее, всё же необходима. Отзывы земств удивительно схожи с тем, что говорилось о крестьянах ещё несколько лет назад – они вновь объявлялись неспособными позаботиться о себе даже в таком простом вопросе, как рациональное распоряжение собственным продовольствием. В этом отношении столыпинский проект реформы содержал в себе весьма симптоматичное противоречие.

⁸⁵ Там же. Т. 1. С. 65, 72–73, 75.

⁸⁶ Текст проекта см.: РГИА, ф. 1291, оп. 132., д. 203, л. 14–42.

⁸⁷ Протоколы иркутского совещания см.: Там же, оп. 132, д. 481.

⁸⁸ Отчёт по продовольственной кампании 1914–1915 гг. Пг., 1916. С. III.

**«В целях изоляции Алихана Букейханова
от казахского населения выслать его в Москву»
(по материалам ЦА ФСБ России)**

Василий Христофоров

«In order to isolate Alikhan Bukeikhanov from Kazakh population, deportation to Moscow is ordered» (on the materials of Central FSB Archive)

*Vassiliy Khristoforov (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences,
and Russian State University for Humanities, Moscow)*

В 2016 г. международное сообщество отмечало 150-летие со дня рождения выдающегося казахского государственного и общественного деятеля, учёного, журналиста и переводчика Алихана Букейханова (Букейхана) (1866–1937). Мероприятия в его честь проходили под эгидой ЮНЕСКО в Казахстане, России и Турции.

Долгое время имя Алихана Букейханова было под запретом. Дело в том, что он был инициатором формирования казахской общественно-политической партии «Алаш», стремился к созданию независимого Казахстана, стал первым председателем автономного правительства Алаш-Орды и в годы Гражданской войны активно боролся против советской власти. Несмотря на то, что по решению Президиума ВЦИК от 3 июня 1920 г. преследование бывших членов правительства Алаш-Орды за их прошлую деятельность запрещалось, причём они были допущены к работе в советском государственном аппарате¹, Букейханов и многие его соратники оставались под негласным контролем органов государственной безопасности и подвергались репрессиям. В итоге большинство их, в том числе Букейханов, были расстреляны, а реабилитированы лишь после смерти Сталина.

В советской историографии позиция сторонников движения «Алаш» оценивалась как контрреволюционно-националистическая. Ситуация изменилась лишь после того, как в 1990-х гг. у исследователей появилась возможность работать с ранее закрытыми архивными документами. Однако деятельность Букейханова, несмотря на публикацию ряда биографических работ о нём, до сих пор недостаточно изучена.

Среди подобных изданий на русском языке следует в первую очередь назвать труды Султан-Хана Аккулы². На основе анализа архивных документов и научной литературы, богатого наследия Букейханова, в том числе его публицистики, исследователь показывает, что он был убеждённым сторонником реформ и противником революционных потрясений. В связи с 90-летием движения «Алаш», широко отмечавшемся в Казахстане в 2008 г., в журнале «Исторический архив» в 2009 г. были опубликованы материалы по истории движения, в частности фотолетопись и биографические справки на его руководителей

© 2017 г. В.С. Христофоров

¹ ЦА ФСБ России, д. Р-34862, л. 63–64.

² Аккулы С.-Х. Алихан Букейхан. Т. 1. Творец истории. Т. 2. Завещание. Астана, 2016.

и крупных деятелей³. Большая их часть, как и представителей национальных партий и движений в других республиках СССР, в 1930-х гг. была репрессирована. Однако в связи с тем, что авторам этой публикации были недоступны материалы Центрального архива (ЦА) ФСБ России, некоторые сведения биографического характера о лидерах и руководителях «Алаш» и Алаш-Орды, а также об активных участниках движения и национально-государственного строительства начала XX в. в Казахстане оказались неточными или невыясненными. Другая работа по данной проблематике в том же номере журнала — статья В.И. Шишкина, который ввёл в научный оборот ранее неизвестные архивные документы по истории взаимоотношений Алаш-Орды и Временного Сибирского правительства⁴.

В советской историографии деятельность Букейханова долгое время оценивалась отрицательно, его обвиняли в «буржуазном национализме» и консерватизме. В работах С.-Х. Аккулы, других публикациях содержатся сведения о политических преследованиях, аресте, высылке, содержании под стражей, суде и последующем расстреле Букейханова. Однако в подобных работах имеются неточности и «белые пятна», связанные с периодом, когда он находился под надзором советских спецслужб. Это вызвано тем, что авторам публикаций по объективным причинам не был доступен весь комплекс архивных документов, связанных с политическими репрессиями в СССР в 1920–1930-х гг. и последующей реабилитацией их жертв в 1950–1990-х гг.

Рассекреченные и вводимые в научный оборот документы и материалы ЦА ФСБ России позволяют раскрыть ранее неизвестные факты политической биографии Букейханова, дополнить историю создания и функционирования партии «Алаш» и казахского автономного правительства Алаш-Орды. Анализ архивных документов позволяет понять механизм деятельности советского партийно-государственного аппарата по преследованию инакомыслящих в СССР, «созданию» органами ОГПУ–НКВД мифических «антисоветских» и «националистических» организаций, арестам их «участников» и проведению показательных судебных процессов.

Алихан Нурмухаметович Букейханов родился в 1866 г. в ауле № 7 Токранунской волости Каркаралинского уезда Семипалатинской обл. (ныне Актюгайский район Карагандинской обл.) в обедневшей семье потомков казахских султанов торе (Чингизидов). После окончания русско-казахской школы он поступил в Омское техническое училище, а окончив его, продолжил обучение на экономическом факультете Санкт-Петербургского лесного института. Завершив образование, Букейханов занимался педагогической и научно-исследовательской деятельностью, преподавал математику в сельхозтехникуме, работал в Омском техническом училище, принимал участие в научно-исследовательских экспедициях, писал научные труды, заметки и статьи, постоянно занимался самообразованием.

Во время экспедиций Букейханов вместе с коллегами изучал вопросы переселения русских на казахскую землю, по заданию правительства выявлял свободные земли, пригодные для новых переселений. На основе материалов

³ Аманжолова Д.А., Асылбеков А.Х., Рысбекова С.Т. Портреты на фоне эпохи. К 90-летию движения Алаш // Исторический архив. 2009. № 1. С. 90–99.

⁴ Шишкин В.И. «На таком пути к желательному соглашению придти трудно». Алаш-Орда и Временное Сибирское правительство: несостоявшийся союз // Исторический архив. 2009. № 1. С. 100–136.

экспедиций он готовил научно-публицистические труды, в которых доказывал ущемлённое положение казахов в результате переселенческой политики правительства. Кроме того, Букейханов изучал экономику, краеведение, сельское хозяйство и культуру, быт, этнографию. С 1893 г. он участвовал в национально-освободительном движении Степного края. В 1901 г. Букейханов женился на Елене Севастьяновой – дочери журналиста Якова Севастьянова, с которым работал в издании «Степной край». В 1903 г. у супругов родилась дочь Елизавета, в 1910 г. – сын Сергей.

Политическая деятельность Букейханова началась в 1905 г., когда он вступил в партию конституционных демократов (кадетов) и начал создавать её казахское отделение в городах Уральске и Семипалатинске. В 1905 г. был избран депутатом I Государственной думы от Семипалатинской губ., а также впервые арестован по обвинению в призывах к гражданскому неповиновению, но содержание под стражей было недолгим. После роспуска I Государственной думы Букейханов работал в Омске редактором партийных газет кадетов «Голос степи», «Омич», «Иртыш», в 1908 г. в Петербурге сотрудничал с меньшевистской газетой «Товарищ», а также кадетскими «Речью» и «Словом». В 1908 г. он был арестован за политическую деятельность и в 1909–1917 гг. находился в ссылке в Самаре. В 1912–1917 гг. являлся членом ЦК кадетской партии.

Во время Первой мировой войны, в июле 1916 г., на территории Туркестанского и Степного краёв началось Туркестанское восстание, спровоцированное указом императора Николая II от 25 июня о принудительном привлечении на тыловые работы в прифронтовых районах мужского «инородческого» населения в возрасте от 19 до 43 лет. 17 июля в Туркестанском военном округе было объявлено военное положение. Восставшие жгли деревни русских переселенцев, казаков, рабочих. Призыв на тыловые работы был отсрочен до 15 сентября 1916 г., однако это не остановило восстание. Не помогли и призывы лидеров движения «Алаш» Букейханова и А. Байтасурова⁵ не оказывать сопротивления, чтобы уберечь безоружный народ от жёстких репрессий. Букейханов и Байтасуров неоднократно пытались убедить администрацию не спешить с мобилизацией, провести подготовительные мероприятия, а также требовали обеспечить свободу совести, «правильную постановку просветительского дела», организовать обучение казахских и киргизских детей на родном языке, учредить местные газеты, прекратить выселение с исконных земель, допустить представительство местного населения в высшие органы власти⁶.

---

⁵ Байтурсун (Байтурсунулы) Ахмет (1873–1937) – казахский общественный и государственный деятель, просветитель, лингвист. В 1917 г. участвовал в создании партии «Алаш», был одним из организаторов и руководителей правительства Алаш-Орды. В конце 1917 г. выбран в Учредительное собрание от Тургайского избирательного округа. Принимал участие в вооружённой борьбе против советской власти. На основании постановления ВЦИК от 4 апреля 1919 г. амнистирован и перешёл на сторону советской власти, вступил в члены ВКП(б). С 1919 г. член Киргизского ревкома, в 1920–1921 гг. – нарком просвещения Киргизской АССР. В 1929 г. арестован ОГПУ по ложному обвинению в контрреволюционной деятельности, подготовке вооружённого восстания в казахской степи. Приговорён к расстрелу. В феврале 1931 г. приговор заменен лишением свободы сроком на 10 лет, затем – на трёхлетнюю ссылку в Архангельскую обл. В 1934 г. по ходатайству Е.П. Пешковой освобождён и возвратился в Алма-Ату. 8 октября 1937 г. вновь арестован и решением тройки УНКВД Алма-Атинской обл. приговорен к расстрелу. В 1988 г. реабилитирован.

⁶ Более подробно о Туркестанском восстании 1916–1917 гг. см.: Туркестанское восстание 1916 г.: факты и интерпретации: материалы международной научной конференции (Москва, 23–24 мая 2016 г.) / Отв. ред. Ю.А. Петров. М., 2016; и др.

После Феральской революции 1917 г. Букейханов вышел из партии кадетов. В период Временного правительства, с апреля по октябрь 1917 г., он занимал должность комиссара временного правительства Тургайской области и одновременно был членом Чрезвычайной комиссии Туркестана. В июле 1917 г. Букейханов и его ближайшие соратники Байтурсунов и М. Дулатов⁷ выступили с инициативой создания казахской партии «Алаш», призванной объединить представителей казахской буржуазии и интеллигенции. Делегаты от партии в Учредительном собрании, в числе которых был и Букейханов, намеревались добиваться объявления автономии Казахстана в составе Российского государства. «Алаш» блокировалась с другими националистическими партиями (Татари, Башкирии и др.), боровшимися за автономию национальных областей.

Организационное оформление партии «Алаш» произошло на I Всеказахском съезде, который проходил летом 1917 г. в Оренбурге. На II Всеказахском съезде с 5 по 13 декабря 1917 г. обсуждалась политическая и экономическая обстановка в районах компактного проживания казахов, сложившаяся после падения власти Временного правительства, и «меры по спасению казахского народа от произвола советской власти и анархии». В целях предотвращения беспорядков в районах компактного проживания казахов съезд постановил объявить национальную автономию казахских областей под названием Автономия «Алаш», а также создать Временный всеказахский народный совет Алаш-Орда (казахское правительство). Председателем правительства был избран Букейханов. Съезд принял решение об организации борьбы за создание национальной автономии, для чего постановил немедленно приступить к формированию вооруженных отрядов⁸.

В конце 1917 г. – начале 1918 г. представители Алаш-Орды начали закупку оружия мелкими партиями у русского и казахского населения, а также у солдат, вернувшихся с фронтов Первой мировой войны. Оружие предоставлял им главным образом Самарский Комуч. В качестве командиров вооруженных отрядов приглашались белые офицеры. В июне 1918 г. алаш-ордынцы обратились за помощью и к правительству Оренбургского казачьего войска во главе с А.И. Дутовым, вскоре взявшим Оренбург. В 1918–1919 гг. отряды Алаш-Орды вместе с армией А.В. Колчака вели боевые действия против частей Красной армии на территории Тургайской, Уральской и части Семиреченской областей⁹.

С первых дней существования Алаш-Орды Букейханов установил отношения с башкирским правительством, которое возглавлял другой противник советской власти А.З. Валидов¹⁰. В сентябре 1918 г. представители

---

⁷ Дулатов Миржакип (1885–1935) – казахский поэт, писатель, один из лидеров правительства Алаш-Орды и национально-освободительного движения Казахстана. В 1922–1928 гг. занимался издательской и педагогической деятельностью, жил в Оренбурге. В 1928 г. выступил против отмены арабского алфавита, отстаивал права казахского языка и религии. 29 декабря 1929 г. арестован ГПУ Казахстана по обвинению в казахском национализме. Приговорен к расстрелу, но смертная казнь заменена лишением свободы на срок 10 лет. В течение двух лет отбывал наказание в Бутырской тюрьме, затем в Соловецком ИТЛ. 5 октября 1935 г. умер в лазарете Сосновецкого ИТЛ. В 1988 г. реабилитирован.

⁸ ЦА ФСБ России, д. Р-34862, л. 121–129, 223.

⁹ Там же, л. 12–24.

¹⁰ Валидов (Валиди) Ахмед Заки (1890–1970) – лидер башкирского национально-освободительного движения (1917–1920), публицист, историк. Организатор I и II Всебашкирских съездов в 1917 г., на которых было создано Башкирское центральное шуро, провозгласившее 15 ноября 1917 г. в Оренбурге образование национально-территориальной автономии Башкортостана как части федеративной России. В 1919 г. башкирские автономисты перешли на сторону советской власти и Красной армии.

руководства Алаш-Орды (Букейханов, А. Еркемов¹¹, Д. Досмухамедов, Х. Досмухамедов¹²) приняли участие в Уфимском совещании, на котором было избрано Временное Всероссийское правительство (Уфимская Директория)¹³. В 1918 г. Алаш-Орда поддерживала контакты и с Временным Сибирским правительством и правительством А.В. Колчака. Букейханов был членом аппарата главноуполномоченного по управлению территорией Алаш, созданного правительством адмирала Колчака. Однако реализовать намеченные планы по созданию автономии не удалось. В 1919 г. красные начали теснить Колчака к Уралу, выгнали Дутова из Оренбурга и разбили вооружённые отряды Алаш-Орды.

С декабря 1919 г. по август 1920 г. Букейханов вместе с другими представителями правительства Алаш-Орды (К. Тохтабаевым¹⁴, М. Дулатовым, К. Сейдалиновым, Т. Шонановым¹⁵, М. Исполовым и С. Кадырбаевым¹⁶) скрывался в степях Казахстана. Они вели антисоветскую агитацию среди казахов-скотоводов, пытались поднять новое восстание против советской власти. Но это им

---

¹¹ Еркемов Алихан Абеусович (1891–1970) – казахский политический деятель, учёный, педагог, член правительства Алаш-Орда (1917–1920). В 1918 г. принимал участие в переговорах по прямому проводу с Лениным и Сталиным по поводу признания Алашской автономии. После амнистии стал членом ЦИК Киргизской АССР (1920). С 1921 г. – преподаватель школ и вузов. 16 марта 1938 г. арестован как участник «антисоветской националистической организации». На предварительном следствии признался, что был алаш-ординцем и агентом японской разведки. На судебном заседании виновным себя не признал, заявив, что следователи его избивали, не давали отдыха и пищи. 28 февраля 1939 г. Военным трибуналом приговорён к 10 годам лишения свободы. Определением Военной коллегии Верховного суда СССР от 11 сентября 1939 г. наказание снижено до 6 лет лишения свободы в ИТЛ. После освобождения в 1947–1948 гг. работал в Чимкентском технологическом институте строительных материалов. 4 декабря 1948 г. вновь арестован, приговорён к 7 годам лишения свободы, наказание отбывал в Воркуте и Тайшете. В 1958 г. реабилитирован.

¹² Досмухамедов Халил (1883–1939) – учёный и общественный деятель. Окончил Военно-медицинскую академию в Санкт-Петербурге (1909). Председатель I Всеказахского съезда (1917 г., Оренбург), член казахского автономного правительства Алаш-Орды (1918–1920). С 1920 г. занимался культурно-просветительской деятельностью, написал несколько фундаментальных трудов и учебников по медицине и естествознанию. 30 сентября 1930 г. арестован ОГПУ по обвинению в «антисоветской деятельности». 20 апреля 1932 г. по решению тройки ОГПУ приговорён к 5 годам ссылки и выслан в Воронеж. В 1937 г. вернулся в Казахстан. 26 июня 1938 г. арестован во второй раз. 24 апреля 1939 г. за антисоветскую деятельность военным трибуналом приговорён к расстрелу. 7 августа 1939 г. умер в тюремной больнице НКВД в Алма-Ате.

¹³ ЦА ФСБ России, д. Р-34862, л. 18–19.

¹⁴ Тохтабаев Карим – представитель правительства Алаш-Орды. В 1930 г. арестован ОГПУ по обвинению в «антисоветской деятельности». 20 апреля 1932 г. по решению тройки ОГПУ приговорён к 5 годам ссылки и выслан в Воронеж. Реабилитирован.

¹⁵ Шонанов Телжан (1894–1938) – казахский лингвист, общественвед. В 1918 г. примкнул к Алаш-Орде, в 1919 г. перешёл на советские позиции. Работал в органах просвещения в Семипалатинске, затем в Оренбурге, в конце 1920-х гг. перехал в Алма-Ату. 21 июля 1937 г. арестован по сфабрикованному обвинению как участник «антисоветской националистической организации», также обвинялся в диверсии и терроре. 27 февраля 1938 г. Военной коллегией ВС СССР приговорён к расстрелу. Реабилитирован в 1992 г.

¹⁶ Кадырбаев Сейдазим Кулмагамбетулы (1885–1938) – казахский общественный деятель, юрист, народный учитель, один из организаторов партии «Алаш», член Военного совета Алаш-Орды, старший инспектор Наркомюста Казахской ССР. В 1930 г. арестован в Алма-Ате, приговорён к 5 годам высылки. Ссылку отбывал в Воронеже. 4 февраля 1938 г. арестован во второй раз. Постановлением «особой тройки» УНКВД по Воронежской обл. приговорён к расстрелу. 22 января 1958 г. реабилитирован по первому делу Верховным судом Казахской ССР; 28 апреля 1966 г. – по второму делу – постановлением Воронежского облсуда. 3 июля 2009 г. на Аллее скорби Мемориального кладбища «Дубровка» в Воронеже С. Кадырбаеву установлена памятная плита.

не удалось. Получив предложение Киргизского ревкома¹⁷, гарантировавшего сохранение жизни, явиться в его расположение, Букейханов приехал в Оренбург¹⁸. В соответствии с постановлениями ВЦИК от 4 апреля 1919 г. и 3 июня 1920 г., а также постановлением реввоенсовета Туркестанского фронта от 4 ноября 1920 г. «члены и сотрудники бывшего националистического казахского правительства Алаш-Орды» за «свою прежнюю контрреволюционную деятельность никакому преследованию и наказанию» не подлежали. Кроме того, соответствующим государственным органам было дано указание принять их на работу в советский государственный аппарат¹⁹.

В октябре 1920 г. Букейханов принял участие в I Учредительном съезде советов Киргизской (Казахской) АССР, в 1920–1930-х гг. активно занимался научной, просветительской, литературной деятельностью. Однако в Москве полагали, что национально-освободительные убеждения Букейханова исключали признание им советской власти. Органы политического надзора утверждали, что Букейханов и его единомышленники продолжали «контрреволюционную работу» и лишь изменили формы борьбы – отказались от вооружённых выступлений, стали легализовываться, устраиваться на работу, «внедряться в государственный аппарат и коммунистическую партию», чтобы вести скрытую борьбу с советской властью. Программа и деятельность партии «Алаш» считались «буржуазными и националистическими»²⁰. Представители советских репрессивных органов без всяких оснований утверждали, что бывшие члены Алаш-Орды проводили «националистическую политику, оказывали националистическое влияние на казахское население». В качестве «подтверждения обоснованности» этих выводов указывалось, что представители Алаш-Орды занимали руководящие посты: Букейханов был членом коллегии Наркомзема, Байтурсунов – Наркомпроса, Габбасов – заведующим Семипалатинским губернским земельным управлением.

В ОГПУ–НКВД обращали внимание на то, что особое значение для распространения и укрепления «националистических идей» имели школы, институты, органы народного просвещения и издательства. В Москве утверждали, что «все учебные заведения и газеты были наводнены алаш-ордынцами», а учебники на казахском языке, написанные в духе «казахского национализма», готовились под руководством Байтурсунова²¹. Сотрудники ОГПУ отмечали, что Букейханов, располагая огромным авторитетом среди казахского населения, оказывал на него «негативное националистическое и политическое влияние». Считая Букейханова непримиримым врагом советской власти, ОГПУ предложило оригинальный способ его изоляции от казахской политической элиты.

В 1922 г. по инициативе и указанию советского политического руководства ГПУ провело операцию по задержанию нескольких сотен философов, историков,

---

¹⁷ Киргизский ревком – созданный большевиками временный местный орган власти (19 июля 1919 г. – 26 августа 1920 г.). 26 августа 1920 г. в составе РСФСР декретом ВЦИК была образована Киргизская АССР, переименованная в апреле 1925 г. в Казахскую АССР, а 5 февраля 1936 г. – в Казахскую АССР. 5 декабря 1936 г. Казахской АССР был придан статус союзной республики.

¹⁸ Город Оренбург в 1919–1920 гг. был административным центром Киргизского края, в 1920–1925 гг. – столицей Киргизской АССР. В 1925 г. Оренбургская обл. выведена из состава Киргизской АССР и передана в РСФСР, а столица Киргизской АССР перенесена в Кызыл-Орду (1925), а в 1929 г. – в Алма-Ату.

¹⁹ ЦА ФСБ России, д. Р-34862, л. 19, 63–64, 99–100.

²⁰ Там же, л. 117.

²¹ Там же, л. 21.

экономистов, инженеров и других представителей интеллигенции. Они были принудительно депортированы на двух пароходах и по железной дороге: кто за границу, а кто в Сибирь или в Киргизский край. Лица, высланные за границу, не имели права без разрешения советских властей возвращаться на родину. Высланные же в Сибирь и Киргизский край после окончания срока высылки не могли проживать в крупных городах (Москве, Ленинграде и др.)²².

Букейханова «в целях изоляции его от казахского населения» выслали в Москву и устроили на работу научным сотрудником в Казахскую секцию Центриздата. Группа бывших членов правительства Алаш-Орды была выслана на спецпоселение в Воронеж, где находилась под надзором местных органов госбезопасности. Наблюдая за деятельностью Букейханова в Москве, ОГПУ быстро пришло к выводу, что его переселение в столицу не дало ожидаемого результата. Проживая в Москве, Букейханов общался с этническими казахами, что расценивалось органами как «антисоветская работа», идеологическая обработка студентов-казахов в «контрреволюционном и националистическом духе». Каждая поездка Букейханова в Казахстан проходила под контролем сотрудников ОГПУ, которые неизменно делали вывод об активизации им «националистической работы», проведении мероприятий по землеустройству в «контрреволюционных националистических интересах»²³.

Одной из задач ЦК ВКП(б) в 1920–1930-х гг. было укрепление политической системы СССР, непременным условием которого стала большевизация национальных кадров в регионах с тюркоязычным населением. В этих целях 2 января 1926 г. в ЦК ВКП(б) было проведено совещание секретарей парторганизаций по вопросу «большевизации национальных кадров». На совещании, проходившем под председательством секретаря ЦК ВКП(б) В.М. Молотова, руководители партийных организаций Казахстана, Узбекистана, Киргизии, Туркмении и автономных республик в составе РСФСР (Крыма, Башкирии, Татарстана, Дагестана) обсуждали проблемы формирования национального политического класса в республиках с мусульманским коренным населением, укрепления влияния советской власти в этносоциальных общностях, борьбы с панисламизмом и пантюркизмом²⁴. Выступивший на совещании первый секретарь Казбюро ВКП(б) Ф.И. Голощёкин заявил, что на территории Казахстана не было панисламистского движения, добавил, что «у нас другое – Алаш-Орда». По мнению Голощёкина, деятельность бывших членов Алаш-Орды создавала большие затруднения для большевизации национальных кадров в Казахстане²⁵. Заметим, что на совещании присутствовал высокопоставленный представитель ОГПУ Я.Х. Петерс²⁶.

В сентябре 1926 г. Букейханова, находившегося в Актюбинске, арестовали органы ОГПУ, привезли в Москву и поместили в Бутырскую тюрьму. Однако

---

²² См.: Высылка вместо расстрела. Депортация интеллигенции в документах ВЧК–ГПУ. 1921–1923. Документы. М., 2005; *Макаров В.Г., Христофоров В.С.* Пассажиры «философского парохода» (судьбы интеллигенции, репрессированной летом–осенью 1922 г.) // Вопросы философии. 2003. № 7. С. 113–137.

²³ ЦА ФСБ России, д. Р-34862, л. 220–221.

²⁴ *Аманжолова Д.А.* «Как вести руководство, на что ориентироваться» // Исторический архив. 2015. № 5. С. 100–102.

²⁵ РГАСПИ, ф. 17, оп. 84, д.1056, л. 10.

²⁶ Петерс Яков Христофорович (1886–1938) – полномочный представитель ВЧК в Туркестанской АССР, начальник ташкентской ЧК (1920–1922), член коллегии ОГПУ, начальник Восточного отдела ОГПУ (1923–1929), член Президиума ЦК ВКП(б) (1930–1934), член Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) (1934–1937). Арестован 27 ноября 1937 г., расстрелян 25 апреля 1938 г. Реабилитирован в 1956 г.

уже через 5 дней по ходатайству С. Ходжанова²⁷ и Т. Рыскулова²⁸ его выпустили на свободу²⁹.

В начале 1930 г. ОГПУ–НКВД изобрели «заговор тюрко-татарских националистических организаций с целью вооружённого отторжения национальных республик от СССР» и создания тюрко-татарского государства. В рамках этого дела в национальных республиках и автономных областях РСФСР велось наблюдение за представителями существовавших здесь некогда партий и общественных движений: «Алаш» в Казахстане, «Муссавата» в Азербайджане, «Милли-Фирка» в Крыму, «Милли-Иттихада» в Узбекистане. Любые попытки защиты национальных интересов, национального самосознания в национальных областях и республиках рассматривались как результат деятельности «антисоветских националистических элементов».

Многих деятелей национальных культур записывали в мифическую организацию «пантюркистский антисоветский центр». Букейханов обвинялся в том, что поддерживал контакты с руководителями и активными сторонниками этой организации Ходжановым, Нурмаковым³⁰, Тюрякуловым³¹, Султановеновым, Кенжиным³² и проч. Полномочное представительство (ПП) ОГПУ в Казахстане в конце 1920 – начале 1930-х гг. по ложному обвинению провело аресты Х. и Д. Досмухамедовых, М. Мурзина³³, М. Ауэзова³⁴, И. Омарова³⁵, М. Тынышпаева³⁶, А. Ермакова и др. Они обвинялись в том, что входили в созданный

---

²⁷ Ходжанов Султанбек (1894–1938) – казахский политический деятель. В годы Гражданской войны – председатель Сырдарынского ревкома (ныне Южно-Казахстанская область), член ЦК Компартии Туркменистана, председатель ТурЦИК, нарком внутренних дел, нарком просвещения, нарком земледелия Туркменской АССР (1920–1924), ответственный инструктор по национальным республикам и областям ЦК ВКП(б) (1925–1927), заместитель заведующего агитационно-пропагандистским отделом ЦК ВКП(б) (1928–1929). Арестован 16 июля 1937 г., расстрелян 8 февраля 1938 г. Реабилитирован посмертно в 1957 г.

²⁸ Рыскулов Турар Рыскулович (1894–1938) – председатель Мусульманского бюро Туркестанской Коммунистической партии (1919), ЦИК Туркестанской АССР (1919–1920), председатель СНК Туркестанской АССР (1922–1924), полпред Коминтерна в Монголии (1924–1925), зам. председателя СНК РСФСР (1926–1937). Арестован в 1937 г. Расстрелян 10 февраля 1938 г. Реабилитирован в 1956 г.

²⁹ ЦА ФСБ России, д. Р-34862, л. 10–10 об.

³⁰ Нурмаков Ныгмет Нурмакович (1895–1937) – в 1924–1929 гг. председатель СНК Киргизской АССР. В 1931–1937 гг. зам. председателя ВЦИК. 3 июня 1937 г. арестован. 27 сентября 1937 г. расстрелян. 11 августа 1956 г. реабилитирован.

³¹ Тюрякулов Назир Тюрякулович (1892–1937) – дипломат, полпред СССР в Королевстве Саудовская Аравия (1928–1936), публицист, филолог. 15 июля 1937 г. арестован. 3 октября 1937 г. расстрелян. 28 января 1958 г. реабилитирован.

³² Кенжин Аспандияр (Асфендияр) (1887–1938) в 1917–1920 гг. участвовал в работе правительства Алаш-Орды и партии «Алаш». С 1920 г. член ВКП(б). В 1926–1937 гг. председатель Совета народного хозяйства Казахской АССР. Арестован 5 января 1938 г., расстрелян 26 февраля 1938 г. Реабилитирован в 1990 г.

³³ Мурзин М. (1896–1937) – агроном, экономист, работник Наркомзема, арестован в 1930 г., выслан в Центрально-Чернозёмную обл. на 5 лет. Второй раз арестован в 1937 г., расстрелян. Реабилитирован.

³⁴ Ауэзов Мухтар (1897–1961) – писатель, литературовед, сотрудник газеты «Ак жол», арестован 8 октября 1930 г., приговорён к 3 годам ссылки, после отбытия ссылки вернулся в Алма-Ату.

³⁵ Омаров Ильдес (1892–1937) – председатель Кустанайского отделения и комиссар Алаш-Орды по Кустанайскому уезду (1918–1919), арестован в 1928 г., приговорён к ссылке; вторично арестован в 1937 г., расстрелян. Реабилитирован.

³⁶ Тынышпаев (Тынышбаев) Мухамеджан Тынышпаевич (1879–1937) – один из организаторов Союза автономистов-федералистов, депутат II Государственной думы от коренного населения Семиреченской области. После Февральской революции член Туркестанского комитета и комиссар Временного правительства в Туркестане. Член партии «Алаш». В 1919 г. перешёл на

Х. Досмухамедовым в 1921 г. в Ташкенте «филиал подпольной контрреволюционной организации», ставившей целью свержение советской власти.

Шестеро обвиняемых признали себя виновными, остальные – нет. Обвинительное заключение по уголовному делу было составлено в декабре 1931 г. Однако доказательств для вынесения обвинительного приговора оказалось недостаточно, и 2 марта 1932 г. прокуратура возвратила уголовное дело на доследование. Учитывая, что никаких доказательств виновности алаш-ординцев по делу собрано не было и быть не могло, и опасаясь, что суд может вынести оправдательный приговор, уголовное дело вынесли на рассмотрение внесудебного органа – тройки при ПП ОГПУ Казахстана, которая 20 апреля 1932 г. приговорила М. Тынышпаева, Х. Досмухамедова, Д. Досмухамедова, М. Мурзина к заключению в концлагерь сроком на пять лет, М. Ауэзова и А. Ермакова – к трём годам условно, остальных арестованных – к различным срокам наказания³⁷.

Учитывая авторитет Букейханова среди казахского населения, спецслужбы долго не решались принимать в отношении него жёсткие меры. Лишь когда в стране наступили годы Большого террора, дошла очередь и до него. В НКВД традиционно назвали причинами ареста лидера Алаш-Орды то, что он якобы был «контрреволюционером, националистом, занимался антисоветской деятельностью, поддерживал связи с руководителями антисоветского пантюркистского центра». 26 июля 1937 г. Букейханов был арестован. Ордер на арест и обыск был подписан заместителем наркома внутренних дел М.П. Фриновским и вручён помощнику начальника 4-го отделения 3-го отдела (контрразведывательного) Главного управления государственной безопасности (ГУГБ) НКВД СССР старшему лейтенанту госбезопасности В.С. Рясному³⁸. Архивные документы свидетельствуют о том, что во время обыска в квартире, где проживал Букейханов, в присутствии его дочери Е.А. Садвокасовой³⁹ была изъята «разная личная переписка» без указания количества и вида документов. Изъятые материалы забрал Рясной, дальнейшая их судьба неясна, на хранение в архив они не поступали.

После задержания Букейханов был доставлен в здание ГУГБ НКВД СССР, где заполнил анкету арестованного. В графе «профессия» он указал «журналист, переводчик»; в графе «социальное происхождение» – «сын казаха»; в графе «партийность» – «член партии кадетов, с 1917 г. – партии “Алаш”, на момент ареста – беспартийный». В графе «служба в белых и других контрреволюционных армиях, участие в бандах и восстаниях против советской власти» – «как председатель Алаш-Орды боролся против советской власти до 1920 г.»⁴⁰.

сторону советской власти. Управлял водным хозяйством Туркменской АССР, был начальником отдела Туркестанско-Сибирской железной дороги. 3 августа 1930 г. арестован, приговорён к пяти годам лагерей, которые были заменены высылкой в Центрально-Чернозёмную обл. Вновь арестован и расстрелян в 1937 г. Реабилитирован в 1958 г.

³⁷ Определением судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Казахской ССР от 28 февраля 1958 г. все лица, проходившие по уголовному делу в отношении сторонников Алаш-Орды, были полностью реабилитированы.

³⁸ Рясной Василий Степанович (1904–1995) – генерал-лейтенант госбезопасности (1945), в 1946–1947 гг. 1-й зам. министра внутренних дел СССР, в 1952–1953 гг. зам. министра госбезопасности.

³⁹ Садвокасова Елизавета Алихановна (1903–1971) – старший инженер учебных заведений Наркомата здравоохранения РСФСР. Во время Великой Отечественной войны – военврач 3-го ранга, майор медицинской службы, после войны – доктор медицинских наук, руководитель отдела санитарной статистики ВНИИ социальной гигиены и организации здравоохранения им. Н.А. Семашко.

⁴⁰ ЦА ФСБ России, д. Р-34862, л. 10–10 об.

Несмотря на то, что Букейханов был задержан 26 июля 1937 г., содержался под стражей и допрашивался, постановление об избрании меры пресечения было подготовлено Рясным лишь 7 августа, а утверждено 3 сентября 1937 г. В постановлении было указано: «Букейханов Алихан Нурмухаметович достаточно изобличался в том, что он являлся контрреволюционером, националистом и проводил активную антисоветскую, националистическую работу и имел контрреволюционные связи с руководителями антисоветского пантюркистского центра»⁴¹.

8 сентября 1937 г. заместитель начальника 3-го отдела ГУГБ НКВД майор госбезопасности Пассов утвердил обвинительное заключение по следственному делу по обвинению Букейханова. 25 сентября 1937 г. обвинительное заключение утвердил прокурор СССР А.Я. Вышинский⁴².

26 сентября Букейханову под расписку была вручена копия обвинительного заключения о предании его суду Военной коллегии Верховного суда СССР. Вероятно, Букейханов надеялся на объективное и справедливое рассмотрение уголовного дела, поскольку его судьбу решал суд, а не внесудебные органы, такие как Особое совещание при НКВД или пресловутая «тройка». Однако его надежды не сбылись.

27 сентября 1937 г. в Москве в 11 ч началось закрытое судебное заседание. Вся процедура рассмотрения дела, в том числе оглашение приговора, заняла 20 мин. После обязательной процедуры удостоверения личности подсудимого председатель суда диввоенюрист Голяков спросил у Букейханова, вручена ли ему копия обвинительного заключения по делу. Подсудимый ответил удовлетворительно. Были разъяснены его права и объявлен состав суда. Букейханов никаких ходатайств, а также отвода составу суда не заявлял. Секретарь огласил обвинительное заключение. Председатель разъяснил подсудимому сущность предъявленного обвинения и спросил, признаёт ли он себя виновным. На это Букейханов ответил, что «виновным себя признаёт частично». Председатель огласил показания Букейханова, в которых приводились его слова о том, что он до последнего времени оставался контрреволюционером-националистом, а также о том, что он не мог и не может «быть сторонником советской власти», оставаясь верным своим алаш-ордынским идеям, за которые боролся с советской властью. Букейханов подтвердил эти свои показания. Затем подсудимому было предоставлено последнее слово, и он заявил, что «советскую власть не любит, но признаёт»⁴³.

Суд удалился на совещание, которое заняло несколько минут. По возвращении председатель огласил вердикт — приговорить Букейханова к расстрелу с конфискацией всего лично принадлежавшего ему имущества. Приговор был окончательным и на основании постановления ЦИК СССР от 1 декабря 1934 г. подлежал немедленному исполнению. В 11 ч 20 мин судебное заседание было закрыто.

Приговор о расстреле Букейханова был приведён в исполнение в тот же день⁴⁴. В архивном уголовном деле нет указания о месте его захоронения. Однако по сложившейся в тот период практике жертв политических репрессий хоронили на территории Донского кладбища. Поэтому с большой вероятностью можно предполагать, что тело Букейханова похоронено именно там.

После смерти Сталина в Советском Союзе началась реабилитация жертв политических репрессий. 13 апреля 1957 г. дочь Букейханова Е.А. Садвокасова направила заявление на имя Главного военного прокурора СССР с просьбой сообщить ей информацию об отце, о судьбе которого в течение 20 лет ничего не

⁴¹ Там же, л. 12 об.

⁴² Там же, л. 38—41.

⁴³ Там же, л. 44—45.

⁴⁴ Там же, л. 47.

было известно. Одновременно она просила пересмотреть его дело и сообщить результаты⁴⁵.

Механизм советского бюрократического аппарата проворачивался медленно. Началась проверка по архивному уголовному делу: сбор дополнительной информации об обстоятельствах дела, справедливости выдвинутых обвинений, степени вины участников. 27 мая 1957 г. заместитель председателя Военной коллегии Верховного суда СССР направил письма в отдел ЗАГС Исполкома Моссовета, МВД СССР и Главному военному прокурору. В них содержалась просьба дать указания ЗАГС о регистрации смерти Букейханова, наступившей 16 мая 1938 г., и выдаче свидетельства о смерти его дочери. Таким образом, истинная дата и причина смерти были скрыты, и ещё долго дети и внуки Букейханова оставались в неведении о его судьбе.

Почти через год после поступления обращения Садвокасовой архивное следственное дело на Букейханова было направлено из Главной военной прокуратуры Военному прокурору Туркестанского военного округа (ТуркВО) с поручением провести по делу проверку в связи с тем, что «преступная деятельность Букейханова протекала в основном в Казахстане»⁴⁶. Военная прокуратура ТуркВО запросила, какими материалами (кроме архивного следственного дела) располагают КГБ и МВД Казахской ССР. Внимательно изучались и анализировались исторические документы об амнистии в связи с автономией Киргизской ССР (1920) и постановление Президиума ЦИК об амнистии от 2 ноября 1927 г. В первом из названных документов отмечалось, что «киргизы и трудовое казачество, принимавшие участие в гражданской войне против советской власти, а также члены и сотрудники бывшего националистического правительства “Алаш-Орда” за свою прежнюю контрразведывательную деятельность никакому преследованию и наказанию» не подлежали⁴⁷. Президиум ЦИК 2 ноября 1927 г. принял постановление в ознаменование 10-летия Октябрьской революции, на основании которого освобождались от дальнейшего содержания под стражей все трудящиеся, осуждённые по приговорам судов или административных органов за контрреволюционную деятельность во время Гражданской войны. Одновременно ЦИК СССР давал разъяснения Верховному суду СССР о том, что положения постановления от 2 ноября «Об амнистии» распространялись «на все контрреволюционные преступления, совершённые трудящимися до 1 января 1923 г.»⁴⁸.

Военная прокуратура запросила в государственных архивах Алма-Аты, Семипалатинска, Кустаная информацию о деятельности Букейханова как председателя партии «Алаш» и председателя «буржуазно-националистического правительства Алаш-Орды», а также сведения о его работе в Казахстане после разгрома алаш-ординцев.

Сотрудники Главной военной прокуратуры (ГВП), рассмотрев материалы архивного следственного дела по обвинению Букейханова и материалы проверки, которая велась в 1957–1958 гг. в связи с обращением его дочери, установили, что виновность Букейханова в совершённых им преступлениях материалами дела была доказана. Как отмечалось в документе ГВП, суд в 1937 г. признал Букейханова виновным в том, что, «являясь врагом советской власти, в годы гражданской войны возглавлял контрреволюционное движение казахской буржуазии и стал во главе контрреволюционного правительства Алаш-Орды. Будучи помилован

⁴⁵ Там же, л. 49.

⁴⁶ Там же, л. 87.

⁴⁷ Там же, л. 99–100.

⁴⁸ Там же, л. 105.

советской властью, Букейханов продолжал вести контрреволюционную работу и был связан с другими руководителями контрреволюционного националистического движения». Далее было отмечено, что правительство Алаш-Орды сотрудничало в совместной борьбе с советской властью с Колчаком и башкирским контрреволюционным правительством Валидова. После занятия территории Казахстана Красной армией Букейханов, несмотря на то, что был помилован советской властью, не отказался от борьбы против нее. Алаш-ординцы проводили «националистическую политику, обостряя взаимоотношения между казахским и русским населением». Проживая в Москве, Букейханов встречался со студентами-казахами, говорил о «гибели казахского народа и вёл обработку их в националистическом духе»⁴⁹. Особое внимание уделялось тому, что Букейханов в 1914–1915 гг. встречался с А.Ф. Керенским, в 1919 г. – с А.В. Колчаком, которого ознакомил с проектом автономной казахской республики⁵⁰. Подводя итог многомесячному расследованию, представители ГВП сделали вывод: «Жалобу Садвокасовой Е.А. о пересмотре дела Букейханова Алихана Нурмухамедовича оставить без удовлетворения»⁵¹.

Прошло ещё более 40 лет. В СССР шла перестройка, активно работала Комиссия по реабилитации жертв политических репрессии, куда с просьбой пересмотреть архивное уголовное дело и обратился в начале 1989 г. один из родственников Букейханова – Р.А. Букейханов. На этот раз материалы рассматривал лично Генеральный прокурор СССР А.Я. Сухарев, который 11 апреля 1989 г. вынес в порядке надзора постановление, в котором просил Пленум Верховного суда СССР отменить приговор ВК ВС СССР от 27 сентября 1937 г.⁵² 16 мая 1989 г. Пленум Верховного суда СССР под председательством и. о. председателя Верховного суда СССР А.М. Филатова рассмотрел протест и пришёл к выводу о необходимости поддержать протест. Пленум отметил, что, во-первых, обвинение Букейханова в антисоветской деятельности было основано лишь на его показаниях на предварительном следствии. В судебном заседании Букейханов свою вину признал частично. Доказательств же его виновности приговор не содержал, какие-либо свидетели на следствии и в суде не допрашивались. Во-вторых, в деле не имелось и иных объективных данных, свидетельствовавших как о наличии в Казахстане и в Москве так называемого террористического центра, так и об антисоветской деятельности Букейханова после 1920 г. В-третьих, осуждённые по другим делам за участие совместно с Букейхановым в контрреволюционных действиях Ходжанов, Нурманов, Рыскулов в 1954–1957 гг. были реабилитированы, а уголовные дела на них прекращены. В-четвёртых, в соответствии с решением Президиума ВЦИК от 3 июня 1920 г. признано необходимым допустить бывших членов правительства Алаш-Орды к работе в советских органах и категорически запретить их преследование за прошлую деятельность.

Таким образом, Пленум Верховного суда СССР постановил приговор ВК ВС СССР от 27 сентября 1937 г. в отношении Букейханова Алихана Нурмухамедовича отменить и дело о нём прекратить за отсутствием состава преступления⁵³. Так, спустя более, чем 50 лет после неправомерного осуждения и расстрела, было восстановлено доброе имя Алихана Букейханова, основателя партии «Алаш» и первого председателя казахского автономного правительства Алаш-Орды.

⁴⁹ Там же, л. 220–221.

⁵⁰ Там же, л. 223.

⁵¹ Там же, л. 224.

⁵² Там же, л. 229–230.

⁵³ Там же, л. 231–232.

**«Оттепель» и генетика:
из истории публикации первого отечественного учебника
по генетике**

Эдуард Колчинский, Сергей Шалимов

**«The thaw and Genetics»: history of publishing
the first Soviet textbook on Genetics**

*Eduard Kolchinsky, Sergey Shalimov (both – Saint Petersburg Branch
of the Vavilov Institute for the History of Science and Technology, Russian
Academy of Sciences)*

Время правления Н.С. Хрущёва, с лёгкой руки писателя И.Г. Эренбурга получившее название «оттепели», остаётся одним из наиболее противоречивых периодов советской эпохи. Неоднозначность многих решений и сложная общественно-политическая, социально-экономическая и международная обстановка привели к полярным оценкам деятельности советского лидера в российской и зарубежной историографии¹.

«Десталинизация», XX съезд и разоблачение «культы личности», реабилитация многих репрессированных стали знаковыми событиями «оттепели» в общественно-политической жизни. В свою очередь, массовое жилищное строительство, при всех его издержках, знаменовало улучшение социально-экономической обстановки и повышение уровня жизни населения. Вместе с тем с именем Хрущёва ассоциируются обострение холодной войны и Карибский кризис, «кукурузная эпопея» и расстрел демонстрации в Новочеркасске.

Подобная противоречивость была характерна и для развития отечественной науки в 1950-е – первой половине 1960-х гг.² Советскому Союзу удалось добиться грандиозного успеха в покорении космоса; о признании достижений учёных свидетельствовали Нобелевские премии по химии и физике; важным фактором в географическом расширении академической науки было создание в 1957 г. её «восточного форпоста» – Сибирского отделения АН СССР³. В то

© 2017 г. Э.И. Колчинский, С.В. Шалимов

¹ Аксютин Ю.В. Хрущёвская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953–1964 гг. М., 2010; Дорофеев Г.В. Хрущёв: интриги, предательство, власть. М., 2010; Емельянов Ю.В. Хрущёв: от пастуха до секретаря ЦК. М., 2012; Костырченко Г.В. Тайная политика Хрущёва: власть, интеллигенция, еврейский вопрос. М., 2012; Медведев Р.А. Никита Хрущёв. Отец или отчим советской «оттепели». М., 2006; Пыжиков А.В. Хрущёвская «оттепель». М., 2002; Таубман У. Хрущёв. М., 2005; и др.

² Об истории советской науки в период «оттепели» см., например: Артёмов Е.Т. Научно-техническая политика в советской модели позднеиндустриальной модернизации. М., 2006; Балакин В.С. Отечественная наука в 50-е – середине 70-х гг. XX в. (Опыт изучения социокультурных проблем). Челябинск, 1997; Безбородов А.Б. Власть и научно-техническая политика в СССР середины 50-х – середины 70-х гг. М., 1997; Козлов Б.И. Индустриализация России: вклад Академии наук СССР (Очерк социальной истории. 1925–1963). М., 2003.

³ См. об этом подробнее: Водичев Е.Г. Путь на восток. Формирование и развитие научно-го потенциала Сибири. Середина 50-х – 60-е гг. Новосибирск, 1994; Josephson P.R. New Atlantis Revisited: Akademgorodok, the Siberian City of Science. Princeton, 1997; Российская академия наук. Сибирское отделение: Исторический очерк. Новосибирск, 2007.

же время в области биологии сохранялись архаичные представления и методы борьбы с оппонентами, названные «лысенковщиной»⁴. Более того, в последние годы «оттепели» Т.Д. Лысенко заметно укрепил свои позиции, а Хрущёв оказался его главным покровителем, инициируя кадровые перестановки с целью сбить волну критики трудов «народного академика» и его сторонников. От должности академика-секретаря Отделения общей биологии АН СССР был освобождён биохимик В.А. Энгельгардт, от должности директора Института цитологии и генетики СО АН СССР — крупный генетик Н.П. Дубинин. С поста главного редактора «Ботанического журнала», ставшего к тому времени центром критики Лысенко, сняли известного геоботаника, эколога, лесовода В.Н. Сукачёва, а большинство членов редколлегии были заменены сторонниками «мичуринской биологии»⁵. 19 мая 1961 г. Общее собрание Академии наук СССР освободило от обязанностей президента А.Н. Несмеянова. В том же году в Программу КПСС вошло лысенковское предложение: «Шире и глубже развивать мичуринское направление в биологической науке»⁶. К лету 1964 г. в ЦК КПСС стали разрабатываться планы ликвидации АН СССР как главного очага сопротивления «лысенковщине»⁷. Непосредственным поводом для этого стал провал на только что состоявшихся выборах в Академию сторонников Лысенко.

Такой ход событий, на первый взгляд, кажется парадоксальным. Ведь эпоха Хрущёва ознаменовалась заметными шагами на пути преодоления последствий «лысенковщины» и возрождения отечественной биологии. Одним из первых стало знаменитое «письмо трёхсот» (1955), в котором ведущие отечественные

---

⁴ Феномен «лысенковщины» основательно проанализирован в трудах отечественных и зарубежных историков науки. Отметим здесь лишь некоторые из них: *Joravsky D.* The Lysenko Affair. Cambridge (Mass.), 1970; *Александров В.Я.* Трудные годы советской биологии: Записки современника. СПб., 1992; *Медведев Ж.А.* Взлёт и падение Лысенко. М., 1993; *Есаков В.Д.* Новое о сессии ВАСХНИЛ 1948 года // Репрессированная наука / Ред. М.Г. Ярошевский. Л., 1991. С. 57–82; *Левина Е.С.* Вавилов, Лысенко, Тимофеев-Ресовский... Биология в СССР: история и историография. М., 1995; *Kremensov N.* Stalinist Science. Princeton; New Jersey, 1997; *Сойфер В.Н.* Власть и наука (Разгром коммунистами генетики в СССР). М., 2002; *Roll-Hansen N.* The Lysenko effect: the politics of science. N.Y., 2006; *Есаков В.Д.* Николай Иванович Вавилов: Страницы биографии. М., 2008; *Pringle P.* The Murder of Nikolai Vavilov. The Story of Stalin's Persecution of One of Great Scientists of the 20th Century. N.Y., 2008; *Stanchevici D.* Stalinist genetics: the constitutional rhetoric of T.D. Lysenko. N.Y., 2012. В связи с недавними попытками реабилитировать «лысенкоизм» поднялась новая волна публикаций уже о «неолысенковщине»: см., например: *Ермолаев А.И.* Вавиловские чтения и Вавиловский семинар как арена борьбы с неолысенкоизмом // Историко-биологические исследования. 2016. Т. 8. № 1. С. 148–155; *Резник С.Е.* Фарс или трагедия // Там же. С. 121–130; *Колчинский Э.И.* Неолысенковщина XXI в. глазами историка науки // Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова. Годичная научная конференция. 2016. М., 2016. С. 746–748; *Graham L.* Lysenko's Ghost. Epigenetics and Russia. Cambridge (Mass.), 2016; *Kolchinsky E.* Current Attempts at Exonerating 'Lysenkoism' and Their Causes // The Lysenko Controversy as a Global Phenomenon. Vol. 2. Genetics and Agriculture in the Soviet Union and Beyond. Sham, 2017. P. 207–236.

⁵ *Колчинский Э.И., Конашев М.Б.* Как и почему «Правда» учила «Ботанический журнал» // Вопросы истории естествознания и техники. 2003. № 4. С. 49–74; *Ирошников А.И.* К вопросу об аракачевщине в науке (страницы истории: почему И.В. Сталин санкционировал критику Т.Д. Лысенко, а Н.С. Хрущёв возвратил его на пьедестал?! // Вавиловский журнал генетики и селекции. 2004. Т. 8. № 28. С. 5.

⁶ КПСС. Программа Коммунистической партии Советского Союза. М., 1961. С. 127.

⁷ *Афиани В.Ю., Илизаров С.С.* «...Мы разгоним к чёртовой матери Академию наук», — заявил 11 июля 1964 г. первый секретарь ЦК КПСС Н.С. Хрущёв // Вопросы истории естествознания и техники. 1999. № 1. С. 167–173.

учёные выступили против Лысенко и в поддержку гонимой им генетики⁸. Этот демарш привёл к отставке «народного академика» с поста президента ВАСХНИЛ (на который он, впрочем, ненадолго вернулся в 1961 г.). В СССР появилось сразу несколько генетических научно-исследовательских центров, где наука о наследственности получила «второе дыхание». Наиболее успешным из них стал созданный в 1957 г. Институт цитологии и генетики СО АН СССР, деятельность которого позволила возродить традиции довоенных школ генетики⁹.

Противоречивость курса партийных властей в области биологии традиционно объясняют личными качествами Хрущёва и его отношениями с Лысенко. На самом деле всё было, конечно, гораздо сложнее. Немалую роль играли интенсивная внутривластная борьба, а также непростые отношения, складывавшиеся в регионах между партийными функционерами и научным сообществом. Последнее с окончанием жёстких репрессий уже не желало слепо следовать указаниям центра, регулярно проявляя самостоятельность и даже непокорность. Наиболее показательны действия руководства и биологов Ленинградского государственного университета, при молчаливом согласии местных партийных властей сыгравших особую роль в возрождении генетики в СССР. Ещё в период полного доминирования «лысенковщины» сотрудники кафедры генетики и селекции ЛГУ под видом критики «морганизма-менделизма» знакомили студентов с основами классической генетики, что во многом было заслугой доцента В.С. Фёдорова¹⁰. Заведующий кафедрой Н.П. Турбин, который как самый верный соратник Лысенко в 1948 г. был назначен и деканом биолого-почвенного факультета ЛГУ, в конце 1952 г. напечатал в «Ботаническом журнале» первую за долгое время статью с критикой взглядов своего патрона¹¹. Годом раньше учёные биолого-почвенного факультета при поддержке ректора А.А. Ильюшина изгнали из университета И.И. Презента — ближайшего подручного Лысенко и главного идеолога «мичуринской биологии»¹². Причём новый ректор ЛГУ академик А.Д. Александров успешно парировал попытки высоких покровителей Презента вернуть его в вуз¹³.

Уже осенью 1954 г. значительная часть профессуры биолого-почвенного факультета (возглавляемого в то время будущим академиком А.Л. Тахтаджяном) открыто выступила за пересмотр всех учебных и научно-исследовательских планов, призвав покончить с культом личности Лысенко и К.М. Быкова

⁸ Александров В., Лебедев Д. Это было «Письмо трёхсот» // Правда. 1989. 27 января.

⁹ Подробнее см.: Шалимов С.В. «Спасение и возрождение»: Исторический очерк развития генетики в Новосибирском научном центре в годы «оттепели» (1957–1964). Новосибирск, 2011.

¹⁰ Фёдоров Василий Сергеевич (1903–1976) — генетик, селекционер. В 1949–1971 гг. — доцент кафедры генетики и селекции ЛГУ. Основные направления исследований: генетика растений и создание генетической коллекции ржи. В период «лысенковщины» знакомил студентов с основами генетики на лекциях, формально посвящённых критике классической генетики. См. о нём: Захаров И.А. Памяти учителя. К 100-летию Василия Сергеевича Фёдорова // Информационный вестник ВОГиС. 2003. Т. 7. № 24–25. С. 5.

¹¹ Турбин Н.В. Дарвинизм и новое учение о виде // Ботанический журнал. 1952. Т. 37. № 6. С. 798–819.

¹² Перипетии трёхлетней истории с изгнанием И.И. Презента из ЛГУ на базе архивных материалов Санкт-Петербургского филиала Архива РАН и Центрального государственного архива историко-политических документов Санкт-Петербурга (далее — ЦГАИПД СПб) подробно рассмотрены одним из авторов этой публикации: Колчинский Э.И. Кирилл Михайлович Завадский. 1910–1977. СПб., 2013. С. 108–119.

¹³ ЦГАИПД СПб, ф. 984, оп. 10, д. 78, л. 144; д. 21, л. 189.

в биологии и прекратить вмешательство в обсуждение биологических проблем малограмотных философов-марксистов¹⁴. Ветер перемен затронул и студентов, не желавших довольствоваться прежними формами обучения. Явочным порядком они вводили свободное посещение лекций, игнорируя скучных и неинтересных преподавателей, не желали участвовать в общественной работе, требовали увлекательных научно-исследовательских заданий. Некоторые самостоятельно изготовляли учебные пособия, переводя и распространяя тексты из иностранных трудов. Налицо был кризис прежних форм работы со студентами, что не раз констатировалось на заседаниях парткома ЛГУ и партбюро, партийных собраниях и заседаниях Учёного совета факультета¹⁵.

Этот кризис руководство ЛГУ и факультета использовало для обновления всего профессорско-преподавательского состава. По инициативе нового декана биолого-почвенного факультета К.М. Завадского на должность заведующего кафедрой генетики и селекции в 1955 г. был приглашён М.С. Навашин – выдающийся цитогенетик, имевший мировую известность. В 1957 г. его сменил профессор М.Е. Лобашёв, снятый с поста декана и уволенный из университета после августовской сессии ВАСХНИЛ. Автор классических работ по химическому мутагенезу, физиологической генетике и генетике поведения оказался прекрасным преподавателем и организатором науки. Среди его учеников – академик РАН С.Г. Инге-Вечтомов, член-корреспондент РАН И.А. Захаров-Гезехус, профессора с мировой известностью М.Д. Голубовский, Л.З. Кайданов, К.В. Квитко и др. С 1957 г., после многолетнего перерыва, в университете начали читать полноценный курс генетики, адекватно отражавший новейшие достижения в данной области, а в 1963 г. вышел учебник М.Е. Лобашёва «Генетика»¹⁶.

Появление этого учебника имело колоссальное значение для восстановления в СССР науки о наследственности, так как подготовка научных кадров всегда является одним из важнейших условий развития науки. Учебник Лобашёва вошёл в историю не только как первое отечественное учебное пособие по данной дисциплине, но и как знаковое явление на пути преодоления «лысенковщины». Работа над изданием проходила в сложных условиях. Преподавание настоящей генетики по-прежнему было официально запрещено, а в биологических институтах и на соответствующих кафедрах в высших учебных заведениях, включая МГУ, руководящие посты, как правило, занимали сторонники Лысенко. Тем не менее при содействии биологического сообщества Ленинграда, руководства ЛГУ, особенно ректора Александрова, удалось преодолеть все бюрократические барьеры и сопротивление «мичуринцев» и издать труд Лобашёва многотысячным тиражом.

Характерно, что рассматриваемое событие, несмотря на его уникальность и значимость, не получило должного отражения в имеющейся литературе. Более того, отсутствует анализ обстоятельств появления учебника и перипетий, связанных с его изданием и с попытками властей отреагировать на самостоятельность научного сообщества. В настоящий момент описываемая история лишь затронута в считанных воспоминаниях и не рассматривается в качестве отдельного сюжета.

Пролить свет на эту веху в истории отечественной биологии помогает уникальный, на наш взгляд, и ещё не введённый в научный оборот документ, выявленный в фонде Ленинградского промышленного обкома КПСС (ф. 8437) ЦГАИПД СПб. Речь идёт о записке «Об издании Ленинградским

¹⁴Там же, д. 21, л. 32–37, 184.

¹⁵Там же, д. 53, л. 137–153; д. 85, л. 56–60.

¹⁶ *Лобашёв М.Е.* Генетика: Курс лекций. Л., 1963.

Государственным университетом имени А.А. Жданова курса лекций профессора Лобашёва М.Е. «Генетика» от 19 февраля 1964 г., подписанной первым секретарём Ленинградского промышленного обкома КПСС В.С. Толстиком¹⁷ и адресованной ЦК КПСС¹⁸.

В рассматриваемом документе Толстиков «каялся» в том, что обком «своевременно не проинформировал Центральный Комитет партии о готовящемся издании работы профессора Лобашёва М.Е.»¹⁹. При этом большую часть вины за издание резонансного учебника партийный функционер переложил на Министерство высшего и среднего специального образования РСФСР, ректорат и издательство Ленинградского государственного университета, которые не обеспечили «всестороннего обсуждения» книги с учёными, «придерживающимися различных точек зрения по вопросам генетики»²⁰.

Симптоматично, что авторы записки намеренно абстрагировались от научной стороны дискуссий и в равной степени привели положительные и отрицательные рецензии на курс лекций Лобашёва. В частности, в документе сообщается о положительных рецензиях большой группы известных учёных, среди которых член-корреспондент АН СССР А.С. Трошин²¹, члены-корреспонденты АМН СССР П.Г. Светлов²², С.А. Нейфах²³, А.П. Дыбан²⁴, профессора Ю.М. Олёнов²⁵, Л.Н. Жинкин²⁶, Е.М. Хейсин²⁷, Ю.И. Полянский²⁸,

¹⁷Толстик Василий Сергеевич (1917–2003) – первый секретарь Ленинградского обкома КПСС (1962–1963, 1965–1970), первый секретарь Ленинградского промышленного обкома КПСС (1963–1965). Затем на дипломатической работе: чрезвычайный и полномочный посол в КНР (1970–1979) и в Королевстве Нидерланды (1979–1982).

¹⁸ЦГАИПД СПб, ф. 8437, оп. 4, л. 110, л. 5–10.

¹⁹Там же, л. 6.

²⁰Там же, л. 9–10.

²¹Трошин Афанасий Семенович (1912–1985) – биолог, член-корреспондент АН СССР (1956). В 1958–1984 гг. – директор Института цитологии АН СССР.

²²Светлов Павел Григорьевич (1892–1974) – биолог, член-корреспондент АМН СССР (1946). В 1956–1966 гг. – заведующий лабораторией Научно-исследовательского института экспериментальной медицины АМН СССР.

²³В тексте документа фамилия учёного приведена с ошибкой – «С.А. Нефах». Нейфах Соломон Абрамович (1909–1992) – врач, генетик и биохимик, член-корреспондент АМН СССР (1963). В 1963–1988 гг. – заведующий лабораторией Научно-исследовательского института экспериментальной медицины АМН СССР.

²⁴Здесь в тексте, скорее всего, допущена ошибка: «С.А. Дыбан». Речь, видимо, идёт о заслуженном деятеле науки РФ Андрее Павловиче Дыбане, который в то время возглавлял отдел эмбриологии в Институте экспериментальной медицины. Кстати, ошибки в письме свидетельствуют о том, что документы на имя первого человека в стране партийные структуры готовили не слишком аккуратно.

²⁵Олёнов Юрий Михайлович (1907–1977) – генетик, доктор биологических наук, профессор. В 1959–1976 гг. – заведующий лабораторией Института цитологии АН СССР.

²⁶Жинкин Лев Николаевич (1908–1972?) – эмбриолог, доктор биологических наук, профессор Ленинградского педагогического института им. А.И. Герцена.

²⁷Хейсин Евгений Минеевич (1907–1968) – зоолог, заведующий лабораторией Института цитологии АН СССР.

²⁸Полянский Юрий Иванович (1904–1993) – зоолог, генетик, паразитолог, историк биологии, член-корреспондент АН СССР (1979). Будучи и. о. ректора ЛГУ, он зарекомендовал себя непреклонным противником Т.Д. Лысенко и И.И. Презента. На августовской сессии ВАСХНИЛ стал одним из главных объектов их критики, по её итогам снят со всех постов. Оказавшись безработным, вынужден был уехать из Ленинграда. Вернулся в ЛГУ только в 1955 г., но обком сохранял к нему недоброжелательность вплоть до 1991 г. Профессор, заведующий кафедрой беспозвоночных ЛГУ.

Н.Л. Гербильский²⁹, М.И. Прохорова³⁰. Все перечисленные учёные рассматривали книгу как первую за многие годы и, главное, удачную попытку создания систематизированного отечественного учебного пособия по генетике, отразившего современные достижения этой науки.

Например, профессор Полянский писал: «В книге методически удачно, с использованием обширного фактического материала и на высоком уровне излагаются основы современного учения о закономерностях наследственности и изменчивости. В книге находят освещение вопросы, являющиеся особенно актуальными в настоящее время, — биохимической генетики и генетики микроорганизмов». Такая же высокая оценка работы содержалась в отзыве Научно-исследовательского института экспериментальной медицины: «Весь материал в книге освещён строго научно, правильно, и нет никаких оснований предполагать наличие в этой книге каких-либо ошибочных моментов освещения затрагиваемых вопросов»³¹. А в рецензии, подготовленной сотрудниками Института цитологии АН СССР, подчёркивалось: «Достоинством книги является также и то, что в ней широко использованы успехи и достижения отечественных — советских учёных, и в первую очередь таких как И.В. Мичурин, Н.И. Вавилов и др.»³². Помимо этого положительные отзывы на курс лекций профессора Лобашёва дали группа учёных Института цитологии и генетики СО АН СССР, профессора С.И. Алиханян³³ и Н.Н. Колесник³⁴.

В числе приведённых отрицательных отзывов — рецензия профессора М.М. Лебедева³⁵, посчитавшего труд Лобашёва «новой попыткой протащить в нашу науку старые идеалистические и метафизические идеи вейсманского-мендель-моргановского направления в генетике»³⁶. Ему вторила доцент Г.А. Бабочкина³⁷: «Из материала следует, что автор понимает ген как морфологическую часть хромосомы, которая определяет не только морфологические и физиологические признаки, но и биохимические процессы в клетке. Этот взгляд оставлен сейчас очень многими представителями формальной генетики под давлением новых фактов и является наиболее консервативным. Однако Лобашёву даже эта новая

²⁹ Гербильский Николай Львович (1900–1967) — биолог, ихтиолог, профессор ЛГУ. После августовской сессии ВАСХНИЛ был изгнан из ЛГУ.

³⁰ Прохорова Мария Илларионовна (1901–1993) — доктор биологических наук, профессор ЛГУ. В 1955–1958 гг. — декан биолого-почвенного факультета ЛГУ.

³¹ ЦГАИПД СПб, ф. 8437, оп. 4, д. 110, л. 7.

³² Там же, л. 8.

³³ Алиханян Сос Исаакович (1906–1985) — генетик, организатор и в 1968–1975 гг. директор Всесоюзного научно-исследовательского института генетики и селекции промышленных микроорганизмов.

³⁴ Колесник Николай Николаевич (1904–?) — генетик-животновод, доктор биологических наук, заслуженный деятель науки Украины, декан зоотехнического факультета Киевского сельскохозяйственного института, организатор первой кафедры генетики в сельскохозяйственных вузах Украины и лаборатории генетики животных АН УССР.

³⁵ Лебедев Михаил Михайлович (1909–1986) — генетик, животновод. В 1958–1975 гг. — заведующий кафедрой разведения сельскохозяйственных животных в Ленинградском сельскохозяйственном институте и одновременно директор Пушкинской лаборатории разведения сельскохозяйственных животных, преобразованной в Институт ВАСХНИЛ. Заслуженный деятель науки РФ.

³⁶ ЦГАИПД СПб, ф. 8437, оп. 4, д. 110, л. 8.

³⁷ Бабочкина Галина Андреевна (1914–?) — кандидат биологических наук, доцент естественного факультета ЛГПИ им. А.И. Герцена, автор «Учебного пособия по дарвинизму» (Л., 1969–1970).

точка зрения чужда»³⁸. В отзыве профессора Т.Я. Зарубайло³⁹ автор «Генетики» охарактеризован как «убеждённый и последовательный сторонник хромосомной теории наследственности», а его книга названа учебником «генетики морганистического направления»⁴⁰.

Не избежал критики и сам автор учебного пособия. В соответствии с доминирующей установкой Лобашёва осудили за неверную оценку работ основоположников генетики — Т.Х. Моргана и Г.И. Менделя («не разоблачил их порочных идеологических позиций») ⁴¹, а также критиковали за политические упущения — ссылки на «невозвращенца» Н.В. Тимофеева-Ресовского⁴² и «ярого противника социалистического строя» американского генетика Ф.Г. Добржанского⁴³. Однако авторы документа всё же стремились продемонстрировать, что находятся «над схваткой» — характерна следующая оговорка: «Не рассматривая сложную и во многом спорную научную сторону проблем генетики»⁴⁴.

Необходимо отметить нестандартность рассматриваемой ситуации, когда по вопросу, далёкому от проблем промышленности, в ЦК КПСС обращается первый секретарь промышленного обкома. Представляется, что это следовало бы сделать первому секретарю сельскохозяйственного обкома КПСС, так как обсуждались вопросы, связанные скорее с его сферой деятельности, или секретарю по идеологии. Не исключено, что имели место резкие запросы из Москвы, косвенное подтверждение чего можно обнаружить в воспоминаниях А.Д. Александрова⁴⁵. Из-за публикации учебника Лобашёва возникла угроза снятия министра высшего и среднего специального образования РСФСР В.Н. Столетова⁴⁶, так как в ЦК КПСС всю вину возложили на него, и он попытался перевести стрелку обвинений на ленинградское начальство. В свою очередь, Толстиков адресовал упреки обратно министерству, а за издание книги грозился наказать Александрова⁴⁷.

³⁸ ЦГАИПД СПб, ф. 8437, оп. 4, д. 110, л. 9.

³⁹ Зарубайло Трофим Яковлевич (1906–1989) — доктор биологических наук, профессор, заведующий лабораторией Всесоюзного института растениеводства ВАСХНИЛ.

⁴⁰ ЦГАИПД СПб, ф. 8437, оп. 4, д. 110, л. 9.

⁴¹ Там же.

⁴² Тимофеев-Ресовский Николай Владимирович (1900–1981) — генетик, специалист в области популяционной и радиационной генетики. В 1925–1945 гг. работал в Германии. В 1946 г. был осужден «за измену Родине» (реабилитирован в 1992 г.). Его биография легла в основу документального романа Д.А. Гранина «Зубр».

⁴³ ЦГАИПД СПб, ф. 8437, оп. 4, д. 110, л. 9–10. Добржанский Феодосий Григорьевич (1900–1975) — советский и американский генетик. С ним связывают создание синтетической теории эволюции. С 1927 г. работал в США, в том числе стажировался в лаборатории Т.Х. Моргана.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Александров Александр Данилович (1912–1999) — математик, академик АН СССР (1964). В 1952–1964 гг. — ректор ЛГУ. Внёс существенный вклад в возрождение отечественной генетики. В частности, помимо содействия в публикации рассматриваемого учебника он защищал науку о наследственности на различных академических собраниях и конференциях, приглашал в университет пострадавших от «лысенковщины» учёных и не допустил восстановления в ЛГУ И.И. Презента. Уже в начале 1980-х гг. выступил решительно против публикаций известного советского генетика академика Н.П. Дубинина, занявшего, по мнению Александрова, неверную позицию в отношении генетики человека. Подробнее о его жизни и деятельности см.: Академик Александр Данилович Александров. Воспоминания. Публикации. Материалы. М., 2002.

⁴⁶ Столетов Всеволод Николаевич (1907–1989) — советский государственный деятель и учёный. Министр высшего образования СССР (1951–1953), высшего и среднего специального образования РСФСР (1959–1972), президент Академии педагогических наук СССР (1972–1981).

⁴⁷ Колчинский Э.И. Взгляд из ректората на биологию в Ленинградском университете (интервью с академиком А.Д. Александровым) // Репрессированная наука. Вып. II / Ред. М.Г. Ярошевский. Ред.-сост. А.И. Мелуа. СПб., 1994. С. 173.

В начале 1965 г., когда генетика уже была официально восстановлена в правах, последнего освободили от обязанностей ректора ЛГУ и он уехал в Новосибирск⁴⁸.

В интервью известного генетика и борца с «лысенковщиной» В.С. Кирпичникова⁴⁹ содержится упоминание о том, как накануне в 1963 г. Толстикovu сильно «досталось» от Хрущёва за публикацию в журнале «Нева» статьи Ж.А. Медведева о генетике. Глава партии и государства узнал об этой публикации во время визита в Югославию. И. Броз Тито обратил на неё внимание, чтобы уязвить советского лидера, продемонстрировав, что «вейсманисты-морганисты» в СССР чувствуют себя вольготно. Вскоре в Белград по прямому проводу был вызван первый секретарь Ленинградского обкома КПСС, которому устроили настоящий «разнос»⁵⁰.

Возможно, сложность ситуации и большой резонанс, который имели как публикация учебника, так и в целом коллизии вокруг генетики, вынудили Толстикова заниматься этим вопросом. Он стал первым секретарём ещё единого Ленинградского обкома в мае 1962 г. и явно чувствовал себя не очень уверенно в ситуации сосуществования двух обкомов – по промышленности и сельскому хозяйству, в связи с чем вполне мог иметь желание отличиться перед вышестоящим покровителем Лысенко. К тому же он был членом команды Ф.Р. Козлова⁵¹, долгое время фактически являвшегося человеком № 2 в партии и государстве, но в рассматриваемый период оказавшегося не у дел в результате внезапной болезни. Так что активность Толстикова могла быть вызвана стремлением укрепить свои пошатнувшиеся позиции и засвидетельствовать лояльность в борьбе с генетикой в сфере, далёкой от его непосредственных интересов, но чрезвычайно важной для Хрущёва.

В рассматриваемом событии большое значение имел общеполитический контекст. К тому времени в Ленинграде обозначился наиболее острый в масштабах всей страны антагонизм между демократической интеллигенцией и партийной бюрократией. Интеллектуальное сообщество города на Неве и, в частности, Ленинградского университета всегда отличалось определённым нонконформизмом. Партийно-государственная номенклатура, напротив, уже в предшествующие годы прославилась рвением в борьбе с инакомыслием. По некоторым сведениям, после «Ленинградского дела» проводилась широкая

---

⁴⁸ Вполне возможно, что Толстиков хотел воспользоваться ситуацией, чтобы избавиться от непокорного ректора ЛГУ. Он наверняка знал, что Александров не раз отказывался выполнять кадровые распоряжения Хрущёва, в частности, в 1954 г. не восстановил Презента в должности заведующего кафедрой дарвинизма ЛГУ и не уволил сменившего его К.М. Завадского (*Колчинский Э.И.* Взгляд из ректората... С. 171–172).

⁴⁹ Кирпичников Валентин Сергеевич (1908–1991) – генетик, специалист в области генетики рыб. Герой Социалистического труда (1990). С 1953 г. преподавал в ЛГУ.

⁵⁰ *Колчинский Э.И.* Рыцарь науки (интервью с В.С. Кирпичниковым) // Репрессированная наука. С. 237–238. Следует отметить, что Н.С. Хрущёв весьма болезненно реагировал на такие уколы извне. Аналогичный случай произошёл летом 1959 г., когда строящийся новосибирский Академгородок посетил вице-президент США Р. Никсон. После этого за океаном появилась газетная статья о том, что строительство идёт очень плохо и Академгородок никогда не станет реальностью. Хрущёву сообщили об этой публикации, и, возвращаясь в октябре 1959 г. из Китая, советский лидер посетил Новосибирск. Увидев непрезентабельную картину, он разъярился и, судя по некоторым устным свидетельствам, при встрече ударил основателя СО АН СССР академика М.А. Лаврентьева.

⁵¹ Козлов Фрол Романович (1908–1965) – советский партийный и государственный деятель. Первый заместитель председателя Совета министров СССР (1958–1960), секретарь ЦК КПСС (1960–1964).

чистка и, соответственно, пополнение рядов исполнительными «выдвиженцами». Так, согласно одной из версий, по итогам упомянутого процесса буквально развернулась охота на все прежние партийные кадры⁵².

Таким образом, изучаемый документ ярко иллюстрирует элементы противостояния научно-образовательного сообщества и партийной бюрократии, действовавшей в русле усиливавшихся в последние годы правления Н.С. Хрущёва «охранительных» и консервативных тенденций. Поэтому данное послание следует рассматривать в ряду других аналогичных действий Ленинградского обкома КПСС. Напомним, в то же время (февраль—март 1964 г.) состоялся резонансный судебный процесс над поэтом И.А. Бродским. Впрочем, тон письма свидетельствует о том, что партийный лидер был явно не склонен усугублять конфронтацию с взбудораженной творческой интеллигенцией города, пытаясь найти «козлов отпущения» за пределами Ленинграда. Во всяком случае никаких кадровых решений и партийных наказаний, даже минимальных (вроде выговора без занесения в личное дело), не последовало, в чём немалую роль сыграла твёрдость ректора, декана и партийной организации, отказавшейся осудить «проступки» М.Е. Лобашёва, П.О. Макарова⁵³, Ю.И. Полянского и других биологов Ленинграда, причастных к изданию книги⁵⁴.

Всё это, с одной стороны, свидетельствует о сложном положении, в котором находились ленинградские генетики, и об упорном противодействии консервативных сил, с другой — подчёркивает значимость усилий М.Е. Лобашёва и его коллег, сумевших, несмотря на все трудности, добиться публикации. Успешный опыт этого издания явился важным шагом на пути возрождения науки о наследственности в нашей стране.

---

⁵² Интересные материалы по этому поводу опубликованы в сборнике: Последние письма Сталину. 1952–1953. Реконструкция документального комплекса / Сост. Г.В. Горская, М.С. Астахова, В. Дённингхаус, Е.Е. Кириллова, А.С. Кочетова. М., 2015. С. 187–189.

⁵³ Макаров Пётр Осипович (1905–1968) — член-корреспондент АМН СССР (1950). В 1960–1968 гг. — декан биолого-почвенного факультета и заведующий кафедрой анатомии и гистологии ЛГУ.

⁵⁴ О том, что такое намерение было, одному из авторов этой статьи рассказал Л.З. Кайданов, который присутствовал при разговоре секретаря партбюро ЛГУ А.А. Белых с сотрудницей кафедры генетики.

«Эффект Матфея» в советской исторической науке 1920–1930-х гг.

Любовь Сидорова

«The Matthew Effect» in Soviet historiography of the 1920s–1930s

*Liubov Sidorova (Institute of Russian History,
Russian Academy of Sciences, Moscow)*

Приняться за написание статьи меня побудило знакомство с книгой¹, в которой представлены документы, связанные с последними десятилетиями научной деятельности замечательного русского историка, социолога и методолога науки Николая Ивановича Кареева (1850–1931). Это издание, автором-составителем которого является Е.А. Долгова, вне всякого сомнения, интересно и значимо для изучения прошлого отечественной исторической науки.

Однако при чтении «Предисловия» и «Научной биографии Н.И. Кареева 1914–1931 гг.», которые предваряют документальную часть книги, выполненную в получившем в последнее время популярность жанре документальной монографии, возникли вопросы. Остались они и по ознакомлении со статьёй Долговой, повторившей в сокращённом варианте вводный раздел документальной публикации².

В аннотации к книге отмечено, что во «вступительной статье и подготовленной публикации документов факты биографии и творчества учёного выводятся за рамки объяснительных мотивов, традиционно искомых в изменении политической конъюнктуры, экономических перипетиях постреволюционной эпохи»³. Из приведённого отрывка явствует, что отличие своего подхода к исследованию научного потенциала историков (в том числе Кареева) и возможности его реализации, а также результатов работы учёных в целом Долгова видит в отрицании ведущей роли политико-экономического фактора.

Действительно, изучение профессиональной деятельности, реального облика и сложившегося образа советских историков 20–30-х гг. прошлого века как в личностном, так и в собирательном плане неизбежно подводило всех исследователей, в том числе автора данной статьи, к рассмотрению различных аспектов проблемы связи исторической науки и политики, выявлению трансформации жизни и деятельности русских историков в новой социальной и научной реальности⁴. Политико-идеологическая составляющая была

© 2017 г. Л.А. Сидорова

¹ Учёный в эпоху перемен: Н.И. Кареев в 1914–1931 гг. Исследования и материалы / Автор-сост. Е.А. Долгова. М., 2015.

² «Смерть моя была бы громадной семейной катастрофой»: сюжеты из жизни «буржуазного» профессора в 1920-е гг. // Российская история. 2015. № 4. С. 77–89.

³ Учёный в эпоху перемен... С. 2.

⁴ См., например: Очерки истории отечественной исторической науки XX века / Под ред. В.П. Корзун. Омск, 2005; Дубровский А.М. Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930-е – 1950-е гг.).

непременной частью условий, в которых учёные вели научные исследования, влияя на их проблематику и дававшиеся в них оценки.

Создавая научную биографию Кареева, Долгова не могла не затронуть вопроса о взаимоотношении своего героя и советской власти. Автор предложила версию, объясняющую особенности отношения новых властных структур к отдельному историку дореволюционной формации его «символическим статусом» — «занимаемой учёным позицией в иерархии научного сообщества»⁵. Публикуемые в книге материалы о последнем периоде жизни и деятельности историка, по мнению составителя, полностью подтверждают эту гипотезу.

Свой тезис Долгова основывает на сформулированном в 1960-х гг. американским социологом Р.К. Мертоном «эффекте Матфея в науке»⁶. С помощью данной категории он на современном ему материале анализировал «феномен неравномерности распределения признания научных заслуг»⁷.

Строка из Евангелия от Матфея «Ибо, кто имеет, тому дано будет и приумножится; а кто не имеет, у того отнимется и то, что имеет» (Мф. 13: 12), использованная Мертоном для описания выявленных им закономерностей развития науки, постоянно находится в интеллектуально-духовном обращении. Невольно приходит на память разговор Наташи Ростовской и княжны Марьи в эпилоге великого романа Л.Н. Толстого «Война и мир». Обе, уже счастливо замужние женщины, воспитывающие своих детей, обсуждают участь Сони, оставшейся приживалкой в доме Николая Ростова, женившегося не на ней, а на Марье:

«— Знаешь что, — сказала Наташа, — вот ты много читала Евангелие; там есть одно место прямо о Соне.

— Что? — с удивлением спросила графиня Марья.

— “Имущему дастся, а у неимущего отнимется”, помнишь? Она — неимущий: за что? не знаю; в ней нет, может быть, эгоизма, — я не знаю, но у неё отнимется, и всё отнялось. Мне её ужасно жалко иногда; я ужасно желала прежде, чтобы Nicolas женился на ней; но я всегда как бы предчувствовала, что этого не будет. Она *пустоцвет*, знаешь, как на клубнике? Иногда мне её жалко, а иногда я думаю, что она не чувствует этого, как чувствовали бы мы»⁸.

Далее Толстой подвёл итог их беседы: «И, несмотря на то, что графиня Марья толковала Наташе, что эти слова Евангелия надо понимать иначе, — глядя на Соню, она соглашалась с объяснением, данным Наташей. Действительно, казалось, что Соня не тяготится своим положением и совершенно примирилась с своим назначением *пустоцвета* (здесь и далее выделено мной. — Л.С.)»⁹.

Тонкий психолог и мастер повествования, создавший непревзойдённые по глубине и ёмкости мысли тексты, Толстой не случайно использовал слово «казалось». Этим он внёс ноту сомнения в то, что Соня сжилась с выпавшей

Брянск, 2005; Сидорова Л.А. Советская историческая наука середины XX века: синтез трёх поколений историков. М., 2008; Сидоров А.В. «Историк-марксист» восемьдесят лет назад: смена приоритетов в советской исторической науке // История и историки. 2007. Историографический вестник. М., 2009. С. 165–188; Тихонов В.В. Московские историки первой половины XX века: научное творчество Ю.В. Готье, С.Б. Веселовского, А.И. Яковлева и С.В. Бахрушина. М., 2012; Тихонов В.В. Историки, идеология, власть в России XX века. Очерки. М., 2014; и др.

⁵ Учёный в эпоху перемен... С. 6.

⁶ Там же.

⁷ Мертон Р.К. Эффект Матфея в науке, II: накопление преимуществ и символизм интеллектуальной собственности // THESIS. 1993. Вып. 3. С. 259.

⁸ Толстой Л.Н. Собр. соч. В 22 т. Т. 7. М., 1981. С. 271.

⁹ Там же. С. 271–272.

ей долей, довольна своей участью. Её удел был определён свойствами души и внешними обстоятельствами, которые, сложись иначе, могли бы сделать его совсем иным. Если бы не усугублённое войной 1812 г. расстройство состояния семьи Ростовых, крутые повороты в судьбах окружавших её людей, то, возможно, отличавшие характер Сони черты (доброта, преданность, склонность к альтруизму и уступчивость) не стали бы препятствием к её личному счастью.

Этот отрывок из романа, как ни удивительно может показаться на первый взгляд, очень удачно накладывается на рассуждения Долговой о жизни и деятельности русских историков «дореволюционной формации» в условиях победившей пролетарской революции. Как и героини «Войны и мира» в случае с Соней, она ставит во главу угла сформировавшийся образ учёного – Кареева, который сам по себе определяет его дальнейшую личную и творческую судьбу. Подобно им Долгова не принимает во внимание моральные потери и нереализованные научные возможности историка, обусловленные новой социальной реальностью – советской.

Долгова полагает, что не готовность к компромиссу, т.е. свойство отдельной личности, «не социальный и политический факторы определяли положение учёного “старой школы” в постреволюционном обществе». Она утверждает, что, «скорее, его дореволюционный статус (авторитет и позиция, занимаемая в поле избранной им тематики, административный ресурс и потенциал в научном поле) диктовал в соответствии с принципом кумулятивного накопления преимуществ особенности отношения к нему власти и специфику преломления в отношении него советской социальной политики»¹⁰.

Апелляция Долговой к мертоновскому «эффекту Матфея» в науке применительно к представителям «старой профессуры», в том числе Карееву, ставит вопрос о допустимости и границах применения этого понятия при изучении истории отечественной исторической науки 1920–1930-х гг. Обратимся к работе самого Мертон, в которой раскрыта сущность данного явления. «Эффект Матфея» в науке, по его мнению, заключается в том, что «учёные готовы преувеличивать достижения своих коллег, уже составивших себе имя благодаря тем или иным прежним заслугам, а достижения учёных, ещё не получивших известности, они, как правило, преуменьшают или вообще не признают». Библейская притча, писал Мертон, «порождает соответствующую социологическую формулу – ведь представляется, что именно в такой форме происходит распределение морального дохода и когнитивного богатства в науке»¹¹.

В статье американского исследователя внимание сосредоточено на том, как в науке происходит накопление преимуществ и какие это имеет последствия для судеб отдельных учёных и прогресса научных знаний в целом¹². Мертон раскрывает содержание терминов, которыми оперирует в своей работе. В центре внимания оказывается понятие «накопленное преимущество», куда он включил научный потенциал, местонахождение в структуре науки, доступ к ресурсам научных организаций и отдельных учёных. Также он описывает способы, которыми «исходные сравнительные преимущества... обуславливают последовательное приращение преимуществ», ведущее к углублению «неравенства между “имущими” и “неимущими” в науке»¹³.

---

¹⁰ Учёный в эпоху перемен... С. 6.

¹¹ Мертон Р.К. Указ. соч. С. 258.

¹² Там же.

¹³ Там же. С. 256.

В качестве одного из факторов, способствовавших «возникновению глубокого неравенства в процессе научной карьеры», Мертон назвал «ориентацию на поощрение одарённой молодёжи, свойственной всем нашим институтам и организациям, занимающимся поиском и продвижением талантов»¹⁴. Он поставил вопрос о длительности действия «эффекта Матфея» в научной среде. По его мнению, данный процесс конечен: углубление неравенства происходит до тех пор, пока «не натолкнётся на сопротивление противодействующих сил»¹⁵. Среди них он выделил внутри- и внеаучные обстоятельства.

В качестве примера, иллюстрировавшего внутринаучное противодействие, Мертон предложил ситуацию, связанную с межпоколенческими отношениями в научных учреждениях. «Представим себе на минуту, — писал Мертон, — что должно чувствовать юное дарование, когда оно сталкивается с высокой плотностью научных авторитетов на одном факультете или в исследовательском центре. Наиболее самостоятельные молодые люди могут быть не в восторге от перспективы оставаться вблизи и, благодаря действию эффекта Матфея, в тени своих наставников, особенно если им кажется, а молодёжи свойственно так считать — и нередко с достаточными на то основаниями, — что лучшие творческие годы наставников уже позади»¹⁶.

Далее Мертон описывал ту же ситуацию, но уже с позиции старшего поколения: «Некоторым из патриархов, имеющих прочный научный авторитет, может не слишком импонировать перспектива присутствия в собственном или соперничающем научном подразделении чересчур умных молодых сотрудников, которые, как они подозревают, могут вынудить их до срока уйти на пенсию или повредить их репутации в глазах коллег, хотя всем совершенно ясно, что сами они всё ещё находятся в превосходной форме»¹⁷.

Внеаучные обстоятельства Мертон связывал с социальной сферой, указывая на «популистские соображения и демократические ценности», которые, по его мнению, «заставят государство более равномерно расточать свои щедроты и тем самым противодействовать накоплению преимуществ в крупнейших научных и учебных центрах»¹⁸. Проявление «эффекта Матфея» было отмечено автором в наукометрии. Авторитет уже ставшего известным в научных кругах исследователя начинает приносить плоды, и уровень цитированности его работ с неизбежностью будет превосходить показатели аналогичных, а возможно, и более ценных работ малоизвестного учёного. Однако здесь тоже положение не является незыблемым и ограничено названными ранее факторами.

Таким образом, «эффект Матфея», предложенный американским социологом для описания неравномерности накопления преимуществ в сфере науки, никогда не рассматривался им как явление, столь же неотвратимое, бесконечное и вечное, как древнегреческая Немезида. Напротив, Мертон показал пределы его влияния и противодействующие ему силы.

Насколько же «эффект Матфея» применим к постреволюционному периоду развития советской исторической науки? Прежде всего следует понять, как изменился (и изменился ли) «символический статус» историка «старой школы», какие он давал (и давал ли вообще) преференции, какими путями шло

¹⁴ Там же. С. 260.

¹⁵ Там же. С. 256.

¹⁶ Там же. С. 268.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. С. 269.

накопление преимуществ у молодых историков-марксистов, как «эффект Матфея» сказался (и сказался ли) на взаимоотношениях двух первых поколений советских историков – «старой» и «красной» профессуры, какие силы в научной сфере (и вне её) способствовали и препятствовали этим процессам.

Обратимся к опубликованным Долговой документам (в том числе комментированным в статье), связанным с жизнью и научно-преподавательской деятельностью Кареева, привлекая по мере необходимости другие свидетельства бытия отечественной исторической науки и её деятелей в первые десятилетия XX в. В биографическом очерке утверждается, что после 1917 г. показатели экономического и социального положения, научной активности Кареева, понимаемой автором как возможность публикации книг, ведения преподавательской деятельности, условий продвижения по иерархической лестнице, не претерпели существенных изменений. Прежним остался и круг общения учёного¹⁹. Более того, проведённое исследование убедило Долгову в том, что «символический статус учёного» предоставил Карееву определённый иммунитет, защищая от репрессивных акций, обеспечивал «некоторую привилегированность его положения в условиях 1920-х гг.»²⁰.

В качестве доказательства в книге приведены факты, характеризующие социально-экономическое положение Кареева в годы советской власти. Долгова упоминает о сохранении у него в условиях повсеместного жилищного уплотнения дополнительной комнаты, об удовлетворении «прошений учёного о повышении довольствия и денежного обеспечения, снижении обязательного для всех “революционного” налога», о предоставлении взамен конфискованного у историка смоленского имения подмосковной дачи и проч.²¹ На основании этих данных автор делает вывод: «После 1917 г. Карееву были предоставлены возможности как для ведения научной работы, так и для последующего получения материального вознаграждения за неё»²².

Не останавливаясь на том, насколько справедливо данное заключение, обратимся к свидетельствам других историков круга Кареева (где представлена бытовая сторона их жизни и научной деятельности), а также к воспоминаниям и переписке самого учёного. В 1928 г. в «Автобиографической записке» академик С.Ф. Платонов писал: «Переворот 1917 г. и ломка старого строя, начатая в 1918 году, пощадили меня и мою семью, и среди общих лишений, испытанных русским обществом в период блокады и голода, я не потерял своей библиотеки и привычной оседлости. Я мог продолжать преподавание в Университете и написал свою монографию о Борисе Годунове, напечатанную в 1921 г.»²³. В этих строках присутствует неявное противопоставление своих относительно благополучных обстоятельств тяжёлым материальным условиям, в которых оказались многие коллеги учёного в первые годы советской власти.

Ю.В. Готьё, например, отразил в дневнике процесс уплотнения, который испытала его семья. «Сегодня я в последний раз пишу в своём кабинете, в котором работал пять лет»²⁴, – констатировал он 8(21) марта 1918 г. Следующий

¹⁹ Учёный в эпоху перемен... С. 6–7.

²⁰ Там же. С. 60–61.

²¹ Там же. С. 61.

²² Там же.

²³ Академическое дело 1929–1931 гг. Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. Вып. 1. СПб., 1993. С. 284.

²⁴ Готьё Ю.В. Мои заметки. М., 1997. С. 124.

день профессора Московского университета был заполнен иными делами: «Весь день в суматохе с переносом вещей в квартире. К вечеру более или менее убрались, имея уже не пять комнат, а три, и начали новую полупролетарскую жизнь. Жильцы въехали вечером; пока кажется, что будем ладить»²⁵. Через год квартирное пространство ещё сузилось: «Два дня прошли в переезде, — отметил Готье 14(27) февраля 1919 г., — и вот мы теперь стеснены в 2-х комнатах, в которых еле помещается та часть имущества, которая нам необходима для жизни»²⁶.

Появление новых жилищных норм как результат социальной политики власти, направленной на уравнивание условий проживания и внедрение коммунального стиля жизни, а также как вынужденная мера, призванная справиться с последствиями наплыва населения в крупные города, в той или иной степени коснулось многих учёных. О «жилищном вопросе», который так точно и ёмко охарактеризовал М.А. Булгаков, они знали не понаслышке, защищая с разной степенью успеха свои права на привычный образ жизни, отражая, как булгаковский профессор Преображенский, натиск Швондера и олицетворяемых им сил.

Дневник Готье в отдельных местах почти текстуально совпадает с диалогами повести Булгакова «Собачье сердце». Возмущение Юрия Владимировича превращением своей квартиры в коммунальную, что сократило не только жизненное пространство для его семьи, но явилось прямой помехой для его научной работы, вылилось в горькую сентенцию: «Извольте при таких условиях заниматься и двигать науку, т.е. исполнять ту обязанность, которую с нас не снимают и большевики»²⁷. Как тут не вспомнить известную сцену визита незваных «гостей» под водительством Швондера к профессору Преображенскому и состоявшийся между ними разговор. На требование «уплотниться» последовала гневная реакция Преображенского:

«— Довольно! Я понял! Вам известно, что постановлением от двенадцатого сего августа моя квартира освобождена от каких бы то ни было уплотнений и переселений?

— Известно, — ответил Швондер, — но общее собрание, рассмотрев ваш вопрос, пришло к заключению, что в общем и целом вы занимаете чрезмерную площадь. Совершенно чрезмерную. Вы один живёте в семи комнатах.

— Я один живу и работаю в семи комнатах, — ответил Филипп Филиппович, — и желал бы иметь восьмую. Она мне необходима под библиотеку.

Четверо онемели»²⁸.

В том, что такие диалоги не были чем-то исключительным, убеждают страницы эго-документов русских историков. С.Б. Веселовский в записи от 19 января 1920 г. подробно рассказал, как Татариновку, подмосковное имение его семьи, ставшее в годы Гражданской войны приютом и источником пропитания не только для большой семьи учёного, его матери, но и для многих родственников, в 1918 г. «ревизовал» один из членов местного Совета депутатов. Он осмотрел сад, пруд, питомник, огород, пчельник, лесные посадки, лес, постройки и проч., которым, писал Степан Борисович, всегда требовался заботливый уход. «И был очень удивлён, — отметил историк, — когда узнал, что всего 15 лет тому

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. С. 266.

²⁷ Там же.

²⁸ Булгаков М.А. Собр. соч. В 5 т. Т. 2. М., 1989. С. 136.

назад здесь было дикое место: лес, овраг и корявые кусты». Он видел ясно, подчеркнул Веселовский, что в это хозяйство было вложено не только много денег, но и его «личных сил, любви и забот». Против ожидания, посетитель «вообще не сделал нам никакого зла», писал Степан Борисович, казался «вежливым, благодушным и добродушным»²⁹.

Однако данное заключение оказалось не вполне верным. Через несколько дней студент-репетитор сыновей Веселовского на железнодорожной станции повстречался с тем самым проверяющим. Между ними состоялся разговор, который студент передал Степану Борисовичу, а тот сохранил его в своём дневнике:

- «— Ну, что ваш профессор, всё роется в огороде и возится с пчёлами?
- А хороший у вас уголок! Так и чешутся руки его ликвидировать.
- Т.е. как, для чего это нужно?
- Да, так. Не могу видеть, когда буржуи так хорошо устраиваются»³⁰.

Веселовский сознавал, что такие настроения были характерны не только, как он писал, для «правовверных большевиков», они распространились в «массе населения, даже отчасти и интеллигенции»³¹. Тем не менее намерения местных властей по экспроприации имения не были осуществлены. Как вспоминала племянница Степана Борисовича Н.К. Веселовская, «татаринская дача... была оставлена за Веселовским, как крупным учёным, по специальному списку, подписанному Лениным. Дом в 10 комнат, надворные постройки, фруктовый сад, огород, надел пашни в поле и луга для покоса, 2 коровы, 2 лошади, овцы и куры, а также большая пчелиная пасека — всё это было оставлено для семьи, которая должна была вести хозяйство своим трудом, без наёмной силы»³².

Однако сохранить имение семье учёного не удалось. По свидетельству Веселовской, во второй половине 1920-х гг. «Татаринку вообще бросили, вывезя из неё всю мебель и библиотеку»³³. Это было вполне закономерно. Угроза голода была позади, а совмещать научно-преподавательскую деятельность с работой в хозяйстве, без наёмных работников, было просто невозможно. Последним аккордом стала, по всей вероятности, коллективизация сельского хозяйства, решение о которой было принято на XV съезде ВКП(б) в 1927 г.

Имение Кареева постигла та же участь, но ранее. Уже летом 1919 г. его семья, переехавшая в своё бывшее смоленское владение Аносово, чтобы как-то «подкормиться», даже собственный усадебный дом делила «с каким-то учреждением вроде военного комиссариата»³⁴. Всё хозяйство отобрали: имение стало, как писал Николай Иванович, «совхозом», а он с семьёй жил в доме «с разрешения совдепа или его “исполкома”»³⁵.

Во время пребывания там случилась «маленькая передряга», к которой Кареев отнёсся «больше комически, чем трагически»: четыре дня он с семьёй пробыл под домашним арестом как бывший помещик, подлежащий немедленному выдворению³⁶. Это событие через несколько лет имело продолжение. Дом

²⁹ Дневники С.Б. Веселовского 1915–1923, 1944 годов // Вопросы истории. 2000. № 9. С. 115.

³⁰ Там же.

³¹ Там же.

³² С.Б. Веселовский. Семейная хроника. Три поколения русской жизни. М., 2010. С. 417.

³³ Там же. С. 484.

³⁴ Кареев Н.И. Прожитое и пережитое / Сост. В.П. Золотарёв. Л., 1990. С. 277.

³⁵ Там же. С. 277.

³⁶ Там же. С. 278.

Кареевых был национализирован, что очень ранило историка. «Там я играл ребёнком, там юношей зачитывался книгами, там написал многое из того, что печатал», — писал Николай Иванович И.М. Гревсу 23 июля 1927 г.³⁷ «Теперь мне туда не поехать, а я так надеялся, что можно будет на лето уезжать туда», — продолжал Кареев³⁸. Предоставление ему после многочисленных хлопот дачи под Москвой могло решить проблему летнего отдыха, но не более. Суть была в ином, считал учёный: «Всё более и более разрываются связи с прошлым»³⁹.

Вопрос о довольствии и денежном вознаграждении «старой» профессуры в условиях победившей пролетарской революции также требует к себе более взвешенного подхода. Известно, что профессия историка и в условиях царской России не сулила чрезмерного материального обеспечения. 7 декабря 1892 г. в письме матери А.Е. Пресняков, ещё только собиравшийся начать учёную карьеру, описывал её возможности с житейской точки зрения. «Ни магистерство, ни докторство, ни доцентура не составляют того, что мы зовём “положением”, не дают обеспечения», — рисовал он перспективы своего будущего занятия, признавая, однако, что «их практичность в рекламе — в большей лёгкости попадать в различные столичные учебные заведения»⁴⁰, имея в виду гимназии, училища, Высшие женские курсы и т.п.

Историков, имевших независимые от профессии источники дохода, было мало. В сообществе московских историков выделялся, например, С.В. Бахрушин, происходивший из богатой семьи фабрикантов, владельцев доходных домов, известных своим меценатством, или Веселовский, который в глазах части коллег был «чудаком», «сидящим в архивах», «когда мог бы кататься на автомобилях, пить шампанское и путешествовать в тёплых краях»⁴¹.

подавляющая часть профессуры жила на жалованье за преподавательский труд и гонорары за публикации. В начале ещё благополучного 1913 г., высказывая Веселовскому сомнения в его предположении о возможности издания научными работниками своих трудов за собственный счёт, Пресняков риторически восклицал: «Не живёт ли большая их часть — за редкими исключениями — заработком»⁴², при котором свободных денег оставалось совсем немного. Впрочем, имевшиеся средства позволяли историкам вести достойную жизнь, принятую в профессорской среде, хотя и не роскошествовать.

Годы революции и Гражданской войны стали для учёных серьёзным испытанием. Лишения шагнули далеко за грань материально и физически тяжёлых, но всё же восполнимых потерь. Они породили и питали глубокий социальный и духовный пессимизм. В январе 1919 г. Веселовский так описывал состояние профессуры Московского университета и его бывшего ректора М.К. Любавского: «Все ходят и держат себя, как приговорённые к медленной, но неминуемой смерти. Некоторые поддерживают ещё с трудом свой туалет, но другие уже не скрывают своей нужды и полного упадка духа. Очень тяжело приходится

³⁷ Учёный в эпоху перемен... С. 243.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Александр Евгеньевич Пресняков. Письма и дневники. 1889–1927. СПб., 2005. С. 66.

⁴¹ Дневники С.В. Веселовского 1915–1923, 1944 годов // Вопросы истории. 2000. № 2. С. 100.

⁴² А.Е. Пресняков — С.В. Веселовскому. СПб., 9 января 1913 г. // Переписка С.В. Веселовского с отечественными историками. М., 2001. С. 216.

Любавскому. Он сам готовит себе пищу, вероятно, сам стирает бельё и т.д.; ходит нестриженный и непричёсанный»⁴³.

14 января 1920 г., когда уровень лишений продолжал расти, Веселовский писал: «Впоследствии историки будут спорить, как историки Парижской коммуны, был ли в России голод во время революции и анархии. Весь спор станет бессмысленным, если определить, что считать голодом. Если под голодом понимать такой продолжительный недостаток в пище, от которого человек бессильно падает и умирает от истощения, то такого голода пока нет»⁴⁴. Весной Степан Борисович вновь вернулся к этой теме. Он записал впечатления от поездки в Москву для получения положенного ему профессорского пайка (сам он в то время вместе с семьёй жил в подмосковном имении, проявляя большую заботу о натуральном хозяйстве, позволявшем противостоять голоду).

Веселовский отметил и физический, и моральный ущерб, понесённый его коллегами и их семьями: «Как все похудели, постарели, осунулись. У некоторых вид совершенно разбитых людей, ходят как тени... Почти все, с кем пришлось говорить, находятся в состоянии какой-то безнадёжности. Не только на поворот, но и на улучшение никто в ближайшем не надеется. Истощение и усталость так велики, что большинство даже не интересуется никакими политическими известиями и слухами»⁴⁵. Он с тревогой ожидал последствий полуголодного существования и духовной апатии коллег. «Ещё такой год и от верхов русской интеллигенции останутся никуда не годные обломки – кто не вымрет, тот будет на всю жизнь разбитым физически и духовно человеком», – предрекал он⁴⁶. Причём главной причиной такого положения дел историк называл не сам голод и хозяйственную разруху: они переносились бы легче, если бы были вызваны военным вторжением в Россию или природными, а не социальными катаклизмами.

Кстати сказать, многие историки «старой школы» не разделяли восторженного отношения большинства русской интеллигенции к революции. Это проявилось не только в отношении Октября. Обсуждая с Платоновым события Февральской революции, Веселовский 5 апреля 1917 г. отвечал своему респонденту: «Как я пережил последний месяц? В общем – как все. Разница, пожалуй, та, что не поддерживала и не поддерживает вера в возрождение, в поворот к лучшему». Сознаваясь в своём пессимизме, Степан Борисович писал, что «некоторым оправданием или смягчающим обстоятельством» ему служило то, что он «стал пессимистом давно, ещё с 1904–1905 года»⁴⁷.

В ответном письме Платонов признался: «Пессимист и я»⁴⁸. Далее он пояснил, что именно отвращало его от революции. Его не пугали «теоретические кликуши» (так историк именовал революционных лидеров). Главные опасения Платонова были связаны с проявлением народного бунта. Он видел угрозу в ставшей очень заметной «стихии» некультурной и слепо-злой

---

⁴³ Дневники С.Б. Веселовского 1915–1923, 1944 годов // Вопросы истории. 2000. № 8. С. 87; см. также: *Сидоров А.В., Старостин Е.В.* Любавский Матвей Кузьмич // Историки России. Биографии / Отв. ред. А.А. Чернобаев. М., 2001. С. 372–373.

⁴⁴ Там же. С. 114.

⁴⁵ Там же. С. 131.

⁴⁶ Там же. С. 131–132.

⁴⁷ С.Б. Веселовский – С.Ф. Платонову. Москва, 5 апреля 1917 г. // Переписка С.Б. Веселовского с отечественными историками. С. 188.

⁴⁸ С.Ф. Платонов – С.Б. Веселовскому. Петроград, 12 апреля 1917 г. // Там же. С. 189.

и эгоистичной»⁴⁹, противостоять которой было невозможно. «Ну, да что же можно делать нашему брату, кабинетному человеку, в настоящую минуту? — признавался Сергей Фёдорович в собственной, как и прочих учёных, беспомощности, и делал вывод: — Только ждать»⁵⁰.

Для Веселовского и многих других представителей «старой» профессуры первые послеоктябрьские годы были «хуже самого жестокого иноземного завоевания и рабства, хуже каторги». Их мироощущение было подчас трагическим. «Не только разбито всё, чем мы жили, но нас уничтожают медленным измором физически, травят как зверей, издеваются, унижают, — писал Степан Борисович и подчёркивал, что этот урон невосполним даже в эмиграции: — Кто может, бежит, но ведь это тяжёлое изгнание»⁵¹.

В своём дневнике он оставил зарисовки виденных им сцен из «новой» жизни «старой» профессуры. Стоя в большой очереди у лавки «бывшей Бландова»⁵² вместе с другими учёными, их жёнами и родственниками за профессорским пайком, Веселовский наблюдал, «с какой нервностью и нетерпением» все ждали очереди, «переспрашивали друг у друга, как и что дают, с какой лихорадочной поспешностью укладывали и уносили полученное, как бы боясь, что кто-нибудь отнимет, и не веря своему счастью»⁵³. «У стоявших около прилавка, — продолжал Степан Борисович свой рассказ, — загорались глаза при виде больших кругов масла, бочек простых селёдок, которых раньше не стала бы есть прислуга, мешков плохой муки и прочих давно недоступных в достаточном количестве товаров»⁵⁴. «До чего измучились и изголодались люди!», — подвёл неутешительный итог Веселовский⁵⁵.

Кареев в своих записках также описал невзгоды, выпавшие в те годы на долю его и всей его семьи. «Питание ухудшалось не только качественно, но и количественно, — вспоминал он. — Чувствовалось постоянное недоедание, сопровождавшееся физической слабостью»⁵⁶. Весной 1919 г. с ним вне дома случилось «нечто вроде обморока», а когда вся семья Кареевых летом того года приехала в своё имение Аносово, их не узнавали: до такой степени они похудели. Сам Николай Иванович «потерял до трети своего веса»⁵⁷.

К окончанию Гражданской войны материальное положение историков «старой школы» начало постепенно улучшаться. Исключительную роль сыграла созданная в 1921 г. по инициативе М. Горького ЦеКУБУ — Центральная комиссия по улучшению быта учёных при Совнарком РСФСР. Однако в системе поощрения учёных, складывавшейся с начала 1920-х гг., были не только положительные стороны. Исследовав данную проблему, Н.Л. Пушкарёва справедливо подчеркнула, что политика советской власти по предоставлению льгот научным работникам не имела целью «подавления индивидуальной воли путём прямого подкупа», но вместе с тем отметила: «Три первых десятилетия

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Дневники С.Б. Веселовского 1915–1923, 1944 годов // Вопросы истории. 2000. № 9. С. 131–132.

⁵² В конце XIX — начале XX в. «Бландов и К^о» — крупнейшая в России сеть магазинов по продаже молочных продуктов и сыров.

⁵³ Дневники С.Б. Веселовского 1915–1923, 1944 годов // Вопросы истории. 2000. № 9. С. 132.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. С. 272.

⁵⁷ Там же.

истории советской науки явили во многом неприглядную картину того, как научные структуры служили средством реализации далёких от науки задач – распределительных, воспитательных, контрольно-репрессивных»⁵⁸.

Опыт физического выживания в условиях угрозы голода, экономическая зависимость учёных от государственной политики в области науки не могли пройти бесследно, как и страх от репрессивных акций властей, применявшихся к историкам «старой школы» в первые постреволюционные годы и на исходе 1920-х гг. В июне 1919 г. петербуржец Н.П. Лихачёв в письме своему московскому коллеге А.В. Орешникову написал, что теперь понял, «что такое ночные страхи и холодный пот»⁵⁹. Причин для этого было предостаточно. Опасения Лихачёва вскоре получили под собою и личные основания – в июле того года был обыск в квартире его тёщи. Об этом упомянул Орешников в дневнике, сообщив также, что «в Москве всюду обыски»⁶⁰. На исходе лета 1919 г. они стали особенно интенсивными, случались и аресты.

Веселовский, заключённый в «Бутырки» вместе с сыном Всеволодом и другими ведущими профессорами-историками, пришедшими 31 августа 1919 г. на вечер к Д.М. Петрушевскому, был вынужден через оставшегося на свободе А.И. Яковлева искать заступничества у Д.Б. Рязанова, под началом которого сотрудничал в Главархиве⁶¹. Данный инцидент окончился относительно благополучно, если не принимать во внимание то, как он отразился на здоровье и состоянии духа тех историков, с которыми случился. Так, М.М. Богословский, находивший в числе тех арестованных профессоров, после недельного пребывания в «Бутырках» был вынужден отправиться в подмосковный санаторий для восстановления физических и моральных сил⁶². Там он вёл по обыкновению дневник, превратившийся, по его словам, в «унылые санаторные записи»⁶³. «То, что хотелось бы написать, не напишешь, а то, что записываешь – однообразно», – подвёл Михаил Михайлович неутешительный итог, который был совершенно предсказуем в обстановке ожидания возможных новых арестов⁶⁴.

Карееву также пришлось пережить вторжение в своё жилище красногвардейцев, искавших оружие. Он описал, как в один из послереволюционных дней к нему домой явились трое молодых матросов, из которых один, «сильно нетрезвый», держа револьвер против лба Николая Ивановича, «настойчиво требовал выдачи оружия», никогда «в заводе не бывшего» у историка. Чтобы выйти из непредсказуемой ситуации, Карееву «пришлось божиться», что у него «нет ничего, и подтвердить божбу крестным знаменем, подействовавшим на матроса умиротворяющим образом, но не помешавшим ему тут же попросить сколько-нибудь денег»⁶⁵.

⁵⁸ *Пушкарёва Н.Л.* Когда зарплаты были большими: материальное поощрение учёных в 1921–1953 гг. // *Российская история.* 2016. № 6. С. 82.

⁵⁹ Н.П. Лихачёв – А.В. Орешникову. 17(4) июня 1919 г. // *Река Времён (Книга истории и культуры).* Кн. 2. М., 1995. С. 168–169.

⁶⁰ *Орешников А.В.* Дневник. 1915–1933. В 2 кн. / Отв. ред. П.Г. Гайдуков. Кн. I. М., 2010. С. 216.

⁶¹ С.Б. Веселовский – А.И. Яковлеву. 1 сентября 1919 г. // *Переписка С.Б. Веселовского с отечественными историками.* С. 465.

⁶² *Богословский М.М.* Дневники (1913–1919): Из собрания Государственного Исторического музея. М., 2011. С. 459–461.

⁶³ Там же. С. 461.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ *Кареев Н.И.* Прожитое и пережитое. С. 262.

Обыски, аресты и экспроприации могли закончиться и трагически. В примечаниях к публикации дневника Веселовского А.Л. Юрганов упоминает о том, что «сын Любавского, Валентин, 17 лет, был расстрелян “за хранение оружия” – пистолета»⁶⁶. Он был приятелем сыновей Веселовского, один из которых, Евгений, осенью 1935 г. был арестован и осуждён на 10 лет по 58-й статье⁶⁷. Таких фактов было, к сожалению, немало. Отсюда понятно, что страх политических преследований составлял неотъемлемую часть мироощущения «внутренних эмигрантов», к каковым причисляли себя многие историки «старой школы».

Своё заключение о «символическом статусе» учёного как гаранта его положения в новом обществе Долгова распространяет не только на социальную и бытовую стороны жизни историков, но и на профессиональную. Она пишет, что «нет однозначных и убедительных свидетельств о том, что, обеспечив учёного в социально-экономическом плане, власть сузила для него как представителя “буржуазной профессуры” возможности ведения педагогической и научно-исследовательской работы»⁶⁸.

Высказывания самого Кареева находятся в противоречии с данным тезисом. В его воспоминаниях говорится, что в постреволюционные годы он «всё-таки работал», но подчёркивается, что, «конечно, не так, как желал бы и как мог бы это делать при более благоприятных обстоятельствах»⁶⁹. Главной причиной, тормозившей его исследовательскую деятельность, Кареев считал нарушение контактов с европейской наукой, наличие которых для него, как социолога и специалиста по истории Франции, было крайне важно и необходимо. «Вся наша житейская обстановка сложилась так, что мы очутились отрезанными от научного движения на Западе», – констатировал он⁷⁰. Недоступными стали не только заграничные поездки. Почти совершенно прекратилось, писал Кареев, получение из-за границы научных книг и журналов. В итоге «отчасти и по отсутствию нового материала, отчасти и по другим причинам» историку «оставалось главным образом перетряхивать старый материал для новых книг и статей, имея в виду и заработок»⁷¹.

С публикацией своих работ историкам «старой школы» также было непросто. Любопытное признание сохранил дневник историка-марксиста С.А. Пионтковского. Подводя некоторые итоги 1928 г. для советской исторической науки, он критиковал М.Н. Покровского за «совершенно ошибочное и совершенно неверное» заявление, что «в области русской истории буржуазия повержена в прах»⁷². «Верно только то, – писал Пионтковский, – что буржуазные русские историки ничего не печатают, вернее, они много пишут, но им не печатают готовых работ»⁷³.

Сужение научного и издательского поля исследователя не было адресным, направленным непосредственно на Кареева или любого другого представителя «старой» профессуры. Однако оно было прямым следствием характера развития отечественной исторической науки в 1920–1930-е гг. В качестве единственного «цензурного казуса» Долгова называет историю с публикацией работы

⁶⁶ Дневники С.Б. Веселовского 1915–1923, 1944 годов // Вопросы истории. 2000. № 9. С. 133.

⁶⁷ С.Б. Веселовский. Семейная хроника... С. 484.

⁶⁸ Учёный в эпоху перемен... С. 61.

⁶⁹ Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. С. 274.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Там же.

⁷² Дневник историка С.А. Пионтковского (1927–1934) / Отв. ред. А.Л. Литвина. Казань, 2009. С. 112.

⁷³ Там же.

Кареева «Общая методология гуманитарных наук» (1924)⁷⁴. Одновременно исследователь признаёт, что записные книжки историка свидетельствуют о снижении его творческой активности после 1924 г.⁷⁵

Таким образом, при отсутствии видимых препон со стороны новой власти свёртывание научной деятельности Кареева и ослабление его «символического статуса» Долгова трактует как «естественный процесс смены научных поколений»⁷⁶. Думаю, что именно здесь и кроется основное противоречие в предложенной ею трактовке. Характер отношений двух основных поколений историков, работавших в советской исторической науке в первые послереволюционные десятилетия, — «старой» и «красной» профессуры — был, в духе времени, не эволюционным, а революционным, очень далёким, на мой взгляд, от «естественного». Возвращаясь к «эффекту Матфея» Мертона, к которому апеллирует Долгова, подчеркну, что его плодами с начала 1920-х гг. всё активнее и активнее пользовались именно молодые историки-марксисты, которые пестовались в новых и обновлённых учебных заведениях.

Учёным «старой» школы оставалось с тревогой наблюдать за подготовкой следующей генерации исследователей, сознательно формируемой как противовес и смену поколения буржуазных историков. Описывая 2 января 1919 г. предложенную Покровским программу реформирования учебного процесса в Московском университете, Веселовский характеризовал её как «наивную и тенденциозную смесь разных предметов», похожую на «постановление митинга гимназистов и недоучившихся революционеров-интеллигентов». Его конечный вывод гласил: «Это программа расширенной школы пропагандистов революции, носящая печать невежества и глубокого неуважения к науке и непонимания её нужд»⁷⁷.

Осуществление такой программы с неизбежностью отражалось на положении преподавательского корпуса. «Старая» профессура, пережившая в своё время министерство Л.А. Кассо, ожидала гонений на неугодных преподавателей. 27 февраля 1919 г. Веселовский рассказал в дневнике об очередном заседании учёного совета юридического факультета Московского университета, на котором обсуждался предложенный Покровским (тогда заместителем народного комиссара просвещения) состав профессоров и преподавателей. В своих предположениях профессора не ошиблись. «Неутверждения и устранения тех или иных лиц по своим мотивам те же, что при Кассо, — так охарактеризовал Степан Борисович сложившуюся ситуацию и подвёл итог: — Тот же дырявый Тришкин кафтан, только вывернутый наизнанку»⁷⁸.

В 1920-х гг. политизация высшей школы шла рука об руку с процессом создания марксистских учебных заведений. Покровский в лекции, прочитанной перед слушателями Коммунистического университета им. Г. Зиновьева в мае 1923 г., акцентировал внимание на противоположности старых и новых университетов. Коммунистические университеты, по его словам, — «новая школа общественных наук, о которой мы до сих пор только мечтали». Характеризуя их специфику, лидер историков-марксистов сказал: «Уже сейчас вы представляете совершенно своеобразное, оригинальное, не по какому-нибудь плану выдуманное, но созданное, действительно, самой жизнью, самой стихией

⁷⁴ Учёный в эпоху перемен... С. 61.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Там же. С. 62.

⁷⁷ Дневники С.Б. Веселовского 1915–1923, 1944 годов // Вопросы истории. 2000. № 8. С. 86.

⁷⁸ Там же. С. 90.

революции учреждение, которое уже теперь является образцом, по которому мы планируем будущие факультеты общественных наук. Вы и есть, собственно, тот факультет общественных наук, о котором мы мечтали»⁷⁹.

Покровский подчеркнул, что новые марксистские вузы были ещё не в состоянии самостоятельно готовить достаточное количество специалистов-обществоведов. Поэтому «мы вынуждены», сетовал он, «сохранить старые факультеты общественных наук, понемногу коммунизируя, я бы сказал, свердловизируя и зиновьевизируя их снизу»⁸⁰. Решение проблемы Покровский видел в преобразовании факультетов общественных наук классических университетов по образу и подобию коммунистических университетов – им. Я.М. Свердлова в Москве и им. Г.Е. Зиновьева в Ленинграде.

В реформе высшей школы он делал акцент на содержании образования и социальном составе студентов. «Из Зиновьевского и Свердловского университета выйдет та новая школа общественных наук, которая будет, действительно, марксистской, не потому, что там преподают марксисты, а потому, что там немислима будет никакая история, кроме марксистской, и никакое студенчество, кроме пролетарского», – считал Покровский⁸¹.

Допускалось и использование конкретных знаний немарксистских историков, продолжавших преподавательскую деятельность, однако не они, по Покровскому, должны были составить ядро советской профессуры. Его предстояло сформировать из молодых историков-марксистов, начинавших научную и преподавательскую деятельность с сознательного отрицания наследия и опыта историков «старой школы». Это поколение историков воспринимало историческую науку как «самую политическую науку из всех существующих»⁸². Его ярчайшей представительницей была А.М. Панкратова. Впоследствии она утверждала, что историки-марксисты претворяли в жизнь «большую партийную задачу – подготовить себя как марксистски выдержанную профессуру для наших советских вузов, где орудовали враждебные нашему делу старые буржуазные профессора, либо саботировавшие, либо вредившие в то время нам, не желающие принимать ни нашего строя, ни нашей идеологии»⁸³.

Даже наиболее лояльные и «социально близкие» (так было принято говорить в 1920-е гг.) к старшему поколению молодые историки, к числу которых можно отнести и М.В. Нечкину, демонстрировали разочарование в дореволюционной науке. Её дневник отразил процесс нарастания неудовлетворённости «профессорской наукой». «Вся трагедия нашей науки состоит в том, что в ней масса противоположных мнений кажется одинаково возможной, – писала она, в то время слушательница Казанского университета, 6 ноября 1919 г. – В ней есть страшная возможность доказывать и утверждать противоположное. И сейчас же, во время записи, в мысли приходит вопрос о методологическом основании. Прямо тоска по методу поднимается в душе. И, главное, не по тому методу, который даётся профессорами на практических занятиях, а по какому-то другому. Тот метод, который преподносят нам, даёт возможность доказать

⁷⁹ Покровский М.Н. Борьба классов и русская историческая литература. Лекции, читанные в Коммунистическом университете имени тов. Зиновьева 3–7 мая 1923 г. Пг., 1923. С. 5.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ Там же. С. 6.

⁸² Покровский М.Н. Историческая наука и борьба классов. Вып. 2. М.; Л., 1933. С. 360.

⁸³ Архив РАН, ф. 697, оп. 2, д. 186, л. 29.

противоположное. Я всё это ещё очень смутно сознаю, но знаю, что меня не удовлетворяет он, что мне хочется чего-то другого»⁸⁴.

Растущее убеждение Милицы Васильевны «в шаткости» исторического метода учёных «старой школы» и «необходимости работать как-то иначе»⁸⁵ перерастало в желание обрести единственно верное, истинное знание. Этот путь, как ей виделось, пролегал через изучение «сначала политической экономии, потом теории экономического материализма», «во имя утверждения методических приёмов, по которым я тоскую»⁸⁶, заключала она.

1 июля 1920 г. Нечкина подвела итог своему освоению новой методологии исторического исследования. «Для меня открылся в истории целый мир после знакомства с экономическим материализмом. Я как будто прозрела. Я поняла, что такое процесс, и увидела его там, где раньше видела или пустоту, или личность», — отметила она в дневнике⁸⁷. Утверждение в правильности избранного метода сказалось на её оценке университетской профессуры. 27 ноября 1920 г. Нечкина охарактеризовала её предельно жёстко: «Каста, мертвечина и личные счёты»⁸⁸. Экономический материализм привёл её к школе Покровского, о чтении «чудных, живых страниц пятитомной истории»⁸⁹ которого она сообщила 17 июня 1920 г., а в 1922 г. в Казани увидела свет её первая книга — «Русская история в освещении экономического материализма: Историографический очерк», в которой она с позиций этого научного подхода анализировала труды отечественных исследователей по истории России.

В условиях превалирования общественного интереса к марксистской методологии, которая стала краеугольным камнем политики власти в области исторической науки, учёные, работавшие в традициях дореволюционной историографии, неизбежно оказывались в стороне от поддерживавшегося государством направления развития исторических исследований. В этой связи требует уточнения вопрос о возможности реализации в советский период научного потенциала Кареева (как и других историков «старой» школы). Его нельзя решить без учёта влияния морально-психологического фактора на исследовательскую работу учёного. Сохранение относительного физического и материального благополучия того или иного историка нельзя рассматривать в отрыве от духовной стороны жизни русских историков «старой школы».

В воспоминаниях Кареева прямо указывается на изменение его мироощущения в постреволюционный период. «Не столько мои годы, сколько внешние обстоятельства превратили меня из участника жизни только в её созерцателя, с чем тоже пришлось примириться», — писал учёный⁹⁰. Кареев ощущал своё отчуждение от появившихся новых идей, людей, учреждений, изданий и видел, что оно не было односторонним. «Кажется, с обеих сторон одинаково не было желания знакомиться», — делал вывод историк, констатируя, что «для новых общественных единений» он оказывался «неподходящим»⁹¹.

---

⁸⁴ «...И мучилась, и работала невероятно»: Дневники М.В. Нечкиной / Отв. ред. Е.И. Пивовар, сост. Е.Р. Курапова. М., 2013. С. 103.

⁸⁵ Там же. С. 104.

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ Там же. С. 113–114.

⁸⁸ Там же. С. 120.

⁸⁹ Там же. С. 111; см.: *Покровский М.Н.* Русская история с древнейших времён. Т. 1–5. М., 1910–1913.

⁹⁰ *Кареев Н.И.* Прожитое и пережитое. С. 300.

⁹¹ Там же.

Образовавшаяся изоляция, хотя и не подкреплённая формальными запретами и ограничениями со стороны власти, приносила, тем не менее, свои плоды, снижая исследовательскую инициативу историка. Об этом можно судить, например, на основании его письма другому именитому исследователю, Гревсу, датированного 23 июля 1927 г. В нём Кареев сообщал о том, что в течение нескольких дней внимательно читал «большую книгу Бухарина об экономическом материализме»⁹².

Николай Иванович имел в виду неоднократно переиздававшуюся в 1920-е гг. работу Н.И. Бухарина «Теория исторического материализма: Популярный учебник марксистской социологии»⁹³. В рукописи своего неопубликованного труда «Основы русской социологии», в главе седьмой, посвящённой марксистской социологии, Кареев проанализировал учебник Бухарина в издании 1922 г.⁹⁴ Хотя его собственных научных взглядов эта книга «не переменяла», Кареев, считая Бухарина «не только учёным теоретиком, но практическим политическим деятелем», получившим высшее образование главным образом в эмиграции⁹⁵, отнёсся к книге серьёзно. Сначала историк намеревался выступить с развёрнутой рецензией на неё: «Думал даже написать её разбор», — сообщил он Гревсу⁹⁶. Но сам себя остановил, задавшись вопросом: «А *quoi bon?* (какой смысл. — *фр.*)», — так как не без оснований решил, что возможности обнародовать свои суждения у него не будет⁹⁷. Так и произошло. Анализ социологических взглядов Бухарина, выполненный Кареевым, стал достоянием науки спустя несколько десятилетий после смерти учёного.

Кстати, намерение обдумать и обобщить революционную теорию и практику, высказать своё мнение по ставшим такими актуальными вопросам посетило не только Кареева. 6 февраля 1919 г. Веселовский писал в дневнике: «За последнее время я много читаю по истории революций и социализма и обдумываю исследование по этим вопросам»⁹⁸. Работа не состоялась, и причины тому более чем очевидны. Маститые, но «буржуазные» профессора не могли нарушать монополии партийных историков и пропагандистов, безусловной в данной области.

Как бы ни был высок «символический статус» учёного, в условиях резкого размежевания поколений, отличавшего период становления и развития советской исторической науки в 1920–1930-е гг., он не давал гарантий сохранения авторитета в научном сообществе в целом и полнокровной исследовательской деятельности. Историки дореволюционной формации, оказавшиеся в одночасье «осколками старой школы», сталкивались лицом к лицу с проблемой упущенных научных возможностей.

Работы, выполненные в духе классической русской исторической науки, становились всё менее востребованными. Кареев остро переживал эту ситуацию. «Так обгоняла меня быстро текущая жизнь, так всё более сходил я с общественной сцены и даже при жизни начинал приходить в забвение», — сетовал он в воспоминаниях⁹⁹. «При создавшихся условиях стала невозможной

---

⁹² Учёный в эпоху перемен... С. 242.

⁹³ См., например: *Бухарин Н.И.* Теория исторического материализма: Популярный учебник марксистской социологии. Изд. 5. М.; Л., 1928.

⁹⁴ *Кареев Н.И.* Основы русской социологии. СПб., 1996. С. 324.

⁹⁵ Там же. С. 323.

⁹⁶ Учёный в эпоху перемен... С. 242.

⁹⁷ Там же.

⁹⁸ Дневники С.Б. Веселовского 1915–1923, 1944 годов // Вопросы истории. 2000. № 8. С. 88.

⁹⁹ *Кареев Н.И.* Прожитое и пережитое. С. 301.

даже простая перепечатка моих старых книг, наиболее ходких, как учебники истории, тем более что школьное преподавание истории было радикально реформировано», — писал Кареев¹⁰⁰. Положение осложнялось также тем, что известный историк не считал себя вправе «приспосабливаться и подделываться и хоть бы в мелочах с малейшим отречением от своего прежнего я»¹⁰¹.

Ослабление «символического статуса» имело под собой не только и не столько объективные причины, связанные с влиянием возраста учёного на его исследовательскую активность. Оно находилось в прямой зависимости от научной экспансии молодых историков-марксистов. Условия, подрывавшие авторитет «буржуазных» историков, служили укреплению новой марксистской когорты, для которой, по верному замечанию представителя «старой школы» Б.А. Романова, его поколение было «вредно своими сильными сторонами; и тем менее вредно, чем меньше в нём сильных сторон»¹⁰². Поэтому даже высочайший «символический статус» отдельного «буржуазного», а впоследствии, как оказалось, и марксистского учёного не мог гарантировать устойчивого и благоприятного положения в советской исторической науке 1920–1930-х гг.

Так, историки «старой школы», обладавшие громкими именами и авторитетом (С.Ф. Платонов, Е.В. Тарле, М.К. Любавский и многие другие), стали жертвами «Академического дела». Кстати, Долгова верно подметила, что готовность к компромиссу с новой властью не служила учёному охранной грамотой. Арестованный по «Академическому делу» Тарле явился как раз ярким примером такого положения дел. Свойственный ему конформизм («Сказали бы, что танцевать», — припоминали историки его фразу, демонстрировавшую способность адаптации Евгения Викторовича к концептуальным изменениям) не защитил известного учёного от репрессий¹⁰³.

Строки из заявления Тарле, сохранившегося в его следственном деле, как нельзя нагляднее раскрывают ситуацию. «Со мной, больным тяжёлой и мучительной болезнью, пожилым человеком, которого как-никак представители западной науки признают в печати “гордостью советской исторической науки”, — обращаются так, как обращались со мной сегодня», — с горечью писал Тарле 28 ноября 1930 г., находившийся к тому времени, говоря его собственными словами, уже «11-й месяц в каменном мешке»¹⁰⁴. «Неужели в самом деле я абсолютно не нужен советской власти», — недоумевал он, активно сотрудничавший со следствием и отмежёвывавшийся от Платонова и других историков, проходивших по «Академическому делу»¹⁰⁵.

В этих обстоятельствах становится понятной обострённая реакция Кареева на критику, прозвучавшую в его адрес на открытом заседании методологической секции Общества историков-марксистов, состоявшемся 18 декабря 1930 г.¹⁰⁶ На нём на примере историков Запада в СССР (Тарле, Петрушевского, Кареева,

¹⁰⁰ Там же. С. 300.

¹⁰¹ Там же. С. 301.

¹⁰² Екатерина Николаевна Кушева — Борис Александрович Романов. Переписка 1940–1957 годов. СПб., 2010. С. 87.

¹⁰³ Ганелин Р.Ш. Советские историки: о чём они спорили между собой. Страницы воспоминаний о 1940-х — 1970-х годах. СПб., 2004. С. 15.

¹⁰⁴ Заявление Е.В. Тарле С.Г. Жупахину 28 ноября 1930 г. // Академическое дело 1929–1931 гг. Документы и материалы следственного дела... Вып. 2. Ч. 2. СПб., 1998. С. 575.

¹⁰⁵ Там же.

¹⁰⁶ Буржуазные историки Запада в СССР (Тарле, Петрушевский, Кареев, Бузескул и др.) // Историк-марксист. 1931. Т. 21. С. 44–86.

В.П. Бузескула и др.) были подтверждены новые акценты во взаимоотношениях советских исследователей двух поколений, которые стали характеризовать историческую науку страны начиная с 1928 г.¹⁰⁷ Противоречия между «старой школой» и молодыми историками-марксистами были переведены из идеологических в политические. «Некоторые из вчерашних наших идейных противников стали деятельными участниками антисоветских организаций, вроде академика Тарле или Платонова», — говорил в своём выступлении Н.М. Лукин, сделавший вывод, что «таким образом грань между идеологией и политикой здесь совершенно стёрлась»¹⁰⁸.

Вместо получения юбилейных адресов по случаю своего 80-летия Кареев был вынужден составлять оправдательные письма, могущие оградить его от вероятных последствий таких упоминаний. «Одна из причин плохого сна в предыдущую ночь заключалась в думках о том, как реагировать на доклад Лукина (академика), который тебе известен из газеты», — писал учёный своему брату В.И. Карееву 29 декабря 1930 г.

Накануне он послал академику А.П. Карпинскому, президенту Академии наук СССР, и её неумолимому секретарю академику В.Л. Комарову письмо «с протестом против сближения с процессом Промпартии». В письме Кареев отмечал, что во всех его «писаниях он не может указать ни одного места, на котором отразились бы стремления господствовавших классов царской России», и что ряда его «работ антимарксистских в иностранной печати даже прямо и не существует»¹⁰⁹. Историк был также вынужден заниматься распространением своей позиции среди научной общественности, рассылая копии письма «некоторым знакомым академикам»¹¹⁰. Это испытание оказалось последним в жизни Кареева. Его, как и многих других представителей «старой школы», «символический статус» не защитил от политики власти в области исторической науки, олицетворённой в деятельности Покровского.

Но победа молодых историков-марксистов не стала полной и окончательной. Новый идеологический поворот, инициированный партийным руководством страны в середине 1930-х гг., потребовал авторитета и знаний уцелевших после «Академического дела» учёных. Власть продолжала называть их «буржуазными» и тем не менее должна была считаться с ними. Но возможность реализации учёными «эффекта Матфея» практически полностью находилась в руках властных структур. Поэтому его нельзя признать универсальным методом для объяснения положения историка в социальном и научном пространстве. Особенно это относится к переломным периодам истории, каковыми были первые послереволюционные десятилетия.

«Символический статус» «буржуазного» профессора в глазах большинства «красных профессоров» был поводом скорее для отторжения, чем для уважения и признания его заслуг. Вот как, например, историк-марксист Пионтковский в октябре 1927 г. отозвался о знатоке русского феодализма Бахрушине: «Огромный дядя с низеньким лбом, он как будто неплохо знает фактическую и документальную сторону русской истории, но ни черта не смыслит теоретически и лезет

¹⁰⁷ О значении 1928 г. в истории советской исторической науки см.: *Сидоров А.В.* Марксистская историографическая мысль 20-х годов. М., 1998. С. 156–189.

¹⁰⁸ Буржуазные историки Запада в СССР... С. 45.

¹⁰⁹ Учёный в эпоху перемен... С. 194.

¹¹⁰ Там же.

с остервенением в драку по всем вопросам»¹¹¹. Крайне пренебрежительная личностная оценка, зачисление в классовые враги, марксистские невежды и одновременно плохо скрываемая зависть к профессионализму Бахрушина — всё это отразило, как Пионтковский и многие другие представители историков-марксистов воспринимали учёных «старой школы» и каким видели их место в советской науке.

Историки марксистской генерации активно использовали административный ресурс, находя опору в партийно-государственной политике в области исторической науки. Накопление преимуществ у молодых историков-марксистов шло под лозунгом нейтрализации и вытеснения старшего поколения учёных. Провозглашая исключительно социологический метод изучения истории, ограниченный формационностью и классовостью, они отрицали отличавшие их предшественников многофакторный подход и первостепенное внимание к историческому факту.

Для «красных профессоров» преподававшие в РАНИОН блестящие русские историки — М.М. Богословский, М.К. Любавский, Д.М. Петрушевский, А.Е. Пресняков, А.Н. Савин и др. — были «алхимиками», которые «варят историю о том, сколько пуговиц было на штанах у Петра Великого»¹¹². Кивок Пионтковского, которому принадлежали эти слова, в сторону крупнейшего исследователя и знатока эпохи Петра I Богословского не был случайным. Ему приходилось встречаться с Михаилом Михайловичем ещё в бытность свою студентом Казанского университета. Богословский был председателем комиссии на государственных экзаменах, которые держал Пионтковский. Впечатление о себе радикально настроенный юноша, претендовавший на подготовку к магистерскому званию, оставил очень скромное, показался «весьма недалёким» и, как писал Богословский, «оставлен был ради того, что сын профессора: “по отцу и сыну честь”»¹¹³.

Пионтковский попытался взять реванш в ходе развернувшейся в 1927–1928 гг. острой борьбы с «буржуазной» профессурой в составе РАНИОН. Целью этих политико-идеологических битв, которые «из всех сил» вела «коммунистическая часть» РАНИОН с «устарелым типом» исследователя, состояла в выработке «нового типа учёного работника, прежде всего организатора, руководителя коллективной работы, участника коллективного труда»¹¹⁴. Планку в науке Богословского, оказавшуюся для Пионтковского слишком высокой, оказалось сложно преодолеть, проще было её отбросить. Такой подход в определённой степени позволяет ставить вопрос о коллективном «символическом статусе» новой генерации историков, конкурировавшем с индивидуальными «символическими статусами» исследователей «старой школы» за первенство в советской исторической науке, а также о конкретном наполнении слагаемых этого статуса на различных временных этапах.

Таким образом, постановка вопроса о «символическом статусе учёного», несомненно, расширяет горизонты для понимания процессов, происходивших в научных сообществах. Она позволяет глубже осмыслить вопросы межгенерационных отношений, проблему складывания, сохранения или утраты авторитета учёного в науке и (или) в её руководящих структурах. С позиции «эффекта Матфея» могут быть рассмотрены многие аспекты развития науки, в том числе взаимоотношения исследователей и власти, однако лишь с учётом конкретно-исторических, специфических условий времени и места.

---

¹¹¹ Дневник историка С.А. Пионтковского... С. 87.

¹¹² Там же. С. 133.

¹¹³ Богословский М.М. Дневники (1913–1919)... С. 83.

¹¹⁴ Дневник историка С.А. Пионтковского... С. 133.

История Первой мировой войны в современном международном дискурсе: традиционные дискуссии, новые темы, «белые пятна»

Алексей Филитов

History of the World War I in current academic and political discourse: traditional debates, new topics, and «blind spots»

*Alexey Filitov (Institute of World History, Russian Academy of Sciences, and
Russian State University for Humanities, Moscow)*

Хотя история и историография Первой мировой войны не входила в круг приоритетных научных интересов автора этих строк, именно с погружения в данную тематику начался его путь как учёного: первой в списке его научных работ стоит небольшая заметка, где с «комсомольским задором» раскритикованы попытки консервативных западногерманских историков опровергнуть новаторские выводы их гамбургского коллеги Ф. Фишера об экспансионистских военных целях вильгельмовской Германии¹.

После долгого перерыва последовала попытка более широкого анализа и обобщения опыта Первой мировой войны в рамках компаративистского исследования двух глобальных катастроф минувшего столетия². Столетний юбилей начала войны, поток посвящённых ей публикаций, в частности солидных историографических обзоров, стали побудительным импульсом, чтобы вновь вернуться к этим сюжетам и представить читателям журнала своё видение современного состояния исследовательской работы по истории Первой мировой войны, существующих проблем, дискуссий и контrovers³.

Основой для предпринятого исследования послужили три круга источников. Прежде всего, уже упомянутые историографические обзоры – их тоже три: сборник статей российских и зарубежных авторов, созданный коллективом ИНИОН РАН⁴, обширная статья (почти мини-монография) ирландского историка А. Креймера, занявшая значительную часть двух номеров молодого, но

© 2017 г. А.М. Филитов

Статья подготовлена в рамках проектной части государственного задания в сфере научной деятельности Министерства образования и науки Российской Федерации, научно-исследовательская работа № 33.1543.2014.

¹ См.: *Fischer F.* Griff nach der Weltmacht. Die Kriegsziele des kaiserlichen Deutschland 1914–1918. Düsseldorf, 1961; *Филитов А.М.* Апология германского империализма под маской «научной критики» // Вопросы истории. 1963. № 3. С. 200–202.

² *Филитов А.М.* Мировые войны – роковые вехи нашего столетия // XX век. Многообразие, противоречивость, целостность / Отв. ред. А. О. Чубарьян. М., 1996. С. 108–144.

³ Ранее автор представил более краткое изложение своих взглядов на эту проблематику с упором на общетеоретические аспекты всеобщей истории (*Филитов А.М.* Смена парадигм в историографии: от «империалистической войны» к «войне империй» // Преподаватель XXI век. 2015. № 4. Ч. 2. С. 289–301). В данной статье сделана попытка, в частности, проследить связь между глобальным и российским аспектами истории и историографии Первой мировой войны.

⁴ См.: Первая мировая война. Современная историография. Сборник обзоров и рефератов / Отв. ред. В.П. Любин, М.М. Минц. М., 2014.

уже достаточно зарекомендовавшего себя издания «Journal of Modern European History»⁵, и опубликованное в консервативном органе печати ФРГ газете «Die Welt» меньшее по объёму, полемически заострённое эссе четырёх немецких историков (своеобразный «манифест четырёх») «Почему не одна только Германия виновата»⁶.

Разумеется, перечень работ по рассматриваемой теме гораздо шире⁷, как и диапазон оценок, особенно если учесть историографические отсылки в обобщающих трудах⁸. Однако включить их в статью значило бы безмерно расширить её рамки, потому определённое ограничение охвата историографического материала стало неизбежным. Читатель заметит, что моё изложение в значительной степени представляет собой нечто вроде диалога с автором одного из упомянутых обзоров – Креймером: именно в его работе в наиболее полном, концентрированном и системном виде отражён феномен современной зарубежной историографии Первой мировой войны. Впрочем, если бы содержание данной статьи ограничивалось только этим, то она скорее заслуживала бы название реферата или развёрнутой рецензии. Между двумя крайностями – слишком широкого и слишком узкого ракурса рассмотрения имеющегося историографического массива – был избран некий третий путь.

Дело в том, что анализ некоторых образцов исторического творчества у Креймера слишком лаконичен, одни лишь названы, а другие, весьма представительные, не упоминаются. В данной же статье читатель найдёт своего рода микрорецензии на такие труды, особенно на те из них, в которых отражён «российский фактор» (роль России в войне, её внешняя и внутренняя политика). В двух упомянутых обзорах западных авторов он чаще всего отсутствует, а если фигурирует, то в виде отдельных ремарок, отражающих или незнание, или предвзятость. Что касается сборника ИНИОН, то оценки, связанные с Россией, содержатся главным образом в статьях российских авторов; работы же зарубежных коллег (как и статьи о них) посвящены, как правило, либо общему ходу и результатам войны, либо событиям на Западном фронте.

Цель данного обзора – скорректировать этот дисбаланс и рассмотреть вышедшие с начала 2000-х гг. научные труды, которые следует отнести ко второму виду историографического материала. Наконец, третий его вид – текущая пресса и «мировая паутина» – интернет. В научном сообществе имеется

---

⁵*Kramer A. Recent Historiography of the First World War // Journal of Modern European History. Vol. 12. 2014. № 1. P. 5–26; № 2. P. 155–174.*

⁶*Geppert D., Neitzel S., Cora St., Weber Th. Warum Deutschland nicht allein schuld ist // Die Welt. 2014. 4. Januar.*

⁷*Winter J., Prost A. The Great War in History. Debates and Controversies, 1914 to the Present. Cambridge, 2005; Jones H., O'Brien J., Schmidt-Suppran C. Untold War. New Perspectives in First World War Studies. Leiden, 2008; Horne J.A. Companion to World War I. Oxford, 2010; Finding Common Ground: New Directions in First World War Studies / Eds. J.D. Keene, M.S. Neiberg. Leiden, 2011; Other Combatants, Other Fronts: Competing Histories of the First World War / Eds. J.E. Kitchen, A. Miller, I. Rowe. Newcastle, 2012.*

⁸*Enzyklopädie Erster Weltkrieg / Hg.G. Hirschfeld, G. Krumeich, I. Renz. Paderborn, 2003 (англ. изд.: Brill's Encyclopedia of the First World War. Leiden, 2012); Encyclopedie de la Grande Guerre 1914–1918. Histoire et Culture / Eds. S. Audoin-Rouzeau, J.-J. Becker. Paris, 2004; Becker J.-J., Krumeich G. La Grande Guerre: Une histoire franco-allemande. Paris, 2008; Der Grosse Krieg. Deutschland und Frankreich 1914–1918. Essen, 2010; The Cambridge History of the First World War / Ed. J. Winter. Cambridge, 2014. См. также: интернет-проект берлинского Свободного университета «1914–1918 онлайн: Международная энциклопедия Первой мировой войны» (с октября 2014 г.) (URL: www.1914-1918-online.net).*

предубеждение (на мой взгляд, необоснованное) против использования таких источников. Однако, если иметь в виду серьёзные, хотя и сугубо консервативные немецкие газеты «Frankfurter Allgemeine Zeitung», «Die Welt» (выбор их понятен для историка-германиста) или американский интернет-портал «H-Diplo», то помещаемые в них рецензии на новые исторические труды, а также интервью с их авторами и «круглые столы» представляют особый интерес именно для российского читателя, зачастую не имеющего возможности самостоятельно отслеживать новинки традиционного книжного рынка. Кроме того, подобные источники показывают «обратную связь» между автором и читателем, что, в свою очередь, даёт представление об общественном резонансе того или иного исторического труда – монографии или статьи.

Пожалуй, самая долговременная дискуссия по истории Первой мировой войны касается её виновника (и/или виновников). Апологетика германского милитаризма, казалось бы, окончательно преодоленная с появлением книги Ф. Фишера о военных целях вильгельмовского рейха и явном поражении его противников, в последнее время вновь проявляет себя, особенно на уровне публицистики и масс-медиа.

Своего рода заявкой на пересмотр «фишеровской парадигмы» стала передовая «Frankfurter Allgemeine Zeitung» по случаю 125-летия восшествия на престол кайзера Вильгельма II. Смысл статьи: кайзер не являлся ни карикатурной фигурой, ни предтечей Гитлера, его империя была «сравнительно развитой демократией», испытывала бурный промышленный подъём, принёсший с собой общее благосостояние, и любой гражданин «наслаждался свободами», на защите которых стояло «независимое судопроизводство». Имелись и тёмные стороны в этой идиллической картине начала века: «европейский империализм являл своё отвратительное лицо», но Германия тут была ни при чём – когда цитируют известное высказывание рейхсканцлера Германской империи Б. фон Булова о её претензиях на «место под солнцем», то, мол, забывают о начальных словах этой фразы: «Мы не хотим никого оттеснить в тень»⁹.

Реакция читателей не заставила себя ждать и обнаружила явную поляризацию взглядов. Если в первом отклике выражалось несогласие с автором и указывалось на то, что немецкие элиты в 1914 г. хотели не мира, а войны¹⁰, то во втором излагались стандартные доводы о германском «миролюбии». Этот читатель напомнил, что Страсбург являлся старинным имперским городом и, стало быть, надо говорить не о германской, а о французской аннексии Эльзаса и Лотарингии. В заключение была выражена «особая благодарность» автору статьи за восстановление «подлинной» цитаты Булова¹¹.

На смену любителям истории вскоре выступили историки-профессионалы. Год столетнего юбилея со времени начала Первой мировой войны «открылся» публикацией упоминавшегося ранее «манифеста четырёх»¹². Заявленная в нём идея не является ни новой, ни апологетичной. Вряд ли вызовут возражения высказывания о том, что «внешнеполитическая элита Англии кажется в свете новых исследований не такой уж миролюбивой, как это предполагалось ранее», что Австро-Венгрия «не была безвольным объектом» политики Берлина, что «ни война, ни заключение мира не решили ни одной проблемы», а «напротив,

⁹ Müller R. Vor hundert Jahren // Frankfurter Allgemeine Zeitung (далее – FAZ). 2013. 5. Januar.

¹⁰ Pflüger N. Historische Voraussetzungen sind andere // FAZ. 2013. 11. Januar.

¹¹ Driesang D. Ehrlicher mit unserer Geschichte umgehen // FAZ. 2013. 25. Januar.

¹² Geppert D., Neitzel S., Cora St., Weber Th. Op. cit.

породили новые конфликты, которыми мы занимаемся и по сей день, — например, на Ближнем Востоке». Можно согласиться и с некоторыми замечаниями авторов, касающимися современной Европы, — они обоснованно критикуют пропаганду, представляющую Европейский Союз как единственную альтернативу национализму, констатируя, что эта пропаганда «несправедливо дискредитировала идею национального государства».

Вместе с тем историки ФРГ вступают на опасную стезю, отвергая концептуальные послы Фишера и его школы как «преувеличенные и односторонние», отрицая само понятие «пруссский милитаризм» и говоря об «оборонительной цели» войны со стороны Германии. Этот вывод ещё более усиливается, если учесть, как именно они расшифровывают понятие «оборона». В их трактовке она заключалась в том, чтобы «воссоздать на европейском континенте ситуацию ограниченной гегемонии, которой располагал рейх при Бисмарке, что было далеко от стремлений к мировому господству». Заметим, что никто, в том числе и Фишер, не приписывал вильгельмовскому рейху стремлений к «мировому господству»¹³, однако, можно ли считать стремление к гегемонии в Европе — как бы её ни определять — «оборонительной целью»? Где, кстати, грань между «неограниченной» и «ограниченной» гегемонией и обоснованно ли такое разделение? Наконец, вовсе не идеализируя политику Бисмарка, насколько правомерно отождествлять её с политикой Вильгельма?¹⁴

Своим союзником в борьбе за практическую реабилитацию германского экспансионизма «четвёрка» называет в первую очередь австралийского историка К. Кларка с его рассчитанным на сенсацию бестселлером «Лунатики»¹⁵. Эта книга уже известна российскому читателю¹⁶, поэтому лишь сообщу о том, как её восприняли германские масс-медиа и международное научное сообщество.

«Frankfurter Allgemeine Zeitung» дважды за короткий период представила её своим читателям, поместив вначале интервью с автором¹⁷, а затем развёрнутую рецензию на её немецкое издание¹⁸. Общие оценки таковы: «книга года», «триллер», автор — «блестящий рассказчик». В чём усматриваются достоинства творчества Кларка по существу? Во-первых, в реабилитации пруссачества («после его первой книги о Пруссии 2006 года это вторая масштабная атака на исторические догмы. Прусское государство считалось корнем всего зла в истории Германии: милитаризма, империализма, мегаломании. Исследование Кларка показало, что это не так»). Во-вторых, в реабилитации австро-венгерской монархии («Кларк оспаривает ходячий тезис о [её] неизбежном крахе. В трудное положение Австрию загнала Россия[!]»). В-третьих, самое главное: подлинным виновником европейского конфликта объявляются Сербия и опять-таки

---

¹³Следует отметить, что почти канонический перевод названия книги Ф. Фишера как «Рывок к мировому господству» некорректен: «Griff nach der Weltmacht» — это не «Griff nach der Weltherrschaft». Речь шла о стремлении вильгельмовского рейха к статусу «мировой державы»; это понятие включало создание колониальной империи, не меньшей, чем британская или французская, и установление германо-австрийской гегемонии в Европе. Разумеется, такая программа не могла быть решена мирным путём, следовательно, инициативная роль Германии в развязывании мировой войны очевидна.

¹⁴См. по этому поводу: *Филитов А.М.* Бисмарк и современные международные отношения // Россия и Германия. Научный гумбольдтовский журнал. 2015. № 1–2. С. 21–24.

¹⁵См.: *Clark C.* The Sleepwalkers. How Europe Went to War in 1914. L., 2012.

¹⁶*Любин В.И.* Лунатики. Как Европа вступала в Первую мировую войну // Первая мировая война. Современная историография... С. 78–84.

¹⁷*Kilb A.* Die Selbstzerstörung Europas // FAZ. 2013. 9. September.

¹⁸*Blasius R.* Defensiver Patriotismus // FAZ. 2013. 13. Oktober.

Россия как её главный «спонсор». В этой связи вряд ли можно согласиться с комплиментами Кларку как якобы стороннику «сбалансированного подхода» к вопросу о происхождении войны – виноваты, мол, все европейские державы в равной степени. Очевидно, ответственность стран Четверного союза преуменьшается: Кларк склонен оправдать даже вторжение в Бельгию, критикуя лишь её неуклюжее пропагандистское обрамление, зато антироссийский и антиславянский аффект налицо.

Концепция Кларка подробно разобрана Креймером, оценки которого в корне отличны от представленных названными немецкими комментаторами. Прежде всего отвергнут тезис о Сербии как о спонсоре терроризма: «Несколько поколений политиков, оккупантов (в обеих мировых войнах) и историков тщетно пытались уличить правительство Пашича в причастности к заговору (относительно убийства наследника австро-венгерского престола эрцгерцога Франца Фердинанда. – *А.Ф.*), и Кларк преуспел в этом не больше. Тем не менее он сводит всю богатую конфликтами политику Сербии к одной единой цели – развязать войну. Кларк при этом игнорирует все факторы, которые противоречат его тезису: в условиях, когда армия подверглась сокращениям, а государство было обременено долгами и задачами по освоению недавно приобретённых новых территорий на юге, в разгар избирательной кампании, сербское правительство вряд ли могло быть заинтересовано провоцировать войну с соседней великой державой. Более того, как совместить наличие циничного заговора по развязыванию войны (со стороны Сербии. – *А.Ф.*) с тем фактом, что самый компетентный её военный специалист, начальник генерального штаба генерал Путник, на протяжении всего июльского кризиса отдыхал на курорте в Австрии?».

Столь же однозначно отношение Креймера к утверждениям Кларка насчёт «пацифизма» германского правительства. «Военные и канцлер ждали войну и хотели её», – констатирует автор обзора. Что же касается кайзера, то его высказывание по поводу примирительного ответа сербов на венский ультиматум («теперь отпали все причины для начала войны») вовсе не доказывает, что он в отличие от «ястребов» в Берлине и Вене «оставался приверженцем политического решения балканской проблемы», как считает Кларк. Ведь продолжение кайзеровского «миролюбивого» заявления содержит рекомендацию австрийским союзникам в качестве залога лояльного поведения сербов «оккупировать Белград». Идея захвата столицы соседнего государства для обеспечения его «лояльного поведения» была поистине новым словом в дипломатической практике. «Легко себе представить, какова была бы реакция, если бы царь выступил с предложением оккупировать Берлин», – иронически замечает по этому поводу Креймер¹⁹.

Порочный метод выборочного цитирования Креймер обнаруживает и в трактовке Кларком политики Габсбургской империи: автор «Лунатиков», к примеру, даже не упомянул об инструкции, которую получил из Вены австрийский посол в Белграде, гласившей: «Как бы сербы ни реагировали на ультиматум, Вы должны заявить о разрыве дипломатических отношений, и война должна начаться». Общий вывод автора обзора о бестселлере Кларка однозначен, и с ним нельзя не согласиться: «Начав с аргументации того рода, что нельзя говорить об особой ответственности какой-либо из сторон, и закончив

¹⁹ *Kramer A. Recent Historiography... № 1. P. 10–11.*

обвинениями по адресу Сербии, России и Франции, Кларк не убеждает ни в том, ни в другом»²⁰.

«Более сбалансированный анализ происхождения войны» представлен, по мнению Креймера, в коллективном труде под редакцией Р. Гамильтона и Х. Хервига, а также в монографиях У. Маллигана и А. Момбауэр (немецкая исследовательница, ныне работает в Англии)²¹. К сожалению, эта оценка не конкретизируется (что контрастирует с подробной характеристикой книги Кларка). Самое общее знакомство с указанными книгами вызывает больше вопросов, чем ответов. В первой из них налицо достаточно объективное освещение роли России в предвоенном кризисе: категорически отвергается тезис о том, что она «спровоцировала» державы Четверного союза на развязывание войны. Однако возможно ли, что решение германского руководства начать войну было некоей непродуманной, «нервно-панической» акцией?

Что касается книги Маллигана, то можно ли считать обоснованной точку зрения её автора о том, что «финансовые и коммерческие вопросы играли маргинальную роль в дискуссии о войне и мире в 1914 году», а «банкиры и бизнесмены пытались до самого последнего момента предотвратить войну»?²² Допустимо предположение, что в данном случае проявилась некая полемическая реакция на некогда бытовавшую псевдомарксистскую концепцию, согласно которой война возникла по «заказу» капиталистических монополий, продиктовавших свою волю послушным им правительствам. Но, когда одна крайность сменяет другую, вряд ли это можно считать приближением к истине.

Креймер обоснованно выделяет вклад в историографию книги Момбауэр, но, по моему мнению, логично было бы упомянуть её новую работу, изданную в Германии на её родном языке²³. Немецкоязычная литература вообще крайне слабо отражена в обзоре Креймера — возможно, сказались трудности перевода. Между тем вклад немецких и австрийских авторов в современную историографию Первой мировой войны нельзя преуменьшать. Особого внимания заслуживают монографии берлинских историков Х. Мюнклера и О. Янца, их фрайбургского коллеги Й. Леонхарда и венского — М. Раухенштайнера²⁴ (с его книгой российский читатель уже ознакомлен²⁵). В обзоре Креймера нерассмотренными остались также привлёкшие к себе внимание историков концепции: о вступлении Великобритании в войну (английского исследователя Н. Фергюсона²⁶ и американского — Н. Ламберта²⁷) и о «новой истории вступления Америки в Первую мировую войну» (американского историка Дж. Дённике)²⁸.

²⁰Ibid. P. 11–12.

²¹См.: The Origins of the World War I / Eds. R.F. Hamilton, H.H. Herwig. Cambridge, 2005. P. 454–457; Mulligan W. The Origins of the First World War. Cambridge, 2010; Mombauer A. The Origins of the First World War: Controversies and Consensus. L., 2002.

²²Mulligan W. Op. cit. P. 231–232.

²³См.: Mombauer A. Die Juli-Krise. Europas Weg in den Ersten Weltkrieg. München, 2014.

²⁴См.: Münkler H. Der Grosse Krieg. Die Welt 1914–1918. Berlin, 2013; Janz O. 14 – Der grosse Krieg. Frankfurt a/M, 2013; Leonhard J. Die Büchse der Pandora. Geschichte des Ersten Weltkrieges. München, 2014; Rauchensteiner M. Der Erste Weltkrieg und das Ende der Habsburgermonarchie 1914–1918. Wien, 2013.

²⁵Любин В.И. Указ. соч. С. 10–11.

²⁶Ferguson N. The Pity of War. L., 1999.

²⁷Lambert N.A. Planning Armageddon: British Economic Warfare and the First World War. Cambridge (Mass.), 2012.

²⁸Doenecke J.D. Nothing Less Than War: A New History of America's Entry into World War I.N.Y., 2011.

Концепция Фергюсона заслуживает в наибольшей степени характеристики «антиистории». Её основной посыл заключается в том, что Великобритания совершила роковую ошибку, вступив в войну против Германии, политика и планы которой никоим образом не угрожали её интересам. Единственное, на мой взгляд, в чём можно согласиться с автором, — его критика официальной версии о мотивах Лондона при объявлении войны: речь шла вовсе не о высокоморальной реакции на германское вторжение в нейтральную Бельгию, а о соображениях поддержания баланса сил в Европе. Однако тезис историка о том, что победа Германии в войне и установление германской гегемонии в Европе не нарушили бы этот баланс, явно противоречит здравому смыслу. В последнее время Фергюсон несколько модифицировал свою концепцию: он уже в принципе не против военного вмешательства Великобритании в конфликт, однако считает, что это следовало сделать позднее, после должной подготовки. Думаю, что такая точка зрения означает ещё большее отступление от здравого смысла: отказавшись от поддержки Франции на начальном этапе войны, Лондон лишь сыграл бы на руку немецким стратегам, намеревавшимся бить противников поодиночке. Концепция Фергюсона стала лёгкой мишенью для критиков, в числе которых оказались даже члены британского правительства; однако речь шла не столько о восстановлении исторической истины, сколько о возрождении старой мифологии о «благородных» целях войны со стороны Великобритании²⁹.

Гораздо более сильный удар по этой мифологии нанесла концепция, представленная в монографии Ламберта. Проведя глубокие изыскания в архивах британского Адмиралтейства, материалы которых ранее почти не вводились в научный оборот, автор пришёл к выводу: с английской стороны «планировали Армагеддон» (так звучит название его книги; имеется в виду мировая война) не менее интенсивно, чем в Германии. Правда, главным оружием Лондона должны были стать не пушки и солдаты, а информация о финансовых потоках и маршрутах морского судоходства — то, что было обеспечено практически монопольным положением Великобритании в сфере международного банковского и страхового бизнеса. «Ни одна из современных книг не изменила параметры дискуссии о характере конфликта (Первой мировой войны. — А.Ф.) столь решающим образом, как та, что написал Николас Ламберт»³⁰. Эта оценка одного из её рецензентов может показаться преувеличенной, однако несомненной заслугой автора является то, что он привлёк внимание к закулисной «мягкой силе», повлиявшей на ход истории не меньше, чем события, развернувшиеся на полях сражений.

Что касается книги Дённике, то в ней выдвигается парадоксальный тезис: США оказались вовлечёнными в войну из-за своего «пацифизма», т.е. если бы Вильсон позаботился о создании достаточно мощного военного потенциала, то смог бы сохранить нейтральный статус страны без ущерба для её интересов и не идти на поводу у Антанты. Утверждение, мягко говоря, весьма спорное. Как отметил один из участников интернет-дискуссии по книге Дённике, «наличие мощной военной промышленности обычно рассматривалось как фактор, стимулирующий военный авантюризм»³¹.

²⁹О полемике вокруг творчества Н. Фергюсона см.: *Thomas G. Ferguson's umstrittene Weltkriegs-These. Jeder hat sich verrechnet* // FAZ. 2014. 31. Januar.

³⁰Review by Harold James, Princeton University // H-Diplo Roundtable Reviews. Vol. XV. 2014. № 18. P. 21.

³¹Review by Rodney R. Carlisle, Rutgers University // H-Diplo Roundtable Reviews. Vol. XIV. 2012. № 4. P. 8.

Вернёмся к трудам историков ФРГ и их восприятию в масс-медиа. «Две «внучки» Фрица Фишера в своих новых работах об июльском кризисе 1914 года вступают в бой против тезиса о «лунатиках» Кристофера Кларка», — такую «шапку» редакция «Frankfurter Allgemeine Zeitung» предпослала рецензии Р. Блазиуса³² на книги Момбауэр и её коллеги, профессиональной журналистки К. Пёппельман³³. Немецкий рецензент не высказывает собственного отношения ни к «идее» Кларка, ни к тезисам его критиков, ограничиваясь подчёркнуто нейтральным изложением содержания рассматриваемых работ. Сторонники военного решения были и на стороне Антанты, однако именно в Берлине и Вене милитаристские круги оказывали наибольшее влияние на политиков и дипломатов, резюмирует Блазиус концепцию Момбауэр. Никак не комментирует рецензент и её трактовку британской политики, в частности, идею о том, что «в Уайтхолле меньше опасались враждебной Германии, чем враждебной России»³⁴. На первый взгляд, этот тезис парадоксален и трудно сочетается с фактом вступления Великобритании в войну на стороне Антанты. Между тем, учитывая крайнее нежелание английской стороны оказывать сколько-нибудь существенную помощь военным усилиям Российской империи, вполне допустим вывод о том, что Лондон был больше всего заинтересован во взаимном ослаблении двух крупнейших континентальных держав — России и Германии. Во всяком случае ни о каком искреннем, лояльном и долговременном сотрудничестве с восточным союзником английская сторона не помышляла.

Критическое отношение к политике вильгельмовской монархии проявляется и в тех обобщающих трудах по истории Первой мировой войны, где вопрос о её происхождении — лишь один из многих других. Авторы этих работ, как правило, отмежёвываются от «крайностей» концепции Фишера, но те или иные её элементы отражают и в своём творчестве. Так, Мюнклер соглашается с тем, что именно в Германии влияние военной касты на политические и военные решения было больше, чем в какой-либо другой европейской стране, а Янц признаёт за руководством рейха «главную вину» в развязывании войны (остаётся неясным, почему один из рецензентов его книги считает понятие «главная (или «основная») вина» «неудачным»)³⁵. Вместе с тем оба историка усматривают эту вину не в наличии далеко идущих экспансионистских целей у кайзера и его окружения, а в допущенных ими «ошибках» в оценке международной обстановки.

Из «солидных» исследований тезис об отрицании вины рейха представлен лишь в монографии К. Каниса — заключительном томе его трилогии об истории внешней политики Германии 1871–1914 гг.³⁶ Согласно концепции автора, путь к войне начался не в 1897 г. (пост канцлера занял Бюлов) и не в 1898 г. (в Германии приступили к интенсивному морскому вооружению), а в 1902 г., когда произошла «переориентация» британской внешней политики, целью которой стало создание направленного против Германии «картеля колониальных держав», который и вызвал у неё вполне реальные страхи «окружения». Неудивительно, что книга Каниса нашла положительный отклик со стороны

³²Blasisus R. Furcht und Selbstüberschätzung // FAZ. 2014. 10. März.

³³Pöppelmann Ch. Juli 1914. Wie man einen Weltkrieg beginnt und die Saat für einen zweiten legt. Ein Lesebuch. Berlin, 2013.

³⁴Blasisus R. Op. cit.

³⁵Epkenhans M. Berlins grobe Fehleinschätzung // FAZ. 2014. 2. Juni.

³⁶Canis K. Der Weg in den Abgrund. Deutsche Politik 1902–1914. Paderborn, 2011.

Д. Гепперта, который впоследствии стал одним из авторов упомянутого ранее «манифеста четырёх» (налицо, кстати, и текстуальные совпадения между рецензией и «манифестом») ³⁷. Очевидно, полемика между апологетами и критиками германской политики начала XX в. ещё не закончена.

Картина современного состояния международной дискуссии о причинах Первой мировой войны была бы неполной без упоминания об изданной в США книги под названием, которое говорит само за себя: «Российское происхождение Первой мировой войны». Её автор Ш. Мак-Микин утверждает, что главной виновницей развязывания войны явилась Россия, которая издавна — «со времён начала династии Романовых» — преследовала экспансионистские цели в отношении Турции. «Для России, но не для её союзников, — пишет автор, — война 1914 года всегда была войной за оттоманское наследство, за Константинополь и проливы. В борьбе за этот стратегический приз, в момент, казавшийся уникально подходящим для того, чтобы привлечь на свою сторону Британию и Францию для нейтрализации германской угрозы российским амбициям, Сазонов (российский министр иностранных дел. — *А.Ф.*) и генералы в Ставке свергли Европу в величайшую катастрофу современности» ³⁸. В рамках данной статьи нет возможности для разбора аргументации Мак-Микина, но внимательный читатель обнаружит явные противоречия и недомолвки даже в вышеприведённой цитате. Если главным конфликтом, приведшим к войне, был российско-турецкий, то при чём тут «германская угроза»? И была ли эта угроза направлена только и/или в первую очередь против России? Разве не существовали англо-германское соперничество и проблема Эльзас—Лотарингии в германо-французских отношениях?

Для характеристики творческой манеры Мак-Микина укажу, кстати, на его весьма странную попытку записать в число своих единомышленников российских историков (в частности, К.Ф. Шацилло и О.Р. Айрапетова), а также доказать российское(?) авторство известного англо-французского плана по разделу ближневосточных владений Турции — «соглашение Сайкса—Пико». Замечу, что к столетней годовщине создания этого документа «Frankfurter Allgemeine Zeitung» поместила развёрнутую исследовательскую статью, в которой опровергается тезис о «российском следе» в его происхождении. В статье корректно определяется главный замысел соглашения — создать «буферные зоны» по обеспечению британских позиций на Ближнем Востоке и в Индии, в частности, против России.

В принятии плана Сайкса—Пико немецкий автор не без основания усматривает «корень» нынешнего ближневосточного конфликта, поскольку границы государств, которые предполагалось создать и которые действительно были созданы на руинах Османской империи, не учитывали этнические и религиозные характеристики тамошнего населения. Однако считать, что Россия ответственна за эту акцию, имевшую антироссийский характер, — это прямое надругательство над элементарной логикой ³⁹.

Ещё одна характерная черта сочинения Мак-Микина — довольно безапелляционная манера, с которой он буквально расправляется с историками, не разделяющими его взглядов. Им предъявляются обвинения в «пророссийской» позиции, что, очевидно, должно означать их дисквалификацию как учёных.

³⁷ *Geppert D.* Der reale Kern der Einkreisungsängste // FAZ. 2012. 12. Februar.

³⁸ *McMeekin S.* The Russian Origins of the First World War. Cambridge (Mass.), 2011. P. 232.

³⁹ См.: *Hermann R.* Wurzel des Nahostkonflikts // FAZ. 2016. 15. Mai.

В число таких авторов попали и упомянутый выше Хервиг, и даже гораздо более критично настроенный в отношении российской политики Д. Ливен⁴⁰. Замечу, что в обзоре Креймера книга Мак-Микина вообще не фигурирует, что можно трактовать как молчаливое отрицание её научной ценности (зато её одобрительно упоминают авторы «манифеста четырёх»).

Одна из непреходящих тем для дискуссий касается хода военных действий, причин победы Антанты и поражения Германии в войне. Почему провалился «план Шлиффена», согласно которому в самые кратчайшие сроки следовало покончить с Францией, а затем всеми силами обрушиться на Россию? Чем объяснить «чудо на Марне», когда французские войска после понесённых тяжёлых поражений сумели остановить продвижение немецких армий? Какую роль сыграли битвы на Сомме, под Верденом, на галлиполийском плацдарме, военные операции в Африке, а также экономика и моральный фактор в исходе войны, насколько велик вклад «туземных» контингентов (людских резервов из колоний и зависимых территорий) в победу Антанты – такие основные вопросы выделяет Креймер как наиболее ярко отражающие современные тенденции в изучении рассматриваемой темы. По моему мнению, этот список вопросов вполне адекватен, весьма интересны и примеры приводимых автором ответов на них в современной западной историографии.

По поводу «плана Шлиффена» упоминается в появившейся в начале 2000-х гг. курьёзной версии, начисто отрицавшей само существование такового и постулировавшей «оборонительный» характер германских военных планов. Последовала «небольшая дискуссия», как её охарактеризовал Креймер (тем не менее она растянулась почти на десятилетие). Отмечается появление солидного труда, где доказывалось, что эта версия «безосновательна», констатируется ответная реакция её первооткрывателя. Тот вновь заявил: «Никакого “плана Шлиффена” не было»⁴¹. На чьей стороне Креймер, остаётся догадываться.

Среди новых книг по военной истории особо выделяется труд канадского исследователя Х. Хедвига «Марна 1914. Начало Первой мировой войны и битва, которая изменила мир»⁴². Уже сам заголовок красноречиво отражает концепцию автора, но Креймер её никак не комментирует. Собственное мнение насчёт того, почему германские войска в этой битве потерпели поражение, он также предпочитает не высказывать, равно как и отношение к трактовке рассматриваемой проблемы у выделенного им автора: «Хедвиг должным образом рассматривает все факторы с немецкой и французской стороны (повлиявшие на исход сражения. – А.Ф.), однако особо подчёркивает издержки коммуникации – в техническом и личном аспектах – между немецкими военачальниками, которые вели себя как примадонны, яростно переругиваясь друг с другом. Было ли это решающим – вопрос всё ещё открыт»⁴³. Думаю, что «закрыть» данный вопрос могло бы то простое соображение, что «издержки коммуникации», если и имели место, то почему-то не помешали немецким военачальникам разбить войска Антанты в Бельгии и на севере Франции, и «переругиваться» они

⁴⁰ McMeekin S. Op. cit. P. 245. Cp.: Lieven D. Russia and the Origins of the First World War. N.Y., 1983.

⁴¹ См.: Zuber T. Inventing the Schlieffen Plan. German War Planning 1871–1914. Oxford, 2002; Zuber T. There Never Was a «Schlieffen Plan»: a Reply to Gerhard Gross // War in History. 2010. P. 231–249; Ehlers H., Epkenhans M., Groß G. Der Schlieffenplan. Analysen und Dokumente. Paderborn, 2006.

⁴² Hedwig H.H. The Marne 1914. The Opening of the World War I and the Battle that Changed the World. N.Y., 2009.

⁴³ Kramer A. Recent Historiography... № 1. P. 13.

стали, скорее всего, вследствие того, что машина наступления застопорилась, а не наоборот. Причина здесь, очевидно, спутана со следствием.

Замечу, что на протяжении своего историографического обзора, весьма разностороннего и основательного, Креймер не назвал ни одной работы о Восточном фронте и ни разу не упомянул о роли российской армии в спасении западных союзников от поражения, в частности, и в период битвы на Марне. Между тем, хотя дефицит специальных работ о военном вкладе России в западной историографии действительно налицо, признания её роли – в рамках обобщающих трудов – всё же имеются. Приведу высказывание берлинского историка и политолога Мюнклера: «При всей значительности немецких успехов на Восточном фронте, они не сломили российскую армию и потому не имели решающего значения для исхода войны. Большее влияние в этом плане оказало решение Мольтке (начальник германского генштаба. – *А.Ф.*) перебросить на Восточный фронт с Западного два армейских корпуса ввиду разразившегося кризиса в Восточной Пруссии. Они прибыли туда слишком поздно, чтобы сыграть какую-то роль в исходе битвы под Танненбергом, однако их явно не хватало в период битвы на Марне, развернувшейся со второй недели сентября. Таким образом, преждевременное русское наступление в Восточной Пруссии оказало-таки влияние на исход войны: русские, хотя и проиграли обе битвы (имеются в виду поражения армий генералов А.В. Самсонова и П.К. Ренненкампа. – *А.Ф.*), но с определённой долей вероятности спасли французов от поражения на Марне»⁴⁴.

Нетрудно заметить, что немецкий историк, делая это признание, стремится придать ему менее категоричную форму: выражение «с определённой долей вероятности» («mit einer gewissen Wahrscheinlichkeit») заставляет читателя предположить, что автор сомневается в том, что им самим сказано. Тем не менее это предпочтительнее, чем фигура умолчания.

Вероятно, именно тем, что судьба битвы на Марне была решена не столько её участниками, сколько подвигом и самопожертвованием российских армий, можно объяснить следующий феномен. Его Креймер констатирует в качестве своеобразной загадки, ответа на которую не находит: большинство военных мемориалов расположено на Сомме, во Фландрии или у Вердена, а не в местах сражения на Марне. Что касается битв на Сомме и под Верденом, то, отмечает автор обзора, первая занимает особое место в исторической памяти англоязычных стран, тогда как вторая имеет такое же особое символическое значение для немцев и французов.

Сам Креймер, хотя и замечает, что «читатель за пределами англофонского мира может быть озадачен буквальной заикленностью» на событиях сражений на Сомме, в какой-то мере находит этому оправдание. Если ранее при характеристике битвы подчёркивались бессмысленность этих жертв и некомпетентность британского командования, то ныне подобные оценки объявляются «большим историческим мифом», сочинителями которого были-де У. Черчилль и Б. Лиддел-Гарт. Такую тенденцию в историографии констатирует и приветствует автор обзора на основании анализа монографии У. Филпотта «Кровавая победа. Самопожертвование на Сомме»⁴⁵. Достоинство этой книги Креймер усматривает в том, что её автор признаёт, «в отличие от многих британских историков»: в битве участвовали не одни англичане и подданные империи, но

⁴⁴ Minkler H. Op. cit. S. 157.

⁴⁵ Philpott W. Bloody Victory: The Sacrifice on the Somme. L., 2010.

и французы (а всего представители «двух десятков наций»). Кроме того, Филпотт не преуменьшает, но и не преувеличивает эффективность действий британских войск (к примеру, артиллерия первоначально была их «слабым местом», и лишь к концу войны наступило улучшение). Креймер разделяет и общий вывод Филпотта о том, что битва на Сомме «в гораздо большей степени приблизила крах германского сопротивления, чем это представлялось ранее»⁴⁶. Однако такая оценка не аргументируется.

Среди работ, посвящённых событиям вне европейского театра военных действий, автор обзора упоминает книгу австралийского историка Р. Прайора о Галлиполийской экспедиции, в которой автор выносит ещё более суровый, чем ранее, приговор союзным командующим за её провал и попытки занизить свои потери (официальная цифра – 180 тыс., фактическая – 390 тыс. человек)⁴⁷. Формулировка о «конце мифа» в подзаголовке работы относится к ранее распространённой версии об «упущенной возможности» победы над турками. Креймер сетует на отсутствие «транснациональной» трактовки роли турецкого фронта; возможный прорыв он ожидает от продолжения работы турецкого историка М. Аксакала, представившего недавно монографию о вступлении Османской империи в войну⁴⁸.

Что касается экономических аспектов Первой мировой войны, то связанная с ними проблематика, как образно пишет ирландский автор, представляет собой «мёртвую заводь» («Backwater»). Из имеющихся работ он выделяет коллективный труд «Экономика Первой мировой войны», выражая, впрочем, несогласие с тезисом её редакторов о том, что «исход войны в конечном счёте решило соотношение экономических потенциалов и показателей производства» у противоборствующих сторон. Подобная аргументация, по его мнению, не учитывает такие важные факторы, как моральное состояние общества, степень мобилизации имеющихся ресурсов и проблемы с логистикой. Пример, иллюстрирующий данную мысль, приводится, правда, из истории периферийного театра военных действий: «Если главным и определяющим фактором был экономический потенциал, то как объяснить высокий уровень боеспособности оттоманской армии?»⁴⁹.

Проблема материальных лишений и голода среди гражданского населения в прошлом фокусировалась на ситуации в Германии, отмечает Креймер, выражая несогласие с таким зауженным подходом. Опираясь, в частности, на собственные исследования, он подчёркивает, что от войны в той или иной степени страдали «почти все воюющие страны» (неназванное исключение – по-видимому, США) и, к примеру, в Италии вызванный войной рост смертности был «на 50% выше, чем в Германии»⁵⁰. Спорным остаётся вопрос о влиянии антантовской блокады на продовольственную ситуацию в Германии. Как можно понять, после вышедшей ещё в 1989 г. книги А. Оффера (где это влияние минимизируется, а главными факторами недоедания – не голода! – немцев названы

⁴⁶*Kramer A. Recent Historiography... № 1. P. 14–15.*

⁴⁷См.: *Prior R. Gallipoli: The End of the Myth. New Haven, 2009.*

⁴⁸*Aksakal M. The Ottoman Road to War in 1914: The Ottoman Empire and the First World War. Cambridge, 2008.*

⁴⁹*Kramer A. Recent Historiography... № 2. P. 156.*

⁵⁰*Ibid;* см. также: *Kramer A. Dynamic of Destruction. Culture and Mass Killing in the First World War. Oxford, 2007; Kramer A. Blockade and Economic Warfare // The Cambridge History of the First World War. Vol. 2 / Ed. J. Winter. Cambridge, 2014. P. 460–489.*

издержки внутренней политики рейха)⁵¹ новых исследований на эту тему не появилось. Тезисы Оффера Креймер называет «спорными», не конкретизируя, впрочем, свою оценку⁵².

Важным преимуществом Антанты в «экономической войне» называется имевшаяся у неё возможность импортировать рабочую силу из третьих стран, в связи с чем особо упоминается исследование об использовании труда 140 тыс. китайских вспомогательных рабочих во Франции⁵³. Ещё больше были контингенты из Азии и Африки, напрямую участвовавшие в военных действиях на стороне Антанты и сыгравшие немалую роль в её победе: в британской армии на Западном фронте – 120 тыс. индусов (в 1915 г. их перебросили на Ближний Восток), во французской – 475 тыс. солдат, на вербованных в колониях Франции и т.д. Участию в войне её «колониальных войск» посвящено специальное исследование, где отмечается, что потери там были существенно выше, чем в частях, состоявших из коренных французов. К тому же в отношении африканских подразделений порой применялось такое варварское наказание, как децимация (расстрел каждого десятого)⁵⁴. То же самое было характерно и для британской армии: в ходе военных действий на Ближнем Востоке «с африканцами и египтянами обращались жёстче, чем с другими» и даже придумывали для них особенно унижительные наказания⁵⁵.

Навербованных (по большей части насильственным путём) воинов и носильщиков из местных племён использовала также немецкая сторона в ходе военных действий в Африке, причём местные жители составляли подавляющее большинство в боевых частях. То же самое было характерно и для сражавшихся британских частей, так что африканцы фактически воевали с африканцами. Разумеется, влияния на исход войны на главном, европейском, театре эта колониальная война не оказала, хотя, как пишет Креймер, «в последнее десятилетие произошёл настоящий бум в исследованиях по колониальной истории Германии» и особый интерес вызывали «подвиги» главнокомандующего немецкими войсками в Африке П.Э. фон Леттов-Форбека⁵⁶.

Заметим, что достаточно широко освещая участие неевропейских народов в войне и особенно подчёркивая роль иноязычных формирований в отпоре немецкой агрессии на Западном фронте (это, несомненно, новый тренд в историографии), автор обзора не упоминает о действиях российского экспедиционного корпуса на французской земле.

«Одной из главных тем новейшей стадии исследований является мотивация участников военных действий. Что давало возможность солдатам держаться на протяжении четырёх лет в грязи, крови, вшах под постоянной угрозой смерти? Тем, кто ныне живёт в благополучном обществе XXI в., чурящемся

---

⁵¹См.: *Offer A. The First World War. An Agrarian Interpretation.* Oxford, 1989.

⁵²*Kramer A. Recent Historiography...* № 2. P. 157.

⁵³См.: *Guoqi X. Strangers on the Western Front. Chinese Workers in the Great War.* Cambridge (Mass.), 2011.

⁵⁴См.: *Fogarty R.S. Race and War in France. Colonial Subjects in the French Army 1914–1918.* Baltimore, 2008; см. также: *Race, Empire and the First World War Writing / Ed. S. Das.* Cambridge, 2011.

⁵⁵*Jarboe A.T., Fogarty R.S. Shifting Frontiers and Imperial Dynamics in a Global War.* L.; N.Y., 2014. P. 178.

⁵⁶*Kramer A. Recent Historiography...* № 2. P. 159; см. также: *Schulte-Varendorf U. Kolonialheld für Kaiser und Führer. General Lettow-Vorbeck – Mythos und Wirklichkeit.* Berlin, 2006; *Michels E. «Der Held von Deutsch-Ostafrika»:* Paul von Lettow-Vorbeck. Ein preußischer Kolonialoffizier. Paderborn, 2008.

самого понятия «военные потери», почти невозможно поверить, что люди могли терпеть такие условия, но они терпели — за некоторыми хорошо известными исключениями», — так Креймер начинает очередной раздел своего обзора. В первую очередь его интересуют именно эти «исключения» и их трактовка в историографии.

Прежде всего речь идёт о мятежах во французской армии весной 1917 г. Отмечается наличие двух концепций этого феномена. Первая принижает его значение: число отказавшихся выполнять приказы было незначительным (около 40 тыс. человек), их действия можно назвать эмоциональной реакцией на огромные и бессмысленные потери в ходе «бойни генерала Нивеля», в массе же своей солдаты оставались на «патриотических» позициях⁵⁷. Согласно второй концепции мотивы мятежников не ограничивались протестом против отдельных, особо вопиющих, фактов некомпетентности командования, а отражали общий «кризис дисциплины» в армии; солдаты не воспринимали официальные лозунги о «защите родины», налицо было «широкое стремление остановить войну»⁵⁸.

Хотя наиболее ярко первую концепцию развил американский историк Л. Смит, Креймер считает возникшую controverзу отражением конфликта, происходившего между французскими коллегами, группировавшимися вокруг музейно-исследовательского центра «Историаль» («Historial de la Grande Guerre»), и их более радикально настроенными оппонентами из «Коллектива международных исследований и дебатов по войне 1914—1918 гг.» («Collectif de Recherche International et de Debat sur la Guerre 1914—1918»). Автор обзора, как представляется, более критично относится ко второй, «радикальной», концепции. Поддержку своей позиции он усматривает в результатах исследования французского историка Б. Кабане, согласно которым «летом—осенью 1918 года французские солдаты, несмотря на свою усталость (от войны), были преисполнены беспощадной решимости довести войну до (победного) конца»⁵⁹.

Считаю, что здесь есть некоторое нарушение принципов историзма. Ситуация 1918 г. в корне отличалась от той, что имела место год назад. Тогда на все воюющие стороны сильно влияли революционные события в России и исходившие из Петрограда призывы к миру. В 1918 г. российский пример работал в ином направлении: Брестский мир наглядно показал, к чему может привести попытка «договориться по-хорошему» с германскими милитаристами, и именно осознанием этого факта объясняется, на мой взгляд, перелом в морали и настроениях армий Антанты (кстати, такой же перелом — с обратным знаком — произошёл и в кайзеровской армии; историки лишь спорят, когда именно в 1918 г. там начались «массовые сдачи в плен»⁶⁰ и оправданно ли писать о «скрытой забастовке» немецких солдат на Западном фронте⁶¹). Можно лишь вновь констатировать, что игнорирование «русского фактора» делает

⁵⁷См.: *Smith L.V.* Between Mutiny and Obedience. Princeton, 1994; *Smith L.V.* The Embattled Self. French Soldiers' Testimonials of the Great War. Ithaca, 2007.

⁵⁸См.: *Loez A.* 14—18. Les refus de la guerre. Une histoire des mutins. Paris, 2010.

⁵⁹См.: *Cabanes B.* La Victoire endeuillée. La sortie de guerre des soldats français 1918—1920. Paris, 2004.

⁶⁰См.: *Watson A.* Enduring the Great War. Morale and Collapse in the German and British Armies, 1914—1918. Cambridge, 2004.

⁶¹*Deist W.* Verdeckter Militärstreik im Kriegsjahr 1918? // Der Krieg des kleinen Mannes. Eine Militärgeschichte von unten / Hg.W. Wette. München, 1992. S. 146—167. См. также: *Lipp A.* Meinungslenkung im Krieg. Kriegserfahrungen deutscher Soldaten und ihre Deutung 1914—1918. Göttingen, 2003.

историческую (и историографическую) картину неполной, а потому и дефектной. Впрочем, Креймер сам признаёт наличие серьёзной лакуны в освещении событий войны на её завершающем этапе: «Происхождению войны, июльскому кризису и началу войны посвящено огромное множество книг и статей. Курьёзным контрастом является скудость исследований об окончании войны»⁶². Не объясняется ли такое положение, помимо прочего, нежеланием говорить о роли России?

Автору данных строк известен лишь один случай, когда «российский фактор» в Первой мировой войне стал предметом широкого обсуждения на Западе. Речь идёт об организованной в 2004 г. Потсдамским военно-историческим центром (ФРГ) конференции и изданном на её материалах сборнике с характерным названием «Забытый фронт – Восток 1914–1915 гг.: События, влияние, последствия» (среди его авторов – российские историки Б.Л. Хавкин и И.В. Нарский)⁶³.

Судя по хроникальной заметке об этом форуме, должную оценку на нём получили такие специфические черты войны на востоке, как гигантская протяжённость линии фронта, высокий уровень потерь, особенно в австро-венгерской армии, манёвранный характер военных действий (в отличие от почти неподвижного фронта на Западе)⁶⁴. Вместе с тем узость хронологических рамок (два первых года войны) не позволила раскрыть воздействие на общий ход войны таких событий, как Брусиловский прорыв, не говоря уже о российских революциях 1917 г. В выступлениях участников (и затем в статьях сборника) фигурировали и малообоснованные версии: отрицалось существование «плана Шлиффена», российским властям предъявлялись обвинения в «экономической эксплуатации» военнопленных, причём в «драматических масштабах»⁶⁵.

В научных исследованиях последнего времени всё чаще выдвигаются на передний план гуманитарные аспекты войны (в частности, отношение к военнопленным, мирному населению на оккупированных территориях и в собственном тылу). Этот процесс можно считать вполне естественным: когда ныне говорится о «цене войны», имеется в виду не столько уровень материальных и людских потерь (соответствующий подсчёт уже давно проведён, возможны лишь отдельные уточнения), сколько ущерб, который она нанесла основам человеческой цивилизации. Формула о том, что «идея прогресса умерла в окопах Первой мировой войны», содержит явное преувеличение. Однако очевиден привнесённый ею регресс в то, что касается гуманитарной сферы, ставший ещё более очевидным в ходе Второй мировой войны и последующих военных конфликтов (Корея, Вьетнам и т.д.)⁶⁶. Повышенное внимание к изучению причин, форм и последствий того отката в варварство, начало которому положила Первая мировая война, является в этой связи своеобразным не только научным, но и моральным императивом для исследователей.

---

⁶²*Kramer A. Recent Historiography... № 2. P. 172.* Единственным исключением он считает книгу Д. Стивенсона под названием, очевидно, имитирующим солдатский жаргон: «Нас припёрли к стенке». См.: *Stevenson D. With Our Backs to the Wall. Victory and Defeat in 1918. L., 2001.*

⁶³См.: *Die vergessene Front – der Osten 1914/15. Ereignis, Wirkung, Nachwirkung / Hg. G.P. Gross. Paderborn, 2006.*

⁶⁴*Kellerhoff S.F. Die vergessene Front // Die Welt. 2004. 2. Juni.*

⁶⁵*Barth B. Rezension zu: Die vergessene Front – der Osten 1914/15. Ereignis, Wirkung, Nachwirkung / Hg. G.P. Gross. Paderborn, 2006 // H-Soz-Kult. 2008. 19. Dezember (URL: <http://www.hsozkult.de/publikationreview/id/rezbuecher-8238>).*

⁶⁶См. подробнее: *Филитов А.М. Мировые войны – роковые вехи... С. 110–111.*

Внимание историков издавна привлекала тема нарушений норм международного права, допущенных немецкой армией во время военных действий в Бельгии и северо-западных областях Франции. Существенный вклад в раскрытие этой темы внёс Креймер. В книге, написанной им в соавторстве с Дж. Хорном, есть не только полное описание военных преступлений немецких оккупантов, совершённых против мирного населения, но и исчерпывающая картина попыток германских властей (а затем и историков) скрыть эти преступления либо преуменьшить их масштабы, найти для них оправдания⁶⁷.

В Германии книга вызвала острую дискуссию (продолжающуюся и поныне), в ходе которой особенно ярко проявили себя тенденции апологетики в духе «защиты чести немецкого солдата»⁶⁸. Совсем недавно вышел огромный (679 страниц!) труд немецкого историка Г. Шпраула, посвящённый полемике с «домыслами» Хорна и Креймера⁶⁹. Весьма противоречива оценка этой работы в масс-медиа: с одной стороны, она характеризуется как образчик «злобного правоконсервативного пасквиля», с другой – указывается на некие (никак не конкретизируемые) недостатки в книге Хорна и Креймера, и выходит, что автор «пасквиля» не так уж неправ в своих выводах⁷⁰.

Логично было бы предположить, что в своём историографическом обзоре Креймер коснётся дискуссии вокруг этой книги, которая обеспечила ему и его соавтору, без преувеличения, мировую известность. Однако вместо ответа оппонентам он находит новую тему для подтверждения тезиса о нарушении норм права и принципов гуманности в ходе Первой мировой войны – осуществлявшиеся российской стороной «депортации» из прифронтовых районов «миллионов поляков, этнических немцев, евреев, литовцев и прочих». Тут же упоминается о депортациях армян в Турции, подвергшихся «расовому геноциду», и хотя прямой параллели между действиями российских и турецких властей не проводится, но намёк на близость соответствующих феноменов есть⁷¹. Налицо и новый тренд в историографии. Главными (если не единственными) виновниками антигуманных акций периода войны объявляются Турция – на стороне Четверного союза, и Россия – на стороне Антанты.

Известные коррективы в эту картину внесла серия статей, опубликованных в том же «Journal of Modern European History» и посвящённых политике участников войны в отношении статуса и собственности граждан вражеских государств, а также представителей собственных этнических меньшинств, которых подозревали в сотрудничестве с противником. Общий вывод: действия российских властей принципиально не отличались от характерных для других стран Антанты⁷². Указывается и на неосновательность того, что на одну доску были поставлены Россия и Турция как главные нарушители принципов права и гуманности: «В Российской империи имела реальная и поразительно глубокая традиция уважения к международному праву, и вдобавок революция 1905 года

⁶⁷См.: *Horne J., Kramer A. German Atrocities 1914. A History of Denial.* New Haven; L., 2001.

⁶⁸См. подробнее: *Филитов А.М.* Смена парадигм в историографии... С. 296–297.

⁶⁹См.: *Spraul G. Der Franktireurkrieg 1914. Untersuchungen zum Verfall einer Wissenschaft und zum Umgang mit nationalen Mythen.* Berlin, 2016.

⁷⁰*Epkenhans M.* Grausamkeiten in Belgien. Was geschah denn nun wirklich? // FAZ. 2016. 7. November.

⁷¹*Kramer A.* Recent Historiography... № 1. P. 22.

⁷²См. вступительную статью к этой серии: *Cagliotti D.L.* Aliens and Internal Enemies: Internment Practices, Economic Exclusion and Property Rights during the First World War // *Journal of Modern European History.* Vol. 12. 2014. № 4. P. 448–459.

принесла значительный прогресс в том, что касалось главенства права и формирования гражданского общества, и всё это в совокупности перекрывало ту сравнительно узкую базу, на которую могли подействовать националистические лозунги любого вида». Правившие же в тогдашней Оттоманской империи младотурки из движения «Единение и прогресс», напротив, «никогда не придерживались принципов международного права»⁷³.

Интересны замечания авторов относительно проводимых порой параллелей между геноцидом армян и антинемецкими погромами в Москве⁷⁴: в первом случае директивы о развязывании террора шли сверху, от центрального руководства, тогда как во втором речь шла о попустительстве либо даже провокациях со стороны местных властей, на которые центр реагировал резким осуждением и требованиями навести порядок. Параллель, таким образом, признаётся искусственной и неправомерной.

Своеобразный подход к гуманитарным аспектам Первой мировой войны демонстрирует польский историк К. Рухневич (директор основанного в 2003 г. Центра германских и европейских исследований имени В. Брандта при Вроцлавском университете) в статье, опубликованной в «Frankfurter Allgemeine Zeitung». Нельзя не согласиться с ним в том, что происходившие в Восточной Европе военные события окружены «пеленой забвения». Вполне уместно его напоминание об извлечённых из этой «пелены» фактах: массовых репрессиях немецких оккупантов против жителей польского пограничного с Германией г. Калиш (под теми же предлогами, как и в отношении бельгийцев — якобы немецкие солдаты подвергались обстрелам со стороны нонкомбатантов), первом применении химического оружия в окрестностях Лодзи в январе 1915 г. (ещё до известной атаки под Ипром). Впрочем, видимо, вспомнив о нынешнем натовском «братстве по оружию» с немцами, автор поспешно переводит огонь критики на Россию: и воевала она-де плохо, и страдания мирному населению причиняла невероятные. Парадоксальны его тезисы о том, что начало Первой мировой войны воплотило в жизнь «поколениями вынашиваемую надежду поляков» на восстановление своей независимости в результате конфликта между угнетавшими их империями, и что «с точки зрения многих народов Восточно-центральной Европы Первая мировая война принесла им свободу, а вот Вторая — наоборот её лишила»⁷⁵. А о том, что Вторая мировая война поначалу лишила поляков не только свободы, но и перспектив на выживание и что только Красная армия устранила эту угрозу и обеспечила польской нации новый, более жизнеспособный территориальный статус, просто умалчивается. В данном случае налицо явная дань националистическим и примитивно антироссийским настроениям.

Весьма характерна для современной зарубежной историографии дискуссия, развернувшаяся вокруг понятия «вторая тридцатилетняя война», которое объединяет в одно целое обе мировые войны, равно как и межвоенный период. По моему мнению, эвристическая ценность этой конструкции, введённой в своё время в оборот Черчиллем, весьма сомнительна: нацистская Германия представляла собой несравненно больший и качественно иной вызов цивилизации,

⁷³ Ůngör Ů., Lohr E. Economic Nationalism, Confiscation and Genocide. A Comparison of the Ottoman and Russian Empires during World War I // Journal of Modern European History. Vol. 12. 2014. № 4. P. 520.

⁷⁴См. подробнее: Гагазова Л. Хроника бесчинств. Немецкие погромы в Москве в 1915 году // Родина. 2002. № 10. С. 18–23.

⁷⁵Ruchniewicz K. Der fremde Krieg // FAZ. 2014. 10. August.

чем вильгельмовская или Австро-Венгерская империи, а антигитлеровская коалиция принципиально отличалась от Антанты. Такие сопоставления сторонники этой версии не проводят, а обосновывают её тем соображением, что Первая мировая война вызвала настолько сильную и всеобщую «брутализацию» социумов и политических движений, что это неизбежно должно было вылиться в новый мировой конфликт. Некоторые авторы (среди них, помимо Креймера, также известный немецкий историк Й. Эхтеркамп) считают преувеличенным тезис о всеобщей «брутализации»: он-де не применим к «демократическим государствам» и может быть отнесён только к Советской России⁷⁶. Как видим, «русский фактор» вновь трактуется в весьма специфическом контексте.

Тезис об особой российской «брутальности» — в центре концепции одной из немногих крупных работ, где затрагивается история внутренней политики России в период Первой мировой войны. Речь идёт о монографии П. Холквиста «Вести войну — ковать революцию. Континуум российского кризиса, 1914—1921»⁷⁷. Как видно из заголовка, события мировой войны составляют лишь часть её содержания, а знакомство с текстом показывает, что они составляют меньшую его часть. Основное внимание автор уделяет событиям Гражданской войны, причём с локализацией на происходивших на Дону и в прилегавших областях. По сути, речь идёт о расширенном издании его докторской диссертации, посвящённой «русской Вандее» (этот образ антиправительственного крестьянского восстания эпохи Французской революции, по его мнению, вполне подходит для описания отношений между основной частью донского казачества и советской властью в описываемые годы). Тем не менее в первых главах своего труда автор выходит далеко за рамки истории казачества, выдвигая весьма своеобразную трактовку причин «русского кризиса» в рамках империи в целом.

В центре трактовки Холквиста — тезис о том, что отрицательное отношение правящих кругов империи к идее и практике свободного рынка, их этатизм, вера в благотворительную роль государства и неверие в инициативу индивида (феномены, характерные и для оппозиционной «общественности») оказали на ситуацию в России роковое влияние. Повышение роли государства в экономической жизни, его вмешательство в сферу производства и распределения, признаёт автор, было неизбежным следствием затянувшейся войны: Германия и Австро-Венгрия использовали в 1917—1918 гг. войска для обысков и насильственных реквизиций продуктов у собственных крестьян, в странах обоих противостоящих блоков создавались специальные государственные структуры для управления экономикой⁷⁸. Однако, утверждает Холквист, «что отличало Россию от прочих держав, так это стремление устранить существующие коммерческие и торговые сети... В отличие от почти всех других воюющих стран российское правительство при деятельной поддержке гражданских активистов пыталось использовать меры военного времени, чтобы заменить существующие рыночные структуры чем-то иным, а не инкорпорировать их. В то время, как в большинстве прочих стран снабжением ведали бизнесмены, в России это было не так»⁷⁹. Нечто похожее, по мнению Холквиста, имело место только

⁷⁶ *Kramer A. Recent Historiography... № 2. P. 173.*

⁷⁷ С.м.: *Holquist P. Making War, Forging Revolution. Russia's Continuum of Crisis, 1914—1921.* Cambridge (Mass.), 2002.

⁷⁸ *Ibid. P. 33.*

⁷⁹ *Ibid. P. 34.*

в Турции (снова та же аналогия!), где гонения на купцов и предпринимателей имели отчётливо антиармянскую направленность.

В России речь шла не о национализме, а о более глубоком идеологическом феномене. Для российского аппарата продовольственного снабжения был характерен «всеобщий антирыночный, уповающий на план этатистский консенсус, охватывающий весь политический спектр»⁸⁰. По сути, для Холквиста нет особой разницы между политикой царского режима, Временного правительства и советской власти: пресловутый этатизм обусловил-де малую экономическую эффективность и крайне высокий уровень внеэкономического насилия, ставшие специфическими чертами российского пути развития, принципиально отличного от того, что имело место на Западе. Именно эта сторона концепции Холквиста сделала её столь привлекательной для тех, кто сводит проблему «брутализации» как результата Первой мировой войны исключительно к российскому феномену, позволяя таким образом возложить на преемника Российской империи – Советское государство – ответственность и за развязывание Второй мировой войны.

Насколько убедительна аргументация Холквиста? Можно сколько угодно спорить о преимуществах и недостатках «плановой» и «рыночной» экономических моделей (хотя в чистом виде они не существуют), однако об однозначном воздействии той или иной из них на сферу политики говорить не приходится. Представление о том, что «план» – это всегда диктатура, произвол и война, а «рынок» – демократия, законность и мир, явно противоречит реальности. Аналогичная ситуация с представлением о благодетельной миссии «бизнесменов», противостоящих якобы бездарным бюрократам и некомпетентным «гражданским активистам». Германской экономикой во время обеих мировых войн управляли «бизнесмены», причём довольно эффективно, что вполне сочеталось с установлением и функционированием диктаторских режимов со свойственными им произволом и жестокостью, которые при Гитлере достигли беспрецедентных и уникальных масштабов. Впрочем, и эффективность управления экономикой со стороны «бизнесменов» – понятие относительное. Здесь показателен опыт современной России. Короткий период, когда роль государства была сведена до минимума («семибанкирщина»), оказался в экономическом плане едва ли не самым катастрофическим в её истории.

Весьма поверхностный характер носят проводимые Холквистом аналогии (упомянутые реквизиционные рейды немецких и австро-венгерских властей и деятельность продотрядов в Советской России, продразвёрстка, объявленная управляющим Министерством земледелия А.А. Риттихом в 1916 г. и В.И. Лениным – в 1919-м). Однако трудно возразить против его тезиса о неудаче системы регулирования военной экономики России, которая в отечественной историографии адекватно, на мой взгляд, характеризуется как «госмонополизм в милитаристских... формах»⁸¹. К сожалению, ответ на вопрос о причинах возникновения этой системы автор вновь сводит к характерным якобы исключительно для России традициям этатизма, подавления «инициативы бизнесменов» и т.д.

Между тем законен был бы вопрос о самом наличии и/или эффективности такой инициативы. В одной из статей сборника ИНИОН РАН приводится основательная подборка мнений по этой проблеме российских исследователей (В.В. Седова, Ю.П. Бокарева, Е.Ю. Галыниной, Т.М. Китаниной, П.А. Кюнга

⁸⁰Ibid. P. 44.

⁸¹Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С. 19.

и др.), однако в ней, как представляется, ещё многое остаётся неясным⁸². На мой взгляд, первым приближением к истине можно считать точку зрения, согласно которой ответственность за практическую отстранённость отечественного предпринимательского класса от государственных дел переносится на него же: «Трудно говорить о российской буржуазии как телеологически целостном ориентированном слое, способном сцементировать всё общество и “потянуть” его за собой»⁸³.

Остаётся вопрос об альтернативах. К сожалению, его не ставят ни российские историки, ни Холквист. Между тем собранный последним материал даёт на этот счёт определённые основания для плодотворных размышлений. Речь идёт, в частности, о приводимых им данных о росте (скромном, но явном) поставок продовольствия по линии кооперативов. Могло ли кооперативное движение заполнить брешь, возникшую из-за рассогласованности деятельности бюрократии, «общественности» и буржуазных кругов и тем самым стабилизировать обстановку в стране и предупредить революционный кризис? Это лишь один вопрос, который хотелось бы адресовать специалистам.

Есть и иные «белые пятна». Так, крайне мало исследований, посвящённых деятельности в рассматриваемый период отдельных партий, политических и общественных организаций как на национальном, так и на международном уровне, особенно в плане антивоенных инициатив. В Голландии вышел огромный том (свыше 1 тыс. страниц мелкого шрифта!) — «Международное движение за мир во время Первой мировой войны»⁸⁴. Однако название несколько обманчиво: речь идёт о деятельности, в основном организационной, одной из пацифистских организаций, политическое влияние которой осталось весьма ограниченным. Мало что добавляет к известным фактам исследование английского историка М. Малхолланда о причинах перехода социалистических партий на позиции поддержки своих правительств и краха Второго Интернационала⁸⁵.

Нельзя считать закрытой проблему роли финансовых и промышленных магнатов в развязывании войны (вновь упомяну «ревизионистскую» точку зрения Маллигана). Особого внимания заслуживает деятельность дипломатических ведомств и спецслужб: к примеру, давно уже бытует версия, будто поворот рейхсканцлера Германской империи Т. фон Бетман-Гольвега на путь конфронтации был вызван информацией (или дезинформацией?) от агента в российском посольстве в Лондоне. Насколько обоснована такая версия?

Французским и российским архивистам следовало бы возобновить поиски таинственно исчезнувших документов о визите французского президента Р. Пуанкаре в Петербург накануне войны: имевшим тогда место переговорам конспирологи разного рода придают некую зловещую роль в развязывании войны.

Таковы лишь некоторые соображения, возникшие на основании знакомства с зарубежной литературой по истории Первой мировой войны, исследователи же, более глубоко занимающиеся этой тематикой, несомненно, назовут и другие.

---

⁸²Беспалов С.В. Социально-экономическое развитие имперской России в годы Первой мировой войны (по материалам научных конференций) (Реферативный обзор) // Первая мировая война: современная историография... С. 152–168.

⁸³Булдаков В.И. Указ. соч. С. 15.

⁸⁴The International Peace Movement during the First World War. In and around the Dutch Anti-War Council 1914–1919, its mediatory work for a speedy peace, its Central Organisation for a Durable Peace by W.H. van den Linden. Almera, 2006.

⁸⁵Mullholland M. «Marxists of strict observance»? The Second International, National Defence and the Question of War // Historical Journal. Vol. 58. 2015. June. P. 613–640.

**Советская военная помощь Испанской республике
в 1936–1939 гг.
в интерпретации англо-американских историков**

Михаил Новиков

**Anglo-American researchers about Soviet military assistance
to the Spanish Republic in 1936–1939**

Mikhail Novikov (K.D. Ushinsky Yaroslavl State Pedagogical University, Russia)

18 июля 1936 г. консервативно настроенные представители вооружённых сил подняли мятеж против законного демократического правительства Испанской республики, переросший в длительную и кровопролитную гражданскую войну. Конфликт между консерваторами и левыми радикалами получил общенациональный характер и привёл к созданию и столкновению массовых армий. Технологическая отсталость страны, слабость её военной промышленности, желание противоборствующих сил обладать более современным разрушительным оружием делали неизбежными обращения к передовым в военном отношении державам с просьбами о продаже самолётов, танков, артиллерийских орудий и т.д. Сторонники генерала Ф. Франко нашли понимание в Берлине и Риме. Под благовидным миротворческим предлогом Вашингтон, Лондон и Париж отказались продавать оружие расколотой надвое Испании, и тогда её правительство обратилось за поддержкой в Москву, где и нашло, хотя и не сразу, полное понимание. Война закончилась 1 апреля 1939 г. победой франкистов, принявших из рук Гитлера и Муссолини широкомасштабную военную помощь и использовавших некоторые элементы германского нацизма и итальянского фашизма.

По многочисленным свидетельствам очевидцев, советское руководство достаточно спокойно восприняло известие о военном мятеже в Испании, полагаясь на полученную по линии Коминтерна информацию о скором поражении путчистов. Не имея дипломатических отношений с Мадридом, СССР официально никак не отреагировал на это событие. Неизвестно, когда и как вожди ВКП(б) приняли решение о демонстрации солидарности с Испанской республикой и оказании ей гуманитарной помощи. Скорее всего, это произошло в конце июля – начале августа, так как первые митинги, на которых звучали соответствующие лозунги, состоялись 2 августа 1936 г. По массовости, искренности участников и готовности к самопожертвованию эта кампания не имела аналогов в отечественной истории. Советские люди из своих скромных зарплат внесли в фонд помощи Испанской республике около 1 млрд 300 млн франков (в 17 самых богатых капиталистических странах было собрано 800 млн франков), на которые закупились продовольствие, медикаменты, товары первой необходимости, направлявшиеся затем пароходами в средиземноморские порты. В СССР приняли на воспитание около 4 тыс. осиротевших в ходе гражданской войны детей, устраивали торжественные встречи испанских делегаций,

присваивали трудовым коллективам имена героев и руководителей борьбы с франкистами, поощряли переписку своих граждан с испанцами, участие журналистов, поэтов и прозаиков в конгрессе писателей в Испании в июле 1937 г., публикацию ими книг и статей о происходившем за Пиренеями и т.д. Предположительно в начале сентября 1936 г. советское руководство решило предоставить воюющей республике не только гуманитарную и дипломатическую поддержку, но и военную помощь. Её мотивы, способы оказания и эффективность до сих пор вызывают дискуссии в историографии.

Практически во всех странах Европы и Америки репортёры, публицисты и литераторы писали о гражданской войне в Испании. Вскоре к ним присоединились историки, усилиями которых создана колоссальная по объёму, многонациональная историография испанского конфликта. Доминирующее положение в ней до конца XX в. занимали англо-американские исследования и лишь после смерти Франко и демократической трансформации установленного им режима первенство постепенно перешло к испанцам.

Литература Великобритании, США и Канады о событиях 1936–1939 гг. имеет некоторые особенности, но опирается на общую методологическую и идеологическую основу; в ней развиваются схожие концепции, а их авторы зачастую тесно связаны друг с другом (в том числе и организационно). Можно условно выделить два этапа её становления – 1936–1950-е гг. и с 1960-х гг. до настоящего времени. В первые десятилетия преобладали работы участников и очевидцев гражданской войны, а также журналистов и писателей. Открыто отстаивая свои прореспубликанские или профранкистские позиции, они заложили основы ультралево-марксистской, демократической и консервативной традиций в освещении политической истории Испании 1930-х гг.

В изданных в 1930–1950-х гг. работах марксистов, как правило – членов британской и американской компартий, последовательно оправдывалась политика СССР и жёстко критиковались действия Германии и Италии, а также «невмешательство» Великобритании и Франции и нейтралитет США¹. Эти оценки были близки и приверженцам демократических взглядов². В монографии американского профессора Д. Кеттелла, изданной в самый разгар холодной войны, действия советских и испанских коммунистов оправдывались их стремлением во что бы то ни стало выиграть войну, ставшую частью борьбы с международным фашизмом. Ради этого, отмечал историк, они были готовы пожертвовать всем, включая свои узкополитические интересы. Военную помощь Испанской республике Кеттелл связывал прежде всего с интересами антифашистской внешней политики СССР, требовавшими поддержки Мадрида³. Консерваторы, писавшие о гражданской войне 1936–1939 гг., открыто или завуалированно симпатизировали франкистам и считали военный мятеж превентивной мерой для предотвращения якобы готовившегося коммунистического переворота и большевизации страны⁴. К. Хейс

¹См.: *Путкери Ф.* Испания. Заметки журналиста. М., 1937; *Nelson S.* The Volunteers. N.Y., 1953; *Rust W.* Britons in Spain. L., 1939; *Jellinek F.* The Civil War in Spain. L., 1938.

²См.: *Cox G.* Defence of Madrid. L., 1937; *Buckley H.* Life and Death of the Spanish Republic. L., 1940; *From Spanish trenches* / Ed. by M. Acier. N.Y., 1937; *Zilliacus K.* Britain, USSR and World Peace. L., 1946; *Mackintosh J.* The Paths that Led to War. Europe 1919–1939. L., 1940; *Armstrong G.* Why Another World War? How We Missed Collective Security. L., 1941; *Gannes H., Repard T.* Spain in Revolt. L., 1936.

³*Cattell D.T.* Communism and the Spanish Civil War. Berkeley (California), 1956.

⁴*McCullagh F.* In Franco's Spain. L., 1937; *Churchill W.* Gathering Storm. L., 1948; *Loveday A.* World War in Spain. L., 1939; *Loveday A.* Spain. 1923–1948. L., 1948; *Hays C.* The United States and Spain. An Interpretation. Westport (Connecticut), 1970; *Hays C.* Wartime Mission to Spain. 1942–1945. N.Y., 1945.

утверждал даже, что коммунисты будто бы надеялись, захватив власть в Испании, вызвать революции в Италии, Португалии, Франции и Латинской Америке⁵.

С конца 1950-х – начала 1960-х гг. появляется большое количество новых трудов, написанных, как правило, профессорами британских и американских университетов на основе материалов, извлечённых из архивов Великобритании, Германии, Испании, Италии, Франции и США, данных периодической печати и мемуарных свидетельств. По понятным причинам до 1990-х гг. в них слабо использовались источники из СССР, за исключением «Испанского дневника» М. Кольцова и «Испанских тетрадей» И.М. Майского. Но в последние два десятилетия ситуация кардинально изменилась: английские и американские исследователи активно работают в российских архивах, изучают публикации советских газет и журналов, воспоминания участников войны, выполнявших задания Москвы, знакомятся с работами отечественных историков, что способствует выработке более объективной интерпретации роли СССР в испанском конфликте. Политизированная ультралевая, марксистская и консервативная литература постепенно вытесняется разработками профессиональных историков, обычно придерживающихся демократических ценностей⁶. Специалисты из разных стран всё чаще объединяют усилия при организации научных конференций, рецензировании монографий и издании сборников статей.

Особый интерес при этом вызывают мотивы, определявшие политику наиболее влиятельных государств. Логика решений, принятых Гитлером и Муссолини, а также правящими кругами Великобритании, США и Франции, в достаточной степени изучены, чему немало способствовала доступность соответствующих источников. Гораздо труднее выявить намерения советского правительства, поскольку необходимые для этого официальные документы (если таковые вообще имеются) пока не рассекречены, а мемуары практически отсутствуют.

Между тем, как справедливо отмечает профессор университета штата Висконсин С. Пейн, советская историография признавала «только самые высокие мотивы вмешательства сталинского режима в испанский конфликт: защиту испанского народа и борьбу с фашистской агрессией. Напротив, обширная историография франкистской Испании приписывала советской политике самые зловещие намерения, главной её целью, якобы, было установление в Испании тиранического марионеточного коммунистического режима». По мнению Пейна, «западный научный анализ находится между двумя этими течениями, однако консенсус так и не найден»⁷.

С известной долей условности можно выделить четыре основные версии, сложившиеся в историографии за 80 лет. В СССР помощь Мадриду официально объяснялась интернациональным долгом советских рабочих и крестьян перед рабочим классом и крестьянством Испании, вступившими в вооружённую борьбу с международным фашизмом. Среди франкистов и консерваторов на

---

⁵*Hays C.* The United States and Spain... P. 103–118.

⁶См.: *Spain in Conflict, 1931–1939. Democracy and its Enemies* / Ed. by M. Blikhorn. L., 1986; *Revolution and War in Spain. 1931–1939* / Ed. by P. Preston. L.; N.Y., 1984; *The French and Spanish Popular Fronts: Comparative Perspectives* / Ed. by M.S. Alexander, H. Graham. Cambridge, 1989; *Alpert M.A.* New International History of the Spanish Civil War. L., 1994; *Buchanan T.* The Spanish Civil War and the British Labour Movement. Cambridge, 1991; *Preston P.* The Coming of the Spanish Civil War: Reform, Reaction and Revolution in the Second Republic 1931–1939. L., 1971; *Preston P.* The Spanish Civil War, 1936–1939. L., 1986; *Preston P.* The Spanish Holocaust. L.; N.Y., 2012.

⁷*Payne S.* The Spanish Civil War, the Soviet Union, and Communism. New Haven; L., 2004. P. 127–128.

Западе, особенно в годы холодной войны, было широко распространено представление о том, что Советский Союз, поддерживая республику, стремился к «мировой революции» и установлению коммунистического режима на Пиренейском полуострове. Сторонники демократических убеждений, видя в Советском Союзе наиболее последовательного лидера всех антифашистских сил мира, полагают, что Москва не могла не прийти на помощь испанцам, сражающимся с международным фашизмом. В противном случае она рисковала утратить авторитет среди антифашистов и растерять сторонников в разных странах мира, а этого нельзя было допустить.

Вместе с тем значительная часть исследователей отвергает и «интернационалистическую», и «консервативную», и «антифашистскую» версии, указывая на прагматические соображения кремлёвских вождей, перед лицом фашистской угрозы желавших через оказание помощи Испанской республике установить более тесное сотрудничество с Францией, а по возможности и с Великобританией. Пейн считает общепризнанным то, что «вмешательство Советского Союза было обусловлено намерением применения на практике провозглашённой Советским Союзом стратегии коллективной безопасности, официальной политики Советского Союза с зимы 1935 г. до зимы 1939 г.». При этом Пейн цитирует итальянского историка Дж. Боффа, по мнению которого «испанский вопрос стал для советской дипломатии той почвой, на которой Москва надеялась возложить на Британию и Францию прямые обязательства по борьбе с фашистской агрессией и, следовательно, получить солидные гарантии безопасности». Как констатирует историк, «различные варианты этой версии часто встречаются в литературе»⁸. Со своей стороны, Пейн сомневается в обоснованности этого мнения и пишет, что Сталин, наверняка, был бы очень рад вступлению Британии и Франции в конфликт на стороне республики, однако к концу сентября уже не рассчитывал на отказ их правительств от политики невмешательства. «Как покажет будущее, — напоминает Пейн, — советская дипломатия сделает всё возможное для отмены политики невмешательства Британии и Франции, даже ценой конфронтации с западными державами». В этих условиях, утверждает исследователь, главной целью СССР являлось именно противостояние фашистской агрессии⁹.

Современные российские историки, как правило, указывают на прагматические задачи, стоявшие перед дипломатией СССР в 1936–1939 гг. В отечественной историографии их впервые раскрыл мой научный наставник М.Т. Мещеряков. В статье, опубликованной уже после его безвременной кончины, отметив, что основные направления внутренней и внешней политики СССР определялись тогда непосредственно Сталиным, получавшим обширнейшую информацию из различных источников, Марклен Тихонович писал: «Испанский конфликт, по крайней мере в начальный его период, рассматривался им как событие, позволяющее найти точки соприкосновения с западными демократиями в деле реализации идеи коллективной безопасности в Европе. Он не мог не учитывать военно-политических последствий утверждения в Испании режима фашистского типа, ориентированного на Германию и Италию. Победа мятежников в Испании могла радикально изменить расстановку сил не только в Европе, но и во всём мире. Под угрозу ставилась создаваемая Советским Союзом совместно с Францией и Чехословакией система

⁸Ibid. P. 128.

⁹Ibid.

коллективной безопасности, задуманная как барьер на пути гитлеровской агрессии. Если бы Испания оказалась под пятой фашизма, то в тылу советского союзника — Франции появилось бы враждебное ему государство и уже не Германии, а Франции грозила война на два фронта со всеми вытекающими из этого обстоятельства последствиями. Не исключалось также, что в случае победы фашизма в Испании определённая часть правящих кругов Англии и Франции, известных своими симпатиями к фашизму, используют испанский конфликт для достижения с Берлином и Римом таких соглашений, в результате которых Советский Союз может оказаться перед лицом мощной коалиции враждебных ему государств. Победа же антифашистских сил Испании, напротив, создавала возможность расширить рамки коллективной безопасности, убедить колеблющиеся страны в целесообразности сотрудничества в борьбе с гитлеровской агрессией, нейтрализовать сторонников “умиротворения” фашизма... Таким образом, долговременные стратегические интересы понуждали Советский Союз к активному участию в испанской войне»¹⁰.

Такие соображения действительно не могли не учитываться при выработке внешнеполитического курса. Однако в высшем руководстве ВКП(б) были и сторонники немедленной большевизации Испании, искренние и последовательные интернационалисты и антифашисты, имевшие свои мотивы оказания помощи республике. Впрочем, едва ли их мнение, даже если оно в той или иной форме доводилось до Сталина, могло иметь решающее значение.

Не менее важно понять, почему СССР в течение двух с половиной лет оказывал военную помощь Испанской республике. Среди писавших об этом англо-американских историков особенно следует выделить Бернетта Боллотена и Стэнли Пейна. Во время гражданской войны Боллотен работал корреспондентом одной из американских газет в Испании и проявил себя последовательным демократом. Собирая материалы для будущей книги, он проанализировал множество документов и через 22 года издал фундаментальную работу «Грандиозный камуфляж. Тайная деятельность коммунистов в период испанской гражданской войны». Она стала главным делом жизни Боллотена и впоследствии дважды переиздавалась в переработанном и дополненном виде¹¹. В целом правдиво освещая участие СССР, Коминтерна и испанских коммунистов в борьбе с франкистами, Боллотен опирался в том числе на свидетельства отдельных представителей коммунистического движения, мечтавших о победе в стране социалистической революции и развивавших общетеоретические представления о революции. На основании их делался вывод о том, что противодействие фашизму служило Советскому Союзу и Коминтерну лишь «камуфляжем», скрывавшим стремление к установлению в Испании коммунистического режима¹². Не случайно в 1967 г. эта книга с одобрения франкистской цензуры была издана в Барселоне.

¹⁰ Мещеряков М.Т. СССР и гражданская война в Испании // Отечественная история. 1992. № 4. С. 87.

¹¹ *Bolloten B. The Spanish Civil War: Revolution and Counterrevolution. Chapel Hill (California); L., 1991; Bolloten B. The Spanish Revolution: The Left and the Struggle for Power during the Civil War. Chapel Hill (California), 1979.* Последнее издание Пейн характеризовал как «исследование истории испанской революции и республиканской зоны во всех подробностях от начала до конца». Между тем, будучи ещё молодым историком, в рецензии на издание 1961 г. Пейн писал, что работа Боллотена его «разочаровала» (*Payne S. Recent Studies on the Spanish Civil War // The journal of modern history. Vol. 34. 1962. № 3. P. 314.*)

¹² *Bolloten B. The Grand Camouflage. The Communist Conspiracy in the Spanish Civil War. L., 1961.*

В 2004 г. Йельский университет США выпустил посвящённую памяти Болотена книгу Пейна «Испанская гражданская война, Советский Союз и Коминтерн». В ней вновь, уже в условиях XXI в., помощь СССР и Коминтерна Испанской республике изображается как шаг, направленный на установление в стране коммунистического режима. Пейн изучил широкий круг источников, включая изданные в СССР и в современной России сборники документов, произведения вождей мирового коммунистического движения (И. Сталина, Г. Димитрова, П. Тольятти, Д. Мануильского, Х. Диаса, Д. Ибаррури и др.), воспоминания, дневники и эссе очевидцев гражданской войны (в том числе М. Кольцова, И. Эренбурга, Н.Г. Кузнецова, С.А. Ваупшасова), труды советских и российских исследователей с 1930-х гг. до наших дней. Этим книга Пейна выгодно отличается от многих публикаций западных историков, однако и он по сложившейся в англо-американской историографии традиции постоянно обращается к давно уже признанной недостоверной работе В. Кривицкого «На секретной службе у Сталина» и сомнительным рассказам других перебежчиков (А. Орлова, А. Амба, О. Сарина и Л. Дворжецкого и др.).

Пейн подробно анализирует неудачные попытки приблизить мировую коммунистическую революцию, неоднократно предпринимавшиеся советским руководством с 1920-х гг., в том числе и случаи оказания военной помощи различным революционным движениям в соседних с СССР государствах. Вместе с тем он рассматривает изменение тактики коммунистов после состоявшегося в 1935 г. VII конгресса Коминтерна, призвавшего к созданию антифашистского «народного фронта» — широкой коалиции демократических партий и движений, которая могла бы легальным путём добиться власти и сформировать своё правительство без участия коммунистов, но при их полной поддержке. Это называлось «демократией нового типа», более «передовой» по сравнению с «буржуазной». Однако, как отмечает Пейн, «пролетарская революция оставалась главным пунктом повестки дня». Подтверждением этого он считает выступление Г. Димитрова, заявившего: «Мы должны честно сказать массам: народный фронт не может принести окончательного освобождения... Необходимо готовиться к социалистической революции. Советская власть и только советская власть может принести окончательное освобождение»¹³. Тем самым, утверждает Пейн, даже если коммунисты искренне боролись за демократию в Испании в 1936–1939 гг., всё равно после возможной победы они захотели бы установить собственный режим и образовать ещё одну советскую республику. И хотя, по словам Пейна, «общепризнанно, что к середине 1930-х годов Сталин полностью потерял интерес к Коминтерну и отказался от идеи разжигания мировой революции», революционная перспектива «оставалась частью фундаментальной советской имперско-революционной парадигмы»¹⁴.

Пейн убеждён, что на решения руководства ВКП(б) об оказании военной помощи республиканцам заметно влияли действия правительства Л. Кабальеро, приступившего к созданию регулярной Народной армии, для которой и предназначалось советское оружие, а также гарантия оплаты расходов СССР. Историк не склонен видеть случайное совпадение в том, что 13 сентября министр финансов Х. Негрин получил от президента М. Асанья карт-бланш

¹³Payne S. The Spanish Civil War... P. 63.

¹⁴Ibid. P. 128.

на перебазирование золотого запаса Испании из Мадрида в порт Картахена, а 14 сентября в Москве началось рассмотрение плана поставок вооружения¹⁵.

Значение советской военной помощи Испанской республике англо-американские исследователи оценивают по-разному. Авторы консервативных взглядов, игнорируя общеизвестные цифры, склонны преувеличивать её размеры и роль, одновременно преуменьшая масштаб поддержки франкистов Германией и Италией. Ультралевые, напротив, фактически обвиняют СССР в предательстве и объясняют поражение республики тем, что ей было предоставлено слишком мало оружия, которое к тому же являлось устаревшим¹⁶. Демократически настроенные историки, как правило, позитивно оценивают оказанную Мадриду помощь и признают, что в условиях 1930-х гг., с учётом состояния советской военной промышленности, потребностей Красной армии, сложной международной обстановки (содействие Китаю и Монголии в отражении японской агрессии, чехословацкий кризис 1938 г.), Москва сделала для победы испанских республиканцев всё, что могла¹⁷.

Из-за отсутствия прямых документальных данных до сих пор можно лишь высказывать предположения о причинах существенного уменьшения объёма военных грузов, прибывавших из СССР после 1 августа 1937 г. В советской историографии оно долгие годы связывалось с морской блокадой средиземноморского побережья республики, организованной итальянскими подводными лодками весной и летом 1937 г. Однако, как указывают российские исследователи, оставался другой маршрут – морем из Ленинграда и Мурманска во французские порты и далее через открытую ещё в тот период франко-испанскую границу. Видимо, сказывались и обострение ситуации на Дальнем Востоке, и исчерпание перевезённого в Москву золотого запаса Испании, и изменение настроения Сталина, утратившего интерес к событиям на Пиренейском полуострове¹⁸. Эти версии встречаются и в работах зарубежных авторов. Более того, известный британский историк Х. Томас усматривает много общего в германской и советской политике, полагая, что Сталин, как и Гитлер, старались не допускать поражения близких им сил, но и не давали тем одержать быструю победу, поскольку это потребовало бы такого вмешательства, которое могло привести к прямому столкновению европейских держав. По мнению Томаса, то или иное быстрое завершение гражданской войны поставило бы перед СССР и Германией немало трудных вопросов, и они были заинтересованы в её максимальном затягивании, испытывая на испанских фронтах боевую технику и повышая квалификацию своих военных специалистов¹⁹.

И в консервативной, и в демократической литературе остро критикуется деятельность советских спецслужб в Испании. При этом главным источником сведений англо-американских историков начиная с 1940-х гг. остаются мемуары офицеров, опасавшихся расстрела в СССР и в разное время бежавших на

¹⁵Ibid. P. 140–141.

¹⁶Bolin L. Spain: The Vital Years. L., 1962. P. 215; Mitchell D. The Spanish Civil War. L.; N.Y., 1982. P. 70.

¹⁷См.: Cattell D.T. Op. cit.; Landis A. The Abraham Lincoln Brigade. N.Y., 1967.

¹⁸Рыбалкин Ю.Е. Операция «Х». Советская военная помощь республиканской Испании (1936–1939). М., 2000. С. 45–46.

¹⁹Томас Х. Гражданская война в Испании 1931–1939 гг. М., 2003. С. 458. См. также: Payne S. The Spanish Revolution. N.Y., 1970. P. 274; Mitchell D. Op. cit. P. 272.

Запад (В. Кривицкий, А. Орлов, А. Амба и др.)²⁰. В своё время их появление носило сенсационный характер, так как, казалось, приоткрывало устройство зловещего механизма, созданного Сталиным для уничтожения своих политических оппонентов. Однако со временем в этих публикациях было обнаружено множество измышлений. Так, по мнению Томаса, газетные статьи в «The Saturday Evening Post», подписанные Кривицким и позднее изданные отдельной книгой, частично были написаны опытным американским советологом, помогавшим перебежчику составлять отчёты для ФБР²¹. Б. Володарский решительно утверждает, что в книгах А. Орлова, бывшего руководителя резидентуры НКВД в Испании, абсолютно всё выдуманно²².

Пейн, освещая деятельность НКВД в Испании, практически не использует сочинения Кривицкого, Орлова и Амба. Исследователь приводит данные не только об организации Орловым агентурной сети в республиканской зоне, но и о создании там сети специальных тюрем, которые находились в его прямом подчинении и были выведены из-под юрисдикции испанского правительства. Они предназначались для иностранцев, бойцов интернациональных бригад, которых надо было либо перевоспитывать в советском духе, либо ликвидировать, а также для испанцев — противников республики. Согласно документам, опубликованным в 1968 г. в Нью-Йорке В. Митрохиным, у Орлова имелся даже специальный крематорий, позволявший избавляться от тел узников (заведовал им офицер НКВД Ваупшасов)²³.

Орлов также руководил партизанским движением и образовал шесть учебных центров для подготовки диверсантов. Как пишет Пейн, «некоторые из советских лейтенантов, таких как Ваупшасов, лично руководили иногда диверсионными операциями», но «Орлов преувеличивал масштабы и значение их деятельности в своих отчётах в Москву»²⁴. Гораздо важнее была разведывательная сеть, которую «Орлов быстро создал в республиканской зоне»²⁵, пользуясь хорошими отношениями с министром иностранных дел Альваресом дель Вайо, предоставившим ему доступ к зашифрованной переписке МИД республики. В дальнейшем Орлову якобы удалось развернуть свою разведывательную сеть на территории Франции и Марокко. Его агенты будто бы даже собирали для использования в шпионских целях паспорта убитых, а иногда и живых бойцов интербригад (особенно американцев)²⁶.

И всё же главной целью Орлова, признаёт Пейн, была франкистская зона, где он якобы устроил «внушительную агентурную сеть, используя и гражданских, и военных информаторов, а иногда и иностранных журналистов, таких как Ким Филби, который ранее был завербован в Кембридже под его руководством»²⁷. По мнению Пейна, это был самый большой успех Орлова, впоследствии якобы хваставшегося, что у него была возможность информировать

²⁰ См.: *Amba A. I Was Stalin's Bodyguard. L., 1952; Krivitsky W. In Stalin's Secret Service. N.Y., 1939, 2000; Sarin O., Dvoretzky L. Alien Wars: The Soviet Union's Aggressions against the World, 1919–1989. Novato (California), 1996; Orlov A. The Secret History of Stalin's Crimes. N.Y., 1953.*

²¹ *Томас Х.* Указ. соч. С. 246. См. также: *Конквест Р.* Большой террор // Нева. 1990. № 2. С. 167.

²² Подробнее см.: *Volodarsky B. El Caso Orlov. Los servicios secretos Soviéticos en la Guerra Civil de España. Barcelona, 2013.*

²³ *Payne S. The Spanish Civil War... P. 205.*

²⁴ *Ibid.*

²⁵ *Ibid.*

²⁶ *Ibid.*

²⁷ *Ibid.* P. 206.

республиканцев обо всех оперативных планах франкистов. «Это, — отмечает историк, — помогает отчасти объяснить природу превентивных наступательных операций Народной армии от Брунете до Эбро»²⁸.

Вместе с тем доклады Орлова, советников Коминтерна и советских военных специалистов в Москву были буквально усеяны жалобами на бесчисленных предателей, саботажников и франкистских агентов. Пейн объясняет это и «параноидальным советским стилем», и действительным положением вещей: «В многопартийной, полуплюралистической атмосфере республиканской зоны было невозможно полностью искоренить вражескую шпионскую деятельность и даже более плотно контролируемая зона националистов не смогла быть более успешной в этом вопросе»²⁹.

Практически все англо-американские исследователи упоминают о разгроме советскими агентами малочисленной левозэкстремистской политической партии марксистского толка (ПОУМ), видя в этом подтверждение безграничных возможностей НКВД в Испании. В действительности же имело место элементарное сведение счётов с организацией, которая в меру сил активно боролась с международным фашизмом, входила в Народный фронт и занимала независимую позицию в коммунистическом движении, поддерживая контакты со сторонниками Л.Д. Троцкого и открыто критикуя сталинский режим. Её ликвидация не представляла слишком сложной задачи для сотрудников НКВД, использовавших методы провокаций и физического уничтожения своих оппонентов. Резидентура НКВД сфабриковала документы о якобы существовавших связях ПОУМ с франкистами, на основании которых испанские власти объявили партию вне закона и арестовали её руководителей. По приказу Орлова лидера ПОУМ А. Нина пытали четыре дня, заставляя признаться в шпионаже. Поскольку тот выдержал все пытки и не подписал заранее заготовленный текст признания, необходимого суду для вынесения смертного приговора, было принято решение тайно его уничтожить. Как отмечает Володарский, в убийстве Нина непосредственно участвовали А. Орлов, И. Григулевич, Э. Таке, Л. Лакаса и водитель В. Нежинский; стрелял, скорее всего, Григулевич³⁰.

Большое внимание в англо-американской историографии уделяется деятельности в Испании советских военных специалистов, среди которых было 584 советника, 772 лётчика, 354 танкиста, 100 артиллеристов, 166 связистов, 140 инженеров и техников, а также небольшие группы сапёров и политработников. Перед отъездом из СССР все они получали строгое указание исполнять именно функции консультантов и ни в коем случае не принимать на себя командование испанцами, что, в целом, неукоснительно выполнялось. Тем не менее в консервативной литературе им приписывается чуть ли не руководство всеми операциями Народной армии республики и сильное влияние на генералитет³¹. Другие авторы, наоборот, заявляют о «чрезмерной осторожности» советских специалистов и называют их «генералами тыла», забывая, что лётчики, танкисты и артиллеристы непосредственно участвовали в боевых действиях (200 человек из них погибли) и заслужили уважение своих испанских товарищей.

²⁸Ibid.

²⁹Ibid. P. 206–207.

³⁰См.: *Volodarsky B.* Op. cit.

³¹*Bolin L.* Op. cit. P. 214; *Rosenstone R.* *Crusade of the Left. The Lincoln Battalion in the Spanish Civil War.* N.Y., 1969. P. 156.

Иногда зарубежные исследователи пишут о слабой профессиональной подготовке советских инструкторов, что отчасти отражало реальное положение дел. Начиная с конца 1937 г. на смену кадровым военнослужащим, имевшим богатый боевой опыт и внесшим серьёзный вклад в создание Народной армии, в Испанию стали прибывать командиры среднего и младшего звена (что в значительной мере являлось следствием репрессий 1937–1938 гг.). В результате советниками испанских полковников и генералов становились необстрелянные советские капитаны и лейтенанты, вряд ли способные помочь в планировании и проведении крупных операций³².

Немало написано английскими и американскими исследователями и об иностранных добровольцах, участвовавших в гражданской войне на стороне республики. Всего из 54 стран в Испанию прибыло около 50 тыс. человек, включая 5 тыс. граждан США и подданных Великобритании (примерно половина из них состояла в рядах коммунистических партий, остальные являлись членами других левых партий или просто активными антифашистами). Именно выжившим в кровопролитных сражениях англичанам и американцам принадлежит едва ли не половина всех изданных в мире мемуаров добровольцев 1930-х гг. Видимо, не случайно впоследствии их соотечественники чаще других обращались к изучению данной темы. При этом их позиция во многом зависела от отношения к коммунистам и СССР, а также от того, насколько им удавалось примириться с тем фактом, что именно тоталитарный Советский Союз и Коминтерн оказали самую значительную помощь республиканцам в борьбе против международного фашизма, в то время как правительства «великих демократий», исходя из корыстных расчётов, сделали всё для удушения испанской революции.

Наиболее подробно участие американских добровольцев в войне 1936–1939 гг. изложено ветераном англоязычной интернациональной бригады им. Авраама Линкольна, антифашистом и демократом Артуром Лендисом. Он напоминал, что идея создания интернациональных воинских подразделений для поддержки республиканского режима появилась не в Москве, а в западных странах, где сложилось представление о гражданской войне в Испании как о «крестовом походе» против фашизма. Однако на обращения Мадрида, просившего продать оружие для борьбы с мятежниками, откликнулись только большевики. «Никто не может отрицать тот факт, — констатировал Лендис, — что в самый чёрный для Испании час у них хватило благородства и мужества прийти на помощь испанскому народу. Этим в значительной степени объясняется, почему многие добровольцы вступили в Испании в коммунистические партии или признали за коммунистами право на руководство движением интернациональных бригад»³³. Вместе с тем значительная часть историков и мемуаристов настаивает на «использовании» Советским Союзом и Коминтерном искреннего антифашистского энтузиазма беспартийных и не имевших собственной организации добровольцев для укрепления внешнеполитического положения Кремля и усиления позиций испанских коммунистов³⁴.

С большим интересом в англо-американской историографии рассматриваются мотивы вступления людей разных национальностей и социальных слоёв в интернациональные бригады. Практически все их ветераны, независимо от

³² Мещеряков М.Т. СССР и гражданская война в Испании. С. 90.

³³ Landis A. Op. cit. P. XIV–XVI.

³⁴ Eby C. Between the Bullet and the Lie. American Volunteers in the Spanish Civil war. N.Y.; Chicago; San Francisco, 1969. P. 310–318.

партийной принадлежности, писали в воспоминаниях, что участвовали в войне, дабы силой преградить дорогу фашизму, защитить демократию и предотвратить глобальную катастрофу. Впрочем, историки, не ставя под сомнение эти намерения, отмечают, что многие вступавшие в интербригады являлись безработными, имели военную подготовку и были хорошими солдатами. Иные же «поехали воевать в Испанию с целью решения своих личных проблем»³⁵. Значительное место в мемуарной и исследовательской литературе занимают описания и анализ различных случаев нарушения добровольцами воинской дисциплины и совершения ими преступлений, особенно на межнациональной почве. Большинство авторов при этом не скрывает сомнений в возможности реализации на практике принципа пролетарского интернационализма. Национальные предрассудки и бытовые предпочтения, соперничество и эгоизм, которые не были чужды и коммунистам, вызывали порою в интербригадах открытые столкновения с применением оружия³⁶. Не менее ярко проявлялась в их среде и «шпиономания». Историки часто упрекают коммунистов в «излишней подозрительности», преувеличивая и возможности, и последствия деятельности резидентуры НКВД. А французский коммунист А. Марти, один из руководителей интербригад, изображается даже в виде «мясника», безжалостно уничтожавшего добровольцев без суда и следствия на основании непроверенных подозрений³⁷.

Рассуждения об «использовании» энтузиазма добровольцев доводят некоторых авторов до кощунственных предположений о том, будто бы в СССР заранее планировали высокие потери убитыми и ранеными среди интернационалистов, многие из которых не разделяли программу Коминтерна и принадлежали к другим политическим партиям и организациям³⁸. Трагичной оказалась и послевоенная судьба оставшихся в живых (их насчитывалось около 12 тысяч). В условиях нарастания консервативных настроений и даже фашизации некоторых европейских государств в конце 1930-х гг. многим участникам боёв нельзя было возвращаться на родину, и они рассчитывали на то, что их примет СССР. Однако их мечтам не суждено было сбыться: хотя Коминтерн гарантировал тщательную фильтрацию, советское руководство разрешило въезд лишь немногим бойцам, а остальных, как справедливо пишут зарубежные исследователи, «бросило на произвол судьбы»³⁹. После окончания войны уцелевшие бойцы интербригад оказались отверженными в своих странах и не нужными в Советском Союзе.

За прошедшие 80 лет англо-американская историография гражданской войны в Испании эволюционировала в сторону всё более профессионального, объективного и неполитизированного освещения событий 1936–1939 гг., в том числе и помощи, оказанной Советским Союзом республике. Активное использование новых источников и научных работ позволило значительно сблизить позиции учёных и их интерпретации мотивов вмешательства СССР в испанский конфликт, деятельности советских военных специалистов и спецслужб на Пиренейском полуострове и т.д. С уходом из жизни обиженных на Советский Союз ветеранов интернациональных бригад меняется и резко критическая тональность посвящённых им работ. Впрочем, сохраняется, несколько трансформируясь, и традиционное недоверие к советской внешней политике.

³⁵Ibid. P. 4–5; Mitchell D. Op. cit. P. IX.

³⁶Мещеряков М.Т. Судьба интербригад по новым документам // Новая и новейшая история. 1993. № 5. С. 28.

³⁷Eby C. Op. cit. P. 168; Gurney J. Crusade in Spain. L., 1974. P. 146.

³⁸Eby C. Op. cit. P. 168.

³⁹Ibid. P. 318–319; Gurney J. Op. cit. P. 188.

Послевоенные цели Сталина

Альфред Дж. Рибер

Stalin's post-war aims

*Alfred J. Rieber (Central European University, Budapest, Hungary,
and University of Pennsylvania, Philadelphia, USA)*

22 июня 1941 года в 7 часов утра Г. Димитров был вызван в Кремль, где встретился с И.В. Сталиным и группой его соратников: «Поразительное спокойствие, решимость, уверенность Сталина и всех остальных». Было принято решение поручить В.М. Молотову выступить по радио и редактировалась его речь. Сталин отдал приказ эвакуировать все дипломатические представительства. Коминтерн «не должен предпринимать какие-либо открытые действия... Вопрос о социалистической революции не поднимается. Советский народ ведёт отечественную войну против фашизма»¹. В обращении к советскому народу 3 июля Сталин утверждал: «В этой великой войне мы будем иметь верных союзников в лице народов Европы и Америки... Это будет единый фронт народов, стоящих за свободу, против порабощения и угрозы порабощения со стороны фашистских армий Гитлера»². Но что конкретно это означало с точки зрения послевоенного устройства мира? Сталин не указывал никаких деталей помимо очевидных: нацистская Германия и её союзники должны быть разгромлены. Однако, давая новое определение войны на Западе, которую прежде осуждал как «империалистическую», он фактически предложил новую для марксизма-ленинизма концепцию, открыв путь для широкого диапазона возможных интерпретаций. В данной статье рассматривается сложный, иногда противоречивый процесс формулирования им своего видения стратегических целей войны.

Даже если Сталин и не разрабатывал чёткого стратегического плана, он, по моему мнению, всё же руководствовался не только импровизированными и прагматичными соображениями. В основе того, что он называл «равновесием сил», лежали три ключевых фактора: территория, занятая Красной армией, отношения СССР с главными союзниками – Соединёнными Штатами и Великобританией, и политические условия на освобождённых территориях. Объединяло эти три фактора применение Сталиным того, что я называю его «окариной теорией». Это был взгляд на внешнюю политику, который выковался у него под влиянием опыта революционера в многонациональной кузнице

© 2017 г. А.Дж. Рибер

Данная статья основана на материале 8–10 глав книги: *Rieber A.J. Stalin and the Struggle for Supremacy in Eurasia. Cambridge, 2015.*

Автор выражает благодарность Исследовательскому фонду Центрально-Европейского университета за поддержку данного проекта.

¹ *The Diary of Georgi Dimitrov, 1939–1949 / Ed. by I. Banac. New Haven, 2003. P. 166–167.*

² *Сталин И.В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1947. С. 16.*

южнокавказской политики, участия в гражданской войне и борьбе с интервенцией, построения квазифедеративного союза советских республик и применения доктрины социализма в одной стране.

Связать всё это воедино позволяла идея взаимозависимости между центром и периферией, сформулированная Сталиным в дореволюционных сочинениях и развитая в 1920-е гг. Докладывая грузинским товарищам о результатах V (лондонского) съезда РСДРП, он объявил, что тактика большевиков — «тактика передовых городов, промышленных центров», где углубление революции и развитие классового сознания имеют наибольшие шансы на успех. Социал-демократы же с националистической окраской — «Бунд», грузинские меньшевики и украинская «Спилка», в его представлении, опирались на периферийное «мелкое производство». Он подчёркивал русский характер пролетарского центра в отличие от смешанного этнического состава мелкобуржуазной периферии, где районы мелкого производства являлись в то же время районами расселения евреев, грузин и т. д.³

Отчётливо представляя себе разобщающую природу национального вопроса в царской империи, он развил идею социалистического государства, которое предоставляло бы национальным меньшинствам культурную автономию (прежде всего в использовании родного языка). Гражданская война и интервенция убедили его в том, что периферия подвержена влиянию местных националистических движений, поддерживаемых извне — вначале Центральными державами с их планами отторжения западных окраин, затем японцами, планировавшими отделить Восточную Сибирь, и, наконец, западными союзниками, поддерживавшими местные сепаратистские движения. Целью политики коренизации было привязать окраины к центру и предотвратить проникновение сюда внешних врагов, которые подпитывали бы местные национальные движения⁴. Таким образом, обезопасить себя от капиталистических стран и предотвратить угрозу войны, которой Сталин в 1920-е гг. манипулировал для внутренних и внешних целей, можно было, лишь создав то, что он назвал «социалистическим окружением».

В то же время Сталин провозгласил, что Советская Россия в ходе строительства социализма «будет превращаться... в базу дальнейшего развёртывания мировой революции, в рычаг дальнейшего разложения империализма». Однако «победить наших капиталистов мы можем, строить социализм и построить его мы в состоянии, но это ещё не значит, что мы в состоянии тем самым гарантировать страну... от опасностей интервенции и связанной с нею реставрации, восстановления старых порядков, пока мы остаёмся в капиталистическом окружении, пока пролетариат не победил, по крайней мере, в ряде стран... Поэтому, чтобы победить окончательно, нужно добиться того, чтобы нынешнее капиталистическое окружение сменилось окружением социалистическим»⁵. Сталин вновь поставил мысль Ленина с ног на голову, поскольку в своей формуле опустил ленинское ограничение «в ряде *передовых* стран». Это, по сути,

³Сталин И.В. Сочинения. В 13 т. Т. 2. М., 1951. С. 32, 50–51.

⁴При этом Сталин осуждал как национал-отщепенцев тех большевиков из наименьшинств, которые, как ему казалось, заходят слишком далеко в развитии автономии, в частности, М.Х. Султан-Галиева, О.И. Шумского и Н.А. Скрыпника. Точно так же в 1940-х гг. он будет подозревать местных коммунистов на послевоенной периферии вне Советского Союза в чрезмерной националистической деятельности. См.: Rieber A.J. Stalin and the Struggle for Supremacy... P. 72–80, 112–116.

⁵Сталин И.В. Сочинения. Т. 6. М., 1951. С. 399; Т. 8. М., 1951. С. 263.

означало, что защитный пояс, составляющий социалистическое окружение, будет состоять из социальных формаций второго типа, характеризующихся слабым развитием капитализма и сильными феодальными пережитками. Сталин выделял «Польшу, Румынию и т. д.» как страны этого типа. Революция в них, вероятно, потребует, настаивал он, «некоторых промежуточных ступеней в виде, скажем, диктатуры пролетариата и крестьянства»⁶. И вновь Сталин искажил ленинскую формулу, впервые выведенную в 1905 г. в «Двух тактиках социал-демократии в демократической революции», где Ленин предлагал для России впоследствии отвергнутую им самим промежуточную форму «революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства (курсив мой. — А.Р.)»⁷.

Идея о «нескольких промежуточных стадиях» получила дальнейшее развитие в ходе гражданской войны в Испании и впоследствии реализовалась в концепции «народных демократий», допускавшей возможность различных путей к социализму. Как я постараюсь показать, идея построения социалистического окружения путем добавления ещё одного пояса защитной территории к советскому центру была вариацией того, как строилось советское государство. Соответственно, отношения между Советским Союзом и «народными демократиями» воспроизводили отношения между русским центром и национальными республиками на периферии.

Рисую свою мысленную карту защитных зон, Сталин был также полон решимости соорудить физические барьеры против внешнего проникновения, что было неотъемлемой частью его военных планов. Начиная со своего первого контакта с британцами во время визита А. Идена в Москву в ноябре 1941 г. он настойчиво добивался подтверждения своих территориальных приобретений по германо-советскому пакту, особенно настаивая в то время на признании Британией аннексии трёх балтийских государств и на военных союзах с Румынией и Финляндией. Взамен он предлагал Идену создать британские базы на побережье Франции, в Бельгии и Нидерландах. По сути, Сталин апеллировал к принципу эквивалентности, предвосхищая своё соглашение с У. Черчиллем в октябре 1944 г.⁸ Но это был ещё набросок стратегического плана послевоенного устройства.

В ретроспективной оценке, не имея возможности проследить здесь все зигзаги намерений Сталина и несмотря на отсутствие у него единого стратегического плана, его политику можно объяснить, применяя его «окраинную теорию» к двум различным, но взаимосвязанным пространственным измерениям или операционным полям. Их можно назвать «внутренним и внешним периметром». Под «внутренним периметром» я имею в виду территории, лежащие в пределах операционной сферы Красной армии, тогда как «внешний периметр» определяется сферой англо-американских военных операций. В обеих

⁶Там же. Т. 11. М., 1951. С. 155–156.

⁷Ленин В.И. Сочинения. Изд. 2. Т. VIII. М., 1933. С. 84–85. Сталин восстановил определение «демократический» в 1927 г. применительно к Китаю, ссылаясь на возможность союза между левым крылом Гоминьдана и коммунистами Уханя. В результате, по его формулировке, в Китае мог бы появиться «орган революционной демократической диктатуры пролетариата и крестьянства» (Сталин И.В. Сочинения. Т. 10. М., 1951. С. 226). Этот взгляд он сохранял и после Второй мировой войны, полагая, что китайские коммунисты, лишившись прямой поддержки Красной армии, будут вынуждены идти к социализму более длинным путём.

⁸Документы внешней политики. 22 июня 1941–1 января 1942. М., 2000. С. 502–510; Вторая мировая война: актуальные проблемы / Под ред. О.А. Ржешевского. М., 1995. С. 12–13.

сферах в ходе освобождения от нацистов военное командование брало на себя особые административные полномочия. Формального соглашения об этом разграничении не существовало, хотя Сталин по крайней мере однажды говорил о таком разделении сфер ответственности.

По иронии судьбы, именно американцы впервые осуществили планы по военному управлению на освобождённых территориях — вначале в Италии, где они образовали военное правительство (АМГОТ, Allied military government of occupied territory). Советские лидеры были категорически против подобной тактики, воспринимая её как попытку не позволить «демократическим элементам» (прежде всего местным коммунистам) заменить собой фашистскую администрацию⁹. По той же причине Советский Союз поддержал противодействие генерала де Голля установлению американского военного правительства на освобождённой территории Франции¹⁰. Затем американцы и британцы организовали отдельную Союзную контрольную комиссию, в которую русские не вошли. Когда Сталин и Молотов начали убеждать своих союзников создать межсоюзническую военно-политическую комиссию для Европы, основанную на принципе консенсуса в Большой тройке, те в октябре 1943 г. согласились создать Европейскую совещательную комиссию, но затем отвергли советские попытки превратить её в орган планирования всех условий заключения мира¹¹. В своём стремлении исключить Советский Союз из процесса принятия решений в освобождённой Италии они дали советским лидерам идеальный повод отплатить той же монетой в Румынии и Болгарии.

Однако для Сталина было важно сохранить видимость единства Большой тройки в вопросе управления освобождёнными территориями и способствовать созданию местных административных команд. Он разъяснил этот последний пункт в разговоре с О. Ланге, настаивая на том, что «мы не поступаем в Польше, как действовал АМГОТ в Италии. Должен быть какой-то польский орган власти»¹². Ясно, что целью здесь было гарантировать, что освобождение не приведёт к гражданской войне и что коммунисты будут играть роль в управлении местными делами. Иными словами, хотя Сталин был приверженцем сфер влияния, отражающих положение Красной армии на момент прекращения военных действий, и подтвердил это на встречах с У. Черчиллем и Т. Рузвельтом во время войны, он ещё не воспринимал тогда это разделение как чёткое и жёсткое деление мира на два лагеря. Таким образом, к концу войны целью Сталина было практическое применение его «окраинной теории» к освобождённым территориям под его контролем и в то же время сохранение союзнических отношений. Хотя он намеревался сделать обе цели совместимыми и даже дополняющими друг друга, очень скоро они оказались в непримиримом противоречии.

Сталин ясно заявлял, что сохранение Великого союза, как его называл Черчилль, в послевоенный период имело для него особое значение. Во время войны, даже на её последних стадиях, когда стали проявляться разногласия

⁹АВП РФ, ф. Молотова, оп. 6, д.150, п. 15, л. 475–476.

¹⁰Там же, л. 485.

¹¹Foreign Relations of the United States (далее – FRUS), 1943. Vol. I. P. 588, 597–598, 643; Documents on British Foreign Policy, 1919–1939 / Ed. by E.L. Woodward. 3d series. Vol. III. L., 1952. P. 443–444. См. также: *Toscano M. Designs in Diplomacy*. Baltimore, 1970. P. 269–270, 273, 279.

¹²Сталин и Польша, 1943–1944 годы. Из рассекреченных документов российских архивов / Публ. А.С. Носкова // Новая и новейшая история. 2008. № 3. С. 125, 130.

между членами Большой тройки, Сталин подчёркивал в самых определённых выражениях, переводившихся на английский язык и широко распространявшихся, своё благоприятное мнение о союзе: «Дело не в разногласиях, а в том, что разногласия не выходят за рамки допустимого интересами единства трёх великих держав и в конечном счёте разрешаются по линии интересов этого единства». Такие связи продемонстрируют банкротство гитлеровской пропаганды, нацеленной на то, чтобы посеять недоверие между союзниками. Но, добавлял он, в основе союза великих держав «лежат не случайные и преходящие мотивы, а жизненно важные и длительные интересы»¹³. Кажется, он подразумевал, что интерес выше идеологии; однако никто лучше Сталина не знал, что часто случается обратное. Что же представляли собой эти «жизненно важные и длительные интересы»?

С точки зрения Сталина, восстановление разрушенной советской экономики (по его оценкам, война стоила двух пятилетних планов) требовало массивных вливаний внешней помощи в виде репараций и долгосрочных низкопроцентных займов от Соединённых Штатов. Репарации от Германии можно было обеспечить только в том случае, если четыре оккупационных зоны рассматривались бы как экономическое целое, что означало тесное сотрудничество с западными державами. Идея получения большого послевоенного займа под низкий процент от Соединённых Штатов обсуждалась советским руководством во время войны¹⁴. Что касается общих интересов, Молотов заявлял накануне Ялтинской конференции, что Соединённые Штаты «должны быть заинтересованы» в экономическом сотрудничестве с СССР, которое позволит США преодолеть «переходный период», когда капиталистическая экономика столкнется с «кризисом перепроизводства», сокращающимся рынком и массовой безработицей¹⁵.

Спустя месяц после окончания войны Сталин вновь поставил этот вопрос перед делегацией американских конгрессменов, посетивших СССР. Он предположил, что заём в 6 млрд долларов позволит Советскому Союзу купить 5 млн т рельсов, 10 тыс. локомотивов, 150 тыс. железнодорожных вагонов и 40–50 тыс. станков, причём заказы на эти поставки будут заключены с американскими фирмами. Сталин закончил своё выступление на оптимистической ноте: «Связь, которая держала нас вместе, больше не существует, и мы должны будем найти новую основу для наших тесных отношений в будущем. Это не всегда будет легко..., [но], как сказал Христос, “ищите и обряцете”»¹⁶.

Только путём вовлечения западных держав, и прежде всего США, в совместную оккупацию Германии, Австрии и Кореи Советский Союз способен

---

¹³Сталин И.В. 27-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции... 6 ноября 1944 года // *Сталин И.В. О Великой Отечественной войне Советского Союза*. С. 163–165.

¹⁴Микоян А.И. Так было. М., 1999. С. 493–494; Советско-американские отношения, 1939–1945: Документы. М., 2004. С. 602–604.

¹⁵FRUS. 1945. Vol. V. P. 942–945. Это была одна из главных тем в горячо дебатировавшейся работе Е. Варги «Изменения в экономике капитализма в итоге Второй мировой войны» (М., 1946). См. также: *Barghoorn F.C. The Varga Discussion and Its Significance // The American Slavic and East European Review*. Vol. 40. 1948. № 1. P. 28–40. Взгляды Сталина на послевоенные экономические отношения с США, несомненно, подпитывались его беседой во время войны с американским бизнесменом Э. Джонстоном, который с энтузиазмом отзывался о возможностях послевоенной торговли с Советским Союзом. См.: U.S. Department of State... 1944. Vol. IV. P. 973–974.

¹⁶FRUS. 1945. Vol. V. P. 882–883. См. также: *Gaddis J.L. The United States and the Origins of the Cold War, 1941–1947*. N.Y., 1972. P. 259–261.

был ослабить побеждённые державы и отсрочить их возрождение, которое, по предвидению Сталина, могло случиться в ближайшие десять лет или около того. Однако вплоть до самой поздней стадии войны советский руководитель не принял решения о конкретных формах этого взаимодействия. Его занимали два вопроса: расчленять ли Германию и какого рода режим установить в советской оккупационной зоне. По первому вопросу он менял позицию несколько раз, но в итоге стал поддерживать частичное расчленение с ликвидацией Пруссии путём раздела Восточной Пруссии с Польшей и аннексии Силезии и Померании реконструированным польским государством. Что касается остальной Германии, он склонялся к обращению с ней как с экономическим целым, предполагая слияние четырёх оккупационных зон в разоружённую, нейтральную Германию.

По второму вопросу он также откладывал принятие окончательного решения. Первоначально в надежде на стимулирование национального восстания внутри рейха он заигрывал с идеей использования Национального комитета «Свободная Германия», представлявшего собой разношёрстную группу немцев в изгнании, впоследствии расширенную за счёт высокопоставленных пленных офицеров вермахта¹⁷. Несколько альтернативных планов, составленных немецкими коммунистами в Москве, включая мысль о применении идеи демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, были предложены, пересмотрены и отвергнуты. В конечном итоге было принято решение поручить инициативным немецким коммунистическим группам реконструировать многопартийную систему из остатков антинацистских партий Веймарской республики – социал-демократов, Католического центра и национал-либералов, переименованных в Либерально-демократическую партию.

Местные народные комитеты, которые возникли непосредственно после разгрома Германии, были распущены. Летом 1945 г. В. Ульбрихт жаловался В. Пику, что многие товарищи всё ещё грезят старой идеей 1930-х гг. о Рот-фронте и даже «говорят о советской власти и тому подобном»¹⁸. В июне 1945 г. Сталин информировал собравшихся в Москве немецких коммунистов: необходимо «категорически заявить, что путь навязывания совсистемы Германии неправилен; должен быть установлен антифашистский демократический парламентский режим»¹⁹.

В августе Г.К. Жуков развил краткую формулировку Сталина. Он обрисовал главные задачи, стоящие перед советскими военными в Германии. Во-первых, самой насущной необходимостью было покрыть советские военные потери, получив от Германии военные трофеи, репарации и разобранные промышленные предприятия как можно скорее, ведь «мы не будем постоянно в Германии жить». Во-вторых, расходы на содержание оккупационной армии должны нести немцы. В-третьих, нужно составить план развития лёгкой промышленности и сельского хозяйства, чтобы вновь заполнить военные склады

---

¹⁷СССР и германский вопрос, 22 июня 1941 г. – 8 мая 1945 г. Документы из архива внешней политики Российской Федерации / Под ред. Г.П. Лынина и И. Лауфера. М., 1996. С. 18, 227–228, 664 (сн. 70). В октябре 1943 г. Сталин сказал Идену: «Немецкий комитет – это орган пропаганды... Конечно, в Немецком комитете есть люди, мечтающие о решении судьбы Германии. Однако вы должны помнить, что ни одно уважающее себя правительство не будет иметь дело с военнопленными» (АВП РФ, ф. 108, оп. 52а, с. 458).

¹⁸*Sandford G.W.* From Hitler to Ulbricht: The Communist Reconstruction of East Germany, 1945–1946. Princeton, 1983. P. 40.

¹⁹The Diary of Georgi Dimitrov... P. 372.

и удовлетворить минимальные потребности населения, чтобы оно не страдало как страдало советское население в руках немцев. Кроме того, Жуков суммировал политические задачи: «Комендатура должна всячески поддерживать рост [коммунистической партии] и её авторитета... Все усилия должны быть приложены, чтобы искоренить германскую милитаристскую традицию». Вместе с тем Жуков напоминал своим сотрудникам, что немецкое государство и немецкий народ будут продолжать существовать, и потому необходимо установить хорошие отношения между армией и населением, избегая вмешательства в повседневную жизнь немцев. Жуков решительно осудил случаи изнасилований, мародёрства и других незаконных действий со стороны советских солдат и служащих, пообещав «пойти на крайние меры» в отношении виновных в совершении преступлений, вплоть до расстрела²⁰.

Для Сталина, однако, оставалась нерешённой более долгосрочная проблема: как сформировать немецкую политику в контексте коалиционной и в то же время выдвинуть на ведущую позицию Германскую коммунистическую партию. С учётом парадоксального сочетания в оккупационной экономической политике задач восстановления немецкой экономики и её разграбления проблема становилась неразрешимой. Тем не менее Сталин сделал ещё одну попытку разъяснить западным союзникам свои цели в отношении Германии. В мае 1946 г. он продиктовал А.Я. Вышинскому программу из девяти пунктов, которая должна была послужить основой для переговоров на конференции министров иностранных дел, созывавшейся в Париже. Сталин заявил о несогласии с расчленением Германии и превращением её в аграрную страну, но потребовал полного военного и промышленного разоружения, усиленного контролем над Рурским бассейном со стороны четырёх держав. Он повторил своё требование, чтобы минимальный объём репараций составил 10 млрд долларов. Говоря о принципиальной согласии на мирный договор, Сталин настаивал, что предварительно нужно создать единое германское правительство, «достаточно демократическое для того, чтобы искоренить все остатки фашизма в Германии, и достаточно ответственное для того, чтобы выполнить все свои обязательства в отношении союзников, в том числе и особенно в отношении репарационных поставок союзникам». Он считал абсолютно необходимым продолжать оккупацию Германии до тех пор, пока эти условия не будут выполнены. В перспективе он рассматривал возможность создания федеративного государства, «составные части которого могут свободно отделиться от Германии», как идею, заслуживающую внимания, хотя и сомнительную²¹.

Похоже, что Сталин вновь попытался включить в свои планы для Германии возможность расчленения. Впрочем, он оставил лазейку к распространению «окраинной теории» на территорию советской оккупационной зоны на тот случай, если правительство единой Германии окажется не столь «дружественным» к СССР и возникнет угроза её попадания под западное влияние. Однако чрезмерно ретивые действия немецких коммунистов, навязывавших при помощи и поддержке советских оккупационных властей единство социал-демократам, вызвали подозрения западных союзников, что Германия, объединённая на советских условиях, повторит путь восточноевропейских стран. Таким образом, Сталин подорвал собственные планы использования «общего интереса»

---

²⁰Советская политика в отношении Германии, 1944–1954: Документы. М., 2011. С. 249–259.

²¹Советско-американские отношения, 1945–1948 / Под ред. Г.Н. Севастьянова. М., 2004. С. 227–228.

Большой тройки в предотвращении возрождения германского милитаризма как средства создания «дружественной объединённой Германии», экономически привязанной к Советскому Союзу через выплату репараций и руководимой коалиционным правительством, в котором коммунистическая партия играла бы значительную роль.

Политика СССР в Австрии поначалу казалась повторением германской, но результат был абсолютно иным. Это объясняется парадоксальным восприятием Австрии как одновременно жертвы и агрессора, страны, которую нужно освободить, но также наказать, восстановить её независимость, но только после оккупации. Добиться цели Сталину помешала австрийская общественная и политическая структура, которая, в отличие от германской, была весьма устойчива к коммунистической инфильтрации. Под эгидой Красной армии из Москвы привезли коммунистов-изгнанников, и им был предоставлен паритет с довоенными социал-демократической и народной партиями в создании гражданской администрации под управлением ветерана социал-демократов К. Реннера²².

Сталин охотно и задолго до своих западных союзников признал новое правительство. Однако на свободных выборах в национальный парламент коммунисты не смогли удержать свою долю власти и потерпели разгромное поражение. Сталин проигнорировал их поражение, предпочтя обеспечить экономические концессии от нового правительства, включая создание совместной нефтедобывающей компании, которая в 1947–1955 гг. произвела 63% общего объёма добытой в стране нефти²³. Когда австрийские коммунисты позднее пожаловались А.А. Жданову на недостаточную советскую поддержку, он отчитал их за то, что они слишком полагаются на помощь Красной армии, и за надежду, что оккупационный режим продержится ещё долго. Жданов отверг их аргумент, что объединение Австрии будет означать экономическую зависимость от США, поскольку у страны нет 200 млн долларов, чтобы уплатить репарации Советскому Союзу. «Неправильно полагаться на советские силы..., – заявил он, – независимость страны не может покоиться на иностранных войсках»²⁴. Австрийский пример – ещё одно доказательство того, что поддержание союза с США и Великобританией виделось в Москве средством восстановления советской экономики.

Третья территория, совместно оккупированная СССР и США, представляет ещё более убедительный пример решимости Сталина сохранять коалицию. Большая тройка согласилась на Ялтинской конференции на совместное управление Кореей и доверила СССР её военную оккупацию. В мае 1945 г. Сталин уверил личного представителя Рузвельта Г. Гопкинса, что поддерживает совместное управление Кореей на период от 5 до 10 лет, а возможно, и дольше²⁵.

---

²²*Dallin D. Stalin, Renner und Tito. Osterreich zwischen drohender Sowetizierung und der Jugoslawischen Gebiets anspruchen in Freijahr 1945 // Europa-Archiv. 1958. 5 and 20 August, 5 September. P. 11031. В последующем письме Сталин обратился к Реннеру как к «уважаемому товарищу», что было весьма необычно. См.: Микоян А.И. Указ. соч. С. 482.*

²³*Bader W. Austria between East and West, 1945–1955. Stanford, 1966. P. 121. Советские переговорщики по этому соглашению перехитрили самих себя. СССР, как оккупационная держава, отказался от права вето в обмен на предоставление правительству Австрии права подписывать двусторонние соглашения с одной из оккупационных держав, не получая разрешения от других. Это ударило рикошетом позднее, когда Австрия вопреки советским протестам защитила своё решение присоединиться к плану Маршалла. См.: Ibid. P. 62, 73.*

²⁴РГАСПИ, ф. 77, оп. 3, д.100, л. 10–15.

²⁵FRUS. 1945. The Conference of Berlin. The Potsdam Conference. Vol. 1. P. 47.

Первоначально американцы не имели намерения высаживать наземные войска, но затем изменили своё решение как раз накануне освобождения страны Красной армией. Сталин не возражал против установления 13-й параллели как зональной границы совместной оккупации. Видимо, он пытался использовать эту уступку, чтобы выторговать долю в оккупации японского острова Хоккайдо. Но эту идею американцы отвергли.

Тем не менее в принятии американцев как партнёров в построении послевоенного корейского правительства для Сталина существовала конкретная выгода. С уходом японцев корейская политика представляла собой поле острого конфликта различных политических сил. Левые были крайне разобщены и на севере, и на юге страны²⁶. Сталин рассчитывал, что под эгидой плана о совместном управлении удастся сплотить корейских коммунистов в единую партию под его контролем. В то же время, работая с американцами в переходный период, он мог бы предотвратить разделение страны и способствовать проведению выборов во временное правительство на условиях, которые благоприятствовали бы коммунистам. Советские переговорщики настаивали: только партиям, принявшим план о совместном управлении, будет позволено участвовать в выборах. Под советским давлением коммунисты неохотно приняли это требование, но некоммунистические националисты на юге, а также американские переговорщики выступили против²⁷. Таким образом, советская стратегия провалилась, и Корея, как и Германия, осталась разделённой.

Поддержание хороших отношений с западными державами играло существенную роль и в продвижении стратегических целей Сталина во «внутреннем периметре». Благодаря поддержке своих территориальных притязаний со стороны США и Великобритании и доминирующей роли СССР в комиссиях союзного контроля на территориях, контролируемых Красной армией, Сталин мог достичь двух важных целей: ослабить, изолировать или ликвидировать реальную и потенциальную оппозицию советскому влиянию во «внутреннем периметре», а также уменьшить или полностью исключить угрозу западной интервенции с целью поддержки такой оппозиции. Иными словами, его целью было предотвратить возникновение условий, которые привели к гражданской войне и интервенции в молодой Советской России. Рассмотрим применение сталинской «окраинной теории» к строительству социалистического окружения.

Во время войны стратегические цели Сталина во «внутреннем периметре» постепенно оформлялись в трёх различных направлениях. Его первой целью было получение военных баз на границах Советского Союза в Европе и Азии — «укрепленные пункты», как он назвал их на Тегеранской конференции. От Финляндии он получил защитный щит для Ленинграда в виде Карелии, Петсамо с его никелевыми рудниками, лишив Финляндию доступа к океану, долгосрочную аренду залива Порккала-Удд, который впоследствии был превращён в советскую военно-морскую базу. В то же время Сталин отказался от идеи превращения Финляндии в одну из республик СССР.

Поглощение польских окраин — Западной Белоруссии и Западной Украины — и депортация польского меньшинства служили как стратегическим, так

---

²⁶РГАСПИ, ф. 17, оп. 128, д. 47, л. 19–20, 23–24. См. также: *Lankov A.N. Crisis in North Korea and the Failure of De-Stalinization*, 1956. Honolulu, 2007. P. 12–17.

²⁷Окончательную советскую переговорную позицию см.: Советско-американские отношения, 1945–1948. С. 179–180.

и этническим целям, так как они положили конец потенциальной угрозе использования этих территорий как баз для возобновления плана Ю. Пилсудского. Взамен Польша получила часть Восточной Пруссии и Силезии. Аннексия подкарпатской Украины и Северной Буковины завершила унификацию украинского народа и создала общую границу с Чехословакией и Венгрией, ликвидировав брешь, которая содействовала провалу переговоров с Францией и Британией в 1938–1939 гг. Подобным же образом, воссоздание Молдавской ССР должно было положить конец великорумынской идее и заново утвердить Советский Союз как прибрежную державу на Дунае. Послевоенная попытка Сталина приобрести базы на Босфоре и Дарданеллах и вернуть Карскую и Ардаганскую провинции была связана с его кампанией по привлечению в СССР армянской диаспоры²⁸. Если бы он добился успеха, армянский народ подобно украинскому был бы объединён под советским руководством. Эти территориальные изменения и претензии представляют собой живую иллюстрацию его «окраинной теории» применительно к заключительной стадии конструирования многонационального советского государства.

Приобретение укрепленных пунктов в Азии явилось поздним ответом на русские потери в Русско-японской войне 1904–1905 гг. В обмен на вступление в войну против Японии Сталин потребовал и получил южную половину Сахалина и Курилы (в Ялте не оговаривалось, включал ли договор всю цепь островов, в том числе самые южные, никогда не принадлежавшие России; в итоге советские войска оккупировали и их). В речи по случаю победы над Японией Сталин заявил, что эти территориальные приобретения не только обеспечили прямую связь Советского Союза с Тихим океаном, но и стали «базой обороны нашей страны от японской агрессии»²⁹. Вдобавок Советский Союз получил в долгосрочную аренду от националистического Китая военно-морскую базу Порт-Артур и обозначение Даляня как «свободного коммерческого порта» с «первостепенными» советскими интересами – таившее в себе опасность туманное определение, которое Сталин будет впоследствии интерпретировать с точки зрения исключительных прав советских и китайских вооружённых сил оккупировать эту территорию³⁰. Для управления Китайской Восточной и Южно-Маньчжурской железными дорогами был создан совместный китайско-советский концерн³¹. В ходе дальнейших переговоров с китайскими националистами Сталин обеспечил независимость Внешней Монголии, которая уже давно стала, по словам О. Латтимора, первым советским сателлитом, и права на минеральные ресурсы в Синьцзяне, где советское влияние на последней стадии войны также стало преобладающим³². Хотя СССР не аннексировал территорий на континентальных окраинах

²⁸ Mouradian C. L'immigration des Arméniens de la diaspora vers la RSS d'Arménie, 1946–1962 // Cahiers du Monde russe et soviétique. Vol. 20. 1979. № 1. P. 79–110.

²⁹ Сталин И.В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. С. 180–183.

³⁰ Полный текст сепаратных записок по управлению Порт-Артуром и Далянем см. в кн.: Aitchén Wu. China and the Soviet Union. N.Y., 1950. P. 407–411; о спорной ситуации вокруг Даляня см.: FRUS. 1946. Vol. X. P. 1167–1174.

³¹ Согласно сообщению китайского посла в Москве, Сталин заявил: «СССР будет нуждаться в использовании КВЖД в течение 30 лет, необходимых, чтобы сделать советский Дальний Восток полностью защищённым от японского нападения». См.: FRUS. 1946. Vol. X. P. 569.

³² Atwood C. Sino-Soviet Diplomacy and the Second Partition of Mongolia, 1945–1946 // Mongolia in the Twentieth Century / Ed. by S. Kotkin and B.A. Elleman. Armonk, 1999. P. 137–48; Milward J. Eurasian Crossroads: A History of Xinjiang. N.Y., 2007.

Внутренней Азии, он по сути завоевал здесь сферу влияния, объединяющую экономические и стратегические интересы.

Вторая цель Сталина заключалась в осуществлении демографической трансформации на освобождённых территориях Восточной Европы параллельно с депортациями этнических меньшинств внутри Советского Союза. Её осуществление заключалось не только в аннексии земель на финской, польской, чешской и румынской границах, населённых народами, родственными жившим в соседних советских республиках. СССР также инициировал изгнание немецкоговорящего населения из освобождённых территорий Польши, Румынии, Венгрии и Югославии (чему предшествовала депортация поволжских немцев внутри Советского Союза). Оно проводилось отчасти при поддержке местного населения, часто с энтузиазмом, как в Судетах, и при молчаливом согласии западных союзников. В то же время Сталин поощрял депортацию и изгнание венгерского меньшинства в Словакии. «Мы мешать вам не будем», — сказал Сталин чехословацкому министру в Москве в июне 1945 г. — «Прогоняйте их. Пусть испытают на себе, что значит господство над другими»³³.

Третьей целью было сформировать из внутреннего периметра оборонительный бруствер из «дружественных стран». Понятие «дружественная страна» не было изначально закреплено в мышлении Сталина; в 1944–1945 гг. он ещё не завершил процесс «социалистического окружения». Общие очертания того, что представляло собой «дружественное правительство» в европейском внутреннем периметре, можно с некоторыми местными вариациями обозначить, исходя из переговоров об условиях перемирия с Финляндией, Венгрией, Румынией и Болгарией, из соглашений с чехословацким и югославским правительствами в изгнании и из неудавшихся переговоров с польским правительством в изгнании. Эти условия включали: активное участие в войне против нацистской Германии, что означало либо разворот фронтов, либо высылку немецкого населения; безоговорочное сотрудничество с Красной армией, включая подчинение гражданских властей и всех вооружённых сил во фронтовых зонах, в том числе бойцов сопротивления, советским фронтовым командирам; подписание двусторонних договоров о союзе и взаимопомощи с СССР; принятие советских территориальных требований как неперемное условие подписания соглашений о перемирии или ратификации договоров о союзе; легализацию местных коммунистических партий и их участие в коалиционных правительствах, которые включали бы все главные «антифашистские» партии; запрет любой официальной оппозиции; исключение всех коллаборационистских и антикоммунистических элементов из правительства и вооружённых сил; признание главенства советских интересов во внешней политике; запрет на любую критику Советского Союза в прессе; выплату репараций от бывших врагов за военные потери и/или экономические соглашения о совместной эксплуатации природных ресурсов в стране в целом или в граничащих с советской территорией районах; отмену «феодалных привилегий», включая раздел больших поместий

---

³³Когда чехословацкий политик З. Фирлингер попросил помощи Сталина в депортации как немцев, так и венгров, тот лишь спросил: «А разве наши военные препятствуют этому?» (см.: Восточная Европа в документах российских архивов, 1944–1953 / Под ред. Г.П. Мурашко и др. В 2 т. Т. 1. М.; Новосибирск, 1997. С. 232). В некоторых случаях представители советских военных властей и даже НКВД жаловались в Москву на то, что выселения проводятся чехами и словаками с большой жестокостью. См.: *Murashko G.P. The Fate of Hungarian Minorities in Slovakia after the Second World War. Resettlement and Re-Slovakization: Moscow's Position // Forced Migration in Central and Eastern Europe, 1944–1950 / Ed. by A.J. Rieber. Essex, 2000. P. 83–90.*

и перераспределение земли между крестьянами. В качестве смягчающей меры местным коммунистическим партиям предлагалось улучшать своё положение, не раздражая западных союзников и не давая им повода для вмешательства.

В ряде инструкций местным коммунистическим партиям на последних стадиях войны и в ранний послевоенный период Сталин ясно дал понять, что прогресс в построении коммунизма будет постепенным. Повторюсь, что целью здесь было избежать организованной внутренней оппозиции или развязывания гражданской войны и иностранной интервенции. Например, в апреле 1944 г. Сталин отдал приказ о том, что «вступление советских сил в Румынию диктуется исключительно военной необходимостью...; в занятых Красной армией районах советов и органов советской власти не создавать»³⁴. Вслед за заключением соглашения о перемирии инструкции советскому представителю в Союзной контрольной комиссии ограничивали его функции выполнением условий перемирия³⁵.

Сталин был особенно обеспокоен открытой демонстрацией коммунистической риторики и символов в Югославии. В начале 1945 г. он посоветовал А. Хебрангу, главе делегации Национального комитета освобождения Югославии, не раздражать западные державы: «Создаётся положение, в котором вы оказываетесь во враждебных отношениях с Румынией, Венгрией, Грецией, собираетесь воевать со всем миром; не имеет смысла создавать подобное положение... Воевать с Англией не стоит». Как только западные державы признают новое правительство, югославские коммунисты смогут предпринимать более сильные шаги во внешней политике. Он закончил пожеланием, что югославам «хорошо было бы запрашивать наше мнение прежде, чем принимать важные решения»³⁶.

В Финляндии председатель Союзной контрольной комиссии Жданов в частной беседе сказал своим сотрудникам, что советская политика защищает «строго законную точку зрения». Он предупредил их, что они не должны вмешиваться во внутренние финские дела, оказывать давление на политические группы или даже давать советы: «Мы не ведём двойную политику, а только одну политику, официальную политику, основанную на соглашениях о перемирии»³⁷.

В Венгрии Сталин был готов вести дела с адмиралом М. Хорти, чтобы развернуть фронты подобно тому, как это было сделано в Румынии, но когда Хорти при поддержке немцев был свергнут венгерскими фашистами, Сталин списал его со счетов. Вместо этого он поддержал временное правительство,

---

³⁴Советский фактор в Восточной Европе, 1944–1953. Документы. В 2 т. Т. 1. 1944–1948. М., 1999. С. 53–56.

³⁵АВП РФ, ф. Вышинского, оп. 5, п. 47, л. 8–13. Лишь после Ялтинской конференции, когда советские власти сочли, что румыны нарушают условия перемирия, СССР жёстко вмешался в румынскую политику. См.: *Rieber A.J. The Crack in the Plaster: Crisis in Romania and the Origins of the Cold War // Journal of Modern History. Vol. 76. 2004. № 1. P. 66.*

³⁶Восточная Европа в документах российских архивов... Т. 1. С. 130–132; Советский фактор в Восточной Европе... Т. 1. С. 136–37.

³⁷РГАСПИ, ф. 77, д. 39, л. 19, 21, 22. Когда финские коммунисты пожаловались на то, что советские танки не дошли до Хельсинки, Жданов ответил: Советский Союз не жаждет «на чужбину проехаться». Каждая страна должна одержать собственную победу своими собственными силами. «Каждый шаг [вперёд] независимого коммунистического движения стоит больше, чем сотни танков» (Там же, д. 48, л. 44). О последующем разочаровании Жданова в деятельности финских коммунистов см.: *Rieber A.J. Zhdanov in Finland // The Carl Beck Papers in Russian and East European Studies. № 1107. Pittsburgh, 1995.*

составленное из нескольких венгерских генералов, которые приехали в Москву для переговоров о капитуляции, и представителей четырёх антифашистских партий, включая коммунистов. Но он настаивал, что венгерские коммунисты, живущие в изгнании в Москве, не должны входить в правительство, поскольку «их сочтут советскими марионетками». Сталин дал обещание поддержать их, но настаивал, что «советская власть не может всё делать за них. Пусть они поборются, пусть поработают сами»³⁸.

Цель подготовки почвы для постепенного перехода к социализму нигде не реализовывалась столь конкретно и оптимистично, как в Болгарии. Живя в Москве, но сердцем оставаясь в Софии, Димитров давно являлся самым последовательным и красноречивым защитником единого фронта против фашизма и, казалось, убедил Сталина в правоте своих взглядов. Когда Красная армия вошла в Болгарию, по совету Димитрова и при поддержке населения коммунистические лидеры провозгласили, что Отечественный фронт антифашистских партий представляет собой «целую стадию развития нашей страны — стадию, которая никоим образом не может быть пропущена». Эта точка зрения получила высочайшее одобрение, когда Сталин в январе 1945 г. приветствовал официальную делегацию фронта: «Если Отечественный фронт будет работать хорошо, социализму будет придан мощный импульс. Советы — не единственная форма перехода к социализму. Он может развиваться из демократической республики»³⁹.

Первая попытка дать теоретическое обоснование идее, что военная победа Советского Союза открыла новые возможности для перехода к социализму, была сделана в ноябре 1945 г. Б.Н. Пономарёвым (в то время — заместителем директора Института Маркса—Энгельса—Ленина при ЦК ВКП(б) и членом Отдела международной информации ЦК КПСС), когда он предложил историко-материалистическое объяснение альтернативы диктатуре пролетариата⁴⁰. Однако его анализ оставил открытыми многие вопросы, включая то, насколько сильно будут различаться в каждой стране темпы и глубина трансформации в зависимости от местных условий.

Уже на Ялтинской конференции сталинская политика поддержки дружественных правительств во «внешнем периметре» Западной Европы начала в целом приобретать сходные очертания с его политикой во «внутреннем периметре», хотя его действия носили скорее оборонительный характер, если принять во внимание преобладающее военное присутствие освободительных западных армий. На встрече Сталина и П. Тольятти накануне отъезда последнего

---

³⁸Основано на записи разговора, сделанной Эрнэ Герё (цит. по: *McCagg W.O. Stalin Embattled, 1943–1948. Detroit, 1978. P. 314–317*). По другой версии, Сталин добавил: «Не хочу никого пугать. Но как только вы станете сильны, вы сможете настаивать... привлекать столько нужных людей, сколько возможно». Цит. по: *Borhi L. Hungary in the Cold War, 1945–1956. Between the United States and the Soviet Union. Budapest, 2004. P. 35*.

³⁹*Bogdanova R. Main Tendencies in the Development of Socio-political Thought in Bulgaria. September 1944 – September 1947 // Bulgarian Historical Review. 1984. № 3. P. 4–5, 11.* Я отредактировал текст, чтобы улучшить неловкий перевод. См. также: *Димитров Г. За единия фронт. София, 1970. С. 167*. Сталин повторил свой тезис несколько дней спустя на встрече с югославскими и румынскими коммунистами: «На практике выходит, что советская форма — наилучшая [при строительстве социализма], но ни в коем случае не единственная форма. Могут существовать другие формы — демократическая республика и даже, при определённых обстоятельствах, конституционная монархия» (*The Diary of Georgi Dimitrov... P. 358*).

⁴⁰РГАСПИ, ф. 17, оп. 128, д. 749, с. 136–170. См. анализ в: *Rieber A.J. Popular Democracy: An Illusion? // Stalinism Revisited. The Establishment of Communist Regimes in East-Central Europe / Ed. by V. Tismaneanu. Budapest, 2009. P. 115–120*.

в Италию они договорились о необходимости проводить политику «национального единства», чтобы избежать гражданской войны и противостоять британскому влиянию⁴¹. Советский Союз уже опередил англо-американцев, признав свергнувшее Муссолини правительство генерала П. Бадوليو, чтобы обезглавить военное правительство, насаждаемое в Италии американцами. Через несколько месяцев в очередной попытке обойти с флангов британцев и американцев Сталин пригласил в Москву Ш. де Голля, предложив ему признание в обмен на его признание польского временного правительства⁴².

Сталин не поставил на кон французскую Коммунистическую партию, но особо проинструктировал М. Тореза накануне его возвращения во Францию, поручив ему сформировать левый блок и подыскать ему подходящее название. Сталин видел главную цель блока в восстановлении французской промышленности с целью предотвратить монополистские тенденции англичан и американцев. Он убеждал Тореза ограничить военные действия патриотической милиции после того, как немцы будут изгнаны из Франции и растворить эти соединения во французской армии; их «оружие должно быть спрятано». Если условия изменятся, тогда «силы, собранные вокруг партии, окажутся полезными для наступления»⁴³.

Таким образом, Сталин пытался создать политические условия, в которых коалиция «антифашистских» партий поддерживала бы скорейшее восстановление послевоенной экономики и возрождение политической жизни в освобождённых странах внешней периферии. Это дало бы коммунистам, которые играли большую роль в Сопротивлении (или претендовали на таковую), возможность представлять себя как самую патриотическую партию и играть важную, возможно доминирующую, роль в реформировании новых обществ. К тому же присутствие в послевоенных правительствах коммунистов, которые были запрещены в фашистской Италии и в последний год французской Третьей республики, как минимум способствовало бы продвижению главных территориальных и политических интересов Советского Союза во внутренней периферии и, что ещё важнее, предотвращению возникновения «Западного блока».

Подчёркивая необходимость единства действий во время и после войны, коммунисты имели бы лучшие шансы блокировать возрождение правых сил в своих странах путём проведения далеко идущих социально-экономических реформ и продвижения единой партии левых. Инструкции Сталина лидерам коммунистических партий подразумевали, что движение к созданию «народной демократии» будет происходить в рамках парламентской системы управления и продвигаться размеренными шагами.

Насколько последовательно Сталин был готов сохранять различие между внутренним и внешним периметрами, драматично продемонстрировала его широко известная политика невмешательства в Греции. Контролируемый коммунистами фронт сопротивления ЕАМ и его военная фракция ELAS на момент вывода немецких войск контролировали две трети страны, причём достигли этого без военной или политической помощи Советского Союза.

---

⁴¹The of Georgi Dimitrov... P. 305; *Pons S. Stalin, Togliatti, and the Origins of the Cold War in Europe // Journal of Cold War Studies*. Vol. 3. 2001. № 2. P. 6–9.

⁴²Советско-французские отношения во время Великой отечественной войны, 1941–1945 гг. Документы и материалы. В 2 т. Т. 2. М., 1984. С. 67–68, 133, 380. См. также: *Rieber A.J. Stalin and the French Communist Party, 1941–1947*. N.Y., 1962. P. 119–124.

⁴³«Англичане и американцы хотят везде создать реакционные правительства» // Источник. 1995. № 4. С. 152–158. См. также: *The Diary of Georgi Dimitrov...* P. 342.

Потребовалась решительная британская военная интервенция, дабы разрушить власть коммунистов и сформировать правое правительство, которое провело суровые репрессии и успешно выиграло с британской и американской помощью гражданскую войну. Сталин ограничил свою критику заданным в Ялте вопросом о том, что происходит. Получив ответ, он сказал Черчиллю: «Я полностью доверяю британской политике в Греции»⁴⁴.

Сталинская концепция дружественных правительств на азиатских границах СССР представляла собой вариацию на европейскую тему. Он не пытался получить гегемонию над всем Ираном и Китаем, как делал в странах внутренней периферии в Восточной Европе, однако также не довольствовался осуществлением влияния на расстоянии, как делал в Западной Европе через посредничество местных коммунистических партий. Вместо этого Сталин осуществлял «двухколейную» политику: с одной стороны, добивался расширения советского влияния в иранских и китайских приграничных окраинах (Азербайджан, Синьцзян, Внешняя Монголия и Маньчжурия) без аннексии территории, с другой стороны – пытался способствовать образованию коалиционных правительств, которые включали бы просоветскую партию (Иран) и коммунистическую партию (Китай) и признавали бы советские интересы на окраинах. Это требовало искусного маневрирования. Хотя Красная армия к концу войны и установила своё присутствие в приграничных районах Ирана и Китая, но то же можно сказать о британцах в южном Иране и американцах в центральном Китае.

Советский Союз подписал договоры с правительствами Ирана и Китая, чтобы запланировать график вывода войск, но Сталин был полон решимости использовать собственные силы и силы местных союзников, чтобы обеспечить дополнительные гарантии советских экономических интересов в приграничных зонах обеих стран. В Иране он стремился получить монополию на эксплуатацию нефтяных месторождений в северных провинциях, для чего был готов до определённого момента поддерживать автономные движения курдов и турецкоговорящего азербайджанского населения региона. Но лишь до поры до времени. Как объяснил он лидеру Демократической партии Ирана Дж. Пишевари в мае 1946 г., «в Иране нет революционного кризиса». Рабочих было слишком мало, а крестьянство оставалось пассивным. В отсутствие внешней войны иранская армия оставалась непобеждённой. Необходимо было достичь согласия с иранским правительством о сохранении автономии Азербайджана. Довольно нечестно Сталин объяснил, что советские силы были вынуждены выйти из северного Ирана, чтобы лишить западные державы повода оставить свои войска в таких странах, как Сирия, Египет и Китай⁴⁵.

В Китае Сталин пытался торговаться с Чан Кайши, чтобы установить, по сути, совместное экономическое управление в Маньчжурии и Синьцзяне, используя для своих целей турко-мусульманское восстание в Синьцзяне и экспансию китайских коммунистов из своих базовых лагерей военного

---

⁴⁴FRUS. The Conferences at Malta and Yalta, 1945. P. 781–782. См. также: *Roberts G.* Moscow's Cold War on the Periphery: Soviet Policy in Greece, Iran, and Turkey, 1943–8 // *Journal of Contemporary History*. Vol. 46. 2011. № 1. P. 63–70.

⁴⁵Цит. по: *Yegorova N.* The «Iran Crisis» of 1945–46: A View from the Russian Archives // *Cold War International History Project. Working Paper № 15.* Washington, 1996. P. 23–24.

времени в северо-западные провинции⁴⁶. Однако китайский лидер сопротивлялся советским требованиям, хотя его сын и главный переговорщик убеждал его согласиться на эту сделку⁴⁷. Это решение способствовало задержке вывода советских войск из Маньчжурии, в отличие от Ирана, где было достигнуто экономическое соглашение. В результате китайские коммунисты выиграли время, чтобы нарастить свои силы в Маньчжурии, готовясь к холодной войне. Манёвры Сталина в Иране и Китае вызвали сопротивление его западных союзников, которые неверно интерпретировали его цели как попытки свергнуть националистические правительства. Эти подозрения, наряду с быстрой трансформацией «дружественных правительств» в «народные демократии» Восточной Европы, подорвали и в конечном итоге обрекли на провал планы Сталина сохранить союз военного времени.

Ни разу в течение войны или в первые послевоенные годы Сталин не раскрывал детальный план целей, за которые его страна столь упорно сражалась и столь многим пожертвовала. Ретроспективно, однако, можно заключить, что в своих политических решениях он руководствовался «окраинным тезисом», идей строительства социализма в одной стране в применении к внешней политике, опытом революционной деятельности на Кавказе, Гражданской войны и интервенции, выстраивания неустойчивых отношений между центром и периферией в Советском Союзе. То, что приобрело очертания к концу войны, можно представить как развивающийся проект и описать в терминах военной архитектуры. В центре стояла русская цитадель, пострадавшая, но освобождённая от врага. С западного и юго-западного фасада её прикрывала цепь бастионов, населённых различными народами (эстонцы, латыши, белорусы, украинцы, крымские татары, северокавказцы). Занятые врагом, они были затем освобождены, но оставались ненадёжными, требующими экстенсивной реконструкции (ре-советизации) и фортификации новообретённых «укреплённых пунктов».

За цепью бастионов простирался «внутренний периметр» иностранной территории, оккупированной Красной армией, где нужно было построить новые оборонительные сооружения; по мере укрепления и консолидации они смогли бы в будущем послужить в качестве пунктов десантирования в случае, если определённые благоприятные условия возобладали бы во «внешнем периметре». В этом «внешнем периметре», вне досягаемости Красной армией, в отсутствие регулярных вооружённых сил ударные группы собирала дисциплинированная организация сторонников. Их задачей было отводить давление от оборонительных линий, строящихся во внутреннем периметре, и наращивать собственные силы для будущих операций. Успех предприятия во многом зависел от поддержания мирных отношений с потенциальными противниками в течение неопределённого, но значительного периода времени, включая даже вовлечение их во взаимовыгодный экономический обмен, который предоставил бы важные ресурсы для решения огромной задачи реконструкции повреждённых защитных сооружений и строительства новых. Возможно, эта образная схема никогда

---

⁴⁶Советский командующий в Маньчжурии маршал Родион Малиновский информировал американских представителей, что он не возражает «в принципе» против доставки националистических войск в Маньчжурию американской авиацией, но что полеты смогут начаться лишь накануне вывода советских войск. См.: *Ледовский А.М.* СССР, США и народная революция в Китае. М., 1979. С. 125–127.

⁴⁷*Last Chance in Manchuria: The Diary of Chang Kia-gnau* / Ed. by D.G. Gillin and R.H. Myers. Stanford, 1989. P. 185–188.

не приходила в голову Сталину, но, учитывая его тенденцию мыслить в военных терминах, отвергать такую возможность также нельзя.

Было бы ошибкой или по меньшей мере упрощением представлять себе военные цели Сталина просто как продукт его личного видения или фантазии. Подобные прецеденты имели место задолго до Второй мировой войны. Так, в длительной ретроспективе цели России в Семилетней войне, учитывая расстановку сил в то время, были удивительно схожи. Стратегической целью, сформулированной тогда Военным советом при Высочайшем дворе, было создание коалиции с целью разгрома и уничтожения Пруссии. Если бы русские армии оккупировали Восточную Пруссию, то она отошла бы Польше. В ответ Польша уступила бы России не только Курляндию, но и собственные восточные территории, что не только устранило бы причины беспорядков и взаимных обвинений, но позволило бы объединить торговлю на Балтике и Чёрном море, сконцентрировав таким образом всю торговлю с Левантом в руках России. В итоге Польша лишилась бы белорусского и украинского этнических и религиозных меньшинств на востоке (*кресы*)⁴⁸.

Перенесясь в эпоху Первой мировой войны, мы видим, что военные цели России, очерченные министром иностранных дел С.Д. Сазоновым в 1914 г., провозглашали, что Германия будет расчленена. Россия приобретёт нижнее течение реки Неман в Восточной Пруссии; Познань, Силезия и западная Галиция будут присоединены к Царству Польскому под протекторатом России; Россия аннексирует восточную Галицию; Центральная Европа будет реорганизована так же, как и Балканы, чтобы дать России преимущественную роль в обоих регионах⁴⁹.

В Конвенции о Черноморских проливах 1915 г. имперская дипломатия добилась успеха там, где Сталин потерпел поражение, — получив западную (британскую и французскую) поддержку приобретения Россией западного берега Босфора, Мраморного моря и Дарданелл в случае победоносной войны. Позднее России были также обещаны османские провинции Эрзурум, Трабзон, Ван и Битлис, что объединило бы армянский народ, а также Курдистан; это опять же шло гораздо дальше более скромной, но неудавшейся попытки Сталина вернуть Карс и Ардаган⁵⁰. Россия также достигла соглашения, пересматривавшего англо-русский договор 1907 г., что увеличивало зоны обеих стран за счёт так называемой нейтральной зоны, предоставляя России намного более широкий контроль над Иранским Азербайджаном и северными провинциями Ирана, чем советско-иранское соглашение 1946 г.⁵¹ Правда, на окраинах Внутренней Азии Россия накануне революции смогла лишь подтвердить предшествующие соглашения с Японией, её союзницей в войне, о соблюдении раздела сфер влияния. В данном случае Сталин преуспел не только в восстановлении позиции царской России в 1904 г., но и в значительном её улучшении.

Что оставалось постоянным на протяжении нескольких веков, так это необходимость выигрывать борьбу за многоэтнические пространства — для России это было ключевым элементом, гарантирующим её внешнюю безопасность, внутреннюю стабильность и статус великой державы.

⁴⁸Сборник Императорского русского исторического общества. Т. 148. Пг., 1916. С. 31–33.

⁴⁹*Renzi W.A.* Who Composed 'Sazonov's Thirteen Points'? A Reconsideration of Russia's War Aims of 1914 // *American Historical Review*. Vol. 88. 1983. № 2. P. 347–357; *Linke H.G.* Das Zarische Russland und der Erst Weltkrieg. Diplomatie und Kriegsziele, 1914–1917. München, 1982.

⁵⁰Раздел Азиатской Турции по секретным документам Министерства иностранных дел / Под ред. Е.А. Адамова. М., 1924. С. 157, 163–164.

⁵¹Константинополь и проливы по секретным документам Министерства иностранных дел / Под ред. Е.А. Адамова. М., 1925. С. 284–285.

США и советско-чехословацкий договор 1943 г.

Артём Зорин

The USA and the Soviet-Czechoslovakia treaty of 1943

Artem Zorin (Vyatka State University, Kirov, Russia)

История советско-американских отношений постоянно находится в центре внимания отечественных и зарубежных исследователей. За время существования СССР наиболее близким взаимодействием Москвы и Вашингтона было во время Второй мировой войны, когда две державы объединились против общего врага.

Проблемы, посвящённые характеру связей советского и американского правительств, а также политике США в отношении СССР¹, освещены достаточно полно. Слабо изученной оказалась тема регионального измерения их взаимоотношений в годы войны, влияния локальных событий на американское восприятие Советского Союза и принятую затем политическую стратегию Вашингтона². Между тем их освещение может раскрыть многие интересные аспекты, поскольку именно тогда Соединённые Штаты переживали серьёзную трансформацию внешнеполитических подходов и доктрин, смещавшихся от изоляционизма к интернационализму и глобальной внешнеполитической стратегии, выработке планов создания принципиально новой системы международных отношений. В итоге в послевоенный период США стали главным стратегическим противником СССР.

В данной статье исследован советско-чехословацкий договор о дружбе, взаимопомощи и послевоенном сотрудничестве от 12 декабря 1943 г., ставший первым в серии подобных соглашений СССР с соседними государствами. История разработки и подписания этого документа – преимущественно в контексте советской или чехословацкой политики – подробно представлена российскими и зарубежными исследователями³. Однако взгляд на него в свете

© 2017 г. А.В. Зорин

Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 15-31-01303.

¹ См., например: *Печатнов В.О.* Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг. М., 2006; *Мальков В.Л.* Россия и США в XX веке. М., 2009.

² Единственная обобщающая работа по данной проблеме: *Встречными курсами: политика СССР и США на Балканах, Ближнем и Среднем Востоке в 1939–1947 гг.* / Отв. ред. В.Т. Юнгблуд. Киров, 2014.

³ См.: *Марьина В.В.* Советский Союз и чехо-словацкий вопрос во время Второй мировой войны. 1939–1945 гг. Кн. 2. М., 2009; *Марьина В.В.* Второй президент Чехословакии Эдвард Бенеш: политик и человек. 1884–1948. М., 2013; *Němeček J. a kol.* Československo-sovětská smlouva 1943. Praha, 2014. Исследование данного соглашения в контексте британской политики рассмотрено: *Brown M.* Dealing with Democrats. The British Foreign Office and the Czechoslovak Emigres in Great Britain, 1939 to 1945. Frankfurt a/M, 2006. В американских исследованиях договор упоминается лишь мельком, см.: *Garrett J.V.* Czechoslovakia and the coup in the American peace, 1938–1948. A PhD Diss. Bowling Green State University, 1987; *Clements C.W.* The Development and Failure of American Policy toward Czechoslovakia, 1938–1948. A PhD Diss. Miami University, Oxford (Ohio), 2004.

трёхсторонних отношений, а тем более с точки зрения восприятия Советского Союза в США, практически не представлен⁴.

Отношение Соединённых Штатов к процессу советско-чехословацкого сближения можно рассматривать как один из маркеров, демонстрирующих сущность противоречивого восприятия политики Москвы, и как предпосылку послевоенного конфликта двух сверхдержав. Привлечение российских, чехословацких и американских источников (включая неопубликованные документы Национального архива США) позволяет пролить свет на данную проблему.

1943 год стал важным рубежом и в ходе Второй мировой войны, и в отношениях держав антигитлеровской коалиции. На состоявшихся тогда союзнических конференциях в Москве, Каире и Тегеране были достигнуты важные договорённости об основах послевоенного мироустройства и создания новой системы международной безопасности. Там произошли личные встречи лидеров СССР, США и Великобритании, способствовавшие преодолению разногласий и сплочению альянса. Однако развитие военного сотрудничества осложнялось взаимными подозрениями и недоверием, вызванным различными политико-идеологическими системами, интересами и подходами сторон. Одной из трудностей было сохранявшееся в западных странах негативное восприятие Советского Союза, которое всего через несколько лет после победы над общим врагом способствовало разделу мира на сферы влияния, началу новой конфронтации и холодной войны.

Опасения по поводу такого «сценария» взаимодействия союзников появились ещё в период войны – в дипломатической переписке, общественных и политических дискуссиях, в том числе при обсуждении локальных вопросов, напрямую не связанных с отношениями в рамках Большой тройки. Одним из них стали будущее Центральной и Восточной Европы и отношения с эмигрантскими правительствами оккупированных Польши и Чехословацкой республики (ЧСР). Наиболее актуальным оставался польский вопрос, вызывавший многочисленные дебаты из-за нараставших польско-советских противоречий, дошедших до разрыва дипломатических отношений весной 1943 г. после опубликования информации о катынских расстрелах. Чехословацкое правительство в изгнании пошло по иному пути – поиску компромисса и союза с СССР.

Советско-чехословацкому сближению в годы войны предшествовала долгая дипломатическая и политическая подготовка, осуществлявшаяся главой чехословацкого правительства в изгнании (ЧСП) президентом Э. Бенешем и его сторонниками. В 1943 г. он предпринял два важных зарубежных визита, повлиявших на будущее ЧСР. Первый – в США (май–июнь) – обеспечил американскую поддержку основным требованиям ЧСП, но продемонстрировал и нежелание Вашингтона идти на серьёзное сближение и проникновение в Центральную Европу, второй – в СССР (декабрь) – закончился подписанием двустороннего договора и заложил основы будущего союза с нашей страной. Позже, после февральского политического кризиса 1948 г., американский посол в Праге Л. Штейнгардт утверждал, что именно договор 1943 г. положил начало планомерной политике расширения советского влияния в Чехословакии и превращения её в сателлита СССР⁵.

⁴Здесь можно упомянуть лишь статью словацкого историка С. Михалека: *Michálek S. Československo-sovietska zmluva z roku 1943 v americkej tlači // Soudobé Dejiny. 1994. № 6. S. 847–860.*

⁵Foreign Relations of the United States (далее – FRUS). 1948. Vol. IV. P. 747–754.

Бенеш, покинувший пост президента Чехословакии после подписания Мюнхенского соглашения 1938 г., в годы войны сумел возглавить эмигрантское движение сопротивления и встал во главе сформированного в Лондоне правительства в изгнании (в 1940 г. его признала Великобритания). Его первым внешнеполитическим проектом стал план создания чехословацко-польской конфедерации (ЧПК), оформленный в том же году декларацией двух эмигрантских правительств. После нападения Германии на СССР ЧСП получило полное и безоговорочное признание со стороны Москвы, а вскоре официальные отношения с ним установил и Вашингтон.

Стремясь заручиться поддержкой всех союзников в воссоздании Чехословакии и обеспечении её будущей безопасности, Бенеш выдвинул новую концепцию внешнеполитической ориентации, основанную на балансировании между сильнейшими полюсами послевоенного мира: 50% — на Запад, 50% — на Восток. Реализация концепции началась с подписания в июле 1941 г. советско-чехословацкого соглашения о сотрудничестве и формировании вооружённых сил на территории СССР⁶. Тогда же возникла идея личного визита Бенеша в Москву для обсуждения с советским руководством важнейших вопросов двусторонних отношений. Однако её не поддержали — по военным соображениям и из-за политических противоречий (в том числе советско-британских разногласий и отрицательного отношения Советского Союза к проекту ЧПК).

Лишь в 1942 г., когда наметился перелом в войне и связях союзников, ситуация стала постепенно меняться в благоприятную для планов Бенеша сторону. В мае был заключён 20-летний советско-британский договор о дружбе, а вскоре чехословацкий Государственный совет, выполнявший в эмиграции функции парламента, заявил о готовности президента Бенеша посетить Москву при первом благоприятном случае и отказаться от создания конфедерации, если это противоречило советским интересам (к тому времени процесс её создания фактически зашёл в тупик). Летом 1942 г. Москва поддержала одно из важнейших требований ЧСП — восстановить Чехословакию в её домюнхенских границах⁷. Чехословацкая сторона предложила обсудить возможность замены проекта ЧПК союзным договором с Польшей, направленным против Германии. Аналогичное соглашение могло быть заключено и с СССР по образцу советско-британского. Оптимальным же вариантом являлся трёхсторонний пакт. Эти идеи были переданы советскому правительству, которое в апреле 1943 г. согласилось подписать советско-чехословацкий договор о взаимопомощи⁸.

Чехословацко-советский диалог развивался одновременно с попытками привлечь на сторону ЧСП ещё одну мощную державу — США. Отношения с Вашингтоном долгое время осложнялись отказом американцев признавать эмигрантское правительство в качестве законного представителя интересов чехословацкого народа из-за отсутствия правового и политического континуитета, нежелания открыто вмешиваться в европейские противоречия и брать на себя обязательства по одобрению территориальных изменений. Лишь 30 июля 1941 г., вслед за Великобританией и СССР, США с оговорками признали ЧСП

⁶ *Марьина В.В.* Советский Союз и чехо-словацкий вопрос... С. 22.

⁷ АВП РФ, ф. 06, оп. 4, д. 275, л. 25, 8–10, 12–19 (URL: <http://agk.mid.ru>; дата обращения: 25.11.2016).

⁸ *Марьина В.В.* Советский Союз и чехо-словацкий вопрос... С. 128–136; *Марьина В.В.* Второй президент Чехословакии... С. 338–343; *Benes E.* From Munich to new war and new victory. Cambridge, 1954. P. 241–245.

как временный орган, не имевший полномочий заключать соглашения на послевоенный период⁹. И только в конце октября 1942 г. чехословацкое правительство и президент Бенеш получили полное признание Вашингтона¹⁰.

В тот период американский президент Ф. Рузвельт, госсекретарь К. Хэлл и их сторонники искали пути развития более близких отношений с СССР для интенсификации войны и поддержки планов создания новой международной системы. В результате они приняли широкомасштабную программу ленд-лиза, отправили в Москву специальных представителей и попытались выйти на прямой контакт руководителей двух держав. Но к сближению с СССР настороженно отнеслись американские консервативные круги, помнившие активность Коминтерна, советско-германский пакт 1939 г. и последовавшую за ним экспансию СССР в Восточной Европе.

Одной из целей развития американско-чехословацких отношений стало стремление Рузвельта укрепить отношения с Москвой. Чехословацкий президент с его многолетним политическим и дипломатическим опытом интересовал руководство США прежде всего в качестве эксперта по советской внешней политике и возможного посредника в переговорах с И.В. Сталиным. Бенеш мог оказаться отличным инструментом в руках Рузвельта для пропаганды его взглядов, поскольку был готов публично, безоговорочно и решительно демонстрировать своё доверие к руководителям Советского Союза и их курсу, чего не могли себе позволить американские политики¹¹.

В декабре 1942 г. Бенеш получил приглашение посетить Соединённые Штаты с официальным визитом. Важным фактором в принятии Рузвельтом такого решения (именно когда он стремился выйти на личный контакт со Сталиным) была переданная в США информация о намерении чехословацкого лидера вскоре нанести личный визит в Москву и о желании предварительно согласовать свою позицию с американским президентом¹². Перед началом поездки в Америку Бенеш получил из Москвы принципиальное согласие на заключение договора с ЧСП, а также приглашение посетить СССР в «ближайшее время»¹³.

В мае 1943 г. чехословацкая делегация прибыла в Вашингтон, где провела переговоры с президентом Рузвельтом, руководством Госдепартамента и ведущими представителями политических, экономических, финансовых кругов Америки. Как и следовало ожидать, основным объектом обсуждений была отнюдь не Чехословакия, а СССР, планы послевоенного мироустройства и советско-польские отношения. Последний вопрос имел особую актуальность в связи с политической активностью многочисленной польской диаспоры в США. Кроме того, обсуждение различных граней польского урегулирования в формате Большой тройки могло непосредственно отразиться на послевоенных планах Москвы, в том числе в отношении других государств Восточной Европы, включая Чехословакию.

⁹FRUS. 1941. Vol. II. P. 33.

¹⁰U.S. National Archives and Records Administration, College Park (далее – NARA). RG 59. Czechoslovakia, 1910–1944. M1218. 860F.01/436A.

¹¹*Fierabend L.* Benes mezi Washingtonem a Moskvou. Washington, 1966. S. 38.

¹²NARA. RG 59. Czechoslovakia, 1910–1944. M1218. 860F.01/456; *Дани Д.* Между Рузвельтом и Сталиным. Американские послы в Москве. М., 2004. С. 274–285.

¹³*Benes E.* Op. cit. P. 180; *Československo-sovětské vztahy v diplomatických jednáních. 1939–1945. Dokumenty* (далее – ČSVDJ), d. I. Praha. 1998. Dok. 226.

В ходе переговоров и выступлений Бенешу приходилось доказывать, что он не являлся агентом Москвы и не поддерживал планов распространения коммунизма, а действовал из сугубо прагматических соображений — защиты интересов Чехословакии и создания новой системы безопасности в Европе, которая, по его мнению, должна была учитывать два основополагающих постулата. Согласно первому, после завершения войны Германию следовало по-прежнему рассматривать как главную угрозу миру и чехословацкой независимости. Второй постулат указывал на неизбежность изменения баланса сил на континенте. Роль стабилизаторов системы должны были выполнять стремившиеся к сохранению мира и статус-кво союзные державы. При этом ведущая роль на востоке Европы должна была принадлежать стремительно усиливавшемуся Советскому Союзу, который превращался в соседа ЧСР и главный противовес Германии.

Бенеш уверял американских собеседников, что сам СССР не представлял угрозы, поскольку радикальный большевизм постепенно исчерпывал себя. Его источником отчасти являлась враждебная политика западных держав и стремление изолировать советское государство. Расширение взаимодействия, борьба против общего врага способствовали преодолению недоверия между союзниками, постепенному их сближению и даже демократизации советского строя, отказу СССР от агрессивной экспансионистской политики. Чехословацкий президент предлагал программу устранения потенциальной советской угрозы через развитие близких отношений с Москвой. Для этого требовалось решить все вопросы, способные вызвать опасения и враждебность советского руководства. Он считал необходимым признать СССР равноправным партнёром при решении важных мировых проблем. Советское влияние должно было компенсироваться западными державами (включая США), которым также следовало расширить близкие контакты с Москвой. Частью этой системы предполагалось сделать Чехословакию, славянскую страну, традиционно ориентированную на западную демократическую модель государственно-политического устройства и призванную сыграть роль своеобразного моста между Западом и Востоком. В качестве дополнительных стабилизирующих механизмов Бенеш предлагал создать региональные объединения малых держав, в том числе чехословацко-польскую конфедерацию (в случае согласия СССР).

Эти идеи не противоречили взглядам президента Рузвельта и некоторых его ближайших сторонников, поэтому мнение Бенеша о намерениях СССР вызвало значительный интерес американского руководства. В Госдепартаменте планы региональных союзов развивал заместитель госсекретаря С. Уэллес. Но американские проекты послевоенного мироустройства носили, как правило, глобальный характер и предполагали также создание сильной международной организации, способной заменить Лигу Наций. В беседах Бенеша с президентом США, руководителями Госдепартамента, американскими политическими деятелями и журналистами чувствовалась их обеспокоенность по поводу СССР. Собеседники чехословацкого лидера опасались вмешательства Москвы во внутренние дела других стран и подрывной деятельности Коминтерна¹⁴. Бенеш, в свою очередь, пытался убедить их в дружественных намерениях Сталина. Чехословацкий лидер считал, что, хотя в Центральной Европе у СССР есть свой интерес, но его временное доминирование не приведёт к установлению там просоветских правительств. Президенту США Бенеш сообщил о намерении

¹⁴CSVDJ, d. 1. Dok. 240; *Benes E.* Op. cit. P. 194; *Taborsky E.* President Edvard Benes. 1938–1948. Stanford, 1981. P. 123–127; FRUS. 1943. Vol. III. P. 529.

в ближайшее время посетить Москву, фактически предложив себя на роль посланника и посредника. Также чехословацкий президент дал понять, что он не против укрепления связей с Советским Союзом путём заключения договора, участником которого могла бы стать и Польша, что сняло бы польско-советские противоречия, позволило бы преодолеть имевшиеся разногласия и продемонстрировать благие намерения Москвы в отношении соседних стран. Он советовал руководителям США развивать дружеские связи с СССР и заключить с ним долгосрочный договор. По словам Бенеша, Рузвельт одобрил его намерения и поддержал идею договора¹⁵.

9 июня чехословацкий президент вылетел из Вашингтона в Лондон, планируя в ближайшее время отправиться в Москву. Но в первой же беседе с британским министром иностранных дел А. Иденом 16 июня Бенеш с удивлением узнал о негативном отношении правительства Великобритании к возможности заключения советско-чехословацкого договора. Эта встреча положила начало долгой и интенсивной череде переговоров, касавшихся советско-чехословацких и советско-британских отношений. Иден объяснял свою позицию неформальной договорённостью между Лондоном и Москвой не подписывать соглашений с правительствами оккупированных государств до окончания войны (о чём ранее Бенеша не поставили в известность) и опасением изоляции польского правительства¹⁶.

Советский посол при ЧСП А.Е. Богомолов расценил утверждения британского министра как неправильное понимание позиции СССР и нарушение его права на независимую внешнюю политику, советуя Бенешу не поддаваться давлению англичан. Чехословацкий президент указал британской стороне на поддержку его намерений со стороны Рузвельта и Госдепартамента США¹⁷. Однако в ответе на обращение Идена к Уэллесу Госдепартамент заявил, что в разговорах с Бенешем поднимался лишь вопрос о его желании достичь понимания со Сталиным относительно послевоенного положения Чехословакии, но не о договоре ЧСП с СССР¹⁸. Бенеш пояснил, что он разговаривал о заключении соглашения с Рузвельтом, а Уэллес мог быть просто недостаточно информирован. Главным же, по его мнению, являлось то, что американцы поддерживали чехословацкий курс и выразили заинтересованность в готовности СССР предоставить Чехословакии гарантии независимости и невмешательства в её внутренние дела¹⁹. В беседах с американскими дипломатами Бенеш пытался возложить ответственность за срыв поездки в Москву на англичан. Причиной, по его мнению, стала неправильная трактовка Форин-оффисом соглашения с Москвой²⁰. Хотя разногласия главы ЧСП с британским правительством ставили под угрозу обещанный Рузвельту скорый визит Бенеша в Россию, Госдепартамент предпочёл не вмешиваться.

Вскоре Москва обозначила заключение соглашения необходимым условием посещения Бенешем СССР, что поставило последнего в сложное положение.

---

¹⁵Hoover Institution Archives, Stanford University. Edward Taborsky papers. Box 2. E. Taborsky wartime diary. P. 233–255; ČSVDJ, d. 1. Dok. 231, 243, 246; NARA. RG 59. Czechoslovakia, 1910–1944. M1218. 860F.01/498, 860F.01/1009; *Benes E.* Op. cit. P. 195–196.

¹⁶*Марына В.В.* Советский Союз и чехо-словацкий вопрос... С. 137; ČSVDJ, d. 1. Dok. 251.

¹⁷NARA. RG 59. Czechoslovakia, 1910–1944. M1218. 860F.001/153.

¹⁸FRUS. 1943. Vol. III. P. 670.

¹⁹ČSVDJ, d. 1. Dok. 262–264; d. 2. Dok. 17; *Марына В.В.* Советский Союз и чехо-словацкий вопрос... С. 137.

²⁰FRUS. 1943. Vol. III. P. 677; ČSVDJ, d. 2. Dok. 9.

Ему пришлось отложить визит, чтобы не втягиваться в советско-британские разногласия и дожидаться их разрешения. Осенью решено было вынести вопрос на обсуждение запланированной на октябрь Московской конференции министров иностранных дел²¹. В это время продолжались советско-чехословацкие переговоры о содержании договора и вскоре его проект согласовали. По инициативе СССР предлагалось предусмотреть возможность присоединения третьей стороны (Польши), что должно было ослабить опасения англичан и способствовать оформлению польско-чехословацкого соглашения²². 24 октября на заседании Московской конференции А. Иден, К. Хэлл и В.М. Молотов обсудили вопрос о советско-чехословацком договоре. За день до того текст был направлен для ознакомления британской и американской сторонам²³. Соглашение объявлялось продолжением советско-чехословацких договоров 1935 и 1941 гг. и подлежало заключению на 20 лет с возможностью пролонгации.

Договор обязывал стороны оказывать друг другу помощь в войне против Германии и её союзников, не вести с ними односторонних переговоров, а в случае повторения германской агрессии в будущем рассчитывать на взаимную поддержку. Кроме того, отмечалось требование тесного и дружественного сотрудничества двух государств в послевоенный период на основе принципа уважения независимости, суверенитета, невмешательства во внутренние дела каждого из них. Страны также обязывались развивать экономические отношения на основе взаимопомощи, не заключать союзов и не принимать участия в коалициях друг против друга. Дополнительный протокол предполагал возможность присоединения к договору третьей страны, граничащей с СССР или ЧСР и подвергшейся германской агрессии²⁴.

Хэлл предпочёл воздержаться от вмешательства в обсуждение, заявив, что «лично не был знаком со всеми деталями». Не получив поддержки американцев, Иден неожиданно (вопреки позиции Форин-оффиса и предварительным инструкциям) одобрил предложенное соглашение и визит Бенеша в Москву²⁵. Фактическое молчаливое согласие на подписание договора со стороны госсекретаря США могло определяться несколькими мотивами. Во-первых, стремлением сохранить дружественную атмосферу в стане союзников и не обострять возникавшие между ними противоречия; во-вторых, нежеланием портить отношения с Москвой накануне скорой и долгожданной встречи Рузвельта со Сталиным в Тегеране; в-третьих, соответствием планов Бенеша взглядам президента США; наконец, плохой информированностью Хэлла по данному вопросу вследствие его концентрации на обсуждении проблемы создания новой международной организации по обеспечению всеобщей безопасности²⁶. Это подтверждало и направленное Бенешу в начале декабря сообщение главы Чехословацкой информационной службы в Нью-Йорке Я. Папанека. Он отмечал, что даже противники чехословацкого правительства в Госдепартаменте

²¹ *Benes E.* Op. cit. P. 241–245; *Brown M.* Op. cit. P. 200–201.

²² *Марьина В.В.* Советский Союз и чехо-словацкий вопрос... С. 140.

²³ АВП РФ, ф. 06, оп. 5, п. 20, д. 218, л. 12.

²⁴ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 1. М., 1944. С. 373.

²⁵ FRUS. 1943. Vol. I. P. 625–627; *Brown M.* Op. cit. P. 204–206; *Smetana V.* Britové, Američané a československo-sovětská smlouva // Československo-sovětská smlouva 1943. Praha, 2014. S. 58; ČSVDJ, d. 2. Dok. 47.

²⁶ *Michálek S.* Op. cit. S. 847–860; *Smetana V.* Op. cit. S. 59.

больше не могли открыто выступать против политики Бенеша в отношении Москвы из-за продемонстрированной ранее руководством США поддержки²⁷.

23 ноября чехословацкая делегация вылетела из Лондона в СССР. До советской столицы ей удалось добраться (через Северную Африку, Ближний Восток и Кавказ) лишь через 18 дней. Во время недельной остановки Бенеша под Багдадом в соседнем Иране проходила конференция лидеров Большой тройки, на которую чехословацкий президент приглашён не был²⁸. Эту паузу использовали для проведения обстоятельных бесед с присланным для сопровождения Бенеша заместителем наркома иностранных дел СССР А.Е. Корнейчуком. Последний исправно передавал информацию в Москву, что облегчило последующие переговоры²⁹.

В столице СССР Бенеш был встречен со всеми государственными почестями и пробыл там с 11 до 23 декабря³⁰, после чего отправился по тому же маршруту в Лондон, останавливаясь с короткими визитами в Иране, Египте и Алжире. Во время пребывания в Советском Союзе чехословацкий президент четыре раза виделся со Сталиным (проведя две обстоятельные беседы) и дважды отдельно встречался с Молотовым. На переговорах поднималось множество проблем, касавшихся не только судьбы Чехословакии, но и послевоенного устройства Европы. Как и в США, в Москве наблюдался большой интерес к польской проблеме. Обсуждалось будущее экономическое и военное сотрудничество СССР и ЧСР³¹. На проводимых в честь Бенеша торжественных мероприятиях присутствовало высшее советское руководство. Также в Москве шли переговоры Бенеша с представителями чехословацких коммунистов. 12 декабря в Кремле был подписан советско-чехословацкий договор, и уже 22 декабря состоялся обмен ратификационными грамотами³².

Хотя для американцев актуальность визита Бенеша в СССР после личной встречи Рузвельта со Сталиным в Тегеране снизилась, действия чехословацкого президента вызвали интерес в дипломатических кругах и печати США, но прежде всего с точки зрения анализа советской внешней политики и её соответствия достигнутому соглашению. О содержании своих переговоров Бенеш исправно сообщал в Госдепартамент. 17 и 20 декабря он встречался в Москве с послом США А. Гарриманом, в Алжире беседовал с американским представителем при Французском комитете национального освобождения Э. Вильсоном. По возвращении в Великобританию Бенеш ещё раз поделился впечатлениями от поездки с американскими дипломатами в Лондоне.

Гарриман и Вильсон в своих сообщениях в Вашингтон обращали внимание на положительные впечатления Бенеша от визита и оказанной ему встречи, а также на достижение согласия со Сталиным по всем принципиальным вопросам. Чехословацкий президент сообщал, что он удостоверился в правильности своих прежних прогнозов относительно постепенной трансформации Советского Союза и его отхода от агрессивного коммунизма. Бенеш считал, что

---

²⁷Ján Papánek za vojny Edvardovi Benešovi (vyber z dokumentov 1939–1945). Bratislava, 1997. Dok. 45. S. 117.

²⁸Kalvoda J. Czechoslovakia's Role in Soviet Strategy. Washington, 1978. P. 143; Nováčková H., Štoviček I. Edvard Beneš o jednání v Moskvě v prosinci 1943 // Soudobé Dejiny. 1996. № 2–3. S. 323–349.

²⁹Benes E. Op. cit. P. 259–265.

³⁰Němeček J. Československá vláda, prezident a československo-sovětská smlouva z r. 1943 // Československo-sovětská smlouva 1943. S. 7–48; Nováčková H., Štoviček I. Op. cit. S. 326.

³¹АВП РФ, ф. 06, оп. 5, д.401, п. 33, л. 1–30.

³²Марына В.В. Советский Союз и чехо-словацкий вопрос... С. 151–165.

политика СССР прежде всего определялась тремя стремлениями: продолжить долговременное сотрудничество с союзниками, гарантировать предотвращение новой агрессии со стороны Германии и обеспечить установление власти дружественных правительств в соседних государствах. Американские дипломаты отмечали убежденность своего собеседника в твердом намерении СССР не вмешиваться во внутренние дела Чехословакии и Польши. Бенеш уверял, что США, со своей стороны, могли положиться на русских в исполнении ими принятых обязательств. Говоря о договоре, он представлял его как первый шаг к созданию системы общей безопасности и подчёркивал важность присоединения к соглашению польского правительства. Относительно послевоенного устройства Центральной Европы президент указывал на согласие с точкой зрения Сталина – отказаться от создания региональных конфедераций, развивая сотрудничество между соседними странами на экономической основе без формальной организации. Но о дальнейших планах послевоенного сотрудничества с СССР и налаживании тесных взаимосвязей Бенеш предпочёл умолчать³³.

Официальная реакция Госдепартамента на заключённый договор оказалась сдержанно-нейтральной: это результат долгих переговоров, по содержанию он соответствовал англо-советскому договору 1942 г. и не противоречил общей системе коллективной безопасности³⁴. Президент Рузвельт на встрече с чехословацким министром иностранных дел Я. Масариком в начале февраля 1944 г. позитивно отозвался о данном соглашении, выразив уверенность в стремлении СССР сотрудничать с союзными державами³⁵. Вместе с тем советско-чехословацкое сближение вызвало противоречивый отклик в американской прессе. Из наиболее влиятельных газет, освещавших эту тему, прежде всего можно выделить «Washington Post» и «New York Times». Их первые сообщения о посещении Бенешем Москвы имели преимущественно информативный характер. «New York Times» 10 декабря сообщила о приезде Бенеша в СССР, 13-го числа в передовице поместила информацию о подписании советско-чехословацкого договора, а на следующий день – его полный текст. Московский корреспондент газеты отмечал: чехословацкий президент, ставший первым лидером иностранного государства, посетившим Москву с 1918 г., был хорошо знаком русским с довоенного времени, и его принимали как старого друга и союзника³⁶.

В то же время имели место попытки проанализировать заключённое соглашение и его возможные последствия в более широком международном контексте. Они в основном укладывались в две сюжетные линии: размышления о намерениях СССР и соответствии договора планам создания новой системы всеобщей безопасности, обсуждавшимся в Москве и Тегеране. В редакционной статье «Washington Post» от 9 декабря заключение договора объяснялось стремлением СССР к формированию на своей границе федерации дружественных государств – для предотвращения воссоздания санитарного кордона. Автор статьи полагал, что тем самым Москва добивалась гармонизации решений о послевоенном устройстве Восточной Европы и мер по обеспечению собственной безопасности. Договор мог оказаться первым шагом к заключению серии подобных соглашений, а ЧСР

³³FRUS. 1943. Vol. III. P. 728, 731; NARA. RG 59. Czechoslovakia, 1910–1944. M1218. 860F.001/163–170, 175.

³⁴The Department of State Bulletin. Vol. IX. № 234. December 18, 1943. P. 439.

³⁵ČSVDJ, d. 2. Dok. 76.

³⁶Lawrence W.H. Pact with Czechs signed in Moscow // New York Times. 1943. December 13; The text of the Russian-Czechoslovak mutual assistance treaty // Ibidem. December 14.

выступала «активирующим агентом для расширения системы на другие страны», прежде всего на Польшу³⁷. Эту идею 16 декабря продолжила статья другого автора, по мнению которого СССР не был убежден в эффективности принципа коллективной безопасности и новой международной организации, в связи с чем наложил вето на планы создания региональных федераций и занялся «сооружением специальных барьеров» для самозащиты.

В результате были подписаны договоры с Великобританией и Чехословакией. Причём последний был открыт для присоединения третьей стороны — Польши или Австрии. Он демонстрировал заинтересованность СССР в Центральной Европе и предполагал, что «какие-либо региональные группировки в этой части континента» смогут создаваться и действовать только под эгидой Советского Союза. Но Москва, по мнению автора, не намеревалась использовать систему создаваемых ею союзов для навязывания коммунистических режимов. А договор демонстрировал своеобразный подход к коллективной безопасности: «державы прежде всего создают свои особые альянсы, даже одновременно планируя в итоге создать систему коллективной безопасности»³⁸.

В одном из первых откликов в «New York Times» договор оценивался в позитивном ключе как «событие исключительной важности», которое влекло за собой «серьёзные последствия для послевоенного центральноевропейского урегулирования», открывало дверь Польше для присоединения к барьеру против традиционного германского «натиска на Восток» и демонстрировало отказ СССР от намерений большевизации малых европейских стран. Но отмечалось и то, что благодаря поддержке Чехословакии Советское государство получало частичное доминирование в Центральной Европе, где отныне без его согласия невозможно будет создать какие-либо межгосударственные объединения. Кроме того, считал автор, этим актом аннулировалось неформальное советско-британское соглашение 1942 г. о неподписании до окончания войны договоров с малыми странами, вследствие чего обе державы теперь могли набирать союзников и создавать сферы влияния³⁹.

В другой статье отмечалось, что СССР получал важное дипломатическое преимущество в лице «ещё одного союзного государства, лидер которого, доктор Бенеш, пользуется большим уважением» среди членов антигитлеровской коалиции⁴⁰.

Лондонский обозреватель «New York Times» в материале от 19 декабря констатировал, что значение договора выходило за рамки чехословацко-советских отношений и открывало Москве путь к распространению своего влияния: аналогичные соглашения могли быть заключены с Югославией, Венгрией, Болгарией и Румынией. Целью такой политики могло являться либо стремление «открыть для России каналы, ведущие на запад», либо «тщательное сооружение оборонительного вала», либо комбинация обоих вариантов — строительство «своего рода низкой стены с удобными воротами». Прогнозируя дальнейшую политику СССР, автор полагал, что Москва будет настаивать на формировании дружественных, но не обязательно коммунистических правительств в соседних странах. При этом в статье отмечалось, что чехи отвергли всякую опасность создания советской сферы влияния в Восточной Европе и даже гордились, что оказались умнее финнов и поляков, «которые имели

³⁷Winkler P. Eastern Europe federation plans // Washington Post. 1943. December 9.

³⁸Niver B. The Czech pact // Washington Post. 1943. December 15.

³⁹Benes in Moscow to sign Czech pact // New York Times. 1943. December 10.

⁴⁰Lawrence W.H. Pact with Czechs signed in Moscow // New York Times. 1943. December 13. P. 1.

возможность договориться с Советским Союзом, когда Россия находилась в трудном положении»⁴¹.

Следует отметить, что в первую очередь упомянутые американские издания интересовались влиянием договора на последующую политику СССР и опасностью образования сфер влияния в Европе. В связи с обсуждением договора вашингтонский корреспондент британской «Daily Telegraph» в статье от 15 декабря также упомянул о его возможных неблагоприятных последствиях для Госдепартамента. После возвращения с Московской конференции госсекретарь Хэлл заверял Конгресс, что «больше не будет необходимости в сферах влияния, ради которых в несчастном прошлом народы стремились защитить свою безопасность или распространить свои интересы». Однако заключение менее чем через месяц советско-чехословацкого договора поставило под сомнение и это заявление, и прежний курс США, заключавшийся в том, чтобы относиться к правительствам в изгнании лишь как к временным «хранителям национальных суверенитетов, пока их народы не смогут сами выбирать своих лидеров и правительства»⁴².

Ещё один важный вопрос для американских СМИ — о судьбе Польши. 23 декабря в сообщении корреспондента «New York Times» о состоявшейся в Москве финальной пресс-конференции Бенеша были выделены его слова о стремлении в ближайшем будущем достичь чехословацко-польского соглашения, о заинтересованности СССР в «сильной и независимой Польше и сильной и независимой Чехословакии», о гарантированности «перспективы будущего мира»⁴³.

В материале американской радиовещательной компании «CBS» от 15 декабря отмечалось, что СССР демонстрировал готовность возобновить отношения с польским правительством (но не с «нынешним правительством в Лондоне») на равной основе. В «New York Herald Tribune» выражалась надежда, что правительство Польши «не будет терять времени, отвечая на приглашение, содержащееся в договоре»⁴⁴.

Соглашение обсуждали и другие СМИ. Анализируя общие тенденции в его освещении, словацкий историк С. Михалек отмечает, что однозначную оценку ему давали только консервативные издания, обвинявшие СССР в стремлении расширить своё влияние в Европе и мире; либеральная пресса реагировала более разнообразно, выражая и опасения, и поддержку межсоюзнического сотрудничества, и радость по поводу заключения договора. В целом же американцам не хватало определённости в понимании СССР — его восприятие с идеологических позиций в качестве угрозы, несущей распространение коммунизма, накладывалось на образ обычного государства, обеспокоенного собственной безопасностью. Эти соображения дополняла возникшая в США озабоченность их местом в мире и ролью в послевоенной Европе в случае её раздела на сферы влияния Великобританией и Советским Союзом⁴⁵.

12 января 1944 г. в «Washington Post» бывший заместитель госсекретаря Уэллес попытался подвести итог дискуссии, развернувшейся по поводу последствий договора. Он выделил ключевой вопрос: могло ли создание всемирной организации предусматривать региональные системы безопасности или она

⁴¹Anderson D. Clues sought in Russo-Czech pact // New York Times. 1943. December 19. P. E5.

⁴²NARA. RG 165. Regional File, 1922–1944. Box 692. Czech 3850. Political Information Series. № 4.

⁴³Benes links Poles to Moscow accord // New York Times. 1943. December 23. P. 3.

⁴⁴NARA. RG 165. Regional File, 1922–1944. Box 692. Czech 3850. Political Information Series. № 4.

⁴⁵Michalek S. Op. cit. S. 847–860.

должна была носить универсальный характер? Уэллес принимал на веру советские заверения в необходимости создания сильных государств в Восточной Европе и считал, что СССР имел все основания стремиться к формированию региональной системы безопасности из дружественных ему стран, так же как США – к созданию межамериканской системы в западном полушарии. Но это стремление должно было реализовываться «с помощью механизмов, поощряющих существование независимых, сильных и дружественных правительств, при поддержке общественного мнения».

Уэллес полагал: если в противоположность восточной возникнет западноевропейская региональная система под руководством Великобритании, это приведёт к возврату системы баланса сил и созданию политических и экономических сфер влияния двух великих держав. Для предотвращения этой опасности он предлагал поместить региональные системы под коллективное управление будущей всемирной организации, поскольку считал, что эффективное взаимодействие региональных организаций с «вышестоящими международными представителями исполнительной власти всех стран» поможет обеспечить прочный мир в Европе⁴⁶. Высказанная Уэллесом позиция находилась в русле его размышлений о послевоенном мироустройстве, а чехословацкий аспект был лишь частью общего контекста развернувшейся в американской печати дискуссии по этому вопросу⁴⁷.

Интересным был ещё один анализ заключённого договора – подготовленный Управлением стратегических служб 1 января 1944 г. доклад «Русско-чехословацкий альянс»⁴⁸. Его автор отмечал, что «договор вызывал больше вопросов, чем ответов» и порождал разные «предположения относительно его реального значения». В свете последних договорённостей союзников были непонятны двусторонний характер договора, сроки его подписания и отсутствие ссылок на «всеобщую международную организацию». Самым очевидным объяснением этого могло быть то, что подписанное соглашение стало результатом «политической инерции» – затянувшихся с середины 1942 г. из-за советско-британских разногласий переговоров. Поэтому подготовленный проект не учитывал результаты последних конференций союзников. Главной целью договора автор считал обеспечение безопасности обоих государств. Чешская сторона получала в лице СССР «долгожданного покровителя и защитника», выбор которого был обусловлен «не только логическими соображениями географического положения, но и убеждением, что Россия была единственным государством, которое поддержало их во время Мюнхенского кризиса», а ранее выступала в защиту коллективной безопасности в Лиге Наций. Со стороны чехов такое стремление являлось естественным, поскольку до создания всемирной организации «малые народы будут чувствовать, что они должны присоединиться политически и экономически к той или иной из великих держав в целях обеспечения рассмотрения их интересов». Второй фактор, способствовавший сближению, включал «всплеск национализма и панславизма в Советском Союзе» и прорусскую ориентацию чехов.

Для СССР мотивы подписания договора представлялись более глубокими и многозначными. Во-первых, он являлся результатом «инерционного стремления к безопасности»: через установление союзных отношений с ЧСР Москва стремилась создать элемент собственной ограниченной защитной системы,

⁴⁶Welles S. Russia and Czechoslovakia // Washington Post. 1944. January 12.

⁴⁷См.: Юнглод В.Т. Внешнеполитическая мысль США 1939–1945 годов. Киров, 1998.

⁴⁸NARA. RG 165. Regional File, 1922–1944. Box 692. Czech 3860. OSS R&A. № 1720.

которая в будущем могла стать частью общей международной организации. Стремясь вовлечь в союз Польшу, СССР создавал препятствия для её вхождения в какую-либо федерацию на своих западных границах, способную попасть под влияние другой великой державы. «Ввиду своего традиционного, почти патологического страха окружения, Советский Союз воспринимает такие проекты с подозрением, видя в них ядра потенциального санитарного кордона», — отмечал автор документа. Кроме того, сказывалось и естественное стремление великой державы расширить своё влияние на соседние государства.

Во-вторых, благодаря поддержке Чехословакии Москва получала сильного союзника на будущих переговорах о границах в Восточной Европе. В-третьих, целью договора стала передача послания польскому правительству о возможности найти взаимопонимание с СССР и о необходимости «проводить более приемлемую политику». В-четвертых, договор можно было продемонстрировать и как послание союзникам — он должен был продемонстрировать, что Москва не стремилась к новым территориальным приобретениям, не добивалась создания коммунистических режимов или советизации других стран, уважала суверенитет малых наций. В то же время советское правительство демонстрировало, что могло вести независимую от союзников политику, если планы международного сотрудничества не увенчаются успехом. В будущем союз с ЧСР мог быть использован для распространения советского влияния на Центральную Европу. Таким образом, заключённый договор представлял как важное и глубокое по своему содержанию соглашение, отвечавшее как текущим, так и долгосрочным интересам сторон. Но прежде всего он был выгоден СССР, как отвечавший его оборонным, стратегическим, дипломатическим и идеологическим интересам.

В целом политика эмигрантского чехословацкого правительства по сближению с СССР и дипломатическая активность президента Бенеша вызвали заметный интерес со стороны американских политических, экспертных и дипломатических кругов. Общественная реакция и отклики со стороны руководства страны демонстрировали сдержанность и стремление далее выстраивать дружественные отношения с Советским Союзом. Более всего специалистов по международным проблемам интересовало влияние чехословацко-советских связей на отношения между союзниками, последующую политику Москвы, на послевоенное урегулирование в Центральной и Восточной Европе, на судьбу Польши. Чехословакия в этих дискуссиях чаще воспринималась лишь как средство достижения советским руководством своих целей. В связи с договором впервые были чётко обозначены и опасность вовлечения этой страны в советскую сферу влияния, и сама возможность создания последней.

Но было много и тех, кто верил в искренность советского правительства и поддерживал стремление Бенеша по выстраиванию более тесных отношений с Москвой. Президент США Рузвельт и Госдепартамент фактически поддержали этот курс, самоустранившись от вмешательства в советско-чехословацкие отношения, приняв за основу позицию ЧСП и заверения Бенеша. Объективно такая реакция была следствием того, что администрация США в качестве приоритетных направлений своего внешнеполитического курса называла укрепление коалиции и подготовку условий для создания после войны действенной системы международной безопасности. Идеи и действия Бенеша противоречили некоторым тактическим установкам американской дипломатии, однако были созвучны главным целям стратегии администрации Рузвельта в войне, что способствовало успеху переговоров в Москве и в целом позитивной реакции на их результаты в Вашингтоне.

Внешняя политика России в 1990-е гг.: адаптация к новым условиям

Александр Барсенков

Russia's foreign policy in the 1990s: adaptation to new conditions
Aleksander Barsenkov (Lomonosov Moscow State University, Russia)

Научное осмысление истории России 1990-х гг. остаётся актуальной задачей, решение которой осложняется эмоциональным восприятием тех лет и популярностью политических оценок. Для одних это — трудное время слома тоталитарного режима, поворота на путь демократии, создания эффективной рыночной экономики, интеграции в сообщество развитых стран, для других — либеральный «рыночный большевизм», приведший к деградации всех общественных структур и отбросивший страну на мировую периферию. При этом реальная взаимосвязь обстоятельств внутренней и внешней политики, различных экономических, социальных, идейных тенденций ещё только начинает исследоваться¹. Всё это в полной мере относится к истории российской внешней политики 1990-х гг. Всплеск интереса к ней международников пришёлся на начало 2000-х гг., что было связано со стремлением осмыслить опыт прошедшего десятилетия, а также с появлением нового лидера, призванного решать накопившиеся проблемы². С тех пор изучалась фактологическая база, были опубликованы мемуары основных «творцов» внешнеполитических решений тех лет. Вместе с тем необходимо выявить основные факторы, определявшие внешнеполитический курс Российской Федерации в 1991–1999 гг., учитывая нелинейность, непредсказуемость, альтернативность развития³, состояние

© 2017 г. А.С. Барсенков

¹ *Пихоя Р.Г., Журавлёв С.В., Соколов А.К.* История современной России: десятилетие либеральных реформ: 1991–1999 гг. М., 2011; История современной России. Документы и материалы (1985–1999). В 2 ч. / Под ред. С.М. Шахрая и А.А. Клишаса. М., 2011; История современной России: проблемы, документы, факты (1985–1999). Материалы международной конференции. В 2 т. М., 2011.

² Внешняя политика Российской Федерации. 1991–1999 / Под ред. А.В. Торкунова. М., 2000; Внешняя политика России: 1991–1999. Ч. I // Pro et Contra. Т. 6. № 1–2; Внешняя политика России: 1991–1999. Ч. II // Там же. № 4; Внешняя политика России: от Ельцина к Путину. Киев, 2002; Десять лет внешней политики России: материалы первого конвента российской ассоциации международных исследований / Под ред. А.В. Торкунова. М., 2003; Russian Foreign Policy in the Twenty-First Century and the Shadow of the Past / Ed. by R. Legvold. N.Y., 2007.

³ Подробнее о методологических принципах, положенных в основу исследования, см.: *Романова Т.* О неоклассическом реализме и современной России // Россия в глобальной политике. 2012. № 3; *Косохин А.А.* О системном и ментальном подходах к мирополитическим исследованиям. М., 2008; *Мартьянов А.В.* Системная трансформация и реалии постсоциалистического мира. М., 2004; *Яжборовская И.С.* Глобализация и опыт трансформации в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 2008. С. 102; *Глинкина С.П.* Методология анализа постсоциалистических трансформаций // Трансформации на постсоциалистическом пространстве. М., 2009; Российские трансформации в контексте мирового опыта. М., 2010; Европа перемен. Концепции и стратегии интеграционных процессов / Под ред. Л.И. Глухарёва. М., 2006; *Байков А.А.* Сравнительная интеграция. Практика и модели интеграции в зарубежной Европе и Тихоокеанской Азии. М., 2012.

ресурсной базы страны, государственных и общественных структур, а также логику действий их руководителей.

Первый этап системной трансформации, происходившей в нашей стране в последние десятилетия, охватывал время с весны 1985 г. до осени 1991 г. (начало преобразования социализма советского типа, поиск новой модели развития), второй — с осени 1991 г. до конца 1999 г. (радикальное изменение системы общественных отношений на либеральной основе), третий — с 2000 г. Главным итогом первого этапа стала утрата страной государственной субъектности — способности определять общенациональные цели, иметь и уметь мобилизовать политические, социальные, экономические, духовные, международные ресурсы, а также обеспечивать решение поставленных задач. К концу 1991 г. союзное государство оказалось разрушено, а нового российского ещё не было. Его основные институты находились либо в переходном, либо в эмбриональном состоянии. Это обусловило крайне слабую управляемость *всеми* преобразованиями, ситуативность многих решений 1990-х гг., противоречивость их последствий⁴.

Внешняя политика Российской Федерации во многом определялась теми тенденциями, которые сформировались в период «перестройки». Направленная на прекращение холодной войны политика «нового мышления» строилась на идее *целостного взаимозависимого* мира и предполагала преодоление конфронтации двух систем, создание всеобъемлющей структуры международной безопасности под эгидой ООН, сотрудничество СССР и США как лидеров послевоенного мира. Демократизация внутреннего устройства Советского Союза, его «уход» из стран Центральной и Восточной Европы, объединение Германии, прекращение поддержки «революционных» режимов в странах «третьего мира» сделали возможным прекращение холодной войны, зафиксированное в подписанной в ноябре 1990 г. Парижской хартии для новой Европы. Однако к этому времени СССР был уже внутренне ослаблен (социально-экономический кризис, потеря управляемости страной вследствие борьбы республик против союзного центра за суверенитет, межэтнические конфликты) и не воспринимался США в качестве равного партнёра. Уже в сентябре 1990 г. Дж. Буш провозгласил вступление мира в эпоху «нового мирового порядка» при американском лидерстве. Это означало провал идей «нового политического мышления», что в полной мере проявилось в ходе «войны в Заливе» против режима С. Хусейна.

С 1985 г. СССР прибегал к масштабным финансовым заимствованиям и к 1989 г. находился в сильной зависимости от Запада. Этот фактор оказывал возрастающее влияние на внешнюю политику, в частности, в ходе объединения Германии. Кроме того, к середине 1990 г. были подготовлены две программы перехода к рынку («план Л.И. Абалкина» и «500 дней» Г.А. Явлинского — С.С. Шаталина), но реализация любой из них требовала привлечения крупных зарубежных кредитов. С середины 1990 г. именно мобилизация экономической помощи на реформы находилась в центре внимания советской дипломатии. Весной—летом 1991 г. М.С. Горбачёв активно этим занимался, а в его окружении говорили о желательности некоего «плана Маршалла» для СССР и называли цифру 100 млрд долларов, не считая её чрезмерной (в ценах 1991 г. она примерно соответствовала затратам США 1948—1952 гг. в ценах того времени).

---

⁴ Барсенков А.С. Внешняя политика России на начальном этапе становления новой государственности (1991—1993) // Вестник Московского университета. Сер. 25: Международные отношения и мировая политика. 2013. № 4. С. 77—79.

Именно так в Москве представляли благодарность за окончание холодной войны, избавление от страха и угроз, а также необходимости связанных с ними военных расходов⁵. Отказывая в предоставлении такой помощи, Дж. Буш писал советскому президенту: «Рыночные реформы в Союзе могут и должны проводиться только за счёт советских, а не за счёт западных ресурсов. В лучшем случае западные страны могут оказать влияние, но только при условии, что в Советском Союзе будет проявлена сильная и несомненная преданность демократии и рынку»⁶. СССР предлагалось работать непосредственно с МВФ и Всемирным банком. В Конгрессе многие категорически выступали против выделения денег, полагая, что при сохранении плановой экономики заимствованные средства «утекут» в советский ВПК.

В 1989—1991 гг. в СССР произошли радикальные изменения в идеологии. В декабре 1989 г. на встрече с Горбачёвым Буш с удовлетворением констатировал, что в отношениях между странами восторжествовали «западные ценности», которые по настоянию Москвы американцы согласились именовать «демократическими». Одновременно в советской печати всё чаще утверждалось, что в СССР построен «не социализм и не ранний социализм», а «казарменный псевдосоциализм, тоталитаризм», реализована «тупиковая линия эволюции». Избавление от прошлого виделось в движении к демократическому, гуманному обществу и «мировой цивилизации». Предполагалось, что достичь этого возможно с помощью «антитоталитарной», «антиказарменной» революции и короткого «переходного» периода⁷. Многим казалось, что достаточно поменять социалистический «минус» на демократический «плюс» и жизнь *быстро* улучшится. Усталость от усугублявшихся трудностей вызывала в обществе нетерпение и запрос на радикальные «реформы» — само это слово звучало как мантра. Столь же линейно виделись отношения обновлённой России с «цивилизованными странами»: все противоречия с окружающим миром должны были исчезнуть, более того — от западных государств ожидали материальной помощи ранее враждебной, но теперь вставшей на путь исправления стране⁸. Так к началу 1991 г. сформировалось представление о том, что *главной целью стратегического развития России* является интеграция в мировое сообщество. О том, что «наша цель — интеграция России в мировое сообщество», вскоре после своего избрания президентом РСФСР заявил и Б.Н. Ельцин⁹. Позднее эта установка не раз подтверждалась.

Достижение данной цели предусматривало вхождение России, реформированной по образцу США и Западной Европы, в международные политические, военные и экономические структуры, созданные «цивилизованными странами». Не случайно события, последовавшие в августе 1991 г., стали трактовать как «демократическую революцию», призванную коренным образом преобразовать страну и заменить советский строй режимом либеральной демократии. Одновременно следовало перераспределить собственность, изменить её форму и, отказавшись от государственного планирования, ускоренно перейти к рынку, демонтировать прежнюю систему социальных гарантий и сломать

⁵ Буш Дж., Скоукрофт Б. Мир стал другим. М., 2004. С. 446—447.

⁶ Цит. по: Горбачёв М.С. Жизнь и реформы. Кн. 2. М., 1995. С. 293.

⁷ Через тернии. М., 1990. С. 227, 269, 730.

⁸ Лукин А.В. Невежество против несправедливости. Политическая культура российских «демократов» (1985—1991). М., 2005. С. 263—392.

⁹ Внешняя политика России: от Ельцина до Путина. С. 170.

социокультурные стереотипы народов России, активно внедряя либеральные ценности.

В 2010 г., выступая в Государственной думе, министр иностранных дел России С.В. Лавров отметил, что после завершения холодной войны возник *конфликт ожиданий*, «который стал характерным для состояния наших отношений с Западом и который мы только недавно начали преодолевать»¹⁰. Это необходимо учитывать для понимания контактов России с западными странами с конца 1991 г. А поскольку ликвидация СССР стала для многих неожиданной, намечавшиеся стратегии обеих сторон носили самый общий характер.

В США обеспечение безопасности в новых условиях связывали с сокращением, ликвидацией, надёжным хранением и нераспространением советского оружия массового уничтожения (прежде всего — ядерного). Поэтому разоружение признавалось приоритетом в двусторонних отношениях. На Западе опасались «Красной империи», считая её внешним контуром соседние социалистические страны, а внутренним — «порабощённые народы» в самом Советском Союзе. К их числу относили «титовские» нации союзных и автономных республик. С 1959 г. в США ежегодно проходит в июле Captive Nations Week (Неделя порабощённых народов). В установивших её законодательных актах перечислялись народы, нуждавшиеся в «освобождении» и заслуживающие независимости от «империи». Соответственно возникновение на месте СССР новых независимых государств всячески приветствовалось и поддерживалось. От России же ожидали отказа от «имперских амбиций», включая любые попытки сохранить влияние и тем более — стремление к интеграции прежних окраин. Вместе с тем ослабленная экономически и лишившаяся территорий Россия не рассматривалась как равный и привилегированный партнёр, не говоря уже о признании её «великой державой». Рассчитывали, что она построит свою внешнюю политику в «новый мировой порядок» и не станет оспаривать американское доминирование. Экономическое реформирование России должно было проводиться под эгидой МВФ и Всемирного банка, контролируемых США. В международном разделении труда России отводилась преимущественно сырьевая ниша. Предоставляемая же ей помощь воспринималась как форма поддержки идеологически и политически близких сил.

Свой набор прагматически-идеалистических ожиданий был и у российского руководства. Заявив о радикальной смене общественного строя, оно рассчитывало на «демократическую солидарность» и финансовую поддержку западных стран, а также на их техническое содействие при проведении форсированных рыночных преобразований. Учитывая масштабы страны, её экономический потенциал, сохраняющуюся военную мощь, приверженность власти демократическим идеалам, новая элита надеялась на то, что России удастся интегрироваться в западные международные институты и занять особое место в ряду посткоммунистических стран и в возникавшем миропорядке. О готовности войти в НАТО российские лидеры говорили ещё при существовании СССР. При этом они исходили из того, что им удастся обеспечить стране статус «великой державы», и это будет способствовать внешней легитимации их власти.

Будущие отношения с бывшими республиками СССР руководство Российской Федерации во второй половине 1991 г. представляло довольно смутно.

---

¹⁰ Лавров С.В. Между прошлым и будущим. Российская дипломатия в меняющемся мире. М., 2011. С. 154.

Основное внимание уделялось не созданию новых структур и связей, а демонстрацию старых — союзных. Сохранение же влияния в регионе сводилось к вопросу о границах и возможности регулировать цены на энергоносители. В программном документе «Стратегия России в переходный период», подготовленном под руководством главного идеолога «реформаторов» 1991 г. государственного секретаря Г.Э. Бурбулиса, доказывалась целесообразность независимого проведения экономических реформ¹¹. В окружении Ельцина полагали, что их успех сделает Россию привлекательной для соседей, и со временем они к ней потянутся сами. Аргументы предупреждавших о том, что «нам дешевле не разводиться», учтены не были¹².

На характер отношений России с западными государствами влияли и существенные расхождения в оценке результатов холодной войны. И Горбачёв, и Ельцин рассматривали её окончание как *общую* победу над *состоянием* сорокалетней конфронтации, из которой *победителями* вышли *все* её участники. В России низвержение коммунизма связывали с «августовской победой» 1991 г., которую ставили в заслугу *своему* народу, сознательно и *без внешней помощи* *освободившемуся* от навязанной ему в 1917 г. системы¹³. На Западе же, и особенно в США, не сея иллюзий, без оговорок, толковали завершение холодной войны как *поражение государства СССР*, не выдержавшего противоборства с западными демократиями и отправленного, по словам Р. Рейгана, на «свалку истории»¹⁴. Возникший тогда культ победителей в холодной войне до сих пор пронизывает сознание политического класса США. Соответственно Россия представлялась побеждённой державой, «без боя» признавшей неоспоримое превосходство ценностей противника. Не случайно западные лидеры не стесняются открыто заявлять, что преемница СССР не имеет права отстаивать свои интересы без одобрения США или Европейского Союза.

Как в СССР, так и в демократических государствах, на опыт и практику которых ориентировалось руководство посткоммунистической России, существовал отлаженный механизм разработки и реализации внешнеполитических решений, позволявший согласовывать действия президента (премьер-министра), парламента, профессиональных дипломатов, международных подразделений различных ведомств, организованного и относительно сплочённого экспертного сообщества, СМИ (как для разъяснения проводимой официальной линии, так и для обратной связи с обществом)¹⁵. Ничего подобного в России в 1991–1993 гг. не было, действия власти — при наличии общей доктрины — часто носили ситуативный и реактивный характер, нередко они были направлены не только и не столько на борьбу за международное влияние, сколько на укрепление позиций правящей группы внутри страны. В условиях непопулярных экономических реформ поддержка со стороны лидеров влиятельных государств и авторитетных международных институтов была чрезвычайно важна.

В 1991–1992 гг. внешнюю политику курировал главный стратег президента Бурбулис. «Невыносимо тяжело видеть, как мордуют старый МИД», — писал

¹¹ Экономика переходного периода / Под ред. Е.Т. Гайдара. М., 1998. С. 93–105.

¹² Адамишин А.Л. В разные годы. Внешнеполитические очерки. М., 2016. С. 253.

¹³ Тренин Д.В. Россия и мир в XXI веке. М., 2016. С. 29–32.

¹⁴ Gates R. From the Shadows: The Ultimate Insider Story of Five Presidents and How They Won the Cold War. N.Y., 1996.

¹⁵ Кортупов С.В. Принятие внешнеполитических решений в России и США // Международные процессы. 2004. Т. 2. № 2.

о том времени видный советский и российский дипломат А.Л. Адамишин. В конце декабря 1991 г. в уже бывший МИД СССР пришла «новая российская верхушка» – министр иностранных дел А.В. Козырев, его заместители Ф.В. Шелов-Коведяев, Г.Ф. Кунадзе, Г.Э. Мамедов. Начались «юридические похороны МИД СССР»: всем его сотрудникам объявили об увольнении, предложив подавать заявления о приеме на работу в МИД России. Иных «просто вытряхивали из кабинетов». Специалистов меняли на «комиссаров». Не все соглашались переносить подобные унижения. Впоследствии отток людей из МИД усилился¹⁶. В мае 1995 г. Ельцин констатировал, что «за два с половиной года из внешнеполитического ведомства ушло около тысячи квалифицированных специалистов»¹⁷. Это составляло около трети бывших служащих, что не могло не сказаться как на качестве экспертизы, так и на языке документов. К примеру, в подготовленной для президента накануне поездки в Японию осенью 1992 г. записке говорилось: «Надо ехать и разрубать этот узел, затянутый кремлёвскими лжецами. Конечно, в мире и со стороны всех порядочных людей у нас это будет однозначно оценено как ещё один шаг в ельцинской революции правды»¹⁸. «Насколько мог вникнуть, всё решают два человека: Козырев и Ельцин, – отмечал Адамишин, занимавший в 1992–1994 гг. пост первого заместителя министра иностранных дел. – Козырев получает сигнал о том или ином событии, поручает своим людям подготовить записку президенту и тот по большей части с ним соглашается»¹⁹.

В конце 1991 – первой половине 1992 г. едва ли не главной задачей внешней политики стала мобилизация международной помощи экономическим реформам. «Команда Гайдара» изначально ориентировалась на требования МВФ, на их основе впоследствии составлялись правительственные программы, в том числе и явно утопические²⁰. Осенью 1991 г. тесно связанный с Ельциным мэром Москвы Г.Х. Попов совершил ряд поездок в европейские государства и США, пытаясь убедить западных лидеров *теперь* – после августовской «демократической революции» – пойти на нечто подобное «плану Маршалла» уже для России. Однако энтузиазма у его собеседников подобные идеи не вызвали²¹. В первой половине 1992 г. размеры и формы помощи республикам постсоветского пространства обсуждались на международном уровне. Так, 22 января в Вашингтоне начала работать координационная конференция, созванная по инициативе Государственного департамента США и собравшая делегатов 47 государств и семи международных организаций. Параллельно проходила конференция представителей неправительственных организаций и деловых кругов, рассматривавшая возможность их участия в данном деле²². Организаторы предполагали, что вслед за январской встречей аналогичные мероприятия будут организованы Европейским сообществом и Японией. Было создано пять рабочих групп (по продовольствию, медицине, жилью, энергетике и технической помощи), однако мобилизовать серьёзные ресурсы не удалось. США

¹⁶ Адамишин А.Л. Указ. соч. С. 247–249.

¹⁷ Эпоха Ельцина. Очерки политической истории. М., 2001. С. 480.

¹⁸ Цит. по: Адамишин А.Л. Указ. соч. С. 251, 296.

¹⁹ Там же. С. 298.

²⁰ Один из ярких документов в этом жанре опубликован в журнале «Вопросы экономики» (1992. № 6).

²¹ Попов Г.Х. Реформы Бориса Ельцина. М., 2012. С. 256.

²² Голдгейр Дж., Макфол М. Цель и средства. Политика США в отношении России после «холодной войны». М., 2009. С. 99.

готовы были выделить лишь символическую сумму в 645 млн долларов. Самым существенным шагом американской администрации стало проведение операции «Надежда», в рамках которой России и её соседям предоставлялась неотложная гуманитарная помощь – продовольствие и медикаменты, оставшиеся после завершения «Бури в пустыне» в Ираке (на сумму 189 млн долларов)²³.

Представителей бывших советских республик на конференцию решили не приглашать (чтобы не возникла «атмосфера безобразной торговли»). Однако в дни её работы Бурбулис, фактически – второе лицо в российском руководстве, выразив признательность за гуманитарную помощь, обозначил «пожелания» правительства реформаторов: 6 млрд долларов на финансирование импорта, оплачиваемого в твёрдой валюте; 7 млрд долларов для создания стабилизационного фонда на период достижения конвертируемости рубля и 6 млрд – для чрезвычайных закупок продовольствия и медикаментов. Кроме того, государственный секретарь просил об отсрочке выплат по внешнему долгу на 1992 г.²⁴ Озвученные им цифры не были умоунизительными: западные эксперты, изучавшие потребности России на основе польского опыта 1990–1991 гг., называли суммы в диапазоне от 15 до 23 млрд долларов²⁵.

Дж. Буш и его окружение сдержанно относились к идее массивной помощи России, за что весной 1992 г. резко критиковались кандидатом в президенты Б. Клинтон и экс-президентом Р. Никсоном, распространившим меморандум «Как проиграть холодную войну». В нём администрация Буша осуждалась за неспособность поддержать Ельцина – «самого прозападного лидера в российской истории», в случае провала которого «перспективы на следующие пятьдесят лет будут весьма мрачными». Перечисляя сделанное США, экс-президент писал: «Мы предоставили кредиты для закупки сельскохозяйственной продукции... Мы провели международную конференцию для фотографов, которая была богата риторикой, но бедна действиями. Мы отправляем шестьдесят грузовых самолётов с остатками продовольствия и медикаментов от войны в Персидском заливе. Мы решили послать двести добровольцев Корпуса мира – очень щедрый жест, если бы объектом нашей помощи была небольшая страна вроде Верхней Волги, но чисто символический, когда речь идёт России... Это жалкий и неадекватный ответ»²⁶.

Уступая, Буш 1 апреля объявил на пресс-конференции о намерении предоставить Москве 24 млрд долларов. Предполагалось, что 4.5 млрд выделит МВФ и Всемирный банк, 11 млрд – страны «Семёрки» (на двусторонней основе), из них 2 млрд поступали от США в виде безвозмездных ссуд и кредитов для закупки американского продовольствия. Ещё 6 млрд направлялись бы на создание фонда стабилизации российской валюты и 2.5 млрд – на реструктуризацию «неамериканских» долгов России. Буш также выражал готовность обратиться к Конгрессу с просьбой о выделении ещё 15 млрд долларов международным кредитным организациям для укрепления других государств, возникших после распада СССР²⁷. Данное выступление было связано с началом работы VI Съезда народных депутатов России, на котором решалась судьба гайдаровской команды. Первоапрельская речь Буша сыграла определённую

²³ Там же.

²⁴ Там же. С. 100.

²⁵ Там же. С. 88.

²⁶ New York Times. 1992. March 10.

²⁷ Голдгейр Дж., Макфол М. Указ. соч. С. 104.

роль в преодолении правительственного кризиса в России. Однако *внутри* США отмечали, что обещанные 24 млрд долларов складывались из *ранее* заявленных обязательств.

В мае 1992 г. Россия была принята в МВФ, а 8 июля руководители «Большой семёрки» собрались в Мюнхене для обсуждения экономических аспектов отношений с Россией. В результате была сформулирована программа «Помощи для самопомощи», предусматривавшая финансовую поддержку по линии МВФ, отсрочку платежей по долгам, предоставление экспортных кредитов, практическое содействие переходу к рыночным отношениям и привлечению в Россию капиталов и специалистов по менеджменту и маркетингу, поощрение частных инвестиций в сфере нефте- и газодобычи, сотрудничество в области конверсии и модернизации атомных электростанций, смягчение условий доступа российских товаров в страны «семёрки». На основе мюнхенских решений МВФ в августе выделил первый транш в миллиард долларов²⁸. Таким образом, помощь поступила с большим запозданием и в масштабах, явно недостаточных для смягчения шоковых трудностей начального периода реформ, проводившихся по согласованному с МВФ плану.

В принятом в Мюнхене заявлении содержался также призыв к полной нормализации японо-российских отношений и решению территориальной проблемы. И в Японии, и на Западе рассчитывали на то, что, признав независимость бывших союзных республик, Россия не будет держаться за четыре крохотных острова²⁹. Между тем возможность передачи Курил болезненно воспринималась в России.

Идеология внешней политики России начала 1990-х гг. наиболее ярко выразилась в выступлениях Ельцина во время его визита в США в июне 1992 г., а также в подписанных им тогда документах. Российский президент получил возможность произнести речь на совместном заседании обеих палат Конгресса США, где он сумел произвести впечатление: присутствовавшие одиннадцать раз стоя ему аплодировали. «Мир может вздохнуть спокойно, — заявлял Ельцин, — коммунистический идол, который сеял повсюду социальную рознь, вражду и беспримерную жестокость, который наводил страх на человеческое сообщество, — рухнул! Рухнул навсегда!.. Россия окончательно сделала выбор в пользу цивилизации, здравого смысла, общечеловеческого опыта... Опыт минувших десятилетий научил нас: коммунизм не имеет человеческого облика. Свобода и коммунизм несовместимы!.. Сегодня свобода Америки защищается в России. И если реформы провалятся, придётся заплатить многие сотни миллиардов долларов, чтобы хоть как-то компенсировать эту потерю... Россия раз и навсегда отбросила практику двойных стандартов во внешней политике»³⁰. 17 июня последовало подписание Хартии российско-американского партнёрства и дружбы, фактически представлявшей собой «кодекс поведения», которому российское руководство обязалось следовать, в том числе и в своей внутренней политике. По сути Москва в международном соглашении признавала за

²⁸Смыслов Д.В. История отношений России с международными финансовыми организациями // История новой России. Очерки, интервью: в 3 т. Т. 1. М., 2011. С. 595.

²⁹Панов А.Н. Россия и Япония. Становление и развитие отношений в конце XX – начале XXI века. М., 2007. С. 72, 74.

³⁰Цит. по: Селезнёв Г.К. Новейшая история России и Запад. 1985–1997. М., 1998. С. 210–211, 213–214.

Вашингтоном права арбитра в оценке проводившихся в стране реформ³¹. Вскоре появился термин «домашнее задание», под которым понимали принятые Россией морально-политические обязательства по реализации преобразований, необходимых для полноценного партнёрства с Западом.

17 июня 1992 г. было подписано и «рамочное соглашение» о СНВ, по которому стратегические ядерные силы США и России уменьшались на 50% по сравнению с условиями СНВ-1. Несимметричность намеченных ограничений вызывала критику со стороны российских военных, но Ельцина увлекали иные соображения. «Сокращения, обговоренные в рамках Договора по СНВ (1991 г. — А.Б.), потребовали 15 лет переговоров, — рассуждал он. — А сейчас — пять месяцев для того, чтобы договориться о сокращении в три раза. Это говорит о совершенно коренном преобразовании и изменениях наших отношений в политической, экономической и военной областях»³². Президенту России казалось, что открыт путь к военно-политическому союзу. Всего в ходе визита им было подписано 39 совместных документов, охватывавших обширный круг вопросов.

В 1993 г. в России развернулась борьба за конституционное закрепление избранного в 1991 г. вектора общественного развития. Если ранее переход от тоталитаризма к демократии казался относительно безболезненным и ограниченным во времени, то в конце 1992 г. среди идеологов, близких к президентскому окружению, утвердилось представление о том, что для внедрения новых ценностей и норм необходим переходный период «диктатуры демократии» («демократуры»), а по сути — авторитарного правления и максимальной концентрации власти в руках высшего должностного лица — главы государства³³. Во многом этому оказалась подчинена и внешняя политика.

В противостоянии российского президента со Съездом народных депутатов Б. Клинтон твёрдо занял сторону Ельцина. Агентство международного развития США профинансировало частную компанию «Соьер Миллер», подготовившую сценарий первой в России мощной политической рекламной кампании на телевидении перед состоявшимся 25 апреля 1993 г. референдумом о доверии президенту и депутатам³⁴.

Подписав 21 сентября 1993 г. выходящий за рамки конституции указ № 1400, Ельцин позвонил Клинтону, разъяснил мотивы этого шага и получил полную поддержку. Через день Сенат оперативно принял Закон об иностранной помощи на 1994 г., выделив 2.5 млрд долларов для новых независимых государств, из которых 1.6 млрд предназначались России. 30 сентября президент подписал закон³⁵. 3 октября Клинтон возложил вину за кровопролитие в Москве на противников Кремля. «Ясно, — заявил он, — что насилие было вызвано стороной Руцкого—Хасбулатова..., также ясно, что Ельцин всячески старался избежать применения силы..., и я убеждён, что Соединённые Штаты должны поддерживать президента Ельцина». Ссылаясь на обещание Ельцина провести президентские выборы, 4 октября Клинтон уверял: «Главное, чтобы он

³¹Хартия российско-американского партнёрства и дружбы // Дипломатический вестник. 1992. № 13—14. С. 7.

³²Селезнёв Г.К. Указ. соч. С. 212.

³³Гордон Л.А. Область возможного. Варианты социально-политического развития России. М., 1995.

³⁴Голдгейр Дж., Макфол М. Указ. соч. С. 157.

³⁵Тэлбот С. Билл и Борис. Записки о президентской дипломатии. М., 2003. С. 108.

двигался вперёд к принятию новой конституции, подлинно демократическим выборам в парламент, подлинно демократическим выборам президента — а он пообещал, что сделает это, — мы не можем требовать от него большего». Когда к концу 1993 г. в Кремле сочли проведение досрочных президентских выборов нецелесообразным, в Белом доме были разочарованы, но по-прежнему считали, что «должны поддерживать реформы и демократию в России, а они представлены президентом Ельциным»³⁶.

Завершение противостояния ветвей власти позволило активизировать подготовку референдума по Основному закону и выборов в Федеральное собрание. В «ноябрьском» проекте конституции права президента были значительно расширены даже в сравнении с тем, на чём Ельцин настаивал летом 1993 г.³⁷ Теперь он становился «главой государства», определяющим основные направления внутренней и внешней политики. В России текст получал как позитивные, так и критические оценки («внесистемный политический режим», «выборная монархия» и т.п.). В американском же руководстве с оптимизмом полагали, что российские реформаторы, наконец, получают возможность осуществить задуманные преобразования.

Выборы в Государственную думу 12 декабря 1993 г. выявили массовые настроения в том числе и по приоритетам внешней политики. Как известно, ошеломляющую победу по партийным спискам одержала Либерально-демократическая партия (ЛДПР), за ней следовали гайдаровский «Выбор России» и Коммунистическая партия Российской Федерации, Аграрная партия, «Женщины России», «Яблоко», Партия российского единства и согласия, Демократическая партия России. Три из первых четырёх партий-фаворитов (кроме проправительственного «Выбора России») выступали за воссоздание государства в границах до 1992 г. и критиковали внешнюю политику президента за пренебрежение национальными интересами и односторонние уступки Западу.

Результаты ЛДПР казались неожиданными, но были предсказуемы. Партия претендовала на роль третьей силы, дистанцировавшись и от коммунистов, и от либералов. Она провозглашала государственнические, национально-патриотические лозунги, требовала возвращения России в границы СССР, сильной президентской республики с регулируемой и социально ориентированной рыночной экономикой, выступала в защиту армии, прав русскоязычного населения в республиках бывшего СССР, напоминала о проблемах беженцев из зон межэтнических конфликтов. Известность ЛДПР была во многом связана с личностью её лидера — В.В. Жириновского, который проявил себя как яркий оратор популистского плана и лояльный действующей власти политик. Именно он и его партия были избраны в Кремле «спарринг-партнёром» «Выбора России», получив несравнимое с другими количество эфирного времени³⁸. На переговорах со странами Запада радикализм лидера ЛДПР мог служить удобным аргументом, доказывающим реальность агрессивных «реваншистских» настроений в русском обществе. Козырев не раз прибегал к этому приёму, добиваясь активизации поддержки реформаторов³⁹. В США итоги выборов вызвали шок, многие на Западе увидели сходство России с Веймарской

³⁶Голдгейр Дж., Макфол М. Указ. соч. С. 160–161.

³⁷Интервью С.А. Филагова программе «Русский вопрос». ТВЦ. 2012. 12 декабря.

³⁸Жириновский как выбор Кремля // Мегapolis-Экспресс. 1993. 22 декабря.

³⁹Козырев А.В. Преображение. М., 1995. С. 5.

Германией. Вице-президент А. Гор объявил Жириновского главным символом того, чему некогда поклялись противостоять США⁴⁰.

С 1994 г. признаки отчуждения России и Запада становились всё отчётливее и даже получали доктринальное обоснование. Так, согласно концепции С. Хантингтона, европейская цивилизация охватывала прежде всего католические и протестантские страны, а народы, исповедующие православие и ислам, оказывались вне её. В частности, развитие России, по мнению Хантингтона, базировалось на чуждой Европе культурной основе⁴¹. В 1994 г. широкий резонанс имела статья З. Бжезинского «Преждевременное партнёрство». В ней предлагалось вести борьбу с «иллюзиями о великодержавности России», придерживаясь «геополитического плюрализма» на постсоветском пространстве, укрепляя новые государства и их объединения и проекты, не включающие Россию. Российское руководство не получило приглашения на празднование 50-летия открытия Второго фронта в Нормандии. По словам известного международного В.А. Кременюка, «до сих пор Россию ещё никто так не унижал»⁴².

В 1994 г. и в Москве международные позиции России оценивались уже не столь оптимистично, как в 1991 г. Создание СНГ оказалось ловушкой: согласившись на независимость бывших союзных республик без предварительных условий, Россия не могла уклониться от урегулирования конфликтов на их территории без риска для собственных границ. Уже в 1992 г. российские военные были вынуждены вмешаться в межэтнические противостояния в Нагорном Карабахе, Южной Осетии, Абхазии и Приднестровье, развязывали клубок острейших противоречий в Таджикистане. Проблемы и конфликты возникали при вывозе ядерного оружия с территории Украины, определении судьбы Черноморского флота и статуса Севастополя; жители Крыма были недовольны своим положением и находили политическую поддержку в российском парламенте. Всё труднее становилось игнорировать повсеместную дискриминацию русскоязычного населения в государствах бывшего СССР, быстро обретавших черты этнократических режимов. В Прибалтике требовали скорейшего вывода «оккупационных войск»⁴³. Стала очевидной пагубность разрыва экономических связей, что заставляло Кремль прибегать к малопривлекательной для новых элит СНГ интеграционной риторике. Всё это являлось неприемлемым для правящих кругов США и Европы, последовательно поддерживавших протесты против «имперских амбиций» России.

Позиция западной элиты отчётливо выразилась в 1995 г. в докладе Трёхсторонней комиссии «Взаимодействие с Россией» («Engaging with Russia»). Его составители констатировали неустойчивость сложившейся в стране ситуации и выражали сомнение в «вероятности фундаментального успеха российских реформ». В то же время они признавали, что для Европы и Америки важно обеспечить предсказуемость международной политики России. Поэтому её предлагалось «вовлечь» в сотрудничество с трансатлантическими и европейскими институтами, но без предоставления ей «диспропорционального влияния»

⁴⁰Тэлбот С. Указ. соч. С. 128.

⁴¹Хантингтон С. Столкновение цивилизаций и что оно может означать для России. Речь при церемонии вручения диплома почётного доктора в Дипломатической академии МИД России // Дипломатический ежегодник 1996. М., 1996. С. 240.

⁴²Кременюк В.А. Уроки холодной войны. М., 2015. С. 267.

⁴³Блищенко В.И., Солнцева М.М. Кризисы и конфликты на постсоветском пространстве. М., 2014.

в их руководящих структурах. Участники Трёхсторонней комиссии призывали правительства своих стран «критически реагировать» на действия российского правительства, не соответствующие демократическим нормам. При этом отказ России следовать подобным рекомендациям рассматривался бы как «сворачивание на путь развития, враждебный Западу»⁴⁴.

Анализ событий 1992–1993 гг. убеждал руководство России в необходимости изменения прежнего курса и проведения более реалистичной политики, учитывающей важность постсоветского пространства. К тому же осенью 1993 г. стало очевидно, что расширение НАТО на Восток произойдёт независимо от мнения России. Экономическая помощь Запада оставалась скромной, более того, сохранялись многие ограничения, введённые в период холодной войны. В Послании Федеральному собранию 16 февраля 1995 г. Ельцин констатировал, что «явлениями внутренней жизни страны пытаются воспользоваться те силы за рубежом, которые опасаются восстановления России на основе демократического рыночного реформирования»⁴⁵. Соответственно перед дипломатами ставилась задача, опираясь на собственные силы, обеспечить благоприятные внешние условия для внутреннего развития, Россия по-прежнему стремилась к сближению с Западом, но он уже не считался безоговорочным союзником.

Наметившееся изменение курса было ускорено состоявшимися в декабре 1995 г. выборами в Государственную думу. Итоги голосования оказались для «партии власти» ещё хуже, чем в 1993 г.: оппозиционные партии заметно усилили своё представительство, а гайдаровский «Демократический выбор» — главная сила «реформаторов» — не преодолел пятипроцентный барьер. Рейтинги самого Ельцина за несколько месяцев до президентских выборов 1996 г. не выходили за 10%. Глава государства остро нуждался в эффективной и популярной внешней политике. При этом лично преданный Ельцину Козырев уже не мог её проводить, поскольку прочно ассоциировался с провалами 1992–1993 гг. и активно участвовал во внутривластных битвах на стороне радикальных реформаторов. К тому же расходящиеся порой по смыслу заявления министра подрывали к нему доверие как внутри страны, так и за рубежом. В январе 1996 г. Козырев был отправлен Ельциным в отставку, а МИД возглавил выступавший за сбалансированную внешнюю политику Е.М. Примаков. Указы президента «О Совете при президенте РФ по внешней политике» (26 декабря 1995 г.) и «О координирующей роли Министерства иностранных дел в проведении единой внешнеполитической линии» (12 марта 1996 г.) были призваны повысить дисциплину и устранить характерные для 1991–1995 гг. беспорядок и несогласованность в принятии решений.

В феврале 1996 г. президент уже заявлял в Послании Федеральному собранию, что «Россия — неповторимый мир со своими интересами и со своей логикой развития», «страна наследница Российской империи и продолжательница СССР», которая играет «важную стабилизирующую роль в глобальном балансе сил». Суть новой внешнеполитической стратегии заключалась в «равноприближенности» ко всем центрам силы без конфронтации с ними и чрезмерной

---

⁴⁴Аналогичный доклад был представлен и в 2005 г. В нём анализировались изменения, происходившие после 1995 г., и формулировались новые принципы политики Запада в отношении России. См.: *Ватанабэ К., Лайн Р., Тэлбот С.* Взаимодействие с Россией. Следующая фаза. М., 2005.

⁴⁵Послание президента РФ Б.Н. Ельцина Федеральному собранию РФ 16 февраля 1995 г. // Дипломатический вестник. 1995. № 3. С. 3.

зависимости от них⁴⁶. Выступая 2 мая 1996 г. в Страсбурге, Примаков говорил о сложившемся в России консенсусе всех ветвей власти по вопросам внешней политики⁴⁷. В 1996–1998 гг. им был изложен комплекс идей, получивших известность как «доктрина Примакова»⁴⁸. Она предполагала движение от «однополюсного» доминирования США к «формирующемуся многополярному миру», отношения в котором должны строиться с учётом и уважением позиций всех центров влияния, включая Россию. Акцент во внешней политике теперь делался не на «демократической солидарности», а на *отстаивании национальных интересов* России, обусловленных её географией и историей (поэтому иногда «евразийство» Примакова противопоставляли «атлантизму» Козырева). Ссылаясь на геополитическое положение страны, глава МИД выступал за *многовекторность* её международного курса и взаимодействие со всеми соседними государствами и влиятельными региональными державами. С США и Европейским Союзом предлагалось активно сотрудничать там, где это возможно, а в других случаях – отстаивать свои позиции, стараясь избегать открытой конфронтации. Конкретизация внешнеполитических интересов была осуществлена в Концепции национальной безопасности России 1997 г., там же впервые была выстроена их иерархия.

В первой половине 1996 г. страны Запада не скрывали своей заинтересованности в победе Ельцина на выборах и оказали ему существенную политическую и материальную поддержку. Несмотря на критику боевых действий в Чечне, в феврале 1996 г. Россия была принята в Совет Европы. Тогда же под давлением Клинтона МВФ выделил самый большой за все 1990-е гг. кредит (10 млрд долларов) на «реформы», особо оговорив, что если Ельцин проиграет, то условия займов будут пересмотрены. Специально прибывший в Москву канцлер ФРГ Г. Коль также обещал предоставление выгодных кредитов. К избирательной кампании была приурочена встреча лидеров «Большой семёрки» в Москве 19–20 апреля 1996 г., хотя формально они приехали для обсуждения вместе с российским президентом проблем международной ядерной безопасности⁴⁹. Неприемлемые в других случаях нарушения предвыборных и избирательных процедур представителями действующей власти остались без внимания Запада, поскольку намного более важной для него казалась *окончательная легитимация* российской демократии.

В 1997 г. фактический международный статус России после холодной войны был формально зафиксирован. Главным событием года стало объявление о начале расширения НАТО на Восток, сделанное в июле в Мадриде. Для смягчения недовольства этим в России 27 мая 1997 г. в Париже был торжественно подписан «*Основополагающий акт о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между Россией и НАТО*», который содержал обещание Альянса не размещать на территории своих новых членов ядерное оружие, не увеличивать в них сколько-нибудь существенно количество боевых сил и не продвигать к границам России военную инфраструктуру. Однако данный документ не имел характера договора и, по сути, ни к чему не обязывал тех, кто его

⁴⁶ Послание президента РФ Б.Н. Ельцина Федеральному собранию РФ 23 февраля 1996 г. // Дипломатический вестник. 1996. № 7. С. 24.

⁴⁷ Выступление Е.М. Примакова на неформальной встрече Комитета министров Совета Европы в Страсбурге 2 мая 1996 г. // Дипломатический вестник. 1996. № 6. С. 5.

⁴⁸ *Примаков Е.М.* Годы в большой политике. М., 1999.

⁴⁹ От Ельцина к... Ельцину: президентская гонка-96. М., 1997. С. 84, 89, 90.

подписал. Стремлением как-то «компенсировать» негативное впечатление от решения о расширении НАТО объяснялось принятие России в июне в группу «G-7», которая превращалась в «Большую восьмёрку», в Парижский клуб кредиторов, признание А.Б. Чубайса лучшим министром финансов года, подписание российско-американской декларации о сотрудничестве в научно-технической области.

В то же время США добивались «плюрализации» постсоветского пространства. Под их прямым влиянием Москва в мае 1997 г. согласилась подписать Большой российско-украинский договор, подтверждавший сложившиеся границы, а также соглашения о статусе Севастополя и Черноморского флота, пребывание которого в Крыму ограничивалось двадцатью годами. Между тем почти одновременно с объявлением о приглашении в НАТО Польши, Чехии и Венгрии 9 июля 1997 г. была подписана Хартия об особом партнёрстве между НАТО и Украиной. В ноябре в противовес СНГ в Страсбурге была создана группа ГУАМ (Грузия, Украина, Азербайджан, Молдова), антироссийский характер которой не скрывался.

В соответствии с «доктриной Примакова» в 1997 г. Россия пыталась усилить свои позиции на Востоке. В марте в Москве были приняты премьер-министр Индии и министр иностранных дел КНР, в апреле – спикер иранского парламента, а также председатель КНР и Генеральный секретарь КПК Цзян Цземинь, во время визита подписавший вместе с Ельциным Декларацию о многополярном мире и формировании нового международного порядка, призывавшую стремиться к установлению «равноправного доверительного партнёрства, направленного на стратегическое взаимодействие в XXI веке». В июне того же года в Китае побывал глава российского правительства В.С. Черномырдин, а в ноябре – президент Ельцин, пресс-секретарь которого С.В. Ястржембский заявил, что для России восточное направление внешней политики абсолютно равнозначно западному. Явно демонстрационный характер имела состоявшаяся в ноябре встреча Ельцина с премьер-министром Японии Р. Хасимото, в ходе которой лидеры обещали, что «приложат все усилия» к подписанию мирного договора до 2000 г.

В контактах России с Европейским Союзом с середины 1990-х гг. всё чаще обсуждалась проблема «общих ценностей». 24 июня 1994 г. было подписано и 1 декабря 1997 г. вступило в силу «Соглашение о партнёрстве и сотрудничестве» (СПС) между Россией и ЕС, определявшее ценностные основы и цели их взаимоотношений. Так, в разделе «Общие принципы» отмечалось, что «уважение демократических принципов и прав человека, определённых в Хельсинкском заключительном акте и Парижской хартии для новой Европы, лежит в основе внутренней и внешней политики и составляет существенный элемент партнёрства». Целью политического диалога провозглашалось не только «сближение позиций по международным вопросам», но и «сотрудничество по вопросам, относящимся к соблюдению принципов демократии и прав человека»⁵⁰. И хотя понятие «ценности» не имело юридического характера и не раскрывалось, СПС по сути превращало некое соблюдение «общих ценностей» в *условие* сотрудничества России и ЕС, что при отсутствии каких-либо чётких

---

⁵⁰ Соглашение о партнёрстве и сотрудничестве, учреждающее партнёрство между Российской Федерацией, с одной стороны, и Европейскими сообществами и их государствами-членами, с другой стороны. Корфу, 24 июня 1994 г. // Внешняя политика и безопасность современной России. 1991–2002. Хрестоматия в четырёх томах. Т. 4. М., 2002. С. 377–420.

критериев неизбежно должно было привести к многочисленным недоразумениям, разногласиям и взаимным претензиям.

Трактовка «уважения прав человека и основных свобод» вскоре превратилась в предмет постоянных споров. Согласно установившимся в Европе представлениям, вмешательство во внутренние дела другого государства в случае нарушения прав человека, несоблюдения основных свобод или прав национальных меньшинств считалось вполне правомерным. Внедрение демократической системы ценностей рассматривалось ЕС как инструмент политической и экономической трансформации бывших социалистических стран и способ собственной самоидентификации во внешнем мире.

Российская элита, стремясь к скорейшей интеграции в мировое сообщество, фактически согласилась с европейской трактовкой «общих ценностей». При этом, в отличие от бывших стран «социалистического лагеря», она не могла рассчитывать на потенциальное членство в ЕС и получала только «деньги, установление торговых отношений и технические советы»⁵¹. К тому же в Москве, похоже, не всегда задумывались о последствиях, вытекавших из подписанных документов. Так, в ст. 55 СПС было зафиксировано намерение России в одностороннем порядке привести своё законодательство в соответствие с европейским. Это, с одной стороны, отчасти ограничивало государственный суверенитет, а с другой – открывало простор для перманентно нарастающей критики со стороны ЕС, где были недовольны тем, что Россия в силу объективных обстоятельств не могла следовать заявленному курсу. Несовпадение подходов России и ЕС ярко проявилось в середине 1990-х гг. при проведении операции по восстановлению конституционного порядка в Чечне, резко раскритикованной в Европе. В оперативно принятой в декабре 1995 г. резолюции, положения которой не раз повторялись позднее, ЕС требовал прекращения огня, поиска политического разрешения конфликта и предоставления Чеченской Республике широкой автономии в рамках РФ. Столь же жёстко оценивалась и антитеррористическая кампания 1999 г.: в ноябре на саммите ОБСЕ в Стамбуле против России «единым фронтом» выступили лидеры ведущих западных государств, и страна оказалась на грани политической изоляции⁵².

В то же время, столкнувшись в 1992–1999 гг. с кризисом на территории бывшей Югославии, страны ЕС, многие из которых входили в НАТО, использовали «общие ценности» как инструмент внешней политики. В ходе кризиса ведущие хельсинкские принципы – территориальная целостность, неприменение силы или угрозы силой, невмешательство во внутренние дела, право народа самостоятельно определять свою судьбу, гуманитарный долг защиты прав человека – интерпретировались предельно тенденциозно. Как отмечал генеральный секретарь ООН К. Аннан, «вмешательство региональной организации без мандата ООН в Косово стало трагедией и бросило вызов всей послевоенной системе международной безопасности»⁵³. В конкуренции ценностей и интересов последние одерживали убедительную победу.

Забота о «правах человека», а также возникшая в 1990-е гг. и развивавшаяся под эгидой ООН концепция «человеческой безопасности» («human security»), предусматривающая защиту *каждого человека* от насилия и угроз,

---

⁵¹Barysch K. The EU and Russia: from Principle to Pragmatism? // Centre for European Reform. Policy Brief. November 2006.

⁵²Ельцин Б.Н. Президентский марафон. М., 2000. С. 377–380.

⁵³Цит. по: Примаков Е.М. Мир после 11 сентября. М., 2002. С. 96.

экологических и социальных проблем и освобождение личности от «нужды» и «страха» («freedom from want» and «freedom from fear»)⁵⁴, тесно увязывались с идеями «гуманитарного интервенционизма» и «ограниченного суверенитета»⁵⁵. Согласно этим представлениям, государства (включая многочисленные «страны с переходной экономикой») должны нести «ответственность» за защиту *все-го* спектра прав человека, а в случае несоответствия их действий стандартам ООН (и прежде всего неспособности предотвращать массовые жертвы) они уже не могут ссылаться на свой суверенитет и противодействовать интервенции развитых стран Запада во главе с США, присвоивших себе роль эталона «человеческой защищённости». Все эти теории находили различное применение на постсоветском пространстве, напрямую затрагивая Россию и её международные интересы.

Для системной трансформации России её лидеры активно привлекали разноплановую внешнюю помощь. Как отмечают известные американские исследователи, сразу после падения коммунизма в декабре 1991 г. российские власти предоставили западным правительствам уникальные возможности по вмешательству во внутренние дела России. Западные советники были приглашены практически в каждую из ветвей государственной власти⁵⁶. Фактически речь шла о самоограничении национального суверенитета. В первой половине – середине 1990-х гг. главным партнёром в осуществлении перехода России к рыночной экономике являлись США, взаимодействовавшие с Москвой как по «формальному» – межгосударственному каналу, так и по линии финансируемых американской администрацией неправительственных организаций. Многие из них были действительно полезны, однако далеко не все. Так, участники «Гарвардского проекта», ставшего наиболее крупной программой содействия России в экономической сфере, сыграли ключевую роль в разработке макроэкономической политики на старте «гайдаровских» реформ, а также при проведении приватизации. Провал проекта был признан в 1997 г. в США на *судебном* уровне: «гарвардцев» обвиняли в том, что их деятельность, вопреки намерениям американского правительства, предопределила «разрушительные последствия» российских политических, экономических и правовых реформ 1990-х гг.⁵⁷

Одной из тяжелейших экономических и одновременно внешнеполитических проблем России в 1991–1999 гг. была проблема долгов. В западном *экспертном* сообществе были сторонники списания с России *советских* долгов. Однако их мнения не имели решающего значения. «Министров финансов и председателей центральных банков западных стран, – писал Е.Т. Гайдар, – мало волновало, случится ли в России гуманитарная катастрофа, начнётся ли на постсоветском пространстве гражданская война по югославскому сценарию. Их заботило другое: кто будет платить по советским долгам»⁵⁸. После сложных пересчётов начала 1990-х гг. сумма задолженности превысила 103 млрд долларов, а к концу 1999 г. она составляла более 158 млрд долларов (в том числе

⁵⁴См.: Сен А. Развитие как свобода. М., 2004; Human Security in Theory and Practice. N.Y., 2009.

⁵⁵Подробное обоснование мотивов и легитимных поводов для гуманитарной интервенции см.: Responsibility to Protect: The Report of the International Commission of Intervention and State Sovereignty. N.Y., 2001.

⁵⁶Голдгейр Дж., Макфол М. Указ. соч. С. 78.

⁵⁷Подробнее: *Небываев И.В.* Из истории российско-американских отношений в политико-экономической и общественной сферах в 1990-е – начале 2000-х гг. М., 2008.

⁵⁸Гайдар Е.Т. Власть и собственность. М., 2009. С. 171.

почти 50 млрд – внешний долг самой России, возникший после 1991 г.). Необходимость обслуживать как собственные, так и советские обязательства приводила к их росту. И хотя проведенные в середине 1990-х гг. реструктуризации долгов Парижскому и Лондонскому клубам, а также ряду других кредиторов дали некоторое облегчение, долговые выплаты только в 1994–1998 гг. составили более 34 млрд долларов, что практически равнялось приросту задолженности за те же годы (около 33 млрд)⁵⁹. По объему внешнего долга Россия переместилась с 12-го на 1-е место в мире.

Важным следствием избранных при участии западных советников модели и последовательности преобразований стала утечка капиталов – устойчивая практика перевода частных доходов за рубеж, осуществляемая в массовом порядке преимущественно по внешнеторговым каналам. Это явление во многом объяснялось тем, что становление внутренних рынков и новой *системы их правового регулирования* отставали от *темпов открытия экономики*. В результате в начальный период реформ (1992–1993 гг.) из страны «утекли» как минимум 65, а в 1994–1999 гг. ежегодно уходило от 6 до 28 млрд долларов. По самым осторожным оценкам, совокупный отток капиталов к концу 1990-х гг. достигал не менее 170 млрд долларов, что намного превосходило масштабы поступившей извне «помощи»⁶⁰. Часть этих гигантских средств оказалась безвозвратно потерянной для России и работала преимущественно на экономику стран «дальнего зарубежья». Негативным *политическим* итогом этого стало возникновение «оффшорной аристократии» и формирование компрадорских настроений в среде нарождающегося класса российских предпринимателей.

Финансовый кризис августа 1998 г. стал закономерным результатом той экономической политики, которая с 1992 г. проводилась всеми российскими правительствами на основе рекомендаций МВФ и при активном участии американских экспертов⁶¹. Обеспечивая политическое «прикрытие», Ельцин публично заявлял о стабильной ситуации в финансовой сфере перед объявлением о дефолте. Поэтому события 17 августа 1998 г. были восприняты как доказательство несостоятельности ранее проводившейся экономической политики и некомпетентности «реформаторов» – от Е.Т. Гайдара до агрессивно навязанного Думе в июне 1998 г. С.В. Кириенко. Уже 21 августа на внеочередном заседании Думы 248 депутатов призвали президента добровольно уйти в отставку (против проголосовали только 32). Под давлением обстоятельств Ельцин впервые был вынужден отступить и назначить главой правительства предложенного по рекомендации оппозиции (коммунистов и «Яблока») министра иностранных дел Примакова, а вице-премьером – бывшего председателя Госплана СССР коммуниста Ю.Д. Маслюкова. Не выдвигая ширококвотельных программ и занимаясь в основном решением конкретных вопросов, Примаков выступал за поддержку производства и государственное регулирование экономики, которое, по его мнению, отличало цивилизованный капитализм от дикого. Однако стремление навести порядок и пресечь злоупотребления наталкивалось на сопротивление. Особая нервозность возникла в связи с начавшимся расследованием деятельности 780 крупных чиновников, которых

⁵⁹Хейфец Б.А. Долговая политика России: актуальные проблемы. М., 2007. С. 18–19.

⁶⁰Полякова Л.Н. Особенности вывоза капиталов из России и проблема бегства капиталов // Россия: интеграция в мировую экономику. М., 2003. С. 82, 92, 93.

⁶¹О происхождении, развитии и экономических итогах кризиса см.: Гилман М. Дефолт, которого могло не быть. М., 2009.

подозревали в финансовых операциях с использованием служебного положения в предшествовавшие дефолту годы. В их числе оказались многие известные фигуры (включая Козырева)⁶².

С осени 1998 г. в России возникла ситуация «двойного лидерства»: главой государства оставался имевший огромные полномочия, но утративший былую популярность президент. В мае 1999 г. его жёстко обвиняли в Думе за подписание Беловежских соглашений, трагические события осени 1993 г., развязывание войны в Чечне и проведение экономической политики, приведшей к резкому падению уровня жизни большинства народа⁶³. На этом фоне заметно рос авторитет премьер-министра, которому за восемь месяцев удалось несколько улучшить положение в экономике и стабилизировать общественно-политическую ситуацию.

В 1998–1999 гг. в общественном мнении России интенсивно шло осмысление итогов «либеральной революции». В концентрированном виде оно отразилось в отношении к олицетворявшей её власти: в 1999 г. уровень доверия действующему президенту составил 3.5% (против 57.3%, полученных на выборах 1991 г.). Социологи констатировали формирование консенсуса в том, что сложившийся в России в 1990-е гг. экономический и политический режим надо радикально менять, необходимо усиливать роль государства как в экономике, так и во всех сферах жизни общества; жить «своим умом», не полагаясь на «цивилизованный Запад»; наводить порядок во всём, возможно, даже «твёрдой рукой»; стремиться к преодолению расслоения населения на нищих и сверхбогатых. Европа и США всё реже воспринимались как образец для подражания, источник добра и миролюбия. Напротив, постепенно рос интерес к «русскому» фактору – совокупности идей и ощущений, определяющих собственную идентичность и общность. И в массовом сознании, и в элите распространялось представление о том, что «у России свой путь, отличный от стран Запада»⁶⁴.

Сильное влияние на эти процессы оказали события 1999 г. на территории бывшей Югославии. Руководя МИД, Примаков уделял большое внимание балканским делам, считая участие в их урегулировании и степень влияния на принимаемые решения важным показателем роли и места России в международных отношениях. После преодоления боснийского кризиса 1995 г. ООН, ОБСЕ и лидеры ряда стран активно подключились в 1997 г. к обсуждению «проблемы Косово», которое изначально имело антисербский характер. К этому времени в новой стратегической концепции НАТО была провозглашена особая ответственность блока перед мировым сообществом за предотвращение угроз безопасности и стабильности в Европе⁶⁵. Для этого предлагалось заставить Белград вывести войска из Косово, предоставить краю статус республики, наравне с Сербией и Черногорией, и возможность дальнейшего «самоопределения». Тем самым фактически готовилось отторжение части территории Союзной Республики Югославия (СРЮ). В России же исходили из того, что Косово – внутреннее дело Югославии, а об изменении её границ не может быть и речи. При этом признавалась необходимость прекращения враждебных

⁶² Пихоя Р.Г., Журавлёв С.В., Соколов А.К. Указ. соч. С. 282.

⁶³ Шевцова Л.Ф. Режим Бориса Ельцина. М., 1999. С. 461.

⁶⁴ Бызов Л.Е. От государства «смуты» к государству «термидора» // Россия и современный мир. 2000. № 3. С. 44–46.

⁶⁵ Ивашов Л.И. Вашингтонская стратегия НАТО // Военно-исторический журнал. 2000. № 1. С. 3–5.

действий с *обеих* сторон и проведения *ими* переговоров о возможных способах улаживания конфликта⁶⁶.

В 1998 г. Запад организовал мощное международное давление на Белград, активно используя санкции, поощряя внутренние «демократические процессы» против «коммунистического режима», финансируя деятельность местных неправительственных организаций. Особое внимание уделялось информационной подготовке намеченного вмешательства. В глобальных СМИ руководство СРЮ обвиняли в геноциде и нарушениях прав человека, приведших к гуманитарной катастрофе. Как стало известно позднее, в 1998–1999 гг. число жертв со стороны албанцев преувеличивалось в десятки раз, а о резне ими сербов практически не упоминалось. Избранный гражданами страны президент С. Милошевич был объявлен «последним диктатором Европы» и сравнивался с Гитлером.

24 марта 1999 г. начались бомбёжки СРЮ, включавшие налёты на её столицу. Москва резко реагировала на них, потребовав «создать в срочном порядке заседание Совета Безопасности для рассмотрения чрезвычайной ситуации, вызванной односторонними военными действиями НАТО против Союзной Республики Югославии». «Это было настоящим потрясением для России, — писал Примаков. — Все российские политические силы без исключения выступили против развязанной НАТО войны»⁶⁷. В Москву был отозван главный военный представитель РФ при НАТО, участие в программе «Партнёрство ради мира» и «Совете Россия–НАТО» приостанавливалось. Ельцин заявил, что развернёт стратегические ракеты в сторону Запада, если бомбёжки Югославии не прекратятся. Ряд действий, предпринятых в военной сфере, демонстрировал серьёзность намерений.

Однако вскоре тональность критики изменилась. 14 апреля 1999 г. президент России назначил своим представителем по урегулированию ситуации в Югославии Черномырдина. «Это не только свидетельство недовольства Ельцина балканской политикой правительства и МИДа, — констатировали в газете “Коммерсант”. — Президент дал понять, что намерен покончить с курсом на конфронтацию с Западом»⁶⁸. В мае 1999 г. появился план выхода из кризиса в Косово, составленный представлявшим Евросоюз экс-президентом Финляндии М. Ахтисаари, В.С. Черномырдиным и заместителем государственного секретаря США С. Тэлботом. Документ начинался с требования «немедленного и поддающего проверке прекращения насилия и репрессий в Косово», что звучало как обвинение руководства СРЮ в репрессиях и косвенно подтверждало законность продолжавшихся ударов НАТО. На основе плана «Черномырдина–Ахтисаари» 10 июня Совет Безопасности принял резолюцию, в которой говорилось о «международном присутствии» под эгидой ООН в Косово на период «налаживания нормальной жизни». Однако натовские генералы фактически произвели раздел края на сектора ответственности, не оставив места для стран, не являвшихся членами Альянса, в том числе и России. Ей позволили лишь символически обозначить своё присутствие в американском, немецком и французском секторах⁶⁹.

⁶⁶Гуськова Е.Ю. История югославского кризиса (1990–2000). М., 2001. С. 553.

⁶⁷Примаков Е.М. Годы в большой политике. С. 209.

⁶⁸Наш человек в Косове: Ельцин назначил Черномырдина параллельным премьером // Коммерсантъ. 1999. 26 марта.

⁶⁹Гуськова Е.Ю. Указ. соч. С. 682.

В 1999 г. стало неизбежным переосмысление доктрины интеграции России в мировое сообщество: поставленные в 1991 г. цели так и не были достигнуты. В стране произошёл радикальный слом старой общественной системы, но его социальные последствия негативно оценивались подавляющим большинством населения⁷⁰. Далеки от ожидаемых были и внешнеполитические результаты. Ресурсы государства резко сократились: уменьшился масштаб экономики, возросла внешняя зависимость, состояние армии всё чаще характеризовалось как «развал». В «Содружестве Независимых Государств» дружбы было меньше, чем трений и противоречий. Вместо равноправного взаимодействия с демократическими государствами Запада Россия занимала незавидное место в новой иерархии международных отношений. И хотя руководство страны постоянно подчёркивало её статус «великой державы», в зарубежной экспертной среде Россию рассматривали как «несовременную», «бывшую» и даже «мнимую» великую державу⁷¹.

Продвигаемая в 1990-е гг. глобалистами модель демократической перестройки мира таила угрозы для внутренней стабильности России. Приближение ареала политики «расширения демократии» к её границам делало неизбежным усиление давления на страну. И не случайно в 1999 г. — начале 2000-х гг. развернулась острая дискуссия о суверенитете государств. В 1999 г. академик А.А. Кокошин одним из первых сформулировал концепцию «реального суверенитета» для России и очертил его внутренние и внешние параметры⁷². Впоследствии «реальный суверенитет» стали называть «доктриной Путина»⁷³.

Объявляя 31 декабря о своей отставке, Ельцин назвал «главным делом своей жизни» то, что «Россия уже никогда не вернётся в прошлое» и «всегда теперь будет двигаться только вперёд»⁷⁴. А накануне появилась программная статья главы правительства В.В. Путина «Россия на рубеже тысячелетий», в которой с тревогой констатировалось, что страна «впервые за последние 200–300 лет... стоит перед угрозой оказаться во втором, а то и в третьем эшелоне государств мира». «Каждая страна, — утверждал её автор, — в том числе и Россия, обязана искать свой путь обновления. Мы пока не очень преуспели в этом. Свою дорогу, свою модель преобразований мы начали нащупывать только в последние год–два»⁷⁵. Всё это в полной мере относилось и к внешней политике.

---

⁷⁰Рывкина Р.В. Драма перемен. Экономическая социология переходной России. М., 2002.

⁷¹Lynch A. How Russia Is Not Ruled. Cambridge, 2005. P. 85–127. См. также: Внешняя политика России: от Ельцина до Путина. С. 200.

⁷²Кокошин А.А. Реальный суверенитет. М., 2006. С. 49.

⁷³Aron L. The Putin Doctrine. Russia's Quest to Rebuild the Soviet State // Foreign Affairs. 2013. March 8. См. также: Адоманис М. «Доктрина Путина» и истинные причины российско-американского конфликта (URL: <http://inosmi.ru/politic/20130315/206980681.html>).

⁷⁴Ельцин Б.Н. Указ. соч. С. 423.

⁷⁵Путин В.В. Россия на рубеже тысячелетий // Независимая газета. 1999. 30 декабря.

Александр Воробьев

Рец. на: Альтернативы, переломные пункты и смены режима в истории России. Материалы первой международной научной конференции молодых русистов будапештского Центра русистики / Ред. Д. Свак. Будапешт: Руссика Панноникана, 2015. 588 с.

Aleksandr Vorobiev

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

Rec. ad op.: Al'ternativy, perelomnye punkty i smeny rezhima v istorii Rossii. Materialy pervoi mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii molodykh rusistov budapeshetskogo Tsentra rusistiki. Budapest, 2015

В 2015 г. увидел свет сборник статей «Альтернативы, переломные пункты и смены режима в истории России», составленный по материалам научной конференции, проходившей 19–20 мая 2014 г. в Будапеште. Его выход совпал с 20-летним юбилеем известного Центра русистики Будапештского университета им. Лоранда Этвеша и с 25-летним юбилеем его предшественника – Венгерского института русистики. На этот раз на традиционной ежегодной конференции получили приглашение выступить молодые русисты из десяти стран (Россия, Венгрия, Польша, Великобритания, Франция, Италия и др.). Среди более чем 50 опубликованных в сборнике докладов читатель обязательно найдёт для себя что-то интересное.

Тематика представленных материалов широка – от Древней Руси до России начала XXI в. Статьи, изданные по материалам выступлений, сгруппированы в пять тематически-хронологических разделов. Первый, посвящённый истории России до XVIII в., открывает статья Т. Педери о военном ремесле в Средневековой Руси, прежде всего в Новгороде. Автор, начиная с общих замечаний о вооружённых конфликтах Новгорода с другими землями, постепенно переходит к рассмотрению организации и логистики, а затем вооружения и тактики новгородских воинов. Он приходит к мнению о том, что отряды этой древнерусской республики, немногочисленные, но хорошо

экипированные, представляли собой переходную форму между русскими и западно-европейскими боевыми порядками. Стратегия, боевая тактика новгородцев были оборонительными, и оборонительная система Новгорода являлась более продвинутой, чем в других русских землях. В то же время подобная концепция, позволявшая успешно отражать внешние атаки, сделала невозможной территориальную экспансию и в конечном счёте стала главной причиной упадка республики.

А.А. Калашникова оспаривает традиционное мнение о том, что строительство русского централизованного государства в монопольном порядке насаждалось «сверху» великими князьями. Исследовательница полагает, что без запроса на новую административную систему «снизу», со стороны населения, ни один правитель не справился бы с этой миссией. Подкрепляя свои размышления анализом становления судебной системы в области земельных споров, Калашникова делает вывод о том, что инициатива участников земельных конфликтов стимулировала деятельность властей, которые признавали значимость каждого участника судебного разбирательства.

Д.А. Бессуднов решает в своей статье вопрос о том, как вели себя власти Ливонии в течение первой кампании Ливонской войны. По его мнению, в отечественной историографии сложилось не вполне точное

представление о пассивности ливонских государей, не веривших даже в возможность войны с Россией, а потому не подготовившихся к обороне. На основании изучения хранящейся в одном из немецких архивов и малоизвестной в российской науке переписки прусского герцога и его брата – рижского архиепископа – автор утверждает, что власти Ливонии не смогли объединиться, чтобы дать совместный отпор войскам Ивана IV.

Важное место среди опубликованных докладов конференции занимает тема Смуты, активно изучаемая молодыми исследователями. А.А. Клейтман размышляет над тем, как события начала XVII в. отразились в исторической памяти жителей разных регионов Нижнего Поволжья. Они видели в Смуте персонифицированную борьбу добра и зла, где положительную оценку получили Василий Шуйский, епископ Феодосий, астраханский воевода Голицын, а отрицательную – самозванец Григорий Отрепьев, Марина Мнишек, Иван Заруцкий. Представляется важным, что Клейтман, отмечая полумифический характер местных преданий о Смуте, указывает и на факты, нашедшие более точное отражение в народной памяти.

Исследованию позднего периода Смуты в Новгороде посвятили доклады студенты Липецкого государственного педагогического университета Р.В. Болдырев и Е.М. Кончакова. По мнению Болдырева, опирающегося на документы новгородского оккупационного архива, хранящегося в Швеции, Якоб Деллагарди, назначенный наместником шведского короля, лавировал между необходимостью введения налога для обеспечения королевского войска и сохранением добрых отношений с населением Новгородской земли, недовольным поборами. В качестве выхода из такого положения Деллагарди решил ввести чрезвычайные налоги. Как показала Кончакова, администрация Новгорода была традиционной – большая часть должностных лиц были русскими. Исследовательница считает такое положение дел «несколько противоречащим термину “оккупация”».

В XVII в. завершилось вхождение в состав России Западной Сибири. Одним из следствий её освоения стало формирование местной элиты, состоявшей из дворян

и детей боярских. Менталитету и самоидентификации последних посвящена статья Е.В. Шмельевой. Служба, которую несли «сибирские аристократы», не считалась престижной в центральных регионах России, что во многом стимулировало их к поиску способов идентификации, дававших возможность отстоять полученные от государства привилегии. Таким механизмом стала личная выслуга. Конечно, на практике служебное рвение, красочно описываемое в челобитных, не полностью соответствовало реальности, имели место случаи злоупотребления полученной властью, но это не отменяет главного: сибирские дети боярские остро чувствовали и защищали корпоративные интересы.

Не обойдена в сборнике и тема Петровских реформ. Анализ судебной реформы (1717–1727 гг.) проведён Е.В. Бородиной, показавшей трудности, встречающиеся при проведении судебных преобразований. М.А. Киселёв охарактеризовал форму и содержание политического кризиса – междуцарствия 1730 г., когда, по замечанию автора, был едва ли не впервые поставлен вопрос о ликвидации самодержавия.

Вопрос о том, какая форма правления наиболее приемлема для России, волновал российских интеллектуалов XVIII в., для его осмысления прибегавших к трудам античных и современных им европейских философов. Свои соображения по данной теме представил С.В. Соколов, сделавший особый акцент на изучении работ историков XVIII в. М.В. Ломоносов, В.Н. Татищев и М.М. Щербатов установили связь между возвышением государства и усилением самодержавия. Такой вывод имел и обратную силу: не только исторические факты влияли на оценку форм правления, но и вывод о предпочтительности монархии для России предопределял интерпретацию прошлого.

А.А. Богданов излагает свои соображения о возможных источниках для исследования истории монетного дела в России. Ещё требуют введения в научный оборот делопроизводственные материалы, заполняющие зазор между денежным обращением на местах и нормами законодательства. Можно надеяться, что поиск делопроизводственной документации, связанной с монетным делом, будет плодотворным.

Культурная сторона реформ Петра I, последствия вестернизации в личной жизни женщин-дворянок стали предметом исследования О. Санисло, выполненного на основе мемуаров кн. Е.Р. Дашковой и А.Е. Лопухиной. Их жизненные пути существенно различались, что делает представленную работу весьма репрезентативной. Автор приходит к выводу о том, что реформы XVIII в. принесли серьёзные перемены в повседневную жизнь привилегированного сословия, недовольного преобразованиями, а изменение образа мыслей дворянства потребовало гораздо больше времени, чем предполагал Пётр I.

Завершает первый раздел сборника статья Т.С. Романюк о роли старообрядческих скитов в религиозной жизни уральских казаков в XVIII – первой половине XIX в. Общины старообрядцев на Урале были тесно связаны со своими единоверцами на Дону, в Сибири и на других территориях; при этом правительство оставило попытки ликвидации скитов в середине XVIII в. и не возвращалось к ним вплоть до конца 1850-х гг. Власти стремились избежать конфликтных ситуаций, опасаясь волнений в среде уральского казачества. Всё это, по мнению автора, говорит о сильных позициях староверия в данном регионе.

Раздел, посвящённый истории России XIX – начала XX в., открывается статьями, в центре которых тема англо-русских связей в первой четверти XIX в. М.А. Смирнова анализирует отношение русских купцов к торговле с Англией во время Наполеоновских войн. Изучая мемуары купцов, автор не только констатирует вред, нанесённый российской экономике континентальной блокадой Великобритании, но и указывает на то, что Отечественная война 1812 года дала экономике толчок, благодаря которому многие торговцы сделали состояние. К. Шрек обращается к контактам дипломатических ведомств Петербурга и Лондона во время Восточного кризиса 1825–1826 гг., связанного с войной за независимость Греции. В переговорах между двумя державами особую роль играл русский посол в Лондоне граф Х.А. Ливен, непосредственно участвовавший в составлении договора о сотрудничестве 1826 г. Во многом благодаря дипломатическому таланту Ливе-

на удалось достичь успеха в переговорах о его заключении.

С. Шухайда рассмотрел образ России в Венгрии после подавления польского восстания в 1830–1831 гг. До выступления поляков, боровшихся за независимость, венгры мало что знали о России и считали её экзотической страной. Появление политических эмигрантов из Царства Польского способствовало усилению предрассудков и страхов венгерского дворянства в отношении России, которые использовались венгерскими политиками для достижения своих внутривнутриполитических целей.

Проблемы социального взаимодействия и адаптации европейцев в российской провинции (на примере Урала) освещает О.К. Ермакова. Исследовательница отмечает, что, несмотря на закрытость диаспор выходцев из Западной Европы, рассматривавших пребывание в России как средство получения денег или статуса, они не могли сохранить свою изоляцию, поскольку контактировали с русскими по роду профессиональной деятельности.

Интересный взгляд на успехи русской дипломатии середины XIX в. предлагает К. Варади. Она анализирует материалы прусского («Kladderadatsch») и венгерского («Üstökös») сатирических журналов и показывает, что либеральные взгляды их редакций легко объясняют негативные высказывания о России. Однако они всячески избегали искажения реальности, лишь обращая внимание на явные ошибки, ставшие достоянием публики. Статья Варади иллюстрирована карикатурами, которые служат прекрасным дополнением к представленному исследованию.

Ж. Месарош рассматривает нигилизм как философское явление, бытовавшее в России и Германии. Признавая русский нигилизм важной частью европейской культуры и истории мысли, она изучает его отличия от немецкого. В частности, в России нигилизм был вовлечён в решение социальных и политических проблем в большей степени, чем в Германии, хотя немецкие нигилисты прямым образом влияли на идеологию русских единомышленников. Размышляя об истоках формирования политического терроризма в России, С. Надь обращается к процессу Веры Засулич. Анализируя свиде-

тельства современников, она приходит к выводу, что именно оправдание Засулич дало толчок моральному обоснованию террора. На рубеже XIX–XX вв. особую важность приобрели размышления о ходе истории, векторе развития общества. Представления об этом в работах С.Н. Булгакова изучила А. Меджибродская. Идея прогресса в России в понимании Булгакова и других религиозных философов была тесно связана с проблемами национальной идентичности и поиска смысла истории.

Взаимоотношениям власти и общества в лице корпораций учёных-гуманитариев посвящена статья В.В. Тихонова. Определяя два основных историографических мнения по этому вопросу (профессура боролась с властью или находилась с ней в отношениях симбиоза), автор выявляет сущность взаимодействия учёных и власти, прибегая к сравнению с близкой к России того времени немецкой академической средой. Несмотря на множество сходств с ней, главным отличием, подрывавшим партнёрство с властями, было отсутствие социального контракта, по которому государство гарантировало университетские свободы. Таким образом, по мнению Тихонова, русские учёные, хотя и были в целом лояльны к власти, всё же проявляли оппозиционность, когда речь заходила об их правах.

О дипломатической предыстории Первой мировой войны пишет К.К. Ионицэ, отмечая, что империя Романовых имела большое влияние в европейских делах, но при этом правительство России и прежде всего министр иностранных дел Сазонов не были уверены в том, какой именно должна быть политика на Балканах. Нерешительность кабинета министров усугублялась индифферентностью русского общества.

Следующий раздел сборника посвящён истории СССР; открывает его статья Р.Р. Гильминтинова о начальном этапе советской историографии большевистской партии. Проанализировав содержание журнала «Красная летопись», автор установил, что большевики пытались наладить взаимодействие с интеллектуалами. В докладе Ю.С. Пыльцына о современной историографии участия терского казачества в Гражданской войне отмечаются перемены во взглядах исследователей, переход от

классового подхода к изучению межэтнических противоречий, что открывает большие перспективы перед учёными.

Свои мысли об идеях Н.И. Бухарина как возможной альтернативе сталинскому режиму высказал Д. Кадьоли. Исследователь подчёркивает, что для Бухарина были характерны непоследовательность и непостоянство, поэтому его большевистские теории в перспективе могли сильно измениться.

Несколько статей посвящены гендерной истории XX в. А.В. Кочнева и Е.И. Рабинович изучили положение женщин в период первых пятилеток на Урале. Постепенная эмансипация женщины в годы советской власти привела к установлению фактического равенства между полами к началу 1930-х гг. За этим триумфом гендерной революции, по мнению авторов, стоит парадокс, состоявший в принуждении правительством женщин к каторжному труду в промышленности и на стройках первой пятилетки. Венгерская исследовательница Э. Йони анализирует положение женщины в контексте действия Семейного кодекса, принятого в СССР в 1944 г. В связи с тяготами войны женщины были вынуждены взять на себя мужские роли не только в сельском хозяйстве и промышленности, но и на полях боя и в партизанском движении. И всё же к концу войны руководство страны встало на путь укрепления институтов традиционной семьи, материнства и детства: упразднили совместное обучение мальчиков и девочек в школах, ввели налог для тех, у кого было менее трёх детей, и т. д.

О роли Урала после Великой Отечественной войны пишет М.В. Михеев. В позднесталинском СССР была предпринята попытка сделать из региона плацдарм для освоения природных ресурсов Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. В центре внимания автора, анализирующего проблему в контексте геополитики, внешней политики и экономики того времени, находятся причины, по которым этот план оказался невыполнимым. Вероятно, важнейшей из них являлась позиция правительства, не продумывавшего практическую реализацию своих распоряжений.

Завершает раздел статья В.Н. Круглова, где представлен обзор реформ территориальной структуры с 1910-х по начало 2000-х гг.

Советский период – время активных поисков новой формы административно-территориального устройства страны. Они носили во многом интуитивный характер, поскольку оперативные задачи для правительства были важнее, чем стратегическое планирование. Несмотря на многочисленные преобразования, найти сбалансированную систему не удалось и, по мнению автора, территориальные проблемы стали одной из причин распада СССР.

О важнейших проблемах на территории бывшего СССР размышляют авторы раздела, посвящённого постсоветской истории. Вопрос об эффективности частичных реформ и последовавшем за ними изменении политического режима рассматривает Р. Эверетт и приходит к выводу о том, что в России не удалось создать новой политической системы. Продолжает тему статья В.В. Шишкова об адаптации имперского наследия в современной России. Противоречия постсоветской истории получили отражение в деятельности средств массовой информации, изучению которых посвящены статьи Е.В. Бондарика и О.В. Мороза. Существует ли в современной России цензура СМИ? Бондарик приходит к выводу о том, что с правовой точки зрения решить эту дилемму невозможно, поскольку существуют неформальные практики взаимодействия со СМИ, в том числе неформальная цензура. И всё же политический контекст, по мнению исследователя, предполагает, что со временем СМИ смогут более эффективно реализовывать принципы свободы слова и существования различных мнений. В отличие от Бондарика Мороз анализирует присущие СМИ коммуникативные практики, для которых характерен так называемый язык вражды (агрессивный стиль подачи информации). Существование этого феномена во многом объясняется необходимостью консолидации общества на основе его разделения на своих и чужих.

В сборнике также уделяется внимание экономике современной России. Д.О. Гафаровски, анализируя её участие в Таможенном союзе и Едином экономическом пространстве, констатирует, что создание этих институтов не оказало существенного влияния на российскую торговлю.

Несколько статей посвящено современной историографии. А.А. Лихацкий, обращаясь к «казусу» исторического альманаха «Одиссей», выясняет, каким образом он стал инструментом рецепции западных идей в гуманитарных науках. Автор характеризует её модель, существовавшую в альманахе, как замещающую, когда на начальном этапе существования «Одиссея» существовала оригинальная теоретическая рефлексия, а влияние западной науки было частичным. К началу 2000-х гг. заимствование зарубежных идей заметно усилилось. Е.Н. Смирнов исследует механизмы формирования исторической памяти в современной России, одним из которых, по его мнению, является создание единого учебника истории, вызвавшего немало дебатов. Автор со скепсисом относится к этому проекту, полагая, что такой учебник не только будет навязывать определённые мнения учащимся, но и станет средством «идеологической оценки деятельности педагогов». История гетманской Украины при Петре I освещена Я.А. Лазаревым. Автор показал, что концепция национального государственного строительства Украины, якобы прекращённого Петром, несостоятельна, поскольку в украинской историографии игнорировался значительный корпус источников, а многие оценки были предвзяты. Вместе с тем отсутствие специальных источниковедческих исследований в российской науке также способствовало появлению этого мифа.

Символично, что данный раздел завершается статьёй об образе Романовых, который, по мнению Р. Гашпара, мог бы стать объединяющим символом новой России. Однако автор признаёт, что это едва ли возможно, ведь само имя династии стало всего лишь ходовым торговым брендом, а серьёзные исторические исследования наследия Романовых, избавленные от воздействия идеологии, сейчас невозможны по политическим причинам.

В последнем разделе сборника, посвящённом истории культуры, представлены материалы о живописи, литературе, искусстве и менталитете. В статье О.В. Бутковой содержатся убедительные доказательства того, что даже самые далёкие от политики культурные феномены (например, сказки) в советское время не могли существовать

без одобрения и влияния идеологии. Последняя рассматривала всё «чуждое», иррациональное как пережиток буржуазной культуры, противоречащий марксистским догматам. Интересное и необычное исследование провёл М. Ур, сравнивший литературу и музыку на примере повести Л.Н. Толстого «Крейцера соната» и одноимённого произведения Людвиг ван Бетховена. Автор полагает, что Толстой осознанно использовал «конфликт между текстом и музыкой как символ кризиса современности». О роли культуры в сложную эпоху революций в России рассуждает Д.И. Охотников. Что значило и сколь много стоило слово поэта в то время? Автор даёт ответы на данные вопросы на примере поэта Александра Блока, который, подобно другим деятелям искусства, не остался в стороне от происходящего, ограничившись ролью лирика. Сотрудничая с Советами, Блок оказался пророком, найдя достаточно выразительных средств для изображения предвещаемого им будущего. При этом в силу поэтической одарённости он не был способен избавиться от искажения эпохи, в которое искренне уверовал.

Итальянская исследовательница М. Моравито представила свои размышления о том, какое положение занимает Россия между Западом и Востоком. Для выяснения этого вопроса она обратилась к роману Фёдора Соллогуба «Мелкий бес», где писатель, обращаясь к греческой мифологии, отрицает связь России как с Западом, так и с Востоком. Любопытно, что, по мнению Моравито, отдельные идеи романа схожи с концепцией «жёлтой опасности», согласно которой Европе следует опасаться экспансии азиатов.

О сложных путях развития русской культуры (прежде всего литературы) в XX в. пишет Н. Цегельник. Разбирая и анализируя «Повесть о Сонечке» Марины Цветаевой, она приходит к двум неожиданным выводам. Во-первых, Цветаева выступила продолжательницей сентиментализма, родоначальником которого являлся Н.М. Карамзин, а во-вторых, добилась творческой оригинальности благодаря обращению к атмосфере ранних произведений Ф.М. Достоевского. Интересный ракурс для изучения взяла Е.В. Охотникова, поставившая задачу

выяснить особенности бытования модерна в России на рубеже XIX–XX вв. Любопытно, что в том виде, в котором существовал, он не мог выйти за хронологические границы начала XX в., поэтому после крушения империи сразу стал врагом советской культуры. Ассоциировавшийся с буржуазным прошлым и псевдоэлитарной принадлежностью, модерн не мог влиться в новую культуру, поставившую целью преодолеть искусство прошлого. Удивительным образом он вернулся в Россию на рубеже XX–XXI вв., что, как полагает Охотникова, связано с появлением тенденции к имперскому созиданию.

М. Пупе рассказывает о влиянии на политику выставки живописи эпохи модерна, прошедшей в 1979 г. во Франции и в 1981 г. в Москве. Подготавливая её, французское правительство желало показать благожелательное отношение к СССР. Диалог между организаторами экспозиции с французской и советской стороны носил во многом политический характер. Произведения ряда художников подверглись исключению из выставочного листа, поскольку их авторы были связаны с запретными страницами истории СССР. И всё же эта выставка стала важной вехой в советско-французских отношениях, а публика в Москве смогла впервые увидеть работы К.С. Малевича, В.В. Кандинского и др.

Завершает сборник две сугубо культурологические статьи: О. Киш о постмодернистской природе карнавала и А.В. Ланских о национальных стереотипах в коммуникативном поведении современной российской молодёжи, испытывающей внутренний конфликт традиционных поведенческих сценариев с современными, для которых характерен эгоцентризм и погоня за материальными благами.

Обилие различных исследовательских тем и широкая вариативность мнений и подходов, свобода в суждениях, опирающихся на подчас неожиданные, в том числе и малоизвестные источники, полнее всего отражает дух молодёжной конференции, полной, по словам главного редактора сборника Дюлы Свака, «юношеского задора, весёлого настроения, всепоглощающего дискуссионного настроения».

Рец. на: Романовы в дороге: Путешествия и поездки членов царской семьи по России и за границу: Сборник статей / Отв. ред. М.В. Лескинен, О.В. Хаванова. М.; СПб.: Нестор-История, 2016. 320 с.

*Olga Ageeva
(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)*

Rec. ad op.: Romanovy v doroge: Puteshestviia i poezdki chlenov tsarskoy semyi po Rossii i za granitsu: Sbornik statey. Moscow; Saint Petersburg, 2016

Путешествия и поездки представителей семьи Романовых являлись неотъемлемой частью их образа жизни и управления государством. В силу этого сведения о вояжах Высочайших особ уже не раз анализировались в отечественной историографии и прежде всего – в биографических исследованиях. Однако общий рост интереса к монархии и, в частности, к её роли в политической и повседневной культуре России XVII–XIX вв. заставляет учёных вновь и вновь обращаться к данным сюжетам, о чём свидетельствует и рецензируемый сборник статей. Основу его составляют материалы конференции, проведённой в Институте славяноведения РАН 12–14 ноября 2013 г. в честь 400-летия вступления на престол дома Романовых. Среди авторов преобладают русские историки, но также представлены исследователи из Австрии, Венгрии, Германии и Сербии.

Всего в издание включён 21 текст. Хронологически оно охватывает период с XVII в. до начала XX столетия, т. е. всё время правления династии Романовых. Тематически в нём освещены самые разнообразные аспекты путешествий, поездок и просто разного рода перемещений. Статьи различны по глубине разработки рассматриваемых сюжетов, характеру привлечённых источников (архивные документы или только публикации), по новизне и уровню теоретического осмысления. Многие уже хорошо изученные эпизоды, например, вояжи Петра I или знаменитая поездка Екатерины II в Крым, при этом не затрагиваются, поскольку сборник посвящён только темам, находящимся сейчас в стадии разработки.

В книге они разделены на четыре блока и приложение, касающееся путешествий европейских монархов.

Первую группу «Место путешествий в придворном церемониале» открывает статья К. Штеппана (Австрия/Россия) об ознакомительных поездках австрийских и французских дипломатов в Кронштадт и Петергоф в 1720-е гг.¹ Проходили они в сопровождении Петра I и воспринимались как знак особого расположения царя сначала к венскому, а затем к версальскому двору. Но несмотря на политические обстоятельства и соображения, восприятие дипломатами культуры новой европеизированной России оставалось весьма неоднозначным.

Проводы представителей династии Романовых в последний путь показаны в статьях Н.Ю. Болотиной и Е.В. Беспалой². В одной на основании нового материала, извлечённого из фондов РГАДА, впервые подробно описан пышный церемониал погребения в 1731 г. царевны Прасковьи Ивановны. В другой – детально раскрывается полный опасностей кочующий образ жизни Александра I, скончавшегося во время поездки в Крым и Таганрог, а также порядок последующего церемониального возвращения тела царя в Петербург.

Г.В. Ибнеева осветила контакты Екатерины II с дворянством во время поездок императрицы по стране³. Исследовательница указывает, как с их помощью обеспечивалась легитимизация власти, происходило ознакомление с положением дел на местах и осуществлялось разного рода общение и взаимодействие с подданными, которые, со своей стороны, не только

демонстрировали верноподданнические чувства (выражавшиеся в речах, приветствиях, триумфальных арках и проч.), но и использовали возможность напрямую обратиться к царице, чтобы добиться решения местных и личных проблем.

Завершает первую часть статья Н.М. Филатовой о восприятии в русском и польском обществе коронации Николая I в Варшаве в 1829 г.⁴ Основываясь на анализе прессы, мемуаристики и литературных сочинений, исследовательница воссоздаёт обстановку подготовки и проведения данной церемонии, выявляет целый спектр как положительных, так и резко критических суждений и русских, и поляков о её компромиссном православно-католическом характере (освящение православных регалий в костёле св. Яна, возложение короны самим монархом, а не примасом, и др.), а в итоге определяет политический подтекст действия как попытку сгладить противоречия между властью и польским обществом.

Рубрика «История одного путешествия» открывается статьёй австрийского историка И. Шварц⁵, которая, опираясь на новые архивные документы и данные словацкой историографии (работы А. Паша, Я. Соловича), исследовала поездку Петра I в Пресбург (совр. Братислава). Исследовательница уточнила её время, мотивы и особенности интереса царя к столице Венгрии, которая стала прообразом петровского Пресбурга на Яузе, имела верфи галерного флота и др. Знакомительный характер носило и пребывание инкогнито в Вене в 1781–1782 гг. вел. кн. Павла Петровича («графа Северного»), изученное О.В. Хавановой⁶. На основании документов АВПРИ, Венского и других архивов она показала широкий круг интересов «просвещённого» цесаревича и его супруги (государственное управление, благотворительность, достижения военного дела, науки и культуры), взгляды наследника престола на внешнюю политику и преобразования внутри страны. Опыту первого знакомства с неизвестным ранее при русском Дворе народом посвящена работа Л.А. Кирилиной о пребывании в 1821 г. Александра I в герцогстве Крайнском на Лайбахском конгрессе⁷. В центре её внима-

ния образ жизни участников конгресса и занятия русского императора, его знакомство с местной интеллигенцией, прощальные дары и многое другое.

В.П. Тотфалушин на примере посещения Саратовской губернии вел. кн. Александром Николаевичем (будущим Александром II) показал организацию и цели ознакомительных вояжей наследников престола (узнать Россию, показать подданным будущего правителя и т.д.), описал программу их путешествий (осмотр учреждений и достопримечательностей и т.д.) и изложил впечатления цесаревича от далёкой окраины⁸. Совершенно иной аспект избран М.Э. Клоповой, рассмотревшей поездки Николая II в только что завоёванные Львов и Перемышль в апреле 1915 г.⁹ Анализируя источники личного происхождения, она воссоздаёт сложившуюся тогда политическую обстановку и передаёт разногласия по поводу целесообразности появления монарха – символа государства – на юридически ещё «чужой» территории. Авторам ярко описаны встречи русского царя с жителями края.

Третья рубрика сборника с поэтическим названием «В дороге, в пути, в движении» наполнена статьями самой разной тематики. В исследовании А.В. Топычанова о царских резиденциях освещены малоизученные функции Кремлёвского и загородных царских дворцов XVII в., в том числе при проведении дипломатических аудиенций, показаны особенности обеспечения безопасности царской семьи и контроля над элитой в дальних резиденциях во время дворцовых конфликтов¹⁰.

Статья И.В. Меркулова об отражении событий Отечественной войны 1812 года и Заграничных походов в записках и переписке государственного секретаря А.С. Шишкова носит источниковедческий характер¹¹. Изучая публикации и рукописи адмирала, хранящиеся в РГИА и ОПИ ГИМ, автор уточнил историю их создания, характер редактирования издания 1831 г., в котором убиралось всё, что могло компрометировать Александра I, выявил механизм формирования официальной версии событий 1812–1814 гг. и реакцию на неё русской прессы.

«Путешествия» вел. кн. Константина Павловича рассмотрены О.С. Каштановой¹². Опираясь на новые источники, она описала все типы его поездок как в России, так и за границей – инспекционные, военные, дипломатические, медицинские («на воды») и др. При этом автору удалось раскрыть черты характера и образа жизни великого князя. Ф.И. Мелентьев проследил освещение поездок по России цесаревича вел. кн. Николая Александровича в путевых журналах полковника О.Б. Рихтера¹³. Выявив новый архивный материал, исследователь хорошо показал подготовку поездок и их двойственный характер, сочетавший репрезентативность (представление цесаревича подданным) с воспитанием и обучением (понимание своего долга, знакомство с культурой и ресурсами страны). Особый интерес вызывает восприятие журналов Рихтера в семье цесаревича как при его жизни, так и после смерти.

Семейные связи Романовых с монархией Греции, Сербии и Черногории получили отражение в заключительных статьях раздела, основанных на публикациях и источниках личного происхождения из АВПРИ, ГА РФ, РГВИА, архивов Сербии и Черногории. Визиты Романовых в Грецию к королеве эллинов (вел. кн. Ольге Константиновне), начиная с 1870-х гг., изучены О.В. Соколовской, описавшей не только реалии придворной жизни Афин, эмоциональную атмосферу семейных контактов особ Императорской фамилии, но и формирование династических связей правящих домов двух стран¹⁴. Поездки в Черногорию и Сербию членов семьи вел. кн. Константина Константиновича охарактеризовала в своём исследовании Л.В. Кузьмичёва¹⁵. Н.Г. Струнина-Бородина осветила историю браков великих князей Петра и Николая Николаевичей, женатых на черногорских княжнах Милице и Анастасии (Стане) – дочерях князя Николая Негоша. В статье говорится про их поездки по Европе и Черногории, участие в политике, судьбы детей¹⁶.

Рубрика «Символика монарших путешествий» объединила две статьи. М.В. Лескинен раскрыла вербальные и образно-символические трактовки взаимо-

отношений Романовых и финского общества от бытового до государственно-политического уровня («императорский миф») и проследила их эволюцию от сугубо положительных до негативных¹⁷. Е.Е. Левкиевская, сопоставив сценарии юбилейных торжеств 1862, 1888 и 1913 гг., включавших посещения императорами Новгорода, Киева, Костромы и других городов, отметила в них метафорическое воспроизведение исторических событий и попытку использовать их для преодоления кризиса доверия к монархии в русском обществе¹⁸.

Две статьи включены и в приложение «Не только Романовы в дороге», посвящённое поездкам Габсбургов и их родственников. Венгерская исследовательница К. Кульчар представила типологию вояжей эрцгерцогини Марии Кристины и её мужа (официальные придворные путешествия, визиты к родне с гранд-туром и ознакомительные поездки инкогнито)¹⁹. Особенности путешествий императоров Иосифа II и Франца II в контексте традиции репрезентации власти рассмотрены К. Клевингом и М. Джокич (Германия/Сербия)²⁰.

Несмотря на небольшие шероховатости, сборник обладает несомненными достоинствами. Это и свежая, заслуживающая внимания исследователей тематика, и новый фактический материал, извлечённый из отечественных и зарубежных архивов, а отчасти и теоретическая разработка темы. Материалы сборника убеждают в перспективности сравнительного анализа поездок – средневековых и Нового времени, по стране и за её пределами, представителей российского царствующего дома и других европейских династий. Разработка социальных и культурологических аспектов подобных вояжей, их символики и восприятия, как самими путешественниками, так и общественным мнением, ещё далеко не завершена. Особое внимание необходимо уделить типологии «поездки» и «путешествий» и терминологии, используемой при их изучении. В целом же сборник следует признать несомненной удачей, которая будет стимулировать дальнейшее исследование темы.

Примечания

¹ *Штеттан К.* Романовы как «экскурсоводы»: поездки с австрийскими дипломатами к достопримечательностям молодой Российской империи (20-е годы XVIII в.) // Романовы в дороге: Путешествия и поездки членов царской семьи по России и за границу: Сборник статей. М.; СПб., 2016. С. 13–22.

² *Болотина Н.Ю.* Последний путь царевны Прасковьи Ивановны: церемониал похорон члена императорской фамилии Романовых // Там же. С. 23–32; *Беспалая Е.В.* Последний путь странствующего Александра I // Там же. С. 49–62.

³ *Ибнеева Г.В.* Екатерина II и дворянство в церемониале императорских путешествий // Там же. С. 33–48.

⁴ *Филатова Н.М.* Варшавская коронация Николая I в 1829 г.: русский и польский взгляды // Там же. С. 63–93.

⁵ *Шварц И.* О поездке Петра Великого в Пресбург // Там же. С. 83–93.

⁶ *Хаванова О.В.* Пребывание Павла Петровича в Вене в 1781–1782 гг.: «умное» путешествие просвещённого цесаревича // Там же. С. 94–109.

⁷ *Кирилина Л.А.* Александр I на Лайбахском конгрессе 1821 г. // Там же. С. 110–120.

⁸ *Тотфалушин В.П.* Саратовский эпизод «Венчания с Россией» цесаревича Александра Николаевича // Там же. С. 121–129.

⁹ *Клопова М.Э.* Николай II в Львов и Перемышле. Весна 1915 г. // Там же. С. 130–142.

¹⁰ *Топычканов А.В.* Кремлёвские резиденции vs подмосковные резиденции: зоны конфликта во второй половине XVII в. // Там же. С. 145–157.

¹¹ *Меркулов И.В.* Отечественная война 1812 года и Заграничные походы Русской армии в Записках и переписке государственного секретаря А.С. Шишкова // Там же. С. 158–176.

¹² *Каптанова О.С.* Путешествия великого князя Константина Павловича в системе военно-политических и династических интересов Российской империи // Там же. С. 177–192.

¹³ *Мелентьев Ф.И.* О.Б. Рихтер – летописец путешествий по России цесаревича Николая Александровича // Там же. С. 192–203.

¹⁴ *Соколовская О.В.* В гостях у королевы эллинов Ольги: вторая половина XIX – начало XX в. // Там же. С. 204–218.

¹⁵ *Кузьмичёва Л.В.* Семья великого князя Константина Константиновича Романова на балканских дорогах // Там же. С. 219–233.

¹⁶ *Струнина-Бородина Н.Г.* Великокняжеские семьи Петра и Николая Николаевичей Романовых в дороге // Там же. С. 234–250.

¹⁷ *Лескинен М.В.* «Императорский миф» о пребывании Романовых в Финляндии // Там же. С. 253–267.

¹⁸ *Левкиевская Е.Е.* Юбилейное путешествие Романовых 1913 г. на фоне имперских юбилеев: метафора пути // Там же. С. 268–280.

¹⁹ *Кульчар К.* Маршруты европейских государей... Типология путешествий XVIII в. на примере поездок герцога Альберта Саксен-Тешенского и эрцгерцогини Марии Кристины // Там же. С. 283–298.

²⁰ *Клевинг К., Джокич М.* Монаршие путешествия как путешествия власти: эмпирический опыт о владениях Иосифа II и Франца II (I) Габсбургов, 1768–1835 // Там же. С. 299–311.

Людмила Марней, Борис Носов

Рец. на: С. Л. Чернов. Casus Владимира Печерина. СПб.: Нестор-История, 2016. 480 с.

Liudmila Marney, Boris Nosov

(both – Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow)

Rec. ad op.: S.L. Chernov. Casus Vladimira Pecherina. Saint Petersburg, 2016

Жизненный путь, философское и литературное наследие В.С. Печерина давно уже стали одной из важнейших тем научного творчества известного специалиста по отечественной истории XIX в. Сергея Леонидовича Чернова, многие годы

преподающего в Московском университете и подготовившего не одно поколение российских историков.

К идейным исканиям Печерина Чернов обратился ещё в 1980-е гг. В 1989 г. в серии «Университетская библиотека» он

опубликовал печеринские «Замогильные записки (*Apologia pro vita mea*)», сопровождавшиеся обстоятельными комментариями¹. Как позже отметил сам публикатор, непростая история мемуаров и их пути к русским читателям побуждала выявлять новые источники и обращаться к обширной корреспонденции Владимира Сергеевича (с. 7–9). Замысел историка, потребовавший, без преувеличения, титанического труда, был воплощён в следующей книге Чернова, насчитывающей более 800 страниц и включающей переписку Печерина с родственниками и близкими друзьями (С.Ф. Поярковым, А.В. Никитенко, Ф.В. Чижовым и др.)². Опубликованные Черновым письма не только существенно дополняли представления о биографии Печерина, но и создавали яркую, детальную картину эпохи, свидетельствуя о том, насколько взгляды человека, «умершего для света», были востребованы мыслящей частью русского общества³. Примечательно, что это издание появилось почти ровно 100 лет спустя после выхода в свет знаменитого исследования М.О. Гершензона «Жизнь В.С. Печерина»⁴. Со своей стороны, отдавая должное одному из видных историков и мыслителей России начала XX в., Чернов в ряде случаев не только не соглашается с его выводами, но и подвергает их аргументированной критике.

«Causus Владимира Печерина» продолжает и по-своему завершает подготовленный Черновым триптих. В книге представлен корпус важнейших источников, характеризующих жизненный путь Печерина, его идейную эволюцию и окружение. Она состоит из вступительной статьи Чернова, документов, примечаний к ним и указателя имён. Чернов провёл большую работу по выявлению ранее не публиковавшихся текстов в архивохранилищах Москвы и Санкт-Петербурга. Им были тщательно изучены фонды М.О. Гершензона (ф. 130), А.В. Никитенко (ф. 357) и В.С. Печерина (ф. 372) в РГАЛИ, Строгановых (ф. 1278) – в РГАДА, Ф.В. Чижова (ф. 332) – в Отделе рукописей РГБ, И.Т. Яковлева (ф. 896) – в Отделе рукописей РНБ. Большой интерес представляют связанные с Печериним материалы официального делопроизводства,

обнаруженные исследователем в РГИА – в фондах Департамента Министерства народного просвещения (ф. 733) и Департамента гражданских и духовных дел Государственного совета (ф. 1151), и в ЦГА Москвы – в фондах Московского императорского университета (ф. 418) и попечителя Московского университета и его округа и канцелярии попечителя Московского учебного округа (ф. 459). В книге также приведены важнейшие из ранее публиковавшихся источников, в том числе «путевые заметки» Печерина, «отрывки из дневников А.В. Никитенко, Ф.В. Чижова, Н.И. Пирогова» (с. 89–90), относящиеся ко времени учёбы Владимира Сергеевича в Берлинском университете, краткого преподавания в Москве и последовавшего затем отъезда за границу.

Проделанная Черновым работа заставляет вновь задуматься над вопросом, заданным некогда Никитенко: смог ли Печерин, обладавший всеми «задатками доблести», «с истинно поэтической душой» выйти победителем «в борьбе со злом?» (с. 94). Представленные в книге свидетельства погружают читателя в духовные кризисы, пережитые Печериним и отразившиеся в его корреспонденции. В 1830-е гг., во время служебной поездки за границу, кардинально изменилось его мировоззрение, что привело в 1836 г., после непродолжительного возвращения на родину, к решению окончательно покинуть Россию и остаться в Европе. В 1840-е гг. разочарования в революционерах и революционных идеалах приводят его к католицизму, монашеству и принятию сана. В 1850–1860-е гг. он уходит из ордена редемптористов и становится капелланом «при одной из главных больниц города Дублина – *Mater Misericordiae*». Как полагает Чернов, религиозные переживания не оставляли Печерина до самой смерти в 1885 г., но в конце жизни они не были уже столь разрушительны для его ищущей души, как прежде (с. 48–52).

При этом, в отличие от многих своих предшественников, Чернов вовсе не склонен приписывать Владимиру Сергеевичу те движения души и мысли, которые не прослеживаются в источниках. «Загадка

Печерина», по мнению историка, скорее всего, останется неразгаданной. Ведь так интересно наблюдать за жизнью человека, который «не был ни учёным, ни поэтом, ни литературным критиком, ни переводчиком, ни философом, ни мыслителем» и даже не претендовал на это. «В историографии, – пишет Чернов, – ему без достаточных оснований приписаны те черты и качества, коими он не обладал, придано то значение, которого он не имел, то место, которого не занимал, иначе говоря, он представлен тем, кем в сущности никогда не был и быть не мог. Писавшие о нём проявили удивительную склонность к мифотворчеству» (с. 79).

Эта оценка Печерина как нельзя лучше характеризует Чернова, которому удалось абстрагироваться от своего персонажа и беспристрастно рассмотреть все непростые перипетии его жизни. По сути, Чернов развенчивает многочисленные домыслы о бунте Печерина «против заурядной жизни» (с. 79), раскрывая сложность и многогранность формирования индивидуального и общественного сознания в России в середине и второй половине XIX в. Вместе с тем позиция автора не навязывается читателю, который, знакомясь с собранными в книге источниками, может составить собственное мнение о взлётах и падениях Печерина, начиная с детства и юности, когда на смену желанию стать преподавателем и посвятить себя наукам приходят погружение в религию и обращение в католицизм. Поиски Печерина в «дублинский период» завершаются «пребыванием в конгрегации и исполнением пастырских обязанностей», но больше всего его увлекает в эти годы «переписка с российскими корреспондентами», посвящённая «критике католической церкви и католического духовенства» и «обсуждению будущности России» (с. 79–81).

Публицистика, мемуарное и эпистолярное наследие Печерина хорошо известны литературоведам и историкам, изучающим развитие русской общественной мысли середины – второй половины XIX в. Но для широкого круга читателей Печерин, конечно, находится в тени своих более известных современников – П.Я. Чаадаева,

А.С. Хомякова, братьев И.В. и П.В. Киреевских, К.С. и И.С. Аксаковых, Ю.Ф. Самарина, А.И. Кошелёва, В.И. Даля, Т.Н. Грановского, С.М. Соловьёва, П.В. Анненкова, К.Д. Кавелина, Б.Н. Чичерина и др. Поэтому осуществление столь обширной публикации документов, большинство из которых впервые вводятся в научный оборот, нельзя не признать значительным вкладом в изучение воззрений одного из наиболее противоречивых русских деятелей XIX в. Высокий научный уровень издания достигнут благодаря подлинному профессионализму и многолетнему труду Чернова, которого отличает scrupulousное соблюдение археографических правил, составление подробнейших комментариев, в некоторых случаях, возможно, чрезмерных, но неизменно демонстрирующих широчайшую эрудицию автора и глубину его проникновения в предмет своего исследования. Конечно, в книге встречаются и отдельные недочёты, но они носят скорее технический, а не содержательный характер.

Особо следует отметить вступительную статью С.Л. Чернова «Голый король», которая фактически является небольшой монографией, важной для понимания трагической судьбы В.С. Печерина. В ней на фоне «целой галереи “лишних людей” русской литературы» рассмотрены «все стадии духовного и интеллектуального оскудения» «опустившейся души» «действительно жившего в ту же эпоху человека». Покинув Россию, он стал человеком Европы, но после добровольной эмиграции и последовавшей в 1885 г. кончины фактически вернулся в Россию – в историю русской общественной мысли и «русского мира».

Примечания

¹ Печерин В.С. Замогильные записки (*Apologia pro vita mea*) // Русское общество 30-х годов XIX в. Люди и идеи: (Мемуары современников). М., 1989. С. 381–415.

² Печерин В.С. *Apologia pro vita mea*. Жизнь и приключения русского католика, рассказанные им самим / Отв. ред. и сост. С.Л. Чернов. СПб., 2011.

³ Там же. С. 799–800.

⁴ Гершензон М.О. Жизнь В.С. Печерина. М., 1910.

Андрей Минаков

Рец. на: Н.Н. Покровский. Последний в Мариинском дворце: Воспоминания министра иностранных дел. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 488 с.

Andrey Minakov

(Orel regional historical museum, Russia)

Rec. ad op.: N.N. Pokrovskiy. Posledniy v Mariińskom dvortse: Vospominaniia ministra inostrannykh del. Moscow, 2015

Среди высокопоставленных чиновников позднеимперской России трудно найти тех, кто после крушения самодержавия в 1917 г. не задумывался о собственной роли в судьбе страны, о событиях и людях, определивших трагический финал российской монархии. Образы уходящей эпохи и неопределённость собственного положения в послереволюционных реалиях вдохновляли их на диалог с будущим читателем. Так бывшие министры и губернаторы становились мемуаристами, литературное наследие которых стало заметным явлением в отечественной истории и культуре. Оставаясь в России или оказавшись вдали от Родины, одни из них подводили в воспоминаниях итог своей жизни, другие стремились продолжить политическую деятельность, превратив перо в опасное для своих оппонентов оружие, третьи, пытаясь разобраться в причинах и факторах, приближавших революционную драму, заботились о создании собственного исторического образа. Так или иначе, все они оставляли для потомков-читателей бесценные сокровища фактов и мыслей, без которых сегодня уже нельзя реконструировать объективную картину истории России рубежа XIX–XX столетий.

В числе тех, кто после революции приступил к работе над мемуарами, был бывший министр иностранных дел, государственный контролёр и член Государственного совета Николай Николаевич Покровский, пик карьеры которого совпал с моментом гибели империи. При Советской власти он одним из первых включился в известный издательский проект журналиста Л.М. Клячко. Однако рукопись Покровского долго ждала полноценной встречи с читателем. Только сегодня, благодаря инициативе и труду петербургских историков С.В. Куликова и Д.Н. Шилова, появилась возможность увидеть, как последние годы царской России воспринимались внимательным высокопоставленным очевидцем.

Воспоминания Покровского состоят из пяти хронологически последовательных глав, каждая из которых, по сути, имеет самостоятельный характер и посвящена отдельному сюжету. Лишь размышления автора о причинах крушения императорской власти лейтмотивом проходят через всю книгу. В первой главе мемуарист, часто посещавший имения родственников в Литве, делился своими мыслями об особенностях российской национальной политики в Западном крае. По его мнению, отсутствие чёткого понимания общности имперского пространства, неудачный подбор «местных служащих» и языковые ограничения существенно усиливали дезинтеграционные процессы в государстве, особенно после начала Первой мировой войны (с. 29–42).

Вторая глава посвящена службе автора в канцелярии Комитета министров. Покровский, прекрасно знавший делопроизводственную «кухню», знакомит читателя с деталями работы высшего правительственного органа, даёт яркие характеристики чиновников разного ранга. Весьма любопытные подробности он сообщает о том, как велась обработка годовых всеподданнейших отчётов губернаторов, поступавших в Комитет министров после прочтения императором. Н.Н. Покровскому посчастливилось служить под началом А.Н. Куломзина – горячего сторонника активного использования губернаторских отчётов при выработке правительственной политики. Однако сам Николай Николаевич скептически оцени-

вал их содержание, считая, что «в очень редких случаях эти отчёты являлись интересным изложением самостоятельных взглядов их авторов» (с. 69). Более информативны, по мнению мемуариста, были отчёты генерал-губернаторов, составлявшиеся «по мере надобности» и имевшие «политический характер» (с. 70). Тем не менее разглашение полного текста таких документов официально запрещалось. Только в 1860-е гг. губернаторам разрешили обмениваться приложениями к отчётам, а со второй половины 1880-х гг. по инициативе Н.Х. Бунге стали публиковаться отдельные императорские резолюции. Покровский впервые подробно сообщает об обстоятельствах обнародования отчёта варшавского генерал-губернатора за 1897 г., которое грозило вызвать скандал в бюрократическом мире. Ранее были известны лишь эпизоды этой истории¹. При этом мемуарист признаёт существование канала утечки секретной информации из канцелярии Комитета министров и рассказывает о попытках его устранения (с. 71–72). Впрочем, судя по цитированию отчётов губернаторов Северо-Западного края в социал-демократической «Искре»², несанкционированная передача сведений из правительственных кругов продолжалась.

Анализируя статус Комитета министров, Покровский был убеждён в том, что сохранение самодержавия и действенное управление страной невозможны без централизованной власти во главе с монархом. Правительство европейского образца, объединённое под руководством премьер-министра, представлялось ему не опорой, а противовесом самодержцу (с. 63). Эксперименты с введением представительных начал в вертикаль управления империей казались ему малообещающими. В третьей части воспоминаний Покровский пишет о своей службе в Государственной канцелярии, взаимоотношениях её сотрудников, составе и деятельности Государственного совета. При этом, оставив в своих мемуарах выразительные портреты С.Ю. Витте, А.Н. Куломзина, Д.М. Сольского, П.А. Столыпина и некоторых других представителей высшей бюрократии, Покровский, как правило, старался не давать оценку тем лицам, которых не знал.

Четвёртая глава книги представляет собой своеобразный очерк истории разработки налоговых реформ в империи (с. 94–124). Будучи в 1904–1914 гг. директором Департамента окладных сборов, а затем – товарищем министра финансов, Покровский имел к ним прямое отношение, активно выступая за введение подоходного налога и готовя аналитическое обоснование соответствующего законопроекта, необходимого не только для пополнения доходной части бюджета, но и для создания социально-экономической основы дальнейших политических преобразований. Однако представители думской общественности выступили в роли могильщиков реформы. По словам Николая Николаевича, «в подоходном налоге более, чем в каком-либо другом вопросе, выяснилась слабая способность народного представительства стать на общегосударственную точку зрения» (с. 119).

Пятый, заключительный, раздел воспоминаний посвящён деятельности российского правительства в годы Первой мировой войны. Мемуарист внимательно отмечает многие детали глубокого кризиса власти – распад правительства на противоборствующие фракции, бессилие общественных деятелей, расцвет закулисных интриг. Персональную ответственность за катастрофическое положение в стране Покровский, не скупясь на нелестные эпитеты, возлагал на Б.В. Штюмера, А.Д. Протопопова и Г.Е. Распутина.

Публикуемые воспоминания Н.Н. Покровского предваряет вступительная статья С.В. Куликова «Учёный во власти. Н.Н. Покровский – государственный деятель и мемуарист». Завершают издание два очерка Д.Н. Шилова («Археографическое послесловие» и «От священника до министра: краткие заметки из семейной истории Покровских») и аннотированный именной указатель. Между тем научно-справочный аппарат издания заметно выиграл бы, если бы имел единое предисловие, включающее историографическую и археографическую части, а не только очерчивающее основные вехи жизни и деятельности мемуариста. По мнению Куликова, он «воплощал собой идеальный тип “учёного во власти”», представители которого в конце XIX – начале XX в. активно завоёвывали петербургские канцелярии» (с. 9). Однако

многочисленные отзывы о Покровском его современников едва ли могут заменить обстоятельный анализ ценности его записок для исследователей. Собственно история написания воспоминаний Покровского скрупулёзно изложена в «Археографическом послесловии». В нём также кратко характеризуется хранящаяся в РГАЛИ уникальная коллекция сочинений бывших царских сановников, созданных и сохранившихся благодаря инициативе Л.М. Клячко.

Обширные и содержательные комментарии (с. 220–416) разделены по главам, но составители почему-то объединили их с гораздо меньшими по объёму примечаниями к тексту, что несколько затрудняет чтение. В именном указателе не всегда удалось соблюсти единообразие. Так, у кого-то из переживших 1917 г. указываются обстоятельства смерти – «умер в эмиграции», «расстрелян большевиками» и т.п., у других (включая А.А. Поливанова, В.М. Пуришкевича, В.И. Тимирязева и др.) такие сведения отсутствуют. Сказано, что Д.С. Сипягин был убит, но убийство В.К. Плеве и П.А. Столыпина не оговаривается. Некоторые данные не совсем точны. Так, вел. кн. Михаил Александрович был прославлен Русской православной церковью за границу³, а не Русской православной церковью Московского патриархата.

Об отдельных знаковых фигурах, например, о И.Я. Гурлянде, ближайшем помощнике резко критикуемого Покровским Штюмера, вероятно, следовало рассказать в комментариях подробнее. Но в целом примечания дают обстоятельную оценку достоверности содержащихся в источнике сведений и существенно их дополняют, свидетельствуя об основательной исследовательской работе составителей.

Рецензируемая публикация – пример достойного издания важного исторического источника. Научное сообщество получило прекрасный материал для дальнейшего изучения переломного периода отечественной истории. В небольших по объёму воспоминаниях Н.Н. Покровский сумел показать масштаб политических процессов, приведших самодержавный строй к революционной развязке, ставшей национальной трагедией российского общества.

Примечания

¹ *Богданович А.В.* Три последних самодержца. М., 1990. С. 227.

² *Искра.* 1901. № 8. 10 сентября. С. 2.

³ *Кузьмин Ю.А.* Российская императорская фамилия (1797–1917). Библиографический справочник. СПб., 2011. С. 259.

* * *

Дмитрий Андреев

Dmitry Andreev
(*Lomonosov Moscow State University, Russia*)

Опубликованные С.В. Куликовым и Д.Н. Шиловым воспоминания Н.Н. Покровского – последнего министра иностранных дел самодержавной России, до назначения на этот пост прослужившего в разных государственных учреждениях и потому накопившего ценный чиновничий опыт и тонкое понимание того, как функционирует бюрократическая машина

империи, – информативный, но вместе с тем композиционно и содержательно неоднородный источник, представляющий собой, по сути, искусственное объединение пяти очерков. Во многом это было обусловлено спецификой написания мемуаров, о чём подробно говорится в «археографическом послесловии» Д.Н. Шилова (с. 417–424).

Прежде всего бросается в глаза проблемно-тематическая разнородность глав. Так, в четырёх из пяти глав говорится о государственных учреждениях, управлявших всей империей, и стоявших перед ними задачах, а в первой – о политике самодержавия в Литве, известной Покровскому не понаслышке, поскольку его семья имела наследственные земельные владения в Ковенской губернии.

Во второй главе Покровский вспоминает о работе в канцелярии Комитета министров в 1893–1899 гг. При этом он разделяет канцелярских сотрудников по роду их занятий и образованию на «белую кость» и «чёрную кость», особо отмечая, что чиновники «чёрной кости» – непосредственно занимавшиеся переписыванием и исправлением бумаг – не только знали себе цену и держались независимо в отношении канцелярского начальства, но и считали себя «настоящими хранителями традиций канцелярии» (с. 43). Среди служащих «белой кости», по свидетельству мемуариста, преобладали неформальные взаимоотношения, что во многом было связано с позицией управляющего делами Комитета министров А.Н. Куломзина, придерживавшегося «патриархального взгляда» на работу с подчинёнными (с. 44). Покровский подробно описывает, как под руководством Куломзина создавались журналы заседаний, в которых канцелярским чиновникам приходилось излагать не только действительно сказанное, но и то, что могло быть произнесено участниками при обсуждении того или иного вопроса «и притом в наиболее изящной форме» (с. 45–46).

Неформальный, доверительный стиль работы был присущ и председателю Комитета министров Н.Х. Бунге. «Мы гордились своим председателем», – вспоминал Покровский, передавая чувства чиновников канцелярии (с. 48). Вместе с тем Бунге являлся тогда исключительно влиятельной фигурой, после кончины Александра III министры будто бы обращались к нему «по всем важнейшим делам». Более того, как утверждает мемуарист, Николай II «постоянно совещался с Н.Х. Бунге, который имел у него одно время ежедневные утренние доклады» (с. 50). Правда, тут Покровский явно передаёт непроверенные слухи: никаких «ежедневных утренних докладов» молодому императору

у Бунге не было. Как следует из камерфурьерского журнала, в последние месяцы 1894 г. Бунге побывал на аудиенции у царя, вернувшегося в Петербург из Ливадии, лишь четыре раза¹.

Обер-прокурор Святейшего Синода К.П. Победоносцев запомнился Покровскому исключительной убедительностью выступлений на заседаниях Комитета министров (с. 51). Председатель Департамента государственной экономии Государственного совета Д.М. Сольский имел репутацию сведущего, но вместе с тем обладавшего лишь «чисто председательским талантом» – выслушивать других, переформулировать высказанные ими мысли и преподносить их уже как нечто новое и оригинальное (с. 54). О министре финансов С.Ю. Витте мемуарист пишет в восторженных тонах и гораздо больше, чем о других. При этом он обращает внимание на неровность натуры Витте, который мог охладевать как к людям, так и к делам, особенно когда начинал чувствовать угрозу собственным интересам. Ярким тому примером, по словам Покровского, стало резкое дистанцирование Витте от проекта земельной реформы, предложенного главноуправляющим землеустройством и земледелием Н.Н. Кутлером и признанного в верхах чрезмерно радикальным. Как констатировал мемуарист, в этой ситуации Витте предпочёл умыть руки, несмотря на то, что Кутлер был его многолетним и доверенным сотрудником ещё по Министерству финансов (с. 60).

Исключительно метки замечания Покровского о том, что собой представлял Комитет министров в последние годы своего существования. По его словам, этот правительственный институт, «созданный с целью объединения деятельности разных министерств», давно уже превратился в место, где министры предпочитали обсуждать свои ведомственные вопросы, «за которые не желали брать ответственности исключительно на себя». Подобную эволюцию автор связывал с «самым существом» самодержавной государственности, поскольку если бы Комитет министров действительно стал объединённым кабинетом – по образцу западных правительств, – то в условиях России это означало бы его превращение в «коллективный

визират». А если бы во главе его оказалось «лицо особенно сильное и влиятельное», такой «визират» легко трансформировался бы в режим личной власти «великого визиря восточных деспотий». Однако при самодержавном строе не могло быть «ни единоличного, ни коллективного визирата», а любой институт с потенциалом такого рода трансформации ограничивался «только совещательным характером в пределах своей компетенции», дабы ни в коем случае не заслонять собой монарха. Поэтому, поясняет Покровский, министр мог быть лишь «докладчиком по своему ведомству», и никто, кроме самодержца, не обладал ни правом, ни возможностью объединять работу всех ведомств. Такого объединения не хотели ни министры, предпочитавшие по любым «интимным вопросам» докладывать непосредственно императору, ни царь, подозрительно относившийся к сужению собственной власти (с. 62–63).

Свои впечатления от службы в Государственной канцелярии Покровский изложил в третьей главе. Чуть больше года (с начала 1903 г. и до начала 1904 г.) он занимал должность статс-секретаря сперва по Департаменту промышленности, наук и торговли, а затем – по Департаменту государственной экономики Государственного совета. Как и в предыдущей главе, мемуарист характеризует особенности внутренней организации и делопроизводства, даёт оценку наиболее видным сановникам, определяет место высшего законосовещательного органа в самодержавной системе управления. Чиновников Государственной канцелярии он разделяет на те же две группы – «белая кость» и «чёрная кость» – с примерно таким же распределением обязанностей. А вот делопроизводства двух высших учреждений существенно отличались: журналы Государственного совета должны были служить главным источником толкования законов администрацией, а потому их формулировки оставались безличны, в крайнем случае – с указанием позиций и поимённых списков большинства и меньшинства. Служившие в Государственной канцелярии, по словам Покровского, гордились этим, противопоставляя свои «мемории» «поверхностному

будто бы изложению журналов Комитета министров» (с. 78–79).

Любопытно, что, по воспоминаниям Покровского, при обсуждении в Государственном совете (до его реформирования в 1906 г.) законопроекты, предполагавшие фундаментальные изменения, касавшиеся, например, положения рабочих или налоговой политики, поддерживали, как правило, более старые члены, имевшие часто репутацию консерваторов, и критиковали более молодые, чьи позиции в общественном мнении считались скорее прогрессивными. Покровский объясняет это «привычкой» опытных сановников «поддерживать правительство в лице вносившего проект министра», особенно когда речь шла о тех или иных принципиальных вопросах, которые не могли предварительно не согласовываться с императором. Напротив, недавно назначенные члены не торопились усматривать за той или иной инициативой Высочайшую волю и к тому же воспринимали себя иногда «не только советниками верховной власти, но и представителями определённых интересов». «Таким именно порядком создавалась в Совете правая оппозиционная партия, – утверждал Покровский, – хотя левой, в сущности, не было, если не называть так само правительство и прочих членов Совета». Общественное же мнение, на которое обычно ссылались члены этой «партии», на практике представляло собой «интересы отдельных и, главным образом, имущих классов» (с. 82–85).

Четвёртая глава воспоминаний отчасти напоминает первую, поскольку посвящена пусть и важному, но всё же частному сюжету – истории реформирования налоговой системы империи в последнее десятилетие её существования. В этой проблематике мемуарист разбирался в совершенстве, так как последовательно занимал должности директора Департамента окладных сборов Министерства финансов, товарища министра финансов, а затем – с некоторым перерывом – государственного контролёра. Но тем интереснее одно важное умолчание. В комментариях С.В. Куликов указывает, что в начале 1916 г. Николай II настаивал на скорейшем введении подоходного налога (с. 295). Естественно, Покровский, назначенный

в конце января 1916 г. государственным контролёром, не мог не знать об этой чёткой и недвусмысленной позиции царя, но в воспоминаниях о ней не говорится ни слова. Между тем без поддержки монарха подходящий налог вряд ли вообще был бы введён. Однако мемуарист пишет о бурном обсуждении законопроекта в Государственном совете и в Думе и лишь бегло упоминает о том, что он был одобрен императором спустя 11 лет после начала его разработки (с. 118).

Пятая глава, в которой рассматривается деятельность Совета министров в годы Первой мировой войны, безусловно, заслуживает особого внимания, причём не только своим содержанием, но и той последовательностью, с которой автор комментариев старается поправить встречающиеся в тексте источника тенденциозные и предвзятые оценки.

О необъективности Покровского Куликов предупреждает читателей ещё во вступительной статье, отмечая, что Николай Николаевич «настроен не так пристрастно по отношению к своим единомышленникам» – «прогрессивной группе» министров (П.Н. Игнатьеву, А.Н. Наумову, А.А. Поливанову), как к остальным – П.Л. Барку, М.А. Беляеву, А.А. Бобринскому, А.Д. Протопопову, В.Н. Шаховскому, Б.В. Штюрмеру (с. 24). В комментариях же историк систематически полемизирует с мемуаристом. Так, более чем сдержанной оценке Штюрмера, о котором Покровский, по его признанию, «слышал не много хорошего» (с. 131), Куликов противопоставляет суждения других современников, свидетельствующих об авторитете Бориса Владимировича в 1890-е – начале 1900-х гг. среди либеральных дворян и земских деятелей, о его административном профессионализме, замеченном и оцененном начальством. По мнению Куликова, «странным должно показаться не то, что в январе 1916 г. Николай II назначил премьером именно его, а то, что царь не назначал его премьером так долго» (с. 305–306).

Слова Покровского о том, что Штюрмер «не умел» «ни говорить, ни писать» (с. 140), комментатор предлагает соотнести с той политической программой «правой бюрократии», которую будущий премьер, в бытность свою ещё директором Департамента общих

дел МВД, выдвинул в печати в 1909 г. (с. 315–316). Если мемуарист безапелляционно заявляет, что после назначения Штюрмера главой правительства «антиобщественный курс» власти «даже усилился» и не было оснований говорить «ни о каком примирении» (с. 144), то комментатор настаивает на обратном: «В начале 1916 г. отношение Б.В. Штюрмера к Земскому и Городскому союзам и военно-промышленным комитетам, как и к Прогрессивному блоку в законодательных учреждениях, было отмечено печатью готовности к сотрудничеству с ними на базе Основных законов 1906 г.». В подтверждение своих слов он приводит данные об «усиленном финансовом покровительстве» премьера общественным организациям, несмотря на нарастание их оппозиционности (с. 323).

Впрочем, не все аргументы Куликова достаточно убедительны. Так, он не приводит весомых доказательств того, что во главе МВД Протопопов «не отказался от осуществления тех положений программы Прогрессивного блока, сторонником которых являлся, будучи в оппозиции, делая исключение только для главного пункта этой программы – немедленного введения парламентаризма если не де-юре (“ответственное министерство”), то де-факто (“министерство доверия”))» (с. 350). Между тем нет оснований считать Протопопова сторонником программы Прогрессивного блока – пусть и в урезанном виде – ни до его назначения в МВД, ни тем более после. Кроме того, не совсем корректно причислять его к оппозиции лишь по признаку партийной принадлежности, особенно если учесть, что в октябристской среде в ту пору оппозиционность и лоялизм вполне уживались друг с другом. Да и реализация лозунга «министерства доверия» отнюдь не считалась тогда «введением парламентаризма... де-факто», а частые перестановки в правительстве объяснялись не только стремлением угодить Думе, но и поиском эффективных министров. Поэтому неправомерно вслед за комментатором различать эти лозунги. В цитируемом же им самим показании, данном в Чрезвычайной следственной комиссии телохранителем Протопопова, говорилось, что глава МВД опасался именно «ответственного министерства», формирование которого «кон-

чится революцией» (с. 350). Подобная настроенность в отношении Думы вполне могла сочетаться у Протопопова с публичными заявлениями о готовности сотрудничать с ней (например, на частном совещании у М.В. Родзянко 19 октября 1916 г.) (с. 165, 351).

Но, вероятно, резче всего Покровский и Куликов расходятся в оценке Николая II. Последний министр иностранных дел царского правительства не был оригинален, полагая, что император, несмотря на «способности», «трудолюбие» и «живой ум», «страдал слабостью характера», даже «бесхарактерностью, благодаря которой подпал влияниям, от которых никак не мог освободиться», — он «был человек домашних добродетелей», «но уж вовсе не государственный ум» (с. 189). Опровергая мемуариста, комментатор ссылается на высказывания современников, отмечавших сложность и даже загадочность личности Николая II. Но ведь, строго говоря, одно не исключает другого. Куликов исходит из того, что Николай II придерживался «консервативного либерализма» и «имел собственный реформаторский проект, основанный на завещании Н.Х. Бунге и последовательно воплощавшийся вплоть до Февральской революции» в режиме «фабианской стратегии» — эволюционно и постепенно, без скачков². Однако представления Николая II о том, как должно царствовать самодержцу, сформировались пре-

имущественно под влиянием авторитета его отца, чей опыт воспринимался как эталон, которому следует безоговорочно подражать. Исключительно этим он и руководствовался на протяжении всего своего правления. Поэтому все те либеральные преобразования, на которые шёл последний император, имели сугубо вынужденный, навязанный обстоятельствами характер, что, впрочем, не мешало ему в отдельных случаях гибко лавировать в новой для него политической реальности, но опять-таки с единственной целью — защитить и сохранить в первозданном виде вверенное ему отцом самодержавие.

И всё же, как бы то ни было, нередко спорные комментарии С.В. Куликова никоим образом не умаляют значения проделанной им и Д.Н. Шиловым гигантской археографической и источниковедческой работы, в результате которой ценный мемуарный источник стал доступным широкому кругу исследователей.

Примечания

¹ См.: *Андреев Д.А.* Император Николай II в первые месяцы царствования: внешние влияния и самостоятельные решения // *Российская история.* 2011. № 4. С. 123.

² *Куликов С.В.* Император Николай II как реформатор: к постановке проблемы // *Российская история.* 2009. № 4. С. 56.

* * *

Андрей Мамонов

Andrey Mamonov

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

Сравнительно краткий очерк Н.Н. Покровского «Несколько слов о русской политике в Литве», открывающий публикацию его воспоминаний в издании, подготовленном Д.Н. Шиловым и С.В. Куликовым, на первый взгляд производит странное впечатление, особенно на фоне его увлекательных

рассказов о деятельности высших государственных учреждений, их канцелярий, руководителей, последнего императора. Как всё это связано с политикой самодержавия в Северо-Западном крае в 1860–1880-е гг., к которой сам мемуарист к тому же не имел прямого отношения? Может показаться

даже, что этот текст, написанный, вероятно, весной 1919 г. (с. 420), отражает прежде всего подготовку его автора к последовавшей вскоре эмиграции в Литву. Но это лишь отчасти так. Во всяком случае, данная «глава», занимающая всего 14 страниц (с. 29–42), многое говорит о Покровском.

Размышляя «о русской политике в Литве», Покровский обращался к впечатлениям детства и юности, когда он (не имевший собственного родового гнезда) «неоднократно бывал по летам в имении сестры моей бабушки». Дед Николая Николаевича, участвовавший в подавлении мятежа 1830–1831 гг., женился затем «на дочери местного помещика, отставного полковника польских войск» (с. 29). Однако о собственных наблюдениях и переживаниях мемуарист почти ничего не сообщает, предпочитая живо пересказывать услышанное от польских родственников. Родившись в 1865 г., он драматично описывает, как в 1863 г. в поместье его двоюродной бабушки «приходили то повстанцы, то казаки». При этом казацкие допросы могли «погубить или пустить по миру», а потому вселяли ужас, тогда как к повстанцам, которые «грозили виселицею», отношение было совершенно иным: «Нельзя было отказать в пище и одежде этим несчастным» (с. 29–30).

По сравнению с остальными воспоминаниями Покровского, эта часть бедна деталями, бытовыми зарисовками, личными характеристиками (исключение составляет, пожалуй, лишь описание усадьбы гр. Тотлебенов в Кейданах и визитов Столыпинных к соседям). По сути, это даже не совсем мемуары, а скорее острый, крайне эмоциональный памфлет в мемуарной форме. Вот только посвящён он предмету, к 1919 г. давно уже утратившему злободневность. Покровский резко обличает попытки насаждения русского землевладения и запрещение полякам приобретать земельную собственность в Западном крае, сохранявшееся до 1905 г. (с. 30–32), жалуется на притеснение «в самом исповедании католической религии» (сводившееся, впрочем, по его же свидетельству, к ограничению проповедей на польском языке, богослужений и процессий вне костёлов и разъездов ксёндзов без разре-

шения полиции – т.е. именно того, что активно использовалось для разжигания мятежа в начале 1860-х гг.), а также на «изгнание» польской речи «из всех общественных и частных учреждений» (с. 33). Характерно, что в политике 1860-х гг. Покровского раздражало не столько даже обрусение или расползчивание края, сколько отчетливо проступавшие в ней имперские, наднациональные черты. «Ослепление борьбою с польским землевладением, – сетовал он, – доходило до того, что все преимущества, предоставленные русским и православным, были в равной мере распространены на немцев и лютеран» (с. 31). Видимо, после войны 1914–1918 гг. это казалось проявлением недалёковидности, граничащей с государственной изменой. Реалии же 1860–1870-х гг. к тому времени уже заметно подзабылись.

Характерно, что последний министр иностранных дел Николая II, не раз демонстрировавший в своих записках способность к критическому анализу прошлого, с полным, почти наивным доверием и без каких-либо сомнений воспроизводил настроения и представления, впитанные в конце XIX в. среди польских родственников. Более того, они парадоксальным образом вытесняют в мемуарах следы семейных преданий собственно Покровских. Между тем прадед Николая Николаевича, сын православного священника из Новой Ладogi, служил при М.М. Сперанском и гр. В.П. Кочубее, дед и отец успешно делали военную и гражданскую карьеру, по матери его прадедом был государственный секретарь В.Р. Марченко, дедом – жандармский генерал-майор А.Н. Кушинников. Всё это можно узнать из статьи Д.Н. Шилова «От священника до министра: краткие заметки из семейной истории Покровских» (с. 425–432), но отнюдь не из самих воспоминаний, читая которые, можно подумать, будто они написаны польским помещиком, а не потомственным русским чиновником из поповичей.

Русское чиновничество Западного края Покровский описывает самыми мрачными красками. За редкими исключениями (к числу которых отнесён и П.А. Столыпин), «общая масса держала себя враждебно, в роли завоевателей». И если «наиболее

культурными были, как и везде, представители судебного ведомства, которые пользовались и наибольшим уважением», «чины Министерства финансов также держали себя довольно нейтрально», то «представители учреждений, прикосновенных к крестьянскому делу – мировые посредники, земские начальники, чины ведомства землеустройства – выступали воинствующими борцами с местными польскими помещиками» и чуть ли не разжигали «классовую вражду», защищая крестьян от «притязаний» и «влияния» шляхты (с. 36–37). Полиция, «при совершенно ничтожном содержании и дороговизне», повсеместно не только брала, но и вымогала взятки, а «казённые врачи» наживались на предоставлении «льгот по воинской повинности» (с. 37–38).

Покровский не заботился о том, чтобы как-то сбалансировать созданный им страстно односторонний и крайне упрощённый и обобщённый образ чиновников Западного края¹, хотя и предвидел упреки: «Я боюсь, что взгляды, высказанные мною по поводу русской политики в Литве, дадут повод назвать меня полякующим. Будут, конечно, говорить, что по своим родственным отношениям с местными поляками я не мог иначе смотреть на вещи, как через призму польских симпатий и антипатий. Не стану оправдываться и возражать, что мною руководили исключительно мотивы справедливости и политической целесообразности в русских, а не в польских интересах» (с. 42). Мемуарист был уверен, что ход истории вполне оправдал его позицию. Но любопытно, что он использовал выражение «полякующий», в начале XX в. звучавшее уже архаично и широко употреблявшееся именно в 1860–1880-е гг.

Убеждённость Покровского в том, что «наша политика в Западном крае после мятежа 1863 г. была в своей основе не только несправедлива, но и нецелесообразна, а потому и результаты её оказались отрицательными», свидетельствовала о том, что для либерального министра Николая II оказались глубоко чужды не только муравьёвские, но и милютинские традиции. Между тем пережитое в юности сильное воздействие польской помещичьей среды, враждебно воспринимавшей и русскую государственность, и её представителей, не проходило бесследно для начинающего чиновника конца XIX – начала XX в. Оно разрывало и преемственность с деятелями Великих реформ, и характерную для середины XIX в. связь между либеральными преобразованиями и укреплением самодержавной империи. Отсутствие же этой связи придавало правительственному либерализму отчётливо антигосударственный, «освободительный», оттенок, а добровольное ослабление, если не капитуляция, власти перед «общественностью» становились делом времени. Не случайно действия «прогрессивных» сановников накануне и во время Первой мировой войны оказались для монархии столь разрушительными. И как тут не вспомнить о польских корнях и привязанностях наиболее видного из них – А.В. Кривошеина.

Примечание

¹ О данном явлении подробнее см.: *Комзолова А.А.* «Положение хуже севастопольского»: русский интеллигентный чиновник в Северо-Западном крае в 1860-е гг. // *Россия и Балтия*. Вып. 3. М., 2004. С. 117–141. См. также: *Комзолова А.А.* Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ. М., 2005.

Андрей Ганин

Рец. на: Совет министров Российского правительства: журналы заседаний (18 ноября 1918 – 3 января 1920 г.). Сборник документов. Новосибирск: издательство СО РАН, 2016. Т. 1. 748 с.; Т. 2. 734 с.*

Andrey Ganin

(Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow)

Rec. ad op.: Sovet ministrov Rossiyskogo pravitel'stva: zhurnaly zasedaniy (18 noyabrya 1918 – 3 yanvarya 1920 g.). Sbornik documentov. Vol. 1–2. Novosibirsk, 2016

Фундаментальный двухтомный сборник документов «Совет министров Российского правительства...», подготовленный ведущим сектором Института истории Сибирского отделения РАН, профессором Новосибирского государственного университета В.И. Шишкиным, является логическим завершением начатого им около 12 лет назад цикла изданий документации антибольшевистских правительств и органов власти Сибири¹.

Публикация таких источников – чрезвычайно сложная задача, поскольку отражает актуальное направление разработки проблематики антибольшевистского государственного строительства 1917–1922 гг. Речь идёт о введении в научный оборот массива документов и материалов, которые существенно обогащают наши знания по истории Гражданской войны.

В рецензируемом сборнике представлена документация существовавшего при Верховном правителе адмирале А.В. Колчаке Российского правительства за весь период его деятельности (формально правительство составляли Верховный правитель и Совет министров). Составитель обнаружил эти материалы (все журналы заседаний Совета министров) в Государственном архиве Российской Федерации. Следует подчеркнуть, что Шишкин ставил задачей максимально возможное выявление подлинных журналов заседаний, для чего осуществил сплошной просмотр документов фонда Совета министров и выборочный – фондов всех министерств. В итоге были найдены подлинники 270 документов из 303, вошедших в сборник.

Комплексная публикация всего массива протокольной документации выполнена впервые. Значительную часть труда составили комментарии составителя, в которых дана подробная информация о работе Совета министров и многих событиях Гражданской войны на востоке России, а также биографии упоминаемых в архивных материалах государственных, политических и военных деятелей.

Заседания Совета министров проходили в двух форматах: с участием министров, управляющих министерствами и ведомствами («большой» Совет министров), либо товарищей и помощников министров, начальников департаментов («малый»). Сухие строки протокольных записей порой позволяют представить чёткую картину изложенных в них событий. Показателен уже первый документ сборника – журнал утреннего заседания Совета министров Временного Всероссийского правительства, датированный 18 ноября 1918 г., т.е. днём колчаковского переворота. Из военных деятелей на нём присутствовали военный и морской министр вице-адмирал А.В. Колчак и его помощники генерал-майоры В.И. Сурин и Б.И. Хорошхин. Кроме того, председателем Совета министров П.В. Вологодским были приглашены начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал-лейтенант С.Н. Розанов и временно командующий Сибирской армией генерал-майор А.Ф. Матковский.

После доклада Вологодского о событиях в Омске, произошедших ночью и выразившихся в аресте ряда членов правительства,

* Материал подготовлен при поддержке РФФИ, проект № 17-81-01022 а(ц).

постановили провести расследование. Следующий пункт гласил: считать Временное Всероссийское правительство прекратившим свою деятельность. Власть переходила к Совету министров. Далее она передавалась Верховному правителю. Его избрали закрытым голосованием, в ходе которого 13 человек выбрали Колчака, один – генерала В.Г. Болдырева. Затем Верховный правитель по представлению Вологодского был произведён в адмиралы.

Разумеется, краткая протокольная запись мало что скажет без сопоставления с другими источниками. Но даже на её основе можно сделать вывод: 18 ноября заседание прошло по заранее подготовленному сценарию, а назначенное над заговорщиками следствие не могло не являться простой формальностью. Тем более что на заседании присутствовал Колчак, стоявший за переворотчиками. Беспристрастный протокол даёт возможность проверить крайне противоречивые и путанные мемуарные свидетельства, в частности позволяет усомниться в достоверности подробного рассказа об этом заседании, приведённого в воспоминаниях участника переворота выпускника ускоренных курсов Военной академии капитана И.А. Бафталовского². В других источниках его версия не подтверждается³, а в исследовании Шишкина называется далёкой от действительности⁴.

«У меня создалось впечатление, – отметил Вологодский в дневнике, – что весь этот офицерский переворот произошёл с ведома, а, может быть, и под руководством некоторых членов Совета министров»⁵. По мнению И.Ф. Плотникова, в план переворота был посвящён и сам председатель Совета министров⁶, но другие исследователи полагают, что достоверных свидетельств тому нет⁷. Обращает на себя внимание присутствие на заседании двух посторонних лиц – генералов Розанова и Матковского, которые, пожалуй, единственные из высокопоставленных омских военных деятелей не имели отношения к перевороту. Более того, генерал Матковский расценивался переворотчиками как недоговороспособный и даже вероятный противник. И он, действительно, несмотря на перерыв связи, попытался воспрепятствовать реализации замыслов заговорщиков

и приказал частям II Степного Сибирского корпуса подавить начавшееся в гарнизоне выступление.

Насколько можно судить, в аналогичном положении обманутого оказался и генерал Розанов⁸. Впрочем, он, по мнению Вологодского, что-то скрывал и якобы знал больше, чем утверждал⁹. Присутствие на заседании Матковского и Розанова не было случайностью. Вполне возможно, что их туда пригласили именно с той целью, чтобы в условиях переворота не допустить раскола генералитета. Как бы то ни было, опубликованный в сборнике протокол – наиболее достоверный и беспристрастный источник в сравнении с другими материалами, связанными с первым заседанием обновлённого правительства. Очевидно и то, что за каждой строкой вошедших в издание документов стоят подробности, позволяющие исследователям полнее анализировать события истории Белой Сибири.

Подтверждением основательности подхода составителя сборника является следующий факт: к первому протоколу, занимающему лишь четыре с половиной страницы текста, составитель сделал 31 подробнейший комментарий на двадцать с половиной страниц. Всего же в двух томах (117 условно печатных листов) опубликованы 303 документа и свыше 450 подробных комментариев к ним. Сборник подготовлен на высоком археографическом уровне.

К сожалению, отсутствие именного и предметного указателей затрудняет работу с изданием. Другим недостатком двухтомника стал небольшой тираж (300 экземпляров), что сразу сделало его библиографической редкостью, доступной в основном только в крупных библиотеках.

Публикация всего комплекса ключевых документов Российского правительства позволяет переосмыслить представления о характере и особенностях работы Совета министров, его взаимодействии с Верховным правителем адмиралом Колчаком, о персональном составе правительства и деятельности министров, об основных внутри- и внешнеполитических принципах, которыми руководствовало это белое правительство.

Как справедливо отметил В.И. Шишкин, издание даёт возможность составить объективное представление о роли и месте Российского правительства в лагере контрреволюции, а также об истории Гражданской войны в целом.

Примечания

¹ Западно-Сибирский комиссариат Временного Сибирского правительства (26 мая – 30 июня 1918 г.). Сборник документов и материалов / Сост. В.И. Шишкин. Новосибирск, 2005; Временное Сибирское правительство (26 мая – 3 ноября 1918 г.). Сборник документов и материалов / Сост. В.И. Шишкин. Новосибирск, 2007; Временное Всероссийское правительство (23 сентября – 18 ноября 1918 г.). Сборник документов и материалов / Сост. В.И. Шишкин. Новосибирск, 2010; Сибирский предпарламент. Частные совещания членов Временной Сибирской областной думы (июнь–август 1918 г.). Сборник документов и материалов / Сост. В.И. Шишкин. Новосибирск, 2013.

² ГА РФ, ф. Р-5881, оп. 2, д.242. Подробнее о роли академии в приходе к власти адмирала А.В. Колчака см.: *Ганин А.В.* Закат Николаевской военной академии 1914–1922. М., 2014. С. 267–268; *Ганин А.В.* Тайная пружина омского переворота (о роли Военной академии в приходе к власти адмирала А.В. Колчака) // Труды научно-

исследовательского отдела Института военной истории. Т. 12. СПб., 2017. Один из важнейших документов по данному вопросу – письмо полковника А.Д. Сыромятникова министру финансов И.А. Михайлову от 14 апреля 1919 г. – был опубликован В.И. Шишкиным: *Шишкин В.И.* К истории колчаковского переворота // Известия Сибирского отделения АН СССР. 1989. Сер.: История, филология и философия. Вып. 1. С. 59–63.

³ *Гинс Г.К.* Сибирь, союзники и Колчак 1918–1920 гг. (Впечатления и мысли члена омского правительства). Т. 1. Пекин, 1921. С. 306–309.

⁴ *Шишкин В.И.* Адмирал А.В. Колчак: на пути к военной диктатуре (19 сентября – 18 ноября 1918 г.) // Голоса Сибири. Литературный альманах. Вып. 6. Кемерово, 2008. С. 816.

⁵ A Chronicle of the Civil war in Siberia and Exile in China. The Diaries of Petr Vasil'evich Vologodskii, 1918–1925. Vol. 1. Stanford, 2002. P. 185.

⁶ *Плотников И.Ф.* Александр Васильевич Колчак: исследователь, адмирал, Верховный правитель России. М., 2002. С. 117.

⁷ П.В. Вологодский и его дневник // *Вологодский П.В.* Во власти и в изгнании: Дневник премьер-министра антибольшевистских правительств и эмигранта в Китае (1918–1925 гг.) / Сост. Д.Г. Вульф, Н.С. Ларьков, С.М. Ляндрес. Рязань, 2006. С. 32.

⁸ Скитания русского офицера: Дневник Иосифа Ильина. 1914–1920. М., 2016. С. 346–347.

⁹ A Chronicle of the Civil war... P. 184.

Олег Ратушняк

Рец. на: Е.Н. Наземцева. На дипломатическом уровне: проблемы правового статуса русских эмигрантов в Китае в советско-китайских отношениях (1920–1940-е гг.). СПб.: Алетейя, 2016. 446 с., ил.

Oleg Ratushnyak
(Kuban State University, Krasnodar, Russia)

Rec. ad op.: E.N. Nazemtseva. Na diplomaticheskom urovne: problemy pravovogo statusa russkih emigrantov v Kitae v sovetsko-kitayskih otnosheniyah (1920–1940-e gg.). Saint Petersburg, 2016

Е.Н. Наземцева рассмотрела правовой статус русских эмигрантов в Китае в 1920–1940-е гг. в контексте обстановки, сложившейся в тот период на Дальнем Востоке, сделав акцент на развитии советско-китайских отношений. Несмотря на то, что российские

и зарубежные исследователи уже обращались к этой теме¹, многие вопросы остались нерешёнными, поскольку она находится на перекрёстке нескольких отраслей гуманитарного знания – истории, международного права и международных отношений.

Несомненным достоинством труда является использование автором широкого круга источников, в том числе недоступных ранее документов, хранящихся в Архиве внешней политики Российской Федерации, Центральном архиве Федеральной службы безопасности России и личных архивах эмигрантов.

В качестве основной цели исследования заявлен анализ влияния названной проблемы на развитие международных отношений на Дальнем Востоке и в Центральной Азии. Для этого автор детально изучила специфику правового положения русской эмиграции в основных центрах Китая – Маньчжурии, Шанхае, Тяньцзине и Синьцзяне, сосредоточив внимание на деятельности бывших российских дипломатов, а также политике советского и китайского правительств в отношении русской диаспоры.

Специфика статуса русских эмигрантов в Китае в период становления советско-китайских отношений (1917–1924) показана в первой главе. Поскольку в условиях гражданской войны в Китае практически не действовали нормы международного права, отмечает автор, находившиеся здесь российские эмигранты не могли рассчитывать на помощь мирового сообщества (с. 122). Наземцева верно указывает на то, что проблемы российской эмиграции решались преимущественно в контексте геополитических целей и внешнеполитических задач государств региона.

Во второй главе представлены эволюция правового статуса русских эмигрантов в Китае во второй половине 1920-х гг. и изменения в советско-китайских связях, определявшиеся такими ключевыми событиями, как установление дипломатических отношений (1924) и конфликт на КВЖД (1929). Автор подчёркивает, что первый из этих фактов поставил «русских эмигрантов перед сложным выбором: получение советского гражданства или китайского подданства» (с. 214). На их выбор во многом влияли экономические факторы и характер складывавшихся между Китаем и СССР отношений. В свою очередь, ухудшение последних обусловило оказанное русским эмигрантам покровительство китайского правительства.

Здесь же автор впервые в историографии подробно осветила вопрос, связанный с правовой преемственностью имущества бывшей Российской империи в советско-китайских отношениях (с. 152–189).

Третья глава содержит анализ правового положения русской эмиграции в условиях изменения в регионе в 1930–1949 гг. внешнеполитической ситуации и углубления внутривосточного кризиса в Китае. Политические и экономические уступки в 1930-х гг. со стороны нашей страны, а также её нейтралитет по отношению к военному конфликту между Китаем и Японией, по мнению автора, ухудшили положение русских эмигрантов, включая тех, кто принял советское гражданство.

Подробно Наземцева описала непростую жизнь русских эмигрантов в Синьцзяне, акцентировав нестабильность межэтнических отношений и усиление позиций СССР в этом автономном китайском районе (с. 268).

Проблемы правового положения русских эмигрантов в Китае в годы Второй мировой войны представлены автором в контексте советско-китайских и советско-японских отношений. Кроме того, отмечены различия правового статуса бывших соотечественников в Маньчжурии, Шанхае и Тяньцзине. Исследуя международно-правовые и дипломатические вопросы, связанные с возвращением из Китая на родину в 1945–1949 гг. русского населения, Наземцева приходит к выводу: послевоенные разногласия между бывшими союзниками по проблеме репатриации и нечёткость правовых норм, с одной стороны, способствовали, росту конфронтации между государствами, с другой – привели к тяжёлым гуманитарным последствиям (с. 314).

В «Заключении» автор резюмирует: «нестабильность правового положения русской эмиграции в Китае в 1920–1940-е гг. определялась не только юридическими факторами, но и международными отношениями, прежде всего, на Дальнем Востоке и в Центральной Азии, а также фактическим отсутствием здесь международного регулирования положения эмигрантов» (с. 320).

Следует отметить, что при написании монографии автор успешно сочетала различные научные методы, включая те, которые используются при анализе проблем международного права. Особое внимание она уделила вопросу, связанному с восприятием русской эмиграцией своего фактического беспорядка (с. 208–215).

К значимым итогам исследования относятся периодизация, отражающая изменения, происходившие в правовом положении русских эмигрантов в Китае (1917–1924, 1924–1929, 1929–1931, 1931–1945, 1945–1949 гг.), и выявление специфики их правового статуса в различных центрах сосредоточения в этой стране. Достоинством монографии являются также представленные документы и фотографии, позволяющие дополнить и проиллюстрировать анализируемый автором материал.

Труд Е.Н. Наземцевой, безусловно, внесёт важный вклад в историографию российской эмиграции 1920–1940-х гг. Однако данная тема требует дальнейшего исследования. В качестве пожелания на будущее хотелось бы порекомендовать автору подробнее осветить такие вопросы, как роль бывших консулов Российской империи и организаций русских эмигрантов в защите прав русской диаспоры в Китае,

а также отойти от географической изолированности изучаемых проблем.

Необходимо расширить источниковую базу, исследовав материалы Государственного архива Хабаровского края (ф. Р-829 «Союз казаков на Дальнем Востоке», ф. Р-830 «Главное бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурии», ф. Р-1127 «Отделение Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурии», ф. Р-1128 «Харбинский комитет помощи беженцам»), архива библиотеки Гувэровского института войны, революции и мира при Стэнфордском университете (ф. М.Д. Врангель, ф. Г.М. Семёнов) и Музея русской культуры в Сан-Франциско (ф. Г.К. Гинс, ф. И.К. Окулич и др.).

Примечание

¹ Бармин В.А. Синьцзян в советско-китайских отношениях 1941–1949 гг. Барнаул, 1999; Ван Чжичэн. История русской эмиграции в Шанхае. М., 2008; Кротова М.В. СССР и российская эмиграция в Маньчжурии (1920–1930-е гг.). СПб., 2014; Мелихов Г.В. Российская эмиграция в международных отношениях на Дальнем Востоке. 1925–1932. М., 2007; Моисеев В.А. Синьцзян в советско-китайских отношениях (1917–1987). Алма-Ата, 1988; У Нань Линь. Русская диаспора в Китае 20-х – 30-х гг. XX в. М., 2001; и др.

Ольга Новохатко

Забава как серьёзная вещь, или Зачем царю Алексею Михайловичу понадобился театр*

Olga Novokhatko

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

Amusement as a serious matter, of What use Tsar Alexey Mikhailovich made of his theater

Главное впечатление, остающееся от прочтения этой книги – она интригует. Книга как бы распадается на две части – не материальные, а виртуальные, интеллектуальные. Первая часть – это научное исследование,

проведённое на непревзойдённом уровне, тонкое, позитивистское и дотошное (в лучшем, научном смысле этих слов), обогатившее историческую науку множеством интересных открытий. А вторая – попытка

* Дженсен К., Майер И. Придворный театр в России XVII века. М.: Индрик, 2016. 199 с.

оценить причинно-следственные связи появления придворного театра в России XVII в.

Казалось бы, за почти 200-летнюю историю изучения начала русского придворного театра о нём сказано практически всё. И принципиальные перемены в картину этого исторического явления авторы работы не вносят. Однако обнаруженные ими новые архивные документы, сопоставление их с уже давно известными публикациями и недавно вышедшими работами дали удивительный результат: как будто в старинную мозаичную картину, не очень хорошо сохранившуюся, но дающую некое представление об изображении, были добавлены новые кусочки смальты, сделавшие образ более полным, чётким, красочным, понятным и связавшим её в единый рисунок. Скрупулёзный лингвистический анализ, источниковедческое сопоставление разноязычных источников позволили К. Дженсен и И. Майер установить множество важных деталей исследуемого события – предысторию, точную датировку первого русского придворного спектакля, количество и состав участников представления (вплоть до имён и рода занятий самодеятельных актёров), их роли в постановке. Столь же квалифицированное расследование дало возможность авторам, хотя и без прямых доказательств, но на основании многих косвенных данных атрибутировать автора анонимных сообщений о первом придворном спектакле 1672 г. – Кристофера Коха, от которого информация о событии распространилась по Европе.

Мне кажется интересным и заслуживающим внимания факт, который К. Дженсен и И. Майер установили относительно термина «балет», неоднократно применявшегося к театральным постановкам при царском дворе и столь же неоднократно смущавшего исследователей и читателей. Очевидно, что в XVII в. такое «смелое» предпринятие вряд ли могло иметь место при московском дворе, учитывая отношение к нему не только церкви, но и общества в целом, даже при возможном живейшем интересе к «балету» монарха. Авторы, как они сами пишут, «подводят черту под многолетними спекуляциями, что некий балет об Орфее каким-либо образом соотносим с современным представлением о балете как виде танцевального искусства» (с. 154). Это не только успокаивает современного читателя, подозревающего, что балет в современном смысле просто дошёл бы до обморока царя и всех его приближённых, но и, говоря уже серьёзно, даёт возможность уточнить терминологию и ранее опубликованных, и вновь найденных документов, а также помогает полнее

представить характер, состав и эволюцию пьес той эпохи, разумеется, не только в России, но и в Европе.

Словно отдельный сыщицкий роман читается сюжет о поиске эмиссаром русского царя фон Штаденом актёров за рубежом – какая труппа и почему именно она должна была прибыть на гастроли в Москву, какую роль сыграла в этом, хотя и не состоявшемся, предприятии энергичная и самостоятельная Анна Элизабет Паульсен. К. Дженсен и И. Майер блестяще разобрались с путаницей имён и псевдонимов, небезосновательно предположив, что фон Штаден пригласил в Москву именно труппу Паульсена–Фельгена.

Особого уважения и искреннего восхищения заслуживает подход исследователей к передаче текстов обнаруженных ими архивных документов (в Приложении). К публикации этих источников К. Дженсен и И. Майер отнеслись с почтением, бережностью и полным пониманием того, что максимально возможное для широкого издания сохранение особенностей оригинала не только даёт возможность уловить аромат эпохи, но и может в значительной степени влиять на смысл текста (что и было не раз доказано в ходе работы). Родственное мне отношение к публикации источников XVII в. я почувствовала, прочитав в предуведомлении к Приложению: «Слова и буквы в угловых скобках являются нашими предполагаемыми предложениями по реконструкции утраченного текста, пропавшего из-за порчи оригинальных документов – соответственно контексту и нашей интуиции» (с. 163). Последние слова живо перекликаются с высказанным академиком С.М. Каштановым пониманием сути публикации древних текстов: «Издание источников – это не поточное производство, а искусство, требующее высокой квалификации, труда, нравственности и стремления к виртуозности»¹. И, конечно, необходимо произнести слова благодарности авторам и всем участникам издания, приложившим усилия для публикации его на русском языке – тем самым проявлены уважение к российским коллегам, заинтересованность в совместной работе.

Есть и некоторые замечания к изложенным исследователями позициям. Представляется, К. Дженсен и И. Майер (очевидно, вслед за авторами XVII в.) несколько преувеличивают скуку государя, которую А.С. Матвееву приходилось развеивать, устраивая иноземные представления. Развлечения Алексея Михайловича и его двора были разными: и не слишком утончёнными – травля медведей и других зверей, охота, фейерверки и т.п., и вполне высокодуховными – например,

слушание музыки, пусть и не светской европейской, участие в литургических драмах или просмотр их, прослушивание декламаций. Кроме того, трудно не принять во внимание, что Алексей Михайлович был весьма добросовестен, даже дотошен в исполнении государственных обязанностей, не оставлявших ему много времени для досуга (только что закончилась крестьянская война, началась война с Турцией из-за Малороссии); у него было немало увлечений — от организации армии и соколиной охоты, чтения книг и переведённых ему европейских газет до астрологии и астрономии. Нельзя забывать и о недавней женитьбе Алексея Михайловича на юной Н.К. Нарышкиной. Думается, энергия, с которой А.С. Матвеев организовывал театральные представления для царя, объяснялась не только врождённой любознательностью последнего и томительной рутинностью его бытия, но и тем, что А.С. Матвеев, как многие фавориты, старался привязать к себе государя, предоставляя ему всё новые развлечения. Поэтому трудно согласиться с тем, что в жизни Алексея Михайловича «ничего особенного не происходило», а потому «любое мало-мальски развлекательное зрелище казалось желанной возможностью развеять скуку» (с. 139). Тем более что, по оценке и современников, и исследователей, первые постановки весьма далеки от «любого мало-мальски развлекательного зрелища» — это «было событие из ряда вон выходящее» (с. 139).

Несколько неясным выглядит положение об областях, на которые первые театральные представления 1672 г. оказали влияние, в частности, там, где речь идёт о визуальном восприятии. О том, что визуальный ряд производит большое воздействие на эмоциональное, психологическое, ментальное состояние человека, говорить не приходится — это прописная истина. В качестве доказательства влияния первого театрального представления на русских зрителей авторы книги почему-то выбрали метод противопоставления двух зрелищ — аудиенции, данной в 1663/64 г. царём английскому послу Чарльзу Говарду, и театральных постановок 1672 г. «Аудиенция... была обставлена столь блистательно, что, по позднему признанию самих дипломатов, привела их в “смятение своей пышностью и великолепием”, а сам царь, перед которым они предстали, “был подобен сияющему солнцу»» (с. 153). Как бы беря реванш за потягивание представителей высокой европейской культуры, К. Дженсен и И. Майер пишут далее: «Тем не менее, и в февральском и в майском представлениях оказалось множество визуальных новинок для царственных зрителей: это и костюмы, в

особенности главных действующих лиц, и появление горы, “замечательно сотворённой из ветвей”, и сопровождавшие действие световые эффекты, и даже самый вид — а не только звучание — западных музыкальных инструментов» (с. 153). Очевидно, чтобы ещё больше убедить читателя в том, что европейцы оказались сильнее диких русских в произведении друг на друга визуальных эффектов, исследователи добавляют: «Визуальное впечатление было, скорее всего, тем сильнее, что — в случае февральской программы — само по себе представление было совершенно неожиданным, ошеломляюще новым и диковинным» (с. 154). Какое смысловое значение содержалось в визуальном «соревновании двух культур», авторы оставили без объяснения.

Особенно любопытными и поучительными видятся исследования и соображения авторов относительно исполнительских традиций европейского театра и их влияния на пьесы придворного театра в России конца XVII в. Авторы отмечают: «То обстоятельство, что первые постановки 1672 г. не были забыты и оказали влияние на рождение русского театра, связано прежде всего с комической фигурой Пикельхерринга» (с. 128). Позволю себе длинную цитату из книги, которая лучше всего раскрывает этот актёрский образ: «Пикельхерринг, персонаж английской комедии, оказался на континенте лишь в самом конце XVI в. и на протяжении следующего столетия превратился в неотъемлемого героя немецкого и голландского народного (площадного) театра. Он прочно ассоциировался с комедией — гротескно шутовской, балаганной, допускающей буффонаду, паясничанье и филлярство, сопровождаемой музыкой и танцами. В этом, в сущности, и состояла главнейшая причина того восторженного приёма, который этот персонаж сразу снискал в Европе, где простонародный зритель, конечно, не был способен вникнуть в содержание пьесы, разыгранной на иностранном (то есть на английском) языке, однако наслаждался физической раскованностью, гримасами, проделками и бесчинствами этого шута и безобразника» (с. 128—129).

К. Дженсен и И. Майер ненавязчиво подчёркивают, что грубоватого Пикельхерринга полюбило именно европейское простонародье, в отличие от образованных и, тем более, аристократических слоёв Германии и Нидерландов, и что русский царь и его семья как-то уподобляются именно европейскому плебсу, не знающему языков: «Его Царскому Величеству и уже упомянутым женщинам так понравилось показанное, что они несколько раз сотрясались от хохота, в особенности сам Царь», — цитируют авторы донесение иностранного

агента (с. 61). Думается, однако, что знание иностранных языков немецким и нидерландским обществом всё же преувеличено, а любовь людей всех сословий к незамысловатой, «солёной» (особенно в XVII в.) шутке, возможно, преуменьшено.

Но главное не в этом. По существу, клоунада в самом широком её выражении была единственным не имеющим альтернатив путём внести немецкий театр на русскую почву, как перед этим английский театр – на датскую, немецкую и нидерландскую, итальянский – на французскую и испанскую². Собственно, это подтверждают и сами авторы книги, повествуя о победном шествии английского «площадного» театра по Европе, при том, что тогда уже были известны пьесы Шекспира, Лопе де Вега, ещё ранее Ариосто, Аретино и др.

Язык тела, смех – универсальный межкультурный язык. Это те немногие вещи, могущие объединить разные культуры, даже при всех их экстраординарных различиях. Что характерно: чем грубее, примитивнее шутки – тем они понятнее и приемлемее для публики, как своей, так и иностранной (ещё раз замечу, что речь всё же идёт о XVII в.). Этот язык простого юмора, клоунады без труда преодолевал и социальные перегородки. Во дворцах жили теми же страстями, что и в хижинах, а потому и смеялись над теми же простыми чувствами и явлениями – обжорством, чванством, хитростью, глупостью, скарденностью, хвастовством и т.п.

Кроме того, указанное явление накладывалось на тот факт, что в каждой стране существовали сходные виды культуры, уже подготовившие зрителей к восприятию вещей чужеродных, но по сути близких. Для России XVII в. это были скоморохи, также являвшиеся носителями синтетических форм народного искусства – пения, декламации, игры на музыкальных инструментах, плясок, выступлений в масках, акробатики и т.п. Как известно, скоморохи развлекали отнюдь не только простонародье, их услугами пользовались и бояре, и царский двор³.

В то же время России не были чужды и высокодуховные представления – выросшие из литургических служебных чинов духовные драмы, или мистерии (употребляя западноевропейскую терминологию), например, Шествие на осляти, Пешное действо⁴. Нельзя забывать и о русской духовной музыке, интерес к которой распространялся гораздо дальше царского двора. Так, для рядового служилого человека по отечеству было обычным делом заказать у тогдашнего специалиста-«композитора» церковную службу для собственного удовольствия, для исполнения только в своём

вотчинном или домашнем храме. Например, стольник А.И. Безобразов в 1685 г. заказал для церкви в Боровском уезде литургическое богослужение – обедню, а именно, строчную, т.е. в манере древнего русского церковного многоголосия, имевшего мелодическую природу и составлявшегося из голосов-распевов, или, как говорили в XVII в., строк, причём «композитор» был крепостным другого служилого человека: «А Вольнскова человек Дмит[рий] Иванов, который хотел обедни страшные писать, – отчитывался перед А.И. Безобразовым его московский приказчик, – и хотел две обедни принести страшные новарешные, а другие хотел две обедни написать вскоре»⁵.

При исполнении строчного пения несколько голосов начинали в унисон, затем расходились, переплетались, снова сходились, главная строка-партия «опевалась» другими голосами, при этом слоги текста служили опорой для соединения мелодий-распевов. Такой ритм, подчиняющийся только тексту, имел ни с чем не сравнимую пластику, живое дыхание, непредсказуемую многогранность оттенков, тончайшую изменчивость, в противоположность сковывающей свободу исполнения догме нотного текста. Строчное многоголосие предназначалось для небольшого ансамбля чрезвычайно искусных певчих, было камерным, в отличие от приходящих ему на смену знаменного и партегного гармонического нотного пения, которое могло исполняться и большим хором. Новоречными же с середины XVII в. стали называть русские богослужебные певческие книги в противоположность старым, истинноречным или праворечным, где над буквами Ъ и Ь были проставлены музыкальные знаки, и раздельноречным, хомовым, по которым неполногласные Ъ и Ь, а также Й переводились в полногласные. Надо отметить, что строчное пение, одухотворённое, сложное по структуре, свободное, очень мелодичное и «многоцветное» по сочетанию голосов, вплоть до конца XVII в. хорошо знали и любили люди всех сословий, а мастеров, его создававших, высоко ценили⁶.

Разные обстоятельства (гонение церкви на скоморошество, идущее ещё с византийских времён, постепенное угасание литургических мистерий, где одним из главных действующих лиц обязан был быть государь) к середине XVII в. постепенно сузили для русского человека круг зрелищ. А ведь театр – особое искусство, которое по многокомпонентности воздействия – речь, визуальный ряд, музыка, мимика, жесты, прямой контакт актёра со зрителем, их живое человеческое общение, обращение к самым глубоким и важным явлениям человеческой жизни, отклик на них –

не может быть заменено никаким другим видом искусства (и в данном случае речь идёт не только о XVII в.). В результате указанные обстоятельства поставили русскую культуру во второй половине XVII столетия перед необходимостью обрести, помимо имеющихся видов искусств, театральное действо, которое явилось бы компромиссом для всех заинтересованных в нём сторон, удовлетворило бы противодействующие силы. Таким компромиссом мог бы стать европейский театр, прошедший «цензуру» царского двора и, как это часто бывало, распространившийся бы потом на все слои населения. Собственно, к таким попыткам приступил ещё отец Алексея Михайловича, царь Михаил Фёдорович в 1620–1630-е гг., а потом и в начале 1640-х гг.⁷ В феврале 1672 г. попытку наконец осуществил Алексей Михайлович. Для «внедрения» выбрали вполне благонравные сюжеты с перемежающимися их (полностью в духе европейский театров) весёлыми сценками (интерсцениумами).

Здесь для меня и появляется интрига. В России на театральные новшества царя отреагировали довольно вяло, за исключением старообрядцев и некоторых активных приверженцев старины. В народе, как московском, так и всероссийском, широкого возмущения, волнений, выступлений, как, видимо, и жадного интереса, придворные театральные постановки не вызвали. Что же касается Европы, то реакция оказалась несопоставимой по интенсивности с самым явлением и, что интересно, в течение 200 лет сохраняется в историографии, вплоть до последнего времени.

В книге о Московии, законченной после января 1676 г., Я. Раутенфельс⁸ описывает реакцию московского царя на театральное представление как отклик любого человека, увидевшего новое, яркое и красивое представление, хотя при этом в описании сквозит некоторая нотка превосходства взрослого над детьми, иноземца, находящегося, уже по самому факту принадлежности к этой категории людей, выше любого русского: «Русские восприняли его (спектакль. — *О.Н.*) как необыкновенное и высоко художественное, ибо всё побуждало в них восторг; и невиданные прежде одеяния, и непривычный для них вид театральной сцены, и даже сама удивительная идея, что это нечто иноземное, и к тому же, звуки музыки, никогда ещё ими не слыханной» (с. 24). В таких выражениях автор снисходительно признаёт за русскими способность всё же увидеть в представленном действе нечто высокохудожественное и, главное, с немалым удивлением сам вынужден отметить «удивительную идею», что русские с инте-

ресом и симпатией воспринимают «нечто иноземное».

В марте 1672 г. в гамбургской газете «Nordischer Mercurius» появилась большая статья, озаглавленная «Из Москвы, от 23 февраля» с материалами, как отмечают К. Дженсен и И. Майер, считавшимися в ту эпоху интересными для европейских жителей. Наравне с рассказом о пребывании в Москве и о взаимоотношениях с русским правительством польских дипломатов в заметке подробно описан поставленный «шестнадцатого числа сего месяца» спектакль для царя, его семьи и свиты (с. 34). В конце материала вновь звучит знакомая интонация: «Музыка была исполнена на двух виолах и одной виоле да гама в сопровождении двух певческих голосов, причём всё это, как можно было заметить, сильно позабыло женскую часть зрителей. Сообщаем это здесь, чтобы показать, что всё, что у нас у немцев совершенно привычно, в этих местах является новинкой» (с. 37). Авторы книги не преминули одобрительно отметить характерное завершение заметки: «Таким образом, в завершении статьи констатируется, какой диковинкой для москвитов была уже вошедшая в европейскую обыденность музыка и какое, несмотря на новизну, эстетическое наслаждение она доставила царскому двору» (с. 37). Но ещё более важное заключение делают исследователи далее: «Поскольку театральные представления обычно не попадали на страницы газет, сообщение о спектакле для русского царя выглядит уникально: видимо, эта новость заслуживала отражения в печати и в глазах московского корреспондента, и с точки зрения редактора» (с. 38).

9 апреля 1672 г. известная голландская газета «Oprechte Haerlemse Courant» также опубликовала сообщение о спектакле для русского царя; эти известия, как и в «Nordischer Mercurius» помещены в один ряд с новостями о польском посольстве и о смерти русского патриарха (с. 39). Затем, 12 апреля, о том же было напечатано в выходившей на французском языке газете в Амстердаме (такие издания предназначались для пересылки в Южные Нидерланды и во Францию) (с. 41–42), что ещё раз, по мнению К. Дженсен и И. Майер, совершенно обоснованному, свидетельствует о том, что московское театральное событие заслуживало, с точки зрения издателей, широкой публикации.

Наконец, спектаклю в Москве уделили большое внимание работавшие в России иностранные дипломаты. Несколько «московских писем» шведский корреспондент направил, как тогда было принято, сначала губернатору Ингерманландии в Нарве, а от него — другим

адресатам, в том числе шведскому королю (с. 43). 13 и 27 февраля 1672 г. из Москвы в Швецию отправили послания, содержащие сведения о спектакле в Москве. Во втором из них, между сообщениями о смерти патриарха и взаимоотношениях с польскими посланниками, в ходе подробного описания театральное действия, отмечено: «Удивляются, что Его Царское Величество в окружении всего своего семейства смотрели подобно, потому что прежде ничего похожего смотреть никогда не дозволялось. Его царское величество и женская половина царского семейства не раз смеялись, притом во всеуслышание, в особенности в ответ на проделки и ужимки Пикельхерринга» (с. 45). Наиболее подробное описание спектакля в Москве содержалось в сообщении шведскому правительству под заголовком «Выдержка из донесения из Москвы», написанной 16 февраля 1672 г. Помимо сведений о патриархе и польских дипломатах, это донесение содержит и другую информацию политического свойства — слух о готовящейся якобы казни брата Степана Разина, Фрола (с. 67).

Автором анонимных сообщений шведскому двору, о чём уже упоминалось, был Кристофер Кох — регулярный «корреспондент», информатор шведских властей, что позволяло последним всегда быть в курсе событий в Москве (с. 102). Другими словами, это был шведский шпион, о чём прямо и сообщает в своём исследовании американский историк Хайнц Эллерсик, чью работу (в собственном переводе с английского) цитируют авторы книги: «Впоследствии он стал регулярным “корреспондентом” для шведских дипломатов и для генерал-губернаторов шведской Ингерманландии — или, как это воспринимали в России, “шпионом”» (с. 102).

Во всех видах сообщений, от газет до тайных донесений дипломатов (возможно, ставших основанием для публикаций в газетах), обращает на себя внимание один факт: сведения о театральном представлении у царя приравниваются к информации о политических событиях, ставятся с ними в один ряд. При этом специальные агенты в малейших подробностях сообщали своим правительствам о произошедшем событии — над чем и как сильно смеялись царь или царица, какая музыка и на каких инструментах сыграна, какие были декорации и т.п.

Авторы книги ставят вопрос, с их точки зрения, ранее в историографии не сформулированный и «ключевой для настоящего исследования: существовала ли конкретная причина, пробудившая у Алексея Михайловича столь сильный интерес к театру»? И в следующем абзаце утверждают: «Скажем сразу: да,

такая причина существовала» (с. 14), однако, по прочтении книги, чёткого ответа на этот вопрос читатель всё же не находит — может быть, потому, что авторы ищут какой-то особый, глубокий смысл, а объяснение лежит на поверхности. Просто в России XVII в. легко брали и с Запада, и с Востока то, что нравилось, что было необходимо, любопытно, пробовали, отвергали, возвращались, перерабатывали. В этом отношении любопытно обращение того же Алексея Михайловича к диаметрально противоположному (в географическом отношении) источнику заимствований. В царском наказе послу М.Ю. Касимову, отправленному в 1675 г. в Индию, к Аурангзебу I, отмечалось: «А буде обыщутца в Бндейском государстве самые художные мастера каменных мостов и иных изрядных дел, и ему тех мастеров приговаривать в службу великого государя на время. И есть ли бы об них шах поволит, и их к Москве вывезть с собою. Так ж проводить, есть ли в Индее семена огородные или звери небольшие и птицы, от которые в Российском государстве чаять быти плоду, и того, по тому ж купя, вывезть сколько мочно»⁹.

Страна была открыта, но самодостаточна. Очевидно, это удивляло иностранных наблюдателей и удивляет до сих пор. Ведь не зря в Заключении К. Дженсен и И. Майер делают явно для себя непредвиденное, осторожное открытие: «Таким образом, возможно, что эта театральная интерлюдия, постановки которой берут отсчёт в 1672 г. и прекращаются с внезапной смертью царя в 1676 г., позволила высветить неожиданные качества культуры Московского государства в поздний период его существования: желание адаптироваться к обстоятельствам, экспериментировать, проявлять гибкость» (с. 158). Как будто авторам не известно, что в течение всего XVII в. русское правительство было предельно гибким и адаптивным — использовало иностранный опыт для решения самых разных задач. В страну приглашались специалисты в области военного дела, врачи, архитекторы, живописцы, ремесленники, металлурги и мастера других отраслей ремесла и искусства. В большинстве случаев условием их работы в России была передача мастерства русским ученикам.

Разумеется, не обходилось без противников таких заимствований, сторонников самоизоляции России, но это неотъемлемая часть истории страны, и по историческим, и по человеческим меркам не так давно пережившей Смуту, когда государство вместе с национальной самоидентификацией стояли на грани исчезновения. Однако сторонники самоизоляции в её крайних формах всё же оставались в

меньшинстве — в русскую жизнь на разных уровнях и в разных областях (от быта до областей высокой культуры) естественно проникали иноземные новшества. Как в других странах и в другие эпохи, в России брали то, что было нужно для русской жизни, в нужном объёме и в нужном темпе, успевая «прилаживать» к себе и не затрагивая при этом основ своего бытия. И, главное, Россия, как и европейские страны Раннего Нового времени, двигалась в сторону светского мировосприятия.

Поэтому, с моей точки зрения, гораздо интереснее вопрос: почему в общем-то не бог весть какое событие вызвало столь острый интерес в Европе? Ну, подумаешь, состоялся европейский спектакль — при этом с весьма давней историей подготовки — в Москве. Да мало ли было европейских заимствований за все века русской истории и, тем более, в XVII в. — христианство вместе с византийской иконописью и греческой философией, итальянский Кремль и его соборы, Покровский храм на Красной площади, войска нового строя с царствования Михаила Фёдоровича, европейский художественный стиль парсун, книжных иллюстраций Богдана Салтанова (армянина из Персии, приглашённого Алексеем Михайловичем), гравюр и иконописи Симона Ушакова, регулярные сады в Измайлове, партесная музыка, большим любителем которой был Алексей Михайлович — ничего удивительного, что следом пришла и светская европейская музыка.

Что же заставило европейских современников считать первый западный спектакль в Москве событием политического свойства и уделить ему такое большое внимание? Безусловно, для европейца было небезынтересно узнать, что в варварской России начали пробовать «европейские лакомства», что и далёким северным дикарям свойственно что-то человеческое. Это прежде всего льстило тщеславию европейца. «Но для чего и для кого бы эти донесения ни были предназначены, — честно пишут К. Дженсен и И. Майер, — они способствовали укреплению у читателей ощущения превосходства западных театральных традиций на фоне изумительно отсталых в этом отношении русских. Раутенфельс, например, подчёркивал, сколь невысоки запросы первых зрителей театральных представлений в России — ведь на них невероятное впечатление производили сами новинки, которые им довелось увидеть» (с. 161). Как упомянуто выше, эту же точку зрения поддержала газета «Nordischer Mercurius» (с. 161).

Авторам исследования потребовалась немалая смелость, чтобы признаться в европоцентризме (в наилучшем его воплощении),

принять на себя образ «белого человека в пробковом племе», снисходительно и свысока бросающего куски еды со своего стола бедным варварам. Ведь даже в лексике К. Дженсен и И. Майер прорывается это несколько ажиотажное ожидание воздействия европейского театра на всю историю России: «Сам же факт ведения подобных переговоров (о приглашении профессиональных актёрских трупп в Россию. — *О.Н.*) приоткрывает на мгновение захватывающую перспективу возможного перенесения в полном объёме западной театральной модели в Московию XVII века. Но этой первой ласточке не суждено было влететь в Москву; лишь “прорубленное” Петром окно в Европу создало возможности для успешного “импорта” аналогичной театральной труппы» (с. 126). Если честно, я не представляю, в чём заключается столь захватывающая увлекательность перспективы перенести в «Московию» модель европейского театра в полном объёме. Что бы это изменило так сразу (или не сразу) в жизни страны? И какой объём имеет в виду — полностью укомплектованная группа или насаждение в каждом городе по театру?

Однако, очевидно, что для европейских политиков (например, для шведского короля, которому отправлялись донесения) удовлетворения низкого тщеславия европейца над варваром было всё же мало. Может статься, что в известиях об увлечении русского царя театром европейцы хотели увидеть знак, что к огромной, тяжкой на подъём России как будто удалось подобрать хоть какой-нибудь ключик для воздействия, кроме военного.

Возможно, разгадка кроется в словах, написанных анонимным шведским «информатором» (повторим их ещё раз): «Удивляются, что Его Царское Величество в окружении всего своего семейства смотрели подобное, потому что прежде ничего похожего смотреть никогда не позволялось» (с. 45). Можно предположить, что такое нетипичное поведение царя и его семейства (пребывание государя на сомнительном с религиозной точки зрения действии, присутствие на нём женщин, не очень стремившихся скрыть себя, очевидный «европейский», «латинский» характер представления) выглядело в глазах европейца как яркий маркёр в перемене ориентации России на европейские ценности. Уже не раз упоминалось, что донесения о первых московских театральных действиях стоят в одном ряду с информацией о польских дипломатах, т.е. оба явления рассматриваются как внешнеполитические, сопряжённые в отношениях России и Европы. В любом случае, если профессиональный «информатор» столь подробно описывал в

донесениях посещение царским семейством спектакля и его реакцию на него, он был уверен в значимости этой информации для своего правительства – сомнительно, чтобы задачей адресанта было просто позабыть своего короля. К. Дженсен и И. Майер подтверждают эти соображения: «Почти изо всех документов, использованных в данной работе, проистекает вывод, что представления, устроенные в первой половине 1672 г., были для Московии событиями исключительными, необычайными. Их влияние на существовавшую культурную среду и даже самый контекст этих событий, по-видимому, весьма занимал мысли составителей (авторов) этих документов» (с. 160).

Я далеко не привержена теории заговоров, но ведь и авторы книги указывают на тесную дружбу профессионального «разведчика» Кристофера Коха и ближайшего к царю человека, начальника Посольского приказа – А.С. Матвеева. Авторы книги цитируют американского историка Хайнца Эллерсика, писавшего о неприятностях ещё одного, датского, разведчика в Москве: «Отчасти из-за Коха Габель жаловался в письме от ноября 1676 года, что шведы «являются в канцелярию (т.е. в Посольский приказ. – *О.Н.*) как к себе домой, как будто они – местные жители» (с. 103). Далее авторы книги приводят донесение К. Коха генерал-губернатору Нарвы (а тем самым также, косвенно, и шведскому правительству), «что в прошлую субботу А.С. Матвеев пригласил его (К. Коха. – *О.Н.*) к себе отобедать, а на следующий день они опять встретились – «на комедии», т.е. Кох был на одном из представлений спектакля «Артаксерксово действо» в октябре 1672 г. «В письме также содержатся политические детали, имевшие отношение к их беседе во время трапезы» (с. 103–104). В подстрочном примечании авторы указывают также, что «это не единственное донесение, в котором этот московский корреспондент извещал о том, что его пригласил к себе Матвеев» (с. 104, прим. 121). Широко известно западничество А.С. Матвеева, и нет ничего удивительного и сенсационного в том, что агенты европейских государств пытались использовать его для влияния на русского монарха, употребляя любые подходящие способы, вплоть до личного участия купца-разведчика К. Коха в придворном спектакле, организованном тем же А.С. Матвеевым (с. 107). Любопытно в этом отношении витиеватое, но малопонятное и так и не разъяснённое далее высказывание авторов книги: «И всё же, несмотря на их снисходительную реакцию на эти мероприятия, дипломатические источники и пресса свидетельствуют об активизации в Московском государстве непривычной, но желательной

культурной энергии» (с. 161). Убедена в профессионализме переводчиков, поэтому вопрос остаётся авторам: «желательной» для чего и для кого?

Таким образом, европоцентризм – и культурологический, и политико-прагматический, выступает главным мотивом для столь интенсивного интереса европейцев к первому придворному театру в Москве как в XVII в., так и в последующее время.

Выводы работы одновременно и ожидаемые, и новаторские.

Утверждение, что немецкий театр сильно повлиял на русский придворный театр XVII в. – абсолютно верно и доказательств не требовало. Детали, отдельные факты, приведённые в качестве подтверждения этого положения – новы, искусно проассоциированы с фактами немецкого театрального мира XVII в. и тем самым демонстрируют множество разнообразных многонациональных источников европейского театра, оплодотворившего нарождающийся русский театр. В то же время внимание К. Дженсен и И. Майер к реакции русского зрителя на представленные ему спектакли позволили, как справедливо отметили сами авторы, «более точно представить эволюцию московского придворного театра и движущие силы его начального развития» (с. 149). Небесполезным оказалось для исследователей посмотреть на события и с другой точки зрения – «с позиций западного восприятия этого явления». Это положение предоставило возможность заглянуть во «внутренний мир» европейского театра XVII в., как его зрителя, так и исполнителя (с. 158).

Наиболее же значительным в проделанной работе представляется то, что К. Дженсен и И. Майер, проанализировав и заново осмыслив множество известных и вновь введённых в научный оборот источников, пришли к очень редкому и мудрому выводу: «самое важное состояло в том, что пьесы, разыгранные во вновь созданном придворном театре, отнюдь не представляли собой механическое сцепление уже апробированных на Западе сценических развлечений, предложенных вниманию пассивно им внимающей зрительской аудитории. Напротив, открытые нами новые данные о содержании представлений в первой половине 1672 г. свидетельствуют как раз о том, что в этом процессе вообще не было ничего пассивного: всё наиболее популярное сразу усваивалось и выходило на передний план, а полубившимся персонажам отводилась всё более заметная роль» (с. 149). Готовность знаменитой труппы Паульсена–Фельтена отправиться на гастроли в Россию, по мнению авторов, «показывает, что эти актёры ясно считали

Московию потенциально многообещающей аудиторией», а расцвет театрального искусства в России к середине XVIII в., «как мы теперь понимаем, вовсе не был насильственным разрывом с консервативным прошлым русской традиции, но оказался частью медленно развивающегося, непрерывного процесса» (с. 159). В этих выводах, применённых к истории первого придворного русского театра, прекрасно сформулирована позиция России XVII в. по отношению к восприятию западной культуры, западного влияния вообще и в то же время сделана попытка преодоления европоцентризма, мешающего понять не только других, но и себя. А это так актуально.

Примечания

¹ *Капитанов С.М.* Актовая археография. М., 1998. С. 299.

² См., например: *Дживилегов А.К.* Итальянская народная комедия. М., 1954; *Duchartre P.-L.*,

Weaver R.T. The Italian Comedy: The Improvisation, Scenarios, Lives, Attributes. Dover Publications, 1966.

³ *Топычканов А.В., Шамин С.М.* Перформативная культура российского двора XVII в.: литургические действия, выступления скоморохов и артистов, театр // *Российская история.* 2016. № 6. С. 99–100.

⁴ Там же. С. 98–99.

⁵ Архив стольника Андрея Ильича Безобразова / Подг. С.И. Котков, А.А. Новосельский, О.В. Новохатко. Т. I. М., 2012. С. 324.

⁶ См., например: *Трисвятое* / Авт.-сост. Ю.К. Евдокимова, А.В. Конотоп, Н.М. Кореньков. М., 1997.

⁷ *Топычканов А.В., Шамин С.М.* Указ. соч. С. 101–103.

⁸ Авторы специально оговаривают, что используют «исторически правильное написание его фамилии – за исключением тех случаев», когда ссылаются на издания его книги XVII в. и переиздания (с. 21).

⁹ Русско-индийские отношения в XVII в. М., 1958. С. 19.

Наши авторы

Агеева Ольга Гениевна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН

Андреев Дмитрий Александрович, кандидат исторических наук, доцент исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Барсенков Александр Сергеевич, доктор исторических наук, профессор факультета мировой политики Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Белокуров Евгений Владимирович, аспирант Института истории Санкт-Петербургского государственного университета

Воробьев Александр Владимирович, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института российской истории РАН

Ганин Андрей Владиславович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН

Гузакова Мария Вячеславовна, ассистент кафедры всеобщей истории и социально-экономических дисциплин Вологодского государственного университета

Зорин Артём Викторович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник кафедры всеобщей истории и политических наук Вятского государственного университета (г. Киров)

Колчинский Эдуард Израилевич, доктор философских наук, профессор, заведующий сектором истории эволюционной теории и экологии Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН

Кучкин Владимир Андреевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН

Лисейцев Дмитрий Владимирович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН и Центра источниковедения Школы исторических наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Мамонов Андрей Валентинович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН, заместитель главного редактора журнала «Российская история»

Марней Людмила Петровна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН

Минаков Андрей Сергеевич, доктор исторических наук, директор Орловского областного краеведческого музея

Новиков Михаил Васильевич, доктор исторических наук, профессор, проректор Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского

Новохатко Ольга Владимировна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН

Носов Борис Владимирович, доктор исторических наук, заведующий отделом истории славянских народов Центральной Европы в Новое время Института славяноведения РАН

Ратушняк Олег Валерьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений Кубанского государственного университета (Краснодар)

Рибер Альфред Джозеф (Alfred Joseph Rieber), профессор истории Центрально-европейского университета (Будапешт, Венгрия) (Central European University, Budapest, Hungary), профессор-эмеритус Пенсильванского университета (Филадельфия, США) (University of Pennsylvania, Philadelphia, USA)

Сидорова Любовь Алексеевна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН

Филитов Алексей Митрофанович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, профессор Российского государственного гуманитарного университета

Христофоров Василий Степанович, член-корреспондент РАН, доктор юридических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН, профессор Российского государственного гуманитарного университета

Шалимов Сергей Викторович, кандидат исторических наук, заместитель директора Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН

СОДЕРЖАНИЕ

Институты и общности

- В.А. Кучкин*
Переяславль и Переяславское княжество в X – первой трети XIII в. 3
- Д.В. Лисейцев*
Экономическое состояние Московского государства в первые годы царствования Михаила Фёдоровича (по материалам приказа Владимирской четверти)... 17

Автор и документ

- М.В. Гузакова*
«Торговые обстоятельства» в переписке купцов Булдаковых..... 36

Сюжеты и эпизоды

- Е.В. Белокуров*
К истории столыпинской модернизации: реформа продовольственного дела (1909–1917 гг.) 47
- В.С. Христофоров*
«В целях изоляции Алихана Букейханова от казахского населения выслать его в Москву» (по материалам ЦА ФСБ России) 63
- Э.И. Колчинский, С.В. Шалимов*
«Оттепель» и генетика: из истории публикации первого отечественного учебника по генетике 75

Профессия и сообщество

- Л.А. Сидорова*
«Эффект Матфея» в советской исторической науке 1920–1930-х гг. 84
- А.М. Филитов*
История Первой мировой войны в современном международном дискурсе: традиционные дискуссии, новые темы, «белые пятна» 103
- М.В. Новиков*
Советская военная помощь Испанской республике в 1936–1939 гг. в интерпретации англо-американских историков 123

Факты и преломления

- А. Дж. Рибер*
Послевоенные цели Сталина 134
- А.В. Зорин*
США и советско-чехословацкий договор 1943 г. 151

А.С. Барсенков

Внешняя политика России в 1990-е гг.: адаптация к новым условиям..... 164

Обзоры и рецензии

<i>А.В. Воробьев</i> – Альтернативы, переломные пункты и смены режима в истории России. Материалы первой международной научной конференции молодых русистов будапештского Центра русистики	184
<i>О.Г. Агеева</i> – Романовы в дороге: Путешествия и поездки членов царской семьи по России и за границу: Сборник статей.....	190
<i>Л.П. Марней, Б.В. Носов</i> – С.Л. Чернов. Casus Владимира Печерина	193
<i>А.С. Минаков; Д.А. Андреев; А.В. Мамонов</i> – Н.Н. Покровский. Последний в Мариинском дворце: Воспоминания министра иностранных дел	196
<i>А.В. Ганин</i> – Совет министров Российского правительства: журналы заседаний (18 ноября 1918 – 3 января 1920 г.). Сборник документов. Т. 1–2.....	205
<i>О.В. Ратушняк</i> – Е.Н. Наземцева. На дипломатическом уровне: проблемы правового статуса русских эмигрантов в Китае в советско-китайских отношениях (1920–1940-е гг.).....	207
<i>О.В. Новохатко</i> – Забава как серьезная вещь, или Зачем царю Алексею Михайловичу понадобился театр	209
Наши авторы.....	218

CONTENTS

Institutes and communities

- V.A. Kuchkin (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)*
Pereiaslav' and the Principality of Pereiaslav' in the 10th – early 13th centuries 3
- D.V. Liseitsev (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, and National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia)*
Economic situation of the Muscovite State in the early years of the reign of Mikhail Fedorovich (based on materials of *Vladimirskaya Chet' Prikaz*) 17

Document and its author

- M.V. Guzakova (Vologda State University, Russia)*
«Trading circumstances» in the correspondence of merchants from the Buldakovs family 36

Scenarios and episodes

- E.V. Belokurov (Institute of History, Saint Petersburg State University, Russia)*
From the history of Stolypin's modernization: reform of the famine relief system (1909–1917) 47
- V.S. Khristoforov (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, and Russian State University for Humanities, Moscow)*
«In order to isolate Alikhan Bukeikhanov from Kazakh population, deportation to Moscow is ordered» (on the materials of Central FSB Archive) 63
- E.I. Kolchinsky, S.V. Shalimov (both – Saint Petersburg Branch of the Vavilov Institute for the History of Science and Technology, Russian Academy of Sciences)*
«The thaw and Genetics»: history of publishing the first Soviet textbook on Genetics 75

Professional community

- L.A. Sidorova (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)*
«The Matthew Effect» in Soviet historiography of the 1920s–1930s 84
- A.M. Filitov (Institute of World History, Russian Academy of Sciences, and Russian State University for Humanities, Moscow)*
History of the World War I in current academic and political discourse: traditional debates, new topics, and «blind spots» 103
- M.V. Novikov (K.D. Ushinsky Yaroslavl State Pedagogical University, Russia)*
Anglo-American researchers about Soviet military assistance to the Spanish Republic in 1936–1939 123

Facts and reflections

A.J. Rieber (Central European University, Budapest, Hungary, and University of Pennsylvania, Philadelphia, USA)

Stalin's post-war aims 134

A.V. Zorin (Vyatka State University, Kirov, Russia)

The USA and the Soviet-Czechoslovakia treaty of 1943..... 151

A.S. Barsenkov (Lomonosov Moscow State University, Russia)

Russia's foreign policy in the 1990s: adaptation to new conditions..... 164

Reviews

A.V. Vorobiev (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

Rec. ad op.: Al'ternativy, perelomnye punkty i smeny rezhima v istorii Rossii. Materialy pervoi mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii molodykh rusistov budapeshtskogo Tsentra rusistiki 184

O.G. Ageeva (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow) .....

Rec. ad op.: Romanovy v doroge: Puteshestviia i poezdki chlenov tsarskoy semyi po Rossii i za granitsu: sbornik statey 190

L.P. Marney, B.V. Nosov (both – Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow)

Rec. ad op.: S.L. Chernov. Casus Vladimira Pecherina 193

A.S. Minakov (Orel regional historical museum, Russia); D.A. Andreev (Lomonosov Moscow State University, Russia); A.V. Mamonov (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

Rec. ad op.: N.N. Pokrovskiy. Posledniy v Mariinskome dvortse. Vospominaniia ministra inostrannykh del..... 196

A.V. Ganin (Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow)

Rec. ad op.: Sovet ministrov Rossiyskogo pravitel'stva: zhurnaly zasedaniy (18 noyabrya 1918–3 yanvarya 1920 g.). Sbornik dokumentov. Vol. 1–2..... 205

O.V. Ratushnyak (Kuban State University, Krasnodar, Russia)

Rec. ad op.: E.N. Nazemtseva. Na diplomaticheskom urovne: problemy pravovogo statusa russkikh emigrantov v Kitae v sovetsko-kitayskikh otnosheniyah (1920–1940-e gg.) 207

O.V. Novokhatko (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

Amusement as a serious matter, of What use Tsar Alexey Mickhailowich made of his theater 209

Contributors to this issue..... 218

РЕДАКЦИЯ

Добычина Е.В., к.и.н.	—	Отдел Новейшей истории
Круглов В.Н., к.и.н.	—	Отдел Новой истории
Мамонов А.В., к.и.н.	—	Отдел Древней и Средневековой истории
Лисейцев Д.В., д.и.н.	—	Отдел историографии, источниковедения, методов исторического исследования
Христофоров И.А., д.и.н.	—	Заведующая редакцией
Мамонова Е.В.	—	Литературный редактор
Базанова О.В.	—	Младший редактор
Мац А.Г.	—	

Сдано в набор 05.04.2017 Подписано в печать 06.06.2017 Дата выхода в свет 20.07.2017 Формат 70 × 100¹/₁₆
Печать офсетная Усл.печ.л. 18,2 Усл.кр.-отт. 13,1 тыс. Уч.-изд.л. 25,2 Бум.л. 7,0
Тираж 713 экз. Зак. 1174 Цена свободная

Учредители: Российская академия наук, Институт российской истории РАН

Издатель: ФГУП «Издательство «Наука», 117997 Москва, Профсоюзная ул., 90
Адрес редакции: 117036 Москва В-36, ул. Дм. Ульянова, 19
Телефон 8-499-723-69-10